

Scan Kreyder - 09.01.2019 - STERLITAMAK

БИБЛИОТЕКА КЛАССИКИ

*

Русская литература

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
БИБЛИОТЕКИ КЛАССИКИ

АНДРЕЕВ Л. Г.
БЕРДНИКОВ Г. П.
ГОЦ Г. С.
ОЗЕРОВ В. М.
ПУЗИКОВ А. И.
СЕВРУК В. Н.
ШМАРИНОВ Д. А.

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1987

Н. А. НЕКРАСОВ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1987

ББК 84Р1
Н 48

Составление, вступительная статья
и примечания
Н. С к а т о в а

Иллюстрации художника
Д. Б о р о в с к о г о

Н $\frac{4702010100-134}{028 (01)-87}$ 31-87

© Составление, вступительная
статья, примечания, иллюст-
рации. Издательство «Художе-
ственная литература», 1987 г.

НАРОДНЫЙ ПОЭТ

«О, у нас есть много знатоков народа нашего между писателями,— сказал Достоевский в знаменитой своей речи о Пушкине,— и так талантливо, так метко и так любовно писавших о народе, а между тем, если сравнить их с Пушкиным, то, право же, до сих пор за одним, много что за двумя исключениями из самых позднейших последователей его, это лишь «господа», о народе пишущие»¹.

Если вспомнить, что писал Достоевский о Некрасове как подлинно народном, действительно «взаправду» сроднившимся с народом поэте в своем «Дневнике писателя», то будет ясно, что именно Некрасов был для Достоевского таким «исключением»: «...он неудержимо примыкал, в иных великих стихотворениях своих, к самой сути народной. В этом смысле это был народный поэт»².

В демократизации русской поэзии Некрасов действительно шел за Пушкиным и дальше Пушкина, став главой нового этапа в развитии русской поэзии.

«Но приближая ни на миг,— писал А. В. Луначарский,— ни великих алтарей Пушкина и Лермонтова, ни более скромных, но прекрасных памятников Алексея Толстого, Тютчева, Фета и других, мы все же говорим — нет в русской литературе, во всей литературе такого человека, перед которым с любовью и благоговением склонялись бы ниже, чем перед памятью Некрасова»³.

Существо поэзии Некрасова, расширяя, толкуя, комментируя, можно действительно определить одним словом — «демократизм». Сколько определений давалось этой поэзии на протяжении ста с лишком лет! Некрасов — крестьянский писатель, говорили одни, поэт Петербурга — утверждали другие, автор разночинцев — писали третьи, певец революционной демократии.

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 26, Л., Наука, 1984, с. 144.

² Там же, с. 119.

³ Луначарский А. В. Собр. соч. в 8-ми т., т. 1, М., Гослитиздат, 1963, с. 219.

Если эти определения и верны, то только все вместе. Ибо Некрасов и правда народный поэт, и в этом смысле поэт национальный, и не только потому, что он говорил о народе, но потому, что им говорил народ. Отсюда все его особенности: герои, темы, образы, ритмы. Народный поэт. И нет в великой русской литературе писателя, которого бы эти слова определяли столь точно и всеобъемлюще.

Путь Некрасова и в жизни и в поэзии был нелегким. Его «университеты» оказались далекими от того, что могла обещать жизнь молодому человеку из дворянской семьи среднего достатка. Поэт родился 28 ноября (10 декабря по новому стилю) 1821 года. Очень рано началась жестокая и беспощадная борьба за право на самостоятельность. После пяти лет обучения в Ярославской гимназии отец решил отдать сына в военную школу — Дворянский полк. Уехавший в Петербург юноша нарушил родительскую волю и стал готовиться в университет. Разгневанный отец лишил его какой бы то ни было поддержки. Будущий великий поэт, крупный издатель, руководитель популярнейших журналов России, начал свою петербургскую жизнь без денег, без связей, голодным и раздетым полубродягой. Началась расплата за отказ идти обычным путем, за желание стать писателем.

Стать писателем оказалось трудно. И внутренняя работа, внутренняя борьба, духовное возмужание поэта постоянно сопровождали борьбу с внешними обстоятельствами. В 1840 году Некрасову удалось издать первую книжку стихов — «Мечты и звуки». Сейчас трудно поверить, что она написана Некрасовым. Уже название сборника довольно точно выражает суть этих романтических стихов, далеких от жизни и, так сказать, вторичных, написанных под влиянием разных поэтов.

К середине 40-х годов закончилось становление поэтического дарования Некрасова, далее можно говорить уже о развитии вполне зрелого, самобытного поэта.

Литературное и общественное значение Некрасова не исчерпывается его поэтической деятельностью. На протяжении многих лет Некрасов возглавлял лучшие и самые передовые русские журналы: «Современник», а после его запрещения правительством «Отечественные записки». Статьями Некрасова восхищались такие критики, как Белинский и Чернышевский. Достаточно сказать, что Некрасов-критик в 1849 году заново представил русскому читателю такого забытого к тому времени поэта, как Тютчев. Именно Некрасов — редактор и издатель первым открыл и напечатал Достоевского и Льва Толстого, способствовал писательскому становлению Тургенева, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, а на переломном этапе русской истории в конце 50-х годов XIX века передал идейное руководство «Современника» в руки Чернышевского и Добролюбова.

Замечательны письма Некрасова. В 1857 году он писал Л. Н. Толстому: «Хорошо ли, искренно ли, сердечно ли (а не умозрительно только, не головою) убеждены Вы, что цель и смысл жизни — любовь? (в широком смысле). Без нее нет ключа ни к собственному существованию, ни к сущ. других, и ею только объясняется, что самоубийства не сделались ежеднев-

ным явлением. По мере того как живешь — умнеешь, светлеешь и охлаждаешься, мысль о бессмысленности жизни начинает томить, тут делаешь посылку к другим — и они, вероятно (т. е. люди в настоящем смысле), чувствуют то же — жаль становится их — и вот является любовь. Человек брошен в жизнь загадкой для самого себя, каждый день его приближает к уничтожению — страшного и обидного в этом много! На этом одном можно с ума сойти. Но вот Вы замечаете, что другому (или другим) нужны Вы — и жизнь вдруг получает смысл, и человек уже не чувствует той сиротливости, обидной своей ненужности, и так круговая порука. Все это я выразил очень плохо и мелко — что-то не пишется, но авось Вы ухватите зерно. Человек создан быть опорой другому, потому что ему самому нужна опора. Рассматривайте себя как единицу — и Вы придете в отчаяние»¹.

Эти нравственные принципы суть основание эстетики и поэзии Некрасова. Ведь его эпос и есть своеобразная «круговая порука». И лирика поэта являет новый тип лирики именно потому, что основана на «посылке к другим». Именно с таких «посылок к другим» начинается зрелое стихотворное творчество Некрасова: «Современная ода», «В дороге», «Колыбельная песня», «Отрадно видеть...», «Пьяница», «Когда из мрака заблужденья...», «Огородник».

Уже в этих произведениях раскрылся демократизм некрасовской поэзии. Прежде всего был необычным сам предмет изображения во многих некрасовских стихотворениях. Жизнь мелкого чиновника, жалкой проститутки, ограбленного крестьянина — все стало темой поэтического произведения. Появление новых героев потребовало повествовательных сюжетов. Стихотворение под пером Некрасова становилось стихотворением-рассказом, стихотворением-новеллой.

Лирика Некрасова многогеройна. Огородник и крестьянка-старуха, бедный интеллигент-разночинец и богатый ханжа-барин обрели в его поэзии свой голос. Это умение Некрасова войти в мир других, стать поэтом массы и определило своеобразие его многоголосой лирики. «Передо мною, — вспоминает современник слова поэта, — никогда не изображенными стояли миллионы живых существ! Они просили любящего взгляда! И что ни человек, то мученик, что ни жизнь, то трагедия!»².

Но особенно своеобразен Некрасов там, где он достигает органичного слияния с миром своего героя, когда уже нет образа-маски, как в «Филантропе», например, а происходит слияние героя-персонажа с героем-автором. Таково маленькое, но удивительное стихотворение «Гробок».

Вот идет солдат. Под мышкою
Детский гроб несет, детинушка.
На глаза его суровые
Слезы выжала кручинушка.

¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. 10. М., Гослитиздат, 1952, с. 334—335.

² «Звенья», III—IV. М.—Л., 1934, с. 658.

А как было живо дитяtko,
То и дело говорилось:
«Чтоб ты лопнуло, проклятое!
Да зачем ты и родилось?»

«Вот идет солдат...» Начато как будто бы обычное повествование, есть взгляд на солдата со стороны. Но появилось слово «детинушка», и на нем сомкнулись два мира в некое единство. «Детинушка» — сказано о солдате, но слово это такое простое, народное, мужицкое, что оно становится уже как бы и словом от солдата. Автор вне героя, о котором рассказывает, но и с ним. Аналогичное «кручинушка» продолжит и закрепит эту интонацию. А во второй строфе, хотя там есть и собственно прямая речь, уже невозможно отделить героя от рассказчика. «А как живо было дитяtko, то и дело говорилось...» Солдат ли то сказал, подумал, почувствовал или рассказывающий о нем автор? В лирике, которую называют выражением внутреннего мира, сошлись, сомкнулись и слились в единстве два мира: один в другом, один через другой.

Конечно, это не значит, что Некрасов всегда растворялся в своих героях. Его лирика — лирика по ясно ощущаемому нами своеобразием его собственного голоса, сливающегося с голосами других, но умеющего оставаться самим собою. В ней есть единство идейных определений и акцентов, точно указывающих, с кем и за кого лирический герой — автор. В ней есть и единство ритмического строя своеобразного «тягучего» некрасовского стиха, который мы узнаем сразу, который как будто бы однообразен, но этим в известном смысле противостоит многоголосому миру его лирики.

Умение проникать в мир простого человека определяло и совершенно новое изображение характера крестьянина, мужика, в лирике до Некрасова места никогда не имевшее. Особенно ясно это видно на примере стихотворения «В дороге», в котором рассказывается о трагической истории крестьянской девушки, воспитанной в барской семье и по прихоти барина отданной в мужицкую семью, на собственную гибель и на горе своему мужу-крестьянину.

Стихотворение поражает правдой самого факта, и подчас кажется, что сила стихотворения и суть поэтического открытия Некрасова лишь в сообщении этого факта, в то время как дело не только в этом. Сам крестьянин предстал в новом качестве, как человек со своей, частной судьбой, со своим индивидуальным несчастьем, которое не укладывается в песню об общей беде рекрутского набора или разлуки.

Выдающийся русский критик Ап. Григорьев писал об этом произведении: «...оно совместило, сжало в одну поэтическую форму целую эпоху прошедшего. И это, конечно, достоинство немалое. Но оно, это небольшое стихотворение, как всякое могучее произведение, забрасывало сети и в будущее»¹.

¹ Григорьев Ап. Аполлон. Литературная критика, М., Художественная литература, 1967, с. 459.

В 1856 году, после семнадцати лет напряженной и плодотворной работы поэта, вышла вторая после сборника «Мечты и звуки», а по существу, первая книга стихотворений Некрасова. Многие современники пишут об успехе, невиданном «со времен Пушкина». Сборник готовился в пору для Некрасова очень тяжелую. «Последние элегии» — так прощально озаглавил поэт ряд стихотворений. Тяжелая болезнь заставляла думать о близком конце. Поэтому сборник этот в глазах Некрасова становился как бы поэтическим завещанием. Характер книги как целого подчеркивался вступлением, роль которого сыграло знаменитое стихотворение «Поэт и гражданин», которое было напечатано особым шрифтом. Это одно из самых глубоких произведений русской поэзии о соотношении гражданственности и искусства.

Сборник 1856 года строился так, что один раздел представлял собой что-то вроде поэмы о народе, увенчанной оптимистическим «Школьником». Самостоятельный раздел составили стихотворения, многие из которых повествовали о чуждых народу силах. Уже здесь со всем блеском раскрылось сатирическое дарование Некрасова. Сатира была для поэта не только средством обличения, но и помогала освобождаться от старых литературных канонов.

Отдельно Некрасов напечатал в книжке 1856 года поэму «Саша» — своеобразный призыв к молодому поколению. «Поэма,— писала известная революционерка Вера Фигнер,— учила, как жить, к чему стремиться. Согласовать слово с делом — вот чему учила поэма, требовать этого согласования от себя и от других учила она. И это стало девизом моей жизни»¹.

Многие и многие стихи Некрасова приобрели значение такого призыва, прямо служили делу революции. С конца 50-х годов прошлого века в стране назревала революционная ситуация. В. И. Ленин писал об этом времени: «...самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»². Именно в эту пору Некрасов создал знаменитую «Песню Еремушке». За несколько лет до появления романа Чернышевского «Что делать?» Некрасов предугадывал, предчувствовал и вызывал к жизни образ Рахметова, человека, призванного к революционному подвигу:

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

Нсобузданную, дикую,
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

¹ Фигнер В. Запечатленный труд, т. 1. М., Мысль, 1964, с. 92.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 30.

Н. А. Добролюбов писал одному из друзей: «Выучи наизусть и вели всем, кого знаешь, выучить «Песню Еремушке» Некрасова, напечатанную в сентябрьском «Современнике». замени только слово *истина* — *равенство*, *лютой подлости* — *угнетателям*; это — опечатки (так Добролюбов иронически называет цензурные искажения. — Н. С.) <...> Боже мой! Сколько великопнейших вещей мог бы написать Некрасов, если бы его не давила цензура!..»¹

Недаром Некрасов был любимым поэтом великих русских революционеров. По воспоминаниям Н. К. Крупской, В. И. Ленин стихотворения Некрасова «чуть не наизусть выучил»².

Большое место в сборнике 1856 года заняла и лирика в собственном смысле слова, лирика интимная. Было бы неверно в ряду гражданских стихов рассматривать любовную лирику Некрасова только как дань, которую отдал поэт традиционной «вечной» теме. И здесь в полной мере проявилось его художественное новаторство.

«Когда из мрака заблужденья... Давно отвергнутый тобой... Я посетил твое кладбище... Ах ты, страсть роковая, бесплодная... и т. п. буквально заставляют меня рыдать»³, — писал Некрасову Чернышевский.

Особенность лирики Некрасова заключается в том, что в ней как бы разрушается лирическая замкнутость, преодолевается лирический эгоцентризм. И любовные стихи Некрасова открыты для героини, для *нее*. Она входит в стихотворение со всем богатством и сложностью своего внутреннего мира. Некрасов шел новым и непростым путем. Так появляется в его поэзии «проза любви». Эта область противоречивых чувств и отношений потребовала новых форм для своего выражения. В поэзии Некрасова создается нечто вроде психологического лирического романа, который образует группа стихов так называемого «панаевского цикла». Стихи этого цикла имеют определенную автобиографическую основу, не сводясь, естественно, к ней, — длительный, подчас мучительный роман Некрасова и А. Я. Панаевой, в дальнейшем ставшей его гражданской женой. Но «проза любви» некрасовских стихотворений отнюдь не сфера ссор и дразг. Какой высокий взлет человечности заключает в себе драматический диалог стихотворения «Тяжелый крест достался ей на долю...!» Как глубоки в своей неразрешимости конфликт героев и признание правоты каждого из них! А каким гармоническим, подлинно пушкинским аккордом заканчивается эта история нележкой, проходившей в борениях любви — стихотворением «Прости»:

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. 9. М.—Л., «Художественная литература», 1964, с. 385.

² Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., Политиздат, 1957, с. 217.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIX, М., Гослитиздат, 1939, с. 322.

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья,—
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!

Но дни, когда любви светило
Над нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь,—
Благослови и не забудь!

Так Некрасов не только прозаизировал поэзию любви, но и поэтизировал ее прозу.

Много светлого и гуманного сказал Некрасов в стихах о так называемой падшей женщине, предупреждая во многом картины и образы Достоевского. Прежде всего здесь должно быть названо «Еду ли ночью по улице темной...», после появления которого Чернышевский заявил, что Россия приобретает великого поэта, а Тургенев, даже в пору близости Некрасову неоднозначно относившийся к стихам поэта, писал Белинскому: «...скажите от меня Некрасову, что его стихотворение в 9-й книжке («Современника». — Н. С.) меня совершенно с ума свело; денно и поочно твержу я это удивительное произведение — и уже наизусть выучил»¹.

Новым словом в некрасовской поэзии явилась поэма «Коробейники» (1861). Не случайно позднее Чернышевский писал в романе «Что делать?», что это произведение «у него в новом роде. Но видно, что это его, Некрасова...»². Главным достоинством поэмы оказалась народность, очень многосторонне раскрывшаяся. Она определяется уже необычностью посвящения «другу-приятелю», костромскому крестьянину Гавриле Яковлевичу Захарову. Но это не только благожелательный жест. Поэма действительно посвящена крестьянину в том смысле, что он рассматривается Некрасовым как вероятный и желательный читатель. Такого еще не было даже в практике Некрасова-писателя. То, что за фигурой Г. Я. Захарова поэту виделся вообще читательский крестьянский мир, подтверждается предпринятым Некрасовым в серии «Красные книжки» изданием «Коробейников», которое предназначалось для народа и распространялось через офеней (бродячих торговцев, коробейников).

Сам сюжет поэмы выхвачен из народной жизни, вырос на основе рассказов того же Г. Я. Захарова. Но содержание ее не сводится к истории коробейников. В основу положен сюжет-путешествие, дающий возможность широкого охвата жизни. При всей цельности и органичности поэма очень многопланова. Прежде всего она глубоко лирична. Важную роль в ней играет любовь, в которой раскрылась душа одного из самых привлекательных женских образов в поэзии Некрасова — крестьянки Катериночки.

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Письма, т. 1. М.—Л., «Наука», 1961, с. 264.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XI, М., Гослитгиздат, 1939, с. 252.

В поэме властвует могучая песенная стихия. Известно, как глубоко вошла в народную жизнь, стала и по бытованию народной чисто литературная некрасовская «Коробушка», эта, по выражению А. Блока, «великая песня».

«Одной этой поэмы,— писал Ап. Григорьев,— было бы достаточно для того, чтобы убедить каждого, насколько Некрасов поэт почвы, поэт народных, то есть насколько поэзия его органически связана с жизнью»¹.

И крестьянин, и ямщик, и маленький чиновник, и разночинец-бедняк, как уже отмечалось, обретали со стихами Некрасова свой голос.

Но нет голоса, который оказался бы в некрасовской поэзии более хватающим за душу, чем голос русской женщины. Недаром на похоронах поэта две крестьянки несли венок «От русских женщин...».

Даже классический образ Музы под пером Некрасова терял привычную символику, оказываясь «сестрой родной» крестьянки, обретая реальные черты русской женщины, чаще плачущей, чем поющей.

Русская женщина предстала в произведениях Некрасова во всем разнообразии своих судеб; она главная носительница жизни, как бы символ национального существования. Потому-то она естественно оказывается героиней эпических поэм Некрасова, таких как «Мороз, Красный нос» и «Русские женщины».

И рассказ о подвиге русских княгинь-декабристок для поэта вряд ли был бы возможен, если бы почти за десять лет до этого он не постиг судьбу русской крестьянки и не поведал о ней в одном из самых совершенных своих произведений — поэме «Мороз, Красный нос» (1863).

На первый взгляд, особенно если иметь в виду лишь сюжет поэмы, внешнюю канву повествования, произведение Некрасова может показаться не слишком масштабным: речь идет об одной крестьянской семье и, по сути, об одном, хотя и драматическом, эпизоде ее жизни.

Однако в художественном произведении не все измеряется обилием характеров, многочисленностью картин и разнообразием ситуаций. Под пером Некрасова рассказ о жизни крестьянской семьи стал этапом в художественной летописи целого народа. Не случайно современный французский литературовед Шарль Корбэ сравнил «Мороз, Красный нос» как единственное в своем роде эпическое произведение с гомеровским эпосом. Интересно, что Ромен Роллан тоже сравнил с эпосом Гомера уже другое великое произведение русской литературы той же поры — книгу Льва Толстого «Война и мир».

Вот какими мерами измеряется «крестьянская» поэма Некрасова: ведь и «Илиада», и «Война и мир», и «Мороз, Красный нос» — каждое по-своему касается самого существа жизни нации.

При кажущейся простоте ситуации «Мороз, Красный нос» — одно из самых сложных у Некрасова произведений.

¹ Григорьев Ап. Григорьев. Литературная критика. М., «Художественная литература», 1967, с. 488.

Подлинный размах поэмы для самого автора определился не сразу. Первоначально она была задумана как рассказ о смерти крестьянина: отдельные главки и появились впервые в 1863 году в журнале «Время» под заглавием «Смерть Прокла».

В процессе работы складывалось эпическое произведение, на первый план которого вышла героиня.

Уже в первой части, которая вместо «Смерти Прокла» стала называться «Смерть крестьянина», что, конечно, придало образу и всему повествованию более обобщенный характер, в центре она — женщина, «величаява славяпка».

Не просто житейский рассказ ведет поэт, а живописует национальный тип.

Герои поэмы немногочисленны, но значимости произведения как эпопеи народной жизни это не снижает, так как немногие эти герои есть типы крестьянской, народной, национальной жизни.

Поначалу кажется, что поэма обращает нас к известной сказке о Морозке, но это не так. Не случайно в процессе работы поэт убирал все, что этот образ обытовляло и мельчило. Некрасов возвращает нас (и возвращался сам уже в процессе работы) к прасюжету народной сказки, к мифу, где выступал могучий и величественный образ духа природы. Мороз в поэме не просто аллегория, выдумка, сказка; за ним, как в древнем эпосе, — целое народное мироощущение. Вот к каким силам становится сопричастна героиня поэмы. Вот какому герою она по плечу. Подобно статуе, стынет Дарья в ставшем сказочным лесу, входит в мир природы и остается в нем.

В середине 60-х годов, в пору спада освободительной борьбы, когда даже многие из революционных деятелей склонны были скептически относиться к потенциальным возможностям народа, поэма обнаруживала глубинную суть его коренных начал, прежде всего труда на земле, определившего цельность и своеобразие характеров, их нравственную силу, красоту и стойкость. В 1864 году М. С. Волконский писал Некрасову: «Сейчас я прочел Ваш «Мороз», он пробрал меня до костей, и не холодом, — а до глубины души тем теплым чувством, которым пропитано это прекрасное произведение. Ничто, до сих пор мною читанное, не потрясло меня так сильно и глубоко, как Ваш рассказ, в котором нет ни слова лишнего... Все это как нельзя более близко и знакомо мне, до 25-летнего возраста то и дело переезжавшему из деревни в деревню, от одного мужика к другому. Дайте мне возможность поделиться им с моим отцом, доказавшим на деле, как он любил русского мужика»¹. Князь М. С. Волконский совсем не был человеком передовых взглядов, но, сын декабриста, он ощутил, как близки окажутся героические характеры поэмы реальному герою русской истории, декабристу. Здесь литература подавала руку жизни, а жизнь протя-

¹ Записки княгини Марии Николаевны Волконской с предисловием и приложением издателя князя М. С. Волконского. СПб., 1904, с. XVII.

гивала ее литературе: ведь уже через несколько лет декабрист Сергей Волконский явился прототипом героя первой декабристской поэмы Некрасова «Дедушка» (1870), а вскоре литература и жизнь прямо сомкнутся: жена декабриста Сергея Волконского станет героиней некрасовской поэмы «Русские женщины». Эту поэму также отличает желание поэта осмыслить события и их участников масштабно и обобщенно. Уже в корректуре Некрасов заменил первоначальное заглавие «Декабристки» на «Русские женщины».

В 1857 году Тарас Шевченко назвал подвиг декабристок «богатырской темой». И тема эта дождалась своего часа в русской литературе. В 1872 году в четвертом номере «Отечественных записок» появилась поэма Некрасова «Русские женщины. Княгиня Т***». Это была первая часть «Русских женщин» — «Княгиня Трубецкая», напечатанная со многими цензурными искажениями и пропусками. Менее чем через год была опубликована «Княгиня Волконская».

И, может быть, самое главное в поэме — это динамика характеров героинь и особенно княгини Волконской, это становление и даже перестройка их духовного мира. С. Н. Раевская возмущалась: «Рассказ, который он (Некрасов.— Н. С.) вкладывает в уста моей сестры, был бы вполне уместен в устах какой-нибудь мужички»¹.

Но Некрасов не искажал исторической правды. Он выявлял (опираясь, кстати сказать, на «Записки» самой М. Н. Волконской) ту широту исторической правды, ту ее значимость, которая превращала «декабристок» в «русских женщин». Княгиня Волконская в поэме, не переставая быть княгиней, становилась «мужичкой», способной на такое слово:

Быть может, вам хочется дальше читать,
Да просится слово из груди!
Помедлим немного. Хочу я сказать
Спасибо вам, русские люди!

Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делишь чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,
Твой уж давно там упали!..
Ты любишь несчастного, русский народ!
Страдания нас породили..

В начале 60-х годов приступает Некрасов к работе над произведением, которое сам считал делом своей жизни, которое, по собственному выражению, двадцать лет собиралось по словечку,— над поэмой «Кому на Руси жить хорошо».

В европейских литературах к тому времени традиция поэм — больших эпических произведений, тесно связанных с жизнью народа и его поэтиче-

¹ Архив декабриста С. Г. Волконского (под ред. М. С. Волконского и Б. Л. Модзалевского). Пг., 1918, т. I. с. XI (пер. с фр.).

ским творчеством, уже оборвалась. Да и в русской поэзии со времен Пушкина не появлялось стихотворных вещей такого масштаба. Что же сделало Некрасовское произведение поэмой, да еще народной, эпической? Чем была вызвана она к жизни?

Уже такое вступление к поэме, как пролог, было необычным. Литература нового времени почти не знает прологов, но произведения античной и средневековой литературы обычно начинались с таких прологов-предварений, в которых авторы объясняли, о чем же пойдет речь. Введя пролог, Некрасов стремился сразу же обнажить главную, коренную мысль — *идею* своей поэмы, указать на значительность ее, предупредить о грандиозности и долговременности событий, которые в поэме совершатся. Сама поэма росла год от года, являлись новые и новые части и главы. Прошло более десяти лет, и все же она осталась неоконченной.

Само название настраивает на подлинно всероссийский обзор жизни и на то, что жизнь эта будет исследована сверху донизу. С самого начала в произведении определяется и главный герой ее — мужик. Даже когда речь идет не о крестьянской жизни, он оказывается последним судьей и вершителем приговоров. Именно в мужицкой среде возникает знаменитый спор, и семь правдоискателей с их подлинно мужицким стремлением докопаться до корня отправляются путешествовать по России, бесконечно повторяя, варьируя и углубляя свой вопрос: кто счастлив на Руси?

Поэт на вопрос-формулу «Кому на Руси жить хорошо?» дает ответ-формулу:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!..

Смысл итоговых стихов поэмы действительно заключается в призыве к борьбе за народное счастье, а смысл всей поэмы в том, что она показывает: такой народ заслуживает счастья и того, чтобы за него бороться.

В минуты унынья, о родина-мать!
Я мыслью вперед улетаю,
Еще суждено тебе много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.

Поэт, создавший эпопею народной жизни, действительно знал это и всем содержанием своей народной поэмы представил тому доказательства.

Новые тенденции проявляются в поздней лирике Некрасова. Лирика семидесятых годов более чем когда-либо несет настроение сомнений, тревог, подчас даже пессимизма. Все чаще образ мира как крестьянского жизнеустройства вытесняется образом мира как общего миропорядка. Масштабы, которыми меряется жизнь, становятся поистине глобальными. Позднюю лирику поэта проникает ощущение общего неблагополучия и катастрофичности. В стихах появляется стремление к максимальной обобщенности, желание осмыслить мир в целом, и как следствие этого — тяга к исчерпывающей афористичности, к всеохватывающей формуле:

Дни идут... все так же воздух душён,
Дряхлый мир — на роковом пути...
Человек — до ужаса бездушён,
Слабому спасенья не найти!

Ощущение «вселенского горя», мира в целом как мира «дряхлого», страшного, сознание безысходности «рокового пути» приводят к новым тенденциям в реализме поэта. И здесь Некрасов достигает громадной художественной силы, подготавливая литературу нового времени, прежде всего поэзию Блока.

В то же время именно потому, что образы «дряхлого мира», «рокового пути» для поэта так укрупнились, он ищет не только противостоящие положительные начала, но и новую и большую меру для них.

Идеал гражданина, революционера, героя со временем менялся у Некрасова, все более приобретаая качества высшей духовности и идеальности. Таков его «Пророк». Тяга к подобному типу особенно характерна для Некрасова семидесятых годов и входит в общие поиски положительных начал.

Свои «Последние песни» — именно так назвал Некрасов книгу, которая вышла в марте 1877 года, — он допевал, будучи смертельно больным. Краткие перерывы в мучительно протекавшей болезни отдавались стихам. Еще раз являл поэт не только колоссальную силу поэтической энергии, но и могучую силу духа.

Умер Николай Алексеевич Некрасов 27 декабря 1877 года (8 января 1878 года по новому стилю). Но поэзия его продолжает жить, и не только сама по себе. Как всякая великая творческая стихия, она оплодотворила многие таланты, большие и малые, отозвалась в стихах А. Блока и Вл. Маяковского, докатилась до наших дней, сказала в лирике М. Исаковского и в эпосе А. Твардовского. Новые встречи с Некрасовым — это всегда и встречи с его наследниками и продолжателями, и эти встречи не прекратятся, пока жива русская поэзия, русское слово.

Николай Скагов

В ДОРОГЕ

«Скучно! скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши
Или, что ты видал, расскажи —
Буду, братец, за всё благодарен».

— Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она
В барском доме была учена
Вместе с барышней разным наукам,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варгане играть и читать —
Всем дворянским манерам и штукам.
Одевалась не то, что у нас
На селе сарафанницы наши,
А, примерно представить, в атлас;
Ела вдоволь и меду и каши.
Вид вальяжный имела такой,
Хоть бы барыне, слышь ты, природной,
И не то что наш брат крепостной,
Тоись, сватался к ней благородный
(Слышь, учитель-ста врезамшись был,
Баит кучер, Иваныч Торопка),—
Да, знать, счастья ей бог не судил,
Не нужна-ста в дворянстве холопка!

Вышла замуж господская дочь,
Да и в Питер... А справивши свадьбу,
Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,
Захворал и на Троицу в ночь
Отдал богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу...
Через месяц приехал зятек —
Перебрал по ревизии души
И с запашки ссадил на оброк,
А потом добрался и до Груши.
Знать, она согрубила ему
В чем-нибудь, али напросто тесно
Вместе жить показалось в дому,
Понимаешь-ста, нам неизвестно.
Воротил он ее на село —
Знай-де место свое ты, мужичка!
Взвыла девка — крутенько пришло:
Белоручка, вишь ты, белоличка!

Как на грех, девятнадцатый год
Мне в ту пору случись... посадили
На тягло — да на ней и женили...
Тоись, сколько я нажил хлопот!
Вид такой, понимаешь, суровый...
Ни косить, ни ходить за коровой!..
Грех сказать, чтоб ленива была,
Да, вишь, дело в руках не спорилось!
Как дрова или воду несла,
Как на барщину шла — становилось
Инда жалко подчас... да куды! —
Не утетишь ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,
То, слышь, ей в сарафане неловко.
При чужих и туда и сюда,
А украдкой ревет как шальная...
Погубили ее господу,
А была бы бабенка лихая!

На какой-то патрет всё глядит
Да читает какую-то книжку...
Инда страх меня, слышь ты, щемит,
Что погубит она и сынишку:
Учит грамоте, моет, стрижет,
Словно барченка, каждый день чешет,
Бить не бьет — бить и мне не дает...

Да недолго пострела потешит!
Слышь, как щепка худа и бледна,
Ходит, тоись, совсем через силу,
В день двух ложек не съест толокна —
Чай, свалим через месяц в могилу...
А с чего?.. Видит бог, не томил
Я ее безустанной работой...
Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, тоись, вот как, с охотой...
А, слышь, бить — так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку...

«Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку!..»

1845

П Ъ Я Н И Ц А

Жизнь в трезвом положении
Куда нехороша!
В томительном борении
Сама с собой душа,
А ум в тоске мучительной...
И хочется тогда
То славы соблазнительной,
То страсти, то труда.
Всё та же хата бедная —
Становится бедней,
И мать — старуха бледная —
Еще бледней, бледней.
Запуганный, задавленный,
С поникшей головой,
Идешь как обесславленный,
Гнушаясь сам собой;
Сгораешь злобой тайною...
На скудный твой наряд
С насмешкой неслучайною
Все, кажется, глядят.
Всё, что во сне мерещится,
Как будто бы назло,
В глаза вот так и мечется
Роскошно и светло!
Всё — повод к искушению,

Всё дразнит и язвит
И руку к преступлению
Нетвердую манит...
Ах! если б часть ничтожную!
Старушку полечить,
Сестрам бы не роскошную
Обновку подарить!
Стряхнуть ярмо тяжелого,
Гнетущего труда, —
Быть может, буйну голову
Сносил бы я тогда!
Покинув путь губительный,
Нашел бы путь иной
И в труд иной — спасительный —
Поник бы всей душой.
Но мгла отвсюду черная
Навстречу бедняку...
Одна открыта торная
Дорога к кабаку.

1845

* * *

Отрадно видеть, что находит
Порой хандра и на глупца,
Что иногда в морщины сводит
Черты и пошлого лица
Бес благородный скуки тайной,
И на искривленных губах
Какой-то думы чрезвычайной
Печать ложится; что в сердцах
И тех, чьих дел позорных повесть
Пройдет лишь в поздних племенах,
Не всё же спит мертвецки совесть
И, чуждый нас, не дремлет страх.
Что всем одно в дали грядущей —
Идем к неизвестному концу, —
Что ты, подлец, меня гнетущий,
Сам лижешь руки подлецу,
Что лошнуть можешь ты, обжора!
Что ты, великий человек,
Чьего презрительного взора
Не выносил никто вовек,

Ты, лоб, как говорится, медный,
К кому все завистью полны,—
Дрожишь, как лист на ветке бедной,
Под башмаком своей жены.

1845

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(Подражание Лермонтову)

Спи, пострел, пока безвредный!
Баюшки-баю.

Тускло смотрит месяц медный
В колыбель твою.

Стану сказывать не сказки —
Правду проую;

Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По губернии раздался
Всем отрадный клик:

Твой отец под суд попался —
Явных тьма улик.

Но отец твой — плут известный —
Знает роль свою.

Спи, пострел, покуда честный!
Баюшки-баю.

Подрастешь — и мир крещеный
Скоро сам поймешь,

Купишь фрак темно-зеленый
И перо возьмешь.

Скажешь: «Я благонамерен,
За добро стою!»

Спи — твой путь грядущий верен!
Баюшки-баю.

Будешь ты чиновник с виду
И подлец душой,

Провожать тебя я выду —
И махну рукой!

В день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою...

Спи, пострел, пока невинный!
Баюшки-баю.

Тих и кроток, как овечка,
И крепонек лбом,
До хорошего местечка
Доползешь ужом —
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю.

Купишь дом многоэтажный,
Схватишь крупный чин
И вдруг станешь барин важный,
Русский дворянин.
Заживешь — и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою...
Спи, чиновник мой прекрасный!
Баюшки-баю.

1845

С О В Р Е М Е Н Н А Я О Д А

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

Не обидишь ты даром и гадины,
Ты помочь и злодею готов,
И червонцы твои не украдены
У сирот беззащитных и вдов.

В дружбу к сильному влезть не желаешь ты,
Чтоб успеху делишек помочь,
И без умыслу с ним оставляешь ты
С глазу на глаз красавицу дочь.

Не гнушаешься темной породю:
«Братья нам по Христу мужички!»
И родню свою длиннородую
Не гоняешь с порога в толчки.

Не спрошу я, откуда явилось,
Что теперь в сундуках твоих есть;
Знаю: с неба к тебе всё свалилось
За твою добродетель и честь!..

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

1845

* * *

Когда из мрака заблужденья
Горячим словом убежденья
Я душу падшую извлек
И, вся полна глубокой мук,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавший порок;

Когда, забывчивую совесть
Воспоминанием казня,
Ты мне передавала повесть
Всего, что было до меня;

И вдруг, закрыв лицо руками,
Стыдом и ужасом полна,
Ты разрешилася слезами,
Возмущена, потрясена,—

Верь: я внимал не без участия,
Я жадно каждый звук ловил...
Я понял всё, дитя несчастья!
Я всё простил и всё забыл.

Зачем же тайному сомненью
Ты ежечасно предана?
Толпы бессмысленному мненью
Ужель и ты покорена?

Не верь толпе — пустой и лживой,
Забудь сомнения свои,
В душе болезненно-пугливой
Гнетущей мысли не таи!

Грустя напрасно и бесплодно,
Не пригревай змеи в груди
И в дом мой смело и свободно
Хозяйкой полною войди!

1845

ПЕРЕД Д О Ж Д Е М

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес,
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок,
И струей сухой и острой
Набегают холодоки.

Полумрак на всё ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перед закрыт;
И «пошел!» — привстав с нагайкой,
Ямщику жапдарм кричит...

1846

О Г О Р О Д Н И К

Не гулял с кистенем я в дремучем лесу,
Не лежал я во рву в непроглядную ночь,—
Я свой век загубил за девицу-красу,
За девицу-красу, за дворянскую дочь.

Я в немецком саду работал по весне,
Вот однажды сгребая сучки да пою,
Глядь, хозяйская дочка стоит в стороне,
Смотрит в оба да слушает песню мою.

По торговым селам, по большим городам
Я недаром живал, огородник лихой,
Раскрасавиц девиц насмотрелся я там,
А такой не видал, да и нету другой.

Черноброва, статна, словно сахар бела!..
Стало жутко, я песни своей не допел.
А она — ничего, постояла, прошла,
Оглянулась: за ней как шальной я глядел.

Я слышал на селе от своих молодежи,
Что и сам я пригож, не уродом рожден,—
Словно сокол гляжу, круглолиц, белолиц,
У меня ль, молодца, кудри — чесаный лен...

Разыгралась душа на часок, на другой...
Да как глянул я вдруг на хоромы ее —
Посвистал и махнул молодецкой рукой,
Да скорей за мужицкое дело свое!

А частенько она приходила с тех пор
Погулять, посмотреть на работу мою
И смеялась со мной и вела разговор:
Отчего приуныл? что давно не пою?

Я кудрями тряхну, ничего не скажу,
Только буйную голову свешу на грудь...
«Дай-ка яблоньку я за тебя посажу.
Ты устал, чай, пора уже тебе отдохнуть».

— Ну, пожалуй, изволь, госпожа, поучись,
Пособи мужику, поработай часок.—
Да как заступ брала у меня, смеючись,
Увидала на правой руке перстенок...

Очи стали темней непогодного дня,
На губах, на щеках разыгралась кровь.
— Что с тобой, госпожа? Отчего на меня
Неприветно глядишь, хмуришь черную бровь?

«От кого у тебя перстенок золотой?»
— Скоро старость придет, коли будешь всё знать.
«Дай-ка я погляжу, несговорный какой!» —
И за палец меня белой рученькой хватъ!

Потемнело в глазах, душу кинуло в дрожь,
Я давал — не давал золотой перстенок...
Я вдруг вспомнил опять, что и сам я пригож,
Да не знаю уж как — в щеку девицу чмок!..

Много с ней скоротал невозвратных ночей
Огородник лихой... В ясны очи глядел,
Расплетал, заплетал русу косыньку ей,
Цаловал-миловал, песни волжские пел.

Мигом лето прошло, ночи стали свежей,
А под утро мороз под ногами хрустит.
Вот однажды, как я крался в горенку к ней,
Кто-то цап за плечо: «Держи вора!» — кричит.

Со стыдом молодца на допрос привели,
Я стоял да молчал, говорить не хотел...
И красу с головы острой бритвой снесли,
И железный убор на ногах зазвенел.

Постегали плетью, и уводят дружка
От родной стороны и от лапушки прочь
На печаль и страду!.. Знать, любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

1846

* * *

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу — день за днем бесполезно губя;

Что я, силы своей не пытав ни на чем,
Осудил сам себя беспощадным судом

И, лениво твердя: я ничтожен, я слаб! —
Добровольно всю жизнь пресмыкался как раб;

Что, доживши кой-как до тридцатой весны,
Не скопил я себе хоть богатой казны,

Чтоб глупцы у моих пресмыкалися ног,
Да и умник подчас позавидовать мог!

Я за то глубоко презираю себя,
Что потратил свой век, никого не любя,

Что любить я хочу... что люблю я весь мир,
А брожу дикарем — бесприютен и сир,

И что злоба во мне и сильна и дика,
А хватаясь за нож — замирает рука!

1846

ТРОЙКА

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Всё лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровый дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни,— появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки,—
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

1846

РОДИНА

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житью последних барских псов,
Где было суждено мне божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть,
Но, ненависть в душе постыдно притая,
Где иногда бывал помещиком и я;
Где от души моей, довременно растленной,
Так рано отлетел покой благословенный,
И неребеческих желаний и тревог
Огонь томительный до срока сердце жег...
Воспоминания дней юности — известных
Под громким именем роскошных и чудесных,—
Наполнив грудь мою и злобой и хандрой,
Во всей своей красе проходят предо мной...

Вот темный, темный сад... Чей лик в аллее дальней
Мелькает меж ветвей, болезненно-печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубил... о! знаю, знаю я!..
Навеки отдана угрюмому невежде,
Не предавалась ты несбыточной надежде —
Тебя пугала мысль восстать против судьбы,
Ты жребий свой несла в молчании рабы...

Но знаю: не была душа твоя бесстрашна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И всё, что вынести в тебе достало сил,
Предсмертный шепот твой губителю простил!..

И ты, делившая с страдальницей безгласной
И горе и позор судьбы ее ужасной,
Тебя уж также нет, сестра души моей!
Из дома крепостных любовниц и псарей
Гонимая стыдом, ты жребий свой вручила
Тому, которого не знала, не любила...
Но, матери своей печальную судьбу
На свете повторив, лежала ты в гробу
С такой холодной и строгою улыбкой,
Что дрогнул сам палач, заплакавший ошибкой.

Вот серый, старый дом... Теперь он пуст и глух:
Ни женщин, ни собак, ни гаеров, ни слуг,—
А встарь?.. Но помню я: здесь что-то всех давило,
Здесь в малом и в большом тоскливо сердце ныло.
Я к няне убежал... Ах, няня! сколько раз
Я слезы лил о ней в тяжелый сердцу час;
При имени ее впадая в умиление,
Давно ли чувствовал я к ней благоговенье?..

Ее бессмысленной и вредной доброты
На память мне пришли немногие черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...
Нет! в юности моей, мятежной и суровой,
Отрадного душе воспоминанья нет;
Но всё, что, жизнь мою опутав с первых лет,
Проклятьем на меня легло неотразимым,—
Всею начало здесь, в краю моем родимом!..

И с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен темный бор —
В томящий летний зной защита и прохлада —
И нива выжжена, и праздно дремлет стадо,
Понутив голову над высохшим ручьем,
И набок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий,
И только тот один, кто всех собой давил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил...

(Подражание Лермонтову)

В неведомой глуши, в деревне полудикой
 Я рос средь буйных дикарей,
 И мне дала судьба, по милости великой,
 В руководители псарей.
 Вокруг меня кипел разврат волною грязной,
 Боролись страсти нищеты,
 И па душу мою той жизни безобразной
 Ложились грубые черты.
 И, прежде чем понять рассудком неразвитым,
 Ребенок, мог я что-нибудь,
 Проник уже порок дыханьем ядовитым
 В мою младенческую грудь.
 Застигнутый врасплох, стремительно и шумно
 Я в мутный ринулся поток
 И молодость мою постыдно и безумно
 В разврате безобразном сжег...
 Шли годы. Оторвав привычные объятия
 От негодующих друзей,
 Напрасно посылал я поздние проклятья
 Безумству юности моей.
 Не вспыхнули в груди растраченные силы —
 Мой ропот их не пробудил;
 Пустынной тишиной и холодом могилы
 Сменился юношеский пыл,
 И в новый путь, с хандрой, болезненно развитой,
 Пошел без цели я тогда
 И думал, что душе, догременно убитой,
 Уж не воскреснуть никогда.
 Но я тебя узнал... Для жизни и волнений
 В груди проснулось сердце вновь:
 Влиянье ранних бурь и мрачных впечатлений
 С души изгладила любовь...
 Во мне опять мечты, надежды и желанья...
 И пусть меня не любишь ты,
 Но мне избыток слез и жгучего страданья
 Отрадней мертвой пустоты...

1846

1

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.
Жена моя, закрыв лицо вуалью,
Под вечерок к любовнику пошла.
Я в дом к нему с полицией прокрался
И уличил... Он вызвал — я не дрался!
Она слегла в постель и умерла,
Истерзана позором и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

2

Приятель в срок мне долга не представил.
Я, намекнув по-дружески ему,
Закону рассудить нас предоставил;
Закон приговорил его в тюрьму.
В ней умер он, не заплатив алтына,
Но я не злюсь, хоть злиться есть причина!
Я долг ему простил того ж числа,
Почтив его слезами и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

3

Крестьянина я отдал в повара,
Он удался; хороший повар — счастье!
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное пристрастье
Имел: любил читать и рассуждать.
Я, утомясь грозить и распекать,
Отечески посекал его, каналью;
Он взял да утопился: дурь пашла!
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

Имел я дочь; в учителя влюбилась
 И с ним бежать хотела сгоряча.
 Я погрозил проклятьем ей: смирилась
 И вышла за седого богача.
 Их дом блестящ и полон был, как чаша;
 Но стала вдруг бледнеть и гаснуть Маша
 И через год в чахотке умерла,
 Сразив весь дом глубокою печалью...
 Живя согласно с строгою моралью,
 Я никому не сделал в жизни зла...

1847

* * *

Если, мучимый страстью мятежной,
 Позабылся ревнивый твой друг
 И в душе твоей, кроткой и нежной,
 Злое чувство проснулося вдруг —

Всё, что вызвано словом ревнивым,
 Всё, что подняло бурю в груди,
 Переполнена гневом правдивым,
 Беспощадно ему возврати.

Отвечай негодующим взором,
 Оправданья и слезы осмей,
 Порази его жгучим укором —
 Всю до капли досаду излей!

Но когда, отдохнув от волненья,
 Ты поймешь его грустный недуг
 И дождетя минуты прощенья
 Твой безумный, но любящий друг —

Позабудь ненавистное слово
 И упреком своим не буди
 Угрызений мучительных снова
 У воскресшего друга в груди!

Верь: постыдный порыв подозренья
Без того ему много принес
Полных муки тревог сожаленья
И раскаянья позднего слез...

1847

* * *

Еду ли ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день —
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
Сердце сожмется мучительной думой.
С детства судьба невзлюбила тебя:
Беден и зол был отец твой угрюмый,
Замуж пошла ты — другого любя.
Муж тебе выпал недобрый на долю:
С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
Не покорилась — ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...

Помнишь ли день, как, больно и голодный,
Я унывал, выбивался из сил?
В комнате нашей, пустой и холодной,
Пар от дыханья волнами ходил.
Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
Ты согревала дышащем ему.
Он не смолкал — и пронзительно звонок
Был его крик... Стаповилось темней;
Вдоволь поплакал и умер ребенок...
Бедная! слез безрассудных не лей!
С горя да с голоду завтра мы оба
Так же глубоко и сладко заснем;
Купит хозяин, с проклятьем, три гроба —
Вместе свезут и положат рядком...

В разных углах мы сидели угрюмо.
Помню, была ты бледна и слаба,
Зрела в тебе сокровенная дума,
В сердце твоём совершалась борьба.
Я задремал. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, как будто к венцу,

И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу.
Голод мучительный мы утолили,
В комнате темной зажгли огонек,
Сына одели и в гроб положили...
Случай нас выручил? Бог ли помог?
Ты не спешила печальным признаньем,
Я ничего не спросил,
Только мы оба глядели с рыданьем,
Только угрюм и озлоблен я был...

Где ты теперь? С нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной
И роковая свершится судьба?
Кто ж защитит тебя? Все без изъятья
Именем страшным тебя назовут,
Только во мне шевельнутся проклятья —
И бесполезно замрут!..

1847

* * *

Ты всегда хороша песравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум;

Ты хохочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понутив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь;

Так добра ты, скупая на ласки,
Поцелуй твой так полон огня,
И твои ненаглядные глазки
Так голубят и гладят меня,—

Что с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу
И вперед — в это темное море —
Без обычного страха гляжу...

1847

1

Не водись-ка на свете вина,
 Тошен был бы мне свет.
 И пожалуй — силен сатана! —
 Натворил бы я бед.

Без вины меня барин посек,
 Сам не знаю, что случилось со мной?
 Я не то чтоб большой человек,
 Да, вишь, дело-то было впервой.
 Как подумаю, весь задрожу,
 На душе всё черней да черней.
 Как теперь на людей погляжу?
 Как приду к ненаглядной моей?
 И я долго лежал на печи,
 Всё молчал, не отведывал щей;
 Нашептал мне нечистый в ночи
 Неразумных и буйных речей,
 И наутро я сумрачен встал;
 Помолиться хотел, да не мог,
 Ни словечка ни с кем не сказал
 И пошел, не крестясь, за порог.
 Вдруг: «Не хочешь ли, братик, вина?» —
 Мне вослед закричала сестра.
 Целый штоф осушил я до дна
 И в тот день не ходил со двора.

2

Не водись-ка на свете вина,
 Тошен был бы мне свет.
 И пожалуй — силен сатана! —
 Натворил бы я бед.

Зазнобила меня, молодца,
 Степанида, соседская дочь,
 Я посватал ее у отца —
 И старик, да и девка не прочь.
 Да, знать, старосте вплоть до земли
 Поклонился другой молодец,
 И с немилым ее повели
 Мимо окон моих под венец.

Не из камня душа! Невтерпеж!
Расходилась, что буря, она,
Наточил я на старосту нож
И для смелости выпил вина.
Да попался Петруха, свой брат,
В кабаке: назвался угостить;
Даровому ленивый не рад —
Я остался полштофа распить.
А за первым — другой; в кураже
От души невзначай отлегло,
Позабыл я в тот день об ноже,
А наутро раздумье пришло...

3

Не водись-ка на свете вина,
Тошен был бы мне свет.
И пожалуй — силен сатана! —
Натворил бы я бед.

Я с артелью взялся у купца
Переделать все печи в дому,
В месяц дело довел до конца
И пришел за расчетом к нему.
Обсчитал, воровская душа!
Я корить, я судом угрожать;
«Так не будет тебе ни гроша!» —
И велел меня в шею прогнать.
Я ходил к нему восемь недель,
Да застать его дома не мог;
Рассчитать было нечем артель,
И меня, слышь, потянут в острог...
Наточивши широкий топор,
«Пропадай!» — сам себе я сказал:
Побежал, притаился, как вор,
У знакомого дома — и ждал.
Да прозяб, а напротив кабак,
Рассудил: отчего не зайти?
На последний хватил четвертак,
Подрался — и проснулся в части...

1848

* * *

Поражена потерей невозвратной,
Душа моя уныла и слаба:
Ни гордости, ни веры благодатной —
Постыдное бессилие раба!

Ей все равно — холодный сумрак гроба,
Позор ли, слава, пенявисть, любовь,—
Погасла и спасительная злоба,
Что долго так разогрела кровь.

Я жду... но ночь не близится к рассвету,
И мертвый мрак кругом... и та,
Которая воззвать могла бы к свету,—
Как будто смерть сковала ей уста!

Лицо без мысли, полное смятенья,
Сухие, напряженные глаза —
И, кажется, зарею обновленья
В них никогда не заблестит слеза.

1848 (?)

* * *

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

1848 (?)

* * *

Так это шутка? Милая моя,
Как боязлив, как недогадлив я!
Я плакал над твоим рассчитанно суровым,
Коротким и сухим письмом;
Ни лаской дружеской, ни откровенным словом
Ты сердца не порадовала в нем.
Я спрашивал: не демон ли раздора
Твоей рукой насмешливо водил?
Я говорил: «Когда б нас разлучила ссора —
Но так тяжел, так горек, так уныл,
Так нежен был последний час разлуки...
Еще твой друг забыть его не мог,
И вновь ему ты посылаешь муки
Сомнения, догадок и тревог, —
Скажи, зачем?.. Не ложью ли пустою,
Рассеянной досужей клеветою
Возмущена душа твоя была?
И, мучима томительным недугом,
Ты над своим отсутствующим другом
Без оправданья суд произнесла?
Или то был один каприз случайный,
Иль давний гнев?..» Неразрешимой тайной
Я мучился: я плакал и страдал,
В догадках ум испуганный блуждал,
Я жалок был в отчаянье суровом...

Всему конец! Своим единым словом
Душе моей ты возвратила вновь
И прежний мир, и прежнюю любовь;
И сердце шлет тебе благословенья,
Как вестнице нежданного спасенья...

Так няня в лес ребенка заведет
И спрячется сама за куст высокой;
Встревоженный, он ищет и зовет,
И мечется в тоске жестокой,
И падает, бессильный, на траву...
А няня вдруг: ау! ау!
В нем радостью внезапной сердце бьется,
Он все забыл: он плачет и смеется,

И прыгает, и весело бежит,
И падает — и няню не бранит,
Но к сердцу жмет виновницу испуга,
Как от беды избавившего друга...

1850

* * *

Да, наша жизнь текла мятежно,
Полна тревог, полна утрат,
Расстаться было неизбежно —
И за тебя теперь я рад!
Но с той поры как все кругом меня пустынно!
Отдаться не могу с любовью ничему,
И жизнь скучна, и время длинно,
И холоден я к делу своему.
Не знал бы я, зачем встаю с постели,
Когда б не мысль: авось и прилетели
Сегодня наконец заветные листы,
В которых мне расскажешь ты:
Здорова ли? что думаешь? легко ли
Под дальним небом дышится тебе,
Грустишь ли ты, жалея прежней доли,
Охотно ль повинешься судьбе?
Желал бы я, чтоб сонное забвеньё
На долгий срок мне на душу сошло,
Когда б мое воображенье
Блуждать в прошедшем не могло...
Прошедшее! его волшебной власти
Покорствуя, переживаю вновь
И первое движенье страсти,
Так бурно взволновавшей кровь,
И долгую борьбу с самим собою,
И не убитую борьбою,
Но с каждым днем сильней кипевшую любовь.
Как долго ты была сурова,
Как ты хотела верить мне,
И как и верила, и колебалась снова,
И как поверила вполне!
(Счастливым день! Его я отличаю
В семье обыкновенных дней;
С него я жизнь мою считаю,
Я праздную его в душе моей!)

Я вспомнил всё... одним воспоминаньем,
Одним прошедшим я живу —
И то, что в нем казалось нам страданьем,
И то теперь я счастьем зову...

А ты?... ты так же ли печали предана?...
И так же ли в одни воспоминанья
Средь добровольного изгнанья
Твоя душа погружена?
Иль новая роскошная природа,
И жизнь кипящая, и полная свобода
Тебя невольно увлекли,
И позабыла ты вдали
Все, чем мучительно и сладко так порою
Мы были счастливы с тобою?
Скажи! я должен знать... Как странно я люблю!
Я счастья тебе желаю и молю,
Но мысль, что и тебя гнетет тоска разлуки,
Души моей смягчает муки...

1850

* * *

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и не жившим,
А пам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим, —
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно
Свиданис продлить желаешь ты,
Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она не далека:
Кипим сильней, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска...
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волпы...

1850

НА УЛИЦЕ

1

ВОР

Спеша на званный пир по улице прегрязной,
Вчера был поражен я сценой безобразной:
Торгаш, у коего украден был калач,
Вздвогнув и побледнев, вдруг поднял вой и плач
И, бросясь от лотка, кричал: «Держите вора!»
И вор был окружен и остановлен скоро.
Закушенный калач дрожал в его руке;
Он был без сапогов, в дырявом сертуке;
Лицо являло след недавнего недуга,
Стыда, отчаянья, моления и испуга...
Пришел городской, подчаска подозвал,
По пунктам отобрал допрос отменно строгой,
И вора повели торжественно в квартал.
Я крикнул кучеру: «Пошел своей дорогой!» —
И богу поспешил молебствие принести
За то, что у меня наследственное есть...

2

ПРОВОДЫ

Мать касатиком сына зовет,
Сын любовно глядит на старуху,
Молодая бабенка ревет
И всё просит остаться Ванюху,
А старик непреклонно молчит:
Напряженная строгость во взоре,
Словно сам на себя он сердит
За свое бесполезное горе.

Сивка дернул дровнишки слегка —
Чуть с дровней не свалилась старуха.
Ну! нагрел же он сивке бока,
Да помог старику и Ванюха...

ГРОБОК

Вот идет солдат. Под мышкою
 Детский гроб несет, детинушка.
 На глаза его суровые
 Слезы выжала кручинушка.

А как было живо дитяtko,
 То и дело говорилось:
 «Чтоб ты лопнуло, проклятое!
 Да зачем ты и родилось?»

ВАНЬКА

Смешная сцена! Ванька-дуралей,
 Чтоб седока промыслить побогаче,
 Украдкой чистит бляхи на своей
 Ободранной и замороженной кляче.
 Не так ли ты, продажная краса,
 Себе придать желая блеск фальшивый,
 Старательно взбиваешь волоса
 На голове, давно полуплешивой?
 Но оба вы — извозчик-дуралей
 И ты, смешно причесанная дама,—
 Вы пробуждаете не смех в душе моей —
 Мерещится мне всюду драма.

1850 (?)

* * *

Мы с тобой бестолковые люди:
 Что минута, то вспышка готова!
 Облегченье взволнованной груди,
 Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
 Всё, что душу волнует и мучит!
 Будем, друг мой, сердиться открыто:
 Легче мир — и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участия...

1851

Н О В Ы Й Г О Д

Что новый год, то новых дум,
Желаний и надежд
Исполнен легковерный ум
И мудрых и невежд.
Лишь тот, кто под землей сокрыт,
Надежды в сердце не таит!..

Давно ли ликовал народ
И радовался мир,
Когда рождался прошлый год
При звуках чаш и лир?
И чье суровое чело
Лучом надежды не цвело?

Но меньше ль видел он могил,
Вражды и нищеты?
В нем каждый день убийцей был
Какой-нибудь мечты;
Не пощадил он никого
И не дал людям ничего!

При звуках тех же чаш и лир,
Обычной чередой
Бесстрастный гость вступает в мир
Бесстрастною стопой —
И в тех лишь нет надежды вновь,
В ком навсегда застыла кровь!

И благо!.. С чашами в руках
Да будет встречен гость,
Да разлетится горе в прах,
Да умирится злость —
И в обновленные сердца
Да снидет радость без конца!

Нас давит времени рука,
Нас изнуряет труд,

Всесилен случай, жизнь хрупка,
Живем мы для минут,
И то, что с жизни взято раз,
Не в силах рок отнять у нас!

Пускай кипит веселый рой
Мечтаний молодых —
Им предадимся всей душой...
А время скосит их? —
Что нужды! Снова в свой черед
В нас воскресит их новый год...

1851

* * *

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства:
Ему так искренен привет
Друзей спокойного искусства;

Ему сочувствие в толпе,
Как ропот волн, ласкает ухо;
Он чужд сомнения в себе —
Сей пытки творческого духа;

Любя беспечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Он прочно властвует толпой
С своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его не гонят, не злословят,
И современники ему
При жизни памятник готовят...

Но нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающею лирой.

Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

И веря и не веря вновь
Мечте высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья,—

И каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,
И умных и пустых людей,
Равно клеймить его готовых.

Со всех сторон его клянут
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!

1852

МУЗА

Нет, Музы ласково поющей и прекрасной
Не помню над собой я песни сладкогласной!
В небесной красоте, неслышимо, как дух,
Слетая с высоты, младенческий мой слух
Она гармонии волшебной не учила,
В пленках у меня свирели не забыла,
Среди забав моих и отроческих дум
Мечтой неясною не волновала ум
И не явилась вдруг восторженному взору
Подругой любящей в блаженную ту пору,
Когда томительно волнуют нашу кровь
Неразделимые и Муза и Любовь...

Но рано надо мной отяготели узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальных бедняков,
Рожденных для труда, страданья и оков,—
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото — единственный кумир...

В уладу нового пришельца в божий мир,
В убогой хижине, пред дымною лучиной,
Согбенная трудом, убитая кручиной,
Она певала мне — и полон был тоской
И вечной жалобой напев ее простой.
Случалось, не стерпев томительного горя,
Вдруг плакала она, моим рыданиям вторя,
Или тревожила младенческий мой сон
Разгульной песнею... Но тот же скорбный стон
Еще пронзительней звучал в разгуле шумном.
Всё слышалось в нем в смешении безумном:
Расчеты мелочной и грязной суеты,
И юношеских лет прекрасные мечты,
Погибшая любовь, подавленные слезы,
Проклятья, жалобы, бессильные угрозы.
В порыве ярости, с неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой.
Предавшись дикому и мрачному веселью,
Играла бешено моею колыбелью,
Кричала: «Мщенье!» — и буйным языком
В сообщники свои звала господень грэм!

В душе озлобленной, но любящей и нежной
Непрочен был порыв жестокости мятежной.
Слабей медленно, томительный недуг
Смирался, утихал... и выкупалось вдруг
Всё буйство дикое страстей и скорби лютой
Одной божественно-прекрасною минутой,
Когда страдальца, поникнув головой,
«Прощай врагам своим!» — шептала надо мной...

Так вечно плачущей и непонятной девы
Лелеяли мой слух суровые напевы,
Покуда наконец обычной чередой
Я с нею не вступил в ожесточенный бой.
Но с детства прочного и кровного союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрез бездны темные Насилия и Зла,
Труда и Голода она меня вела —
Почувствовать свои страдания научила
И свету возвестить о них благословила...

* * *

(Из Гейне)

Ах, были счастливые годы!
Жил шумно и весело я,
Имел я большие доходы,
Со мной пировали друзья;

Я с ними последним делился,
И не было дружбы нежней,
Но мой кошелек истощился —
И нет моих милых друзей!

Теперь у постели больного —
Как зимняя вьюга шумит —
В почной своей кофте, сурово
Старуха Забота сидит.

Скрипя, раздирает мне ухо
Ее табакерка порой.
Как страшно кивает старуха
Седюю своей головой!

Случается, снова мне снится
То полное счастья жительство,
И станет отраднее биться
Изнывшее сердце мое...

Вдруг скрип, раздирающий ухо,—
И мигом исчезла мечта!
Сморкается громко старуха,
Зевает и крестит уста.

1851 или 1852

* * *

О письма женщины, нам милой!
От вас восторгам нет числа,
Но в будущем душе унылой
Готовите вы больше зла.
Когда погаснет пламя страсти
Или послушаетесь вы
Благоразумья строгой власти

И чувству скажете: увы! —
Отдайте ей ее посланья
Иль не читайте их потом,
А то нет хуже наказанья,
Как задним горевать числом.
Начнешь с усмешкою ленивой,
Как бред невинный и пустой,
А кончишь злобою ревнивой
Или мучительной тоской...

О ты, чьих писем много, много
В моем портфеле берегу!
Подчас на них гляжу я строго,
Но бросить в печку не могу.
Пускай мне время доказало,
Что правды в них и проку мало,
Как в праздном лепете детей,
Но и теперь они мне милы —
Поблекшие цветы с могилы
Погибшей юности моей!

1852

З А С Т Е Н Ч И В О С Т Ъ

Ах ты, страсть роковая, бесплодная,
Отвяжись, не тумань головы!
Осмеет нас красавица модная,
Вкруг нее увиваются львы:

Поступь гордая, голос уверенный,
Что ни скажут — их речь хороша,
А вот я-то войду как потерянный —
И ударится в пятки душа!

На ногах словно гири железные,
Как свинцом налита голова,
Странно руки торчат бесполезные,
На губах замирают слова.

Улыбнусь — непроторная, жесткая,
Не в улыбку улыбка моя,
Попутить захочу — шутка плоская:
Покраснею мучительно я!

Помещусь, молчаливо досадуя,
В дальний угол... уныло смотрю
И сижу, неподвижен как статуя,
И судьбу потихоньку корю:

«Для чего-де меня, горемычного,
Дураком ты на свет создала?
Ни умишка, ни виду приличного,
Ни довольства собой не дала?..»

Ах! судьба ль меня, полно, обидела?
Отчего ж, как домой ворочусь
(Удивилась бы, если б увидела),
И умен и пригож становлюсь?

Всё припомню, что было ей сказано,
Вижу: сам бы сказал не глупей...
Нет! мне в божьих дарах не отказано,
И лицом я не хуже людей!

Малодушье пустое и детское,
Не хочу тебя знать с этих пор!
Я пойду в ее общество светское,
Я там буду умен и остер!

Пусть поймет, что свободно и молодо
В этом сердце волнуется кровь,
Что под маской наружного холода
Бесконечная скрыта любовь...

Полно роль-то играть сумасшедшего,
В сердце искру надежды беречь!
Не стряхнуть рокового прошедшего
Мне с моих невыносливых плеч!

Придавила меня бедность грозная,
Запугал меня с детства отец,
Бесталанная долюшка слезная
Извела, доконала вконец!

Знаю я: сожаленье постыдное,
Что как червь копошится в груди,
Да сознание бессилья обидное
Мне осталось одно впереди...

1852

ФИЛАНТРОП

Частью по глупой честности,
Частью по простоте,
Пропадаю в неизвестности,
Пресмыкаюсь в нищете.
Место я имел доходное,
А доходу не имел:
Бескорыстье благородное!
Да и брать-то не умел.
В Провиантскую комиссию
Поступивши, например,
Покупал свою провизию —
Вот какой миллионер!
Не взъщитесь! честность ярая
Одолела до ногтей;
Даже стыдно вспомнить старое —
Ведь имел уж и детей!
Сожалели по Житомиру:
«Ты-де нищим кончишь век
И семейство пустишь по миру,
Беспокойный человек!»
Я не слушал. Сожаления
В недовольство перешли,
Оказались упущения,
Подвели — и упекли!
Совершилось пророчество
Благомыслящих людей:
Холод, голод, одиночество,
Переменчивость друзей —
Всё мы, бедные, извели,
Чашу выпили до дна:
Плачут дети — не обедали, —
Убивается жена,
Проклинает поведение,
Гордость глупую мою;
Я брожу как привидение,
Но — свидетель бог — не пью!
Каждый день встаю ранехонько,
Достаю насущный хлеб...
Так мы десять лет ровнехонько
Бились, волею судеб.

Вдруг — известье незабвенное! —
Получаю письмецо,

Что в столице есть отменное,
Благородное лицо;
Муж, которому подобного,
Может быть, не знали вы,
Сердца ангельски незлобного
И умнейшей головы.
Славен не короной графскою,
Не приездом ко двору,
Не звездою станиславскою,
А любовью к добру,—
О народном просвещении
Соревнуя, генерал
В популярном изложении
Восемь томов написал.
Продавал в большом количестве
Их дешевле пятака,
Бразумить об электричестве
В них стараясь мужика.
Словно с равными беседуя,
Он и с нищими учтив,
Нам терпенье проповедуя,
Как Сократ красноречив.

Он мое же поведение
Мне как будто объяснил,
И ко взяткам отвращение
Я тогда благословил;
Перестал стыдиться бедности:
Да! лохмотья нищеты
Не свидетельство зловредности,
А скорее правоты!
Снова благородной гордости
(Человек самолюбив),
Упования и твердости
Я почувствовал прилив.
«Нам господь послал спасителя,—
Говорю тогда жене,—
Нашим крошкам покровителя!»
И бедняжка верит мне.
Горе мы забвенью предали,
Сколотили сто рублей,
Всё как следует развели
И в столицу поскорей.
Прикатили прямо к сроднику,
Не пустил — ступай в трактир!

Помолился я угоднику,
Поначистил свой мундир...
И пошел... Путем-дорогою,
Чтоб участие привлечь,
Я всю жизнь мою убогую
Совместил в такую речь:
«Оттого-де ныне с голоду
Умираю словно тварь,
Что был глуп и честен смолоду,
Знал, что значит бог и царь.
Не скажу: по справедливости
(Невелик я генерал),
По ребяческой стыдливости
Даже с правого не брал —
И погиб... Я горе мыкаю,
Я работаю за двух,
Но не чаркой — вашей книгою
Подкрепляю слабый дух,
Защитите!..»

Не заставили
Ждать минуты ни одной.
Вот в приемную поставили,
Доложили чередой.
Вот идет его сиятельство, —
Я сробел, чуть жив стою;
Впал в тупое замешательство
И забыл всю речь свою.
Тер и лоб и переносицу,
В потолок косил глаза,
Бормотал лишь околбсицу,
А о деле — ни аза!
Изумились, брови сдвинули:
«Что вам нужно?» — говорят.
— Нужно мне... — Тут слезы хлынули
Совершенно невпопад.
Просто вещь непостижимая
Приключилась со мной:
Грусть, печаль неудержимая
Овладела всей душой.
Всё, чем жизнь богата с младости
Даже в нищенском быту —
Той поры счастливой радости,
Попросту сказать: мечту —
Всё, что кануло и сгнуло
В треволненьях жизни сей,

Всё я вспомнил, всё прихлынуло
К сердцу... Жалкий дуралей!
Под влиянием прошедшего,
В грудь ударив кулаком,
Взвыл я вроде сумасшедшего
Пред сиятельным лицом!..

Все такие обстоятельства
И в мундиришке изъян
Привели его сиятельство
К заключенью, что я пьян.
Экзекутора, холопа ли
Попрекнули, что пустил,
И ногами так затопали...
Я лишился чувств и сил!
Жаль, одним не осчастливили —
Сами не дали пинка...
Пьяницу с почетом вывели
Два огромных гайдука.
Словно кипятком ошпаренный,
Я бежал, не слыша ног,
Мимо лавки пивоваренной,
Мимо погребальных дрог,
Мимо магазина швейного,
Мимо бань, церквей и школ,
Вплоть до здания питейного —
И уж дальше не пошел!

Дальше нечего рассказывать!
Минет сорок лет зимой,
Как я щеку стал подвязывать,
Отморозивши хмельной.
Чувства словно как заржавели,
Одолела страсть к вину;
Дети пьяницу оставили,
Схоронил давно жену.
При отшествии к родителям,
Хоть кротка была весь век,
Попрекнула покровителем.
Точно: странный человек!
Верст на тысячу в окружности
Повесят свой добрый нрав,
А осудят по наружности:
Неказист — так и неправ!

Пишут, как бы свет весь заново
К общей пользе изменить,
А голодного от пьяного
Не умеют отличить...

1853

ПАМЯТИ БЕЛИНСКОГО

Наивная и страстная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели,
Упорствуя, волнуясь и спеша,
Ты честно шел к одной высокой цели;
Кипел, горел — и быстро ты угас!
Ты нас любил, ты дружеству был верен —
И мы тебя почтили в добрый час!
Ты по судьбе печальной беспримерен:
Твой труд живет и долго не умрет,
А ты погиб, несчастлив и незнаем!
И с дерева неведомого плод,
Беспечные, беспечно мы вкушаем.
Нам дела нет, кто возрастил его,
Кто посвящал ему и труд и время,
И о тебе не скажет ничего
Своим потомкам сдержанное племя...
И, с каждым днем окружена тесней,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги к ней не проторила...

Между 1851 и 1853

БУРЯ

Долго не сдавалась Любушка-соседка,
Наконец шепнула: «Есть в саду беседка,

Как темнее станет — понимаешь ты?..»
Ждал я, исстрадался, ночки-темноты!

Кровь-то молодая: закипит — не шутка!
Да взглянул на небо — и поверить жутко!

Небо обложилось тучами кругом...
Полил дождь ручьями — прокатился гром!

Брови я нахмурил и пошел угрюмый —
«Свидеться сегодня лучше и не думай!

Люба белоручка, Любушка пуглива,
В бурю за ворота выбежать ей в диво.

Правда, не была бы буря ей страшна,
Если б... да настолько любит ли она?..»

Без надежды, скучен прихожу в беседку,
Прихожу и вижу — Любушку-соседку!

Промочила ножки и хоть выжми шубку...
Было мне заботы обсушить голубку!

Да зато с той ночи я бровей не хмрюю.
Только усмехаюсь, как заслышу бурю...

1853

ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК ГРАФА ГАРАНСКОГО

(Перевод с французского: *Trois mois dans la Patrie. Essais de Poésie et de Prose, suivis d'un Discours sur les moyens de parvenir au développement des forces morales de la Nation Russe et des richesses naturelles de cet Etat. Par un Russe, comte de Garansky. 8 vol. in 4°. Paris, 1836* ¹).

Я путешествовал недурно: русский край
Оригинальности имеет отпечаток;
Не то чтоб в деревнях трактиры были — рай,
Не то чтоб в городах писцы не брали взток —
Природа нравится громадностью своей.
Такой громадности не встретите нигде вы:
Пространства широко раскинутых степей
Лугами здесь зовут; начнутся ли посевы —
Не ждите им конца! подобно островам,
Зеленые леса и серые селенья
Пестрят равнину их, и любо видеть вам
Картину сельского обычного движенья...

¹ Три месяца в отчизне. Опыты в стихах и прозе, сопровождаемые рассуждением о мерах, способствующих развитию нравственных начал в русском народе и естественных богатств Российского государства. Сочинение россиянина, графа де Гаранского. Восемь томов в четвертую долю листа. Париж, 1836 (*фр.*).

Подобно муравью, трудолюбив мужик:
Ни грубости их рук, ни лицам загорелым
Я больше не дивлюсь: я видеть их привык
В работах полевых чуть не по суткам целым.
Не только мужики здесь преданы труду,
Но даже дети их, беременные бабы —
Все терпят общую, по их словам, «страду»,
И грустно видеть, как иные бледны, слабы!
Я думаю, земель избыток и лесов
Способствует к труду всегдашней их охоте,
Но должно б вразумлять корыстных мужиков,
Что изнурительно излишество в работе.
Не такова ли цель — в немецких сертуках
Особенных фигур, бродящих между ними?
Нагайки у иных заметил я в руках...
Как быть! не вразумишь их средствами другим:
Натуры грубые!..

Какие реки здесь!

Какие здесь леса! Пейзаж природы русской
Со временем собьет, я вам ручаюсь, спесь
С природы реинской, но только не с французской!
Во Франции провел я молодость свою;
Пред ней, как говорят в стихах, всё клонит выю,
Но всё ж, по совести и громко признаю,
Что я не ожидал найти такой Россию!
Природа недурна: в том отдаю ей честь,—
Я славно ел и спал, подъячим не дал штрафа...
Да, средство странствовать и по России есть —
С французской кухней и с русским титулом графа!..

Но только худо то, что каждый здесь мужик
Дворянский гонор мой, спокойствие и совесть
Безбожно возмущал; одну и ту же повесть
Бормочет каждому негодный их язык:
Помещик — лиходей! а если управитель,
То, верно,— живодер, отъявленный грабитель!
Спрошу ли ямщика: «Чей, братец, виден дом?»
— Помещика... — «Что, добр?» — Нешто, хороший

барин,

Да только... — «Что, мой друг?» — С тяжелым кулаком,
Как хватит — год хворай. — «Неужто? вот татарин!»
— Э, нету, ничего! маненечко ретив,
А добрая душа, не тяготит оброком,
Почасту с мужиком и ласков и правдив,
А то скулу свернет, вестимо ненароком!

Куда б еще ни шло за барином таким,
А то и хуже есть. Вот памятное место:
Тут славно мужички расправились с одним... —
«А что?» — Да сделали из барина-то тесто. —
«Как тесто?» — Да в куски живого изрубил
Его один мужик... попал такому в лапы... —
«За что же?» — Да за то, что барин лаком был
На свой, примерно, гвоздь чужие вешать шляпы. —
«Как так?» — Да так, сударь: как женится мужик,
Веди к нему жену; проспит с ней перву ночку,
А там и к мужу в дом... да наш народец дик,
Сначала потерпел — не всяко лыко в строчку, —
А после и того... А вот, примерно, тут,
Извольте посмотреть — домок на косогоре,
Четыре барышни-сестрицы в нем живут,
Так мужикам от них уж просто смех и горе.
Именья — семь дворов; так бедно, что с трудом
Дай бог своих детей прохарчить мужичонку,
А тут еще беда: что год, то в каждый дом
Сестрицы-барышни подкинут по ребенку. —
«Как, что ты говоришь?» — А то, что в восемь лет
Так тридцать три души прибавилось в именье.
Убытку барышням, известно дело, нет,
Да, сударь, мужичкам какое разоренье!

Ну, словом, всё одно: тот с дворней выезжал
Разбойничать, тот затравил мальчишку, —
Таких рассказов здесь так много я слышал,
Что скучно, наконец, записывать их в книжку.
Ужель помещики в России таковы?
Я к многим заезжал; иные, точно, грубы —
Муж ты своей жене, жена супругу вы,
Сивуха, грязь и вонь, овчинные тулупы.
Но есть премилые: прилично убран дом,
У дочерей рояль, а чаще фортепьяно,
Хозяин с Францией и с Англией знаком,
Хозяйка не заснет без модного романа;
Ну, всё, как водится у развитых людей,
Которые глядят прилично на предметы
И вряд ли мужиков трактуют, как свиней...

Я также паблюдал — в окно моей кареты —
И быт крестьянина: он нищеты далек!
По собственным моим владеньям проезжая,
Созвал я мужиков: составили кружок

И гаркнули: «Ура!..» С балкона наблюдая,
Спросил: довольны ли?.. Кричат: «Довольны всем!»
— И управляющим? — «Довольны»... О работах
Я с ними говорил, поил их — и затем,
Бекаса подстрелив в наследственных болотах,
Поехал далее... Я мало с ними был,
Но видел, что мужик свободно ел и пил,
Плясал и песни пел; а немец-управитель
Казался между них отец и покровитель...
Чего же им еще?.. А если точно есть
Любители кнута, поборники тиранства,
Которые, забыв гуманность, долг и честь,
Пятнают родину и русское дворянство —
Чего же медлишь ты, сатиры грозной бич?..
Я книги русские перебирал всё лето:
Пустейшая мораль, напыщенная дичь —
И лучшие темны, как стертая монета!
Жаль, дремлет русский ум. А то чего б верней?
Правительство казнит открытого злодея,
Сатира действует и шире и смелей,
Как пуля находить виновного умея.
Сатире уж не раз обязана была
Европа (кажется, отчасти и Россия)
Услугой важною

1853

В ДЕРЕВНЕ

1

Право, не клуб ли вороньего рода
Около нашего нынче прихода?
Вот и сегодня... ну, просто беда!
Глупое карканье, дикие стоны...
Кажется, с целого света вороны
По вечерам прилетают сюда.
Вот и еще, и еще эскадроны...
Рядышком сели на купол, на крест,
На колокольне, на ближней избушке, —
Вон у плетня покачнувшийся шест:
Две уместились на самой верхушке,
Крыльями машут... Всё то же опять,
Что и вчера... посидят, и в дорогу!

Полно лениться! ворон наблюдать!
Черные тучи ушли, слава богу,
Ветер смирился: пройдуь до полей.
С самого утра унылый, дождливый,
Выдался нынче денек несчастливый:
Даром в болоте промок до костей,
Вздумал работать, да труд не дается,
Глядь, уж и вечер — вороны летят...
Две старушонки сошлись у колодца,
Дай-ка послушаю, что говорят...

2

«Здравствуй, родная». — Как можется, кумушка?
Всё еще плачешь, никак?
Ходит, знать, по сердцу горькая думушка,
Словно хозяин-большак?
«Как же не плакать? Пропала я, грешная!
Душенька ноет, болит...
Умер, Касьяновна, умер, сердешная,
Умер и в землю зарыт!

Ведь наскочил же на экую гадину!
Сын ли мой не был удал?
Сорок медведей поддел на рогатину —
На сорок первом сплошал!
Росту большого, рука что железная,
Плечи — косая сажень;
Умер, Касьяновна, умер, болезная, —
Вот уж тринадцатый день!

Шкуру с медведя-то содрали, продали;
Деньги — семнадцать рублей —
За душу бедного Савушки подали,
Царство небесное ей!
Добрая барыня Марья Романовна
На панихиду дала...
Умер, голубушка, умер, Касьяновна, —
Чуть я домой добрела.

Ветер шатает избенку убогую,
Весь развалился овин...
Словно шальная пошла я дорогою:
Не попадется ли сын?

Взял бы топорик — беда поправимая,—
Мать бы утешил свою...
Умер, Касьяновна, умер, родимая,—
Надо ль? топор продаю.

Кто приголубит старуху безродную?
Вся обнищала вконец!
В осень ненастную, в зиму холодную
Кто запасет мне дровец?
Кто, как доносится теплая шубушка,
Зайчиков новых набьет?
Умер, Касьяновна, умер, голубушка,—
Даром ружье пропадет!

Веришь, родная: с тоской да с заботами
Так опостылел мне свет!
Лягу в коморку, покроюсь тенетами,
Словно как саваном... Нет!
Смерть не приходит... Брожу нелюдимая,
Попусту жалоблю всех...
Умер, Касьяновна, умер, родимая,—
Эх! кабы только не грех...

Ну, да и так... дай бог зиму промаяться,—
Свежей травы мне не мять!
Скоро избенка совсем расшатается,
Некому поле вспахать.
В город собирается Марья Романовна,
По миру сил нет ходить...
Умер, голубушка, умер, Касьяновна,
И не велел долго жить!»

3

Плачет старуха. А мне что за дело?
Что и жалеть, коли нечем помочь?..
Слабо мое изнуренное тело,
Время ко сну. Недолга моя ночь:
Завтра раненько пойду на охоту,
До свету надо покрепче уснуть...
Вот и вороны готовы к отлету,
Кончился раут... Ну, трогайся в путь!

Вот поднялись и закаркали разом.
«Слушай, равняйся!» — Вся стая летит:
Кажется, будто меж небом и глазом
Черная сетка висит.

1854

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несет им печальный ответ:
— Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли как плети,

Очи потускли, и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою.

1854

М А Ш А

Белый день занялся над столицей,
Сладко спит молодая жена,
Только труженик муж бледнолицый
Не ложится — ему не до сна!

Завтра Маше подруга покажет
Дорогой и красивый наряд...
Ничего ему Маша не скажет,
Только взглянет... убийственный взгляд!

В ней одной его жизни отрада,
Так пускай в нем не видит врага:
Два таких он ей купит наряда.
А столичная жизнь дорога!

Есть, конечно, прекрасное средство:
Под рукою казенный сундук;
Но испорчен он был с малолетства
Изученьем опасных наук.

Человек он был новой породы:
Исключительно честь понимал
И безгрешные даже доходы
Называл воровством, либерал!

Лучше жить бы хотел он попроще,
Не франтить, не тянуться бы в свет,—
Да обидно покажется теще,
Да осудит богатый сосед!

Всё бы вздор... только с Машей не сладишь,
Не втолкуешь — глупа, молода!
Скажет: «Так за любовь мою платишь!»
Нет! упреки тошнее труда!

И кипит-поспевает работа,
И болит-надрывается грудь...
Наконец наступила суббота:
Вот и праздник — пора отдохнуть!

Он лелеет красавицу Машу,
Выпив полную чашу труда,
Наслаждения полную чашу
Жадно пьет... и он счастлив тогда!

Если дни его полны печали,
То минуты порой хороши,
Но и самая радость едва ли
Не вредна для усталой души.

Скоро в гроб его Маша уложит,
Проклянет свой сиротский удел
И, бедняжка! ума не приложит:
Отчего он так скоро сгорел?

1855

* * *

Я сегодня так грустно настроен,
Так устал от мучительных дум,
Так глубоко, глубоко спокоен
Мой истерзанный пыткой ум, —

Что недуг, мое сердце гнетущий,
Как-то горько меня веселит —
Встречу смерти, грозящей, идущей,
Сам пошел бы... Но сон освежит —

Завтра встану и выбегу жадно
Встречу первому солнца лучу:
Вся душа встрепенется отрадно,
И мучительно жить захочу!

А недуг, сокрушающий силы,
Будет так же и завтра томить
И о близости темной могилы
Так же внятно душе говорить...

1855

СВАДЬБА

В сумерки в церковь вхожу. Малолюдно,
Светят лампы печально и скудно,
Темны просторного храма углы;
Длинные окна, то полные мглы,
То озаренные беглым мерцаьем,
Тихо колеблются с робким бряцаньем.
В куполе темень такая висит,
Что поглядеть туда — дрожь пробежит!
С каменных плит и со стен полутемных
Сыростью веет: на петлях огромных
Словно заплакана тяжкая дверь...

Нет богомольцев, не служба теперь —
Свадьба. Венчаются люди простые.
Вот у наоя стоят молодые:
Парень-ремесленник фертот глядит,
Красен с лица и с затылка подбрит —
Видно: разгульного сорта детина!
Рядом невеста: такая кручина
В бледном лице, что глядеть тяжело...
Бедная женщина! Что вас свело?

Вижу я, стан твой немного полнее,
Чем бы... Я понял! Стыдливо краснея
И нагибаясь, свой длинный платок
Ты на него потянула... Увлек,
Видно, гуляка подарком да лаской,
Песней, гитарой да честною маской?
Ты ему сердце свое отдала...
Сколько ночей ты потом не спала!
Сколько ты плакала... Он не оставил,
Волей ли, нет ли, он дело поправил —
Бог не без милости — ты спасена...
Что же ты так безнадежно грустна?

Ждет тебя много попреков жестоких,
Дней трудовых, вечеров одиноких:
Будешь ребенка больного качать,
Буйного мужа домой поджидать,
Плакать, работать — да думать уныло,
Что тебе жизнь молодая сулила,
Чем подарила, что даст впереди...
Бедная! лучше вперед не гляди!

1855

Давно — отвергнутый тобою,
 Я шел по этим берегам
 И, полон думой роковою,
 Мгновенно кинулся к волнам,
 Они приветливо яснили.
 На край обрыва я ступил —
 Вдруг волны грозно потемнели,
 И страх меня остановил!
 Поздней — любви и счастья полны,
 Ходили часто мы сюда,
 И ты благословляла волны,
 Меня отвергшие тогда.
 Теперь — один, забыт тобою,
 Через много роковых годов,
 Брожу с убитою душою
 Опять у этих берегов.
 И та же мысль приходит снова —
 И на обрыве я стою,
 Но волны не грозят сурово,
 А манят в глубину свою...

1855

ИЗВОЗЧИК

1

Парень был Ванюха ражий,
 Рослый человек, —
 Не поддайся силе вражей,
 Жил бы долгий век.
 Полусонный по природе,
 Знай зевал в кулак
 И прозвание в народе
 Получил: вахлак!
 Правда, с ним случилось диво,
 Как в Грязной стоял:
 Ел он мало и лениво,
 По ночам не спал...
 Всё глядит, бывало, в оба
 В супротивный дом:

Там жила его зазпоба —
Кралечка лицом!
Под ворота словно птичка
Вылетит с гнезда,
Белоручка, белоличка...
Жаль одно: горда!
Прокатив ее, учтиво
Он ей раз сказал:
«Вишь, ты больно тороплива», —
И за ручку взял...
Рассердилась: «Не позволю!
Полно — не замай!
Прежде выкупись на волю,
Да потом хватай!»
Поглядел за нею Ваня,
Головой тряхнул:
«Не про нас ты, — молвил, — Таня», —
И рукой махнул...
Скоро лето наступило,
С барыней своей
Таня в Тулу укатила.
Ванька стал умней:
Он по прежнему порядку
Полюбил чаёк,
Наблюдал свою лошадку,
Добывал оброк,
Пил умеренно горелку,
Знал копейке вес,
Да какую же проделку
Сочинил с ним бес!..

2

Раз купец ему попался
Из родимых мест;
Ванька с ним с утра катался
До вечерних звезд.
А потом наелся плотно,
Обрядил коня
И улегся беззаботно
До другого дня...
Спит и слышит стук в ворота.
Чу! шумят, встают...
Не пожар ли? вот забота!
Чу! к нему идут.

Он вскочил, как заяц сгонный,
Видит: с фонарем
Перед ним хозяин сонный
С седоком-купцом.
«Санки где твои, детина?
Покажи ступай!» —
Говорит ему купчина —
И ведет в сарай...
Помутился ум у Вани,
Он как лист дрожал...
Поглядел купчина в сани
И, крестьясь, сказал:
«Слава богу! слава богу!
Цел мешок-то мой!
Не взывайте за тревогу —
Капитал большой.
Понимаете, с походом
Будет тысяч пять...»
И купец перед народом
Деньги стал считать...
И пока рубли звенели,
Поднялся весь дом —
Ваньки сонные глядели,
Оступя кругом.
«Цело всё!» — сказал купчина,
Парня подозвал:
«Вот на чай тебе полтина!
Благо ты не знал:
Серебро-то не бумажки,
Нет приметы, брат;
Мне ходить бы без рубашки,
Ты бы стал богат —
Да господь-то справедливый
Попугал шутя...»
И ушел купец счастливый,
Под мешком кряхтя...
Над разиной поглумились
И опять легли,
А как утром пробудились
И в сарай пришли,
Глядь — и обмерли с испугу...
Ни гугу — молчат;
Показали вверх друг другу
И пошли назад...

Прибежал хозяин бледный,
Вся сошлась семья:
«Что такое?..» Ванька бедный —
Бог ему судья! —
Совладать с лукавым бесом,
Видно, не сумел:
Над санями под навесом
На вожжах висел!
А ведь был детина ражий,
Рослый человек, —
Не поддайся силе вражей,
Жил бы долгий век...

1855

В Л А С

В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас — старик седой.

На груди икона медная:
Просит он на божий храм, —
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам;

Да с железным наконешником
Палка длинная в руке...
Говорят, великим грешником
Был он прежде. В мужике

Бога не было: побоями
В гроб жену свою вогнал;
Промышляющих разбоями,
Копокрадов укрывал;

У всего соседства бедного
Скупит хлеб, а в черный год
Не поверит гроша медного,
Втрое с нищего сдерет!

Брал с родного, брал с убогого,
Слыл кашеем-мужиком;
Нрава был крутого, строгого...
Наконец и грянул гром!

Власу худо; кличет знахаря —
Да поможешь ли тому,
Кто снимал рубашку с пахаря,
Крал у нищего суму?

Только пуще всё неможется.
Год прошел — а Влас лежит,
И построить церковь божится,
Если смерти избежит.

Говорят, ему видение
Всё мерещилось в бреду:
Видел света преставление,
Видел грешников в аду:

Мучат бесы их проворные,
Жалит ведьма-егоза.
Ефиопы — видом черные
И как углие глаза,

Крокодилы, змии, скорпии
Припекают, режут, жгут...
Воют грешники в прискорбии,
Цепи ржавые грызут.

Гром глушит их вечным грохотом,
Удушает лютый смрад,
И кружит над ними с хохотом
Черный тигр шестокрылат.

Те на длинный шест нанизаны,
Те горячий лижут пол...
Там, на хартиях написаны,
Влас грехи свои прочел...

Влас увидел тьму кромешную
И последний дал обет...
Внял господь — и душу грешную
Воротил на вольный свет.

Роздал Влас свое имение,
Сам остался бос и гол
И собирать на построение
Храма божьего пошел.

С той поры мужик скитается
Вот уж скоро тридцать лет,
Подаянием питается —
Строго держит свой обет.

Сила вся души великая
В дело божие ушла,
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...

Полон скорбью неутешною,
Смуглолиц, высок и прям,
Ходит он стопой неспешною
По селеньям, городам.

Нет ему пути далекого:
Был у матушки Москвы,
И у Каспия широкого,
И у царственной Невы.

Ходит с бразом и с книгою,
Сам с собой всё говорит
И железною веригою
Тихо на ходу звенит.

Ходит в зимушку студеную,
Ходит в летние жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары,—

И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы божии
По лицу земли родной...

1855

* * *

Чуть-чуть не говоря: «Ты суцая ничтожность!»,
Стихов моих печатный судия
Советует большую осторожность
В употребленье буквы «я».
Винюсь: ты прав, усердный мой ценитель
И общих мест присяжный расточитель,—

Против твоей я публики грешу,
Но только я не для нее пишу.
Увы! писать для публики, для света —
Удел не русского поэта...
Друзья мои по тяжкому труду,
По Музе гордой и несчастной,
Кипящей злобою безгласной!
Мою тоску, мою беду
Пою для вас... Не правда ли, отрадно
Несчастному несчастье в другом?
Кто болен сам, тот весело и жадно
Внимает вести о больном...

1855

С Е К Р Е Т

(Опыт современной баллады)

1

В счастливой Москве, на Неглинной,
Со львами, с решеткой кругом,
Стоит одиноко старинный,
Гербами украшенный дом.

Он с роскошью барской построен,
Как будто векам напоказ;
А ныне в нем несколько боен
И с юфтью просторный лабаз.

Картофель да кочни капусты
Растут перед ним на грядках;
В нем лучшие комнаты пусты,
И мебель и бронза — в чехлах.

Не ведает мудрый владелец
Тщеславья и роскоши нег;
Он в собственном доме пришелец,
Занявший в конуре ночлег.

В его деревянной пристройке
Свеча одиноко горит;
Скупец умирает на койке
И детям своим говорит:

«Огни зажигались вечерние,
 Выл ветер и дождик мочил,
 Когда из Полтавской губернии
 Я в город столичный входил.

В руках была палка предлинная,
 Котомка пустая на ней,
 На плéчах шубенка овчинная,
 В кармане пятнадцать грошей.

Ни денег, ни званья, ни племени,
 Мал ростом и с виду смешон,
 Да сорок лет минуло времени —
 В кармане моем миллион!

И сам я теперь благоденствую,
 И счастье вокруг себя лью:
 Я нравы людей совершенствую,
 Полезный пример подаю.

Я сделался важной персоною,
 Пожертвовав тысячу в год:
 Имею и Анну с короною,
 И звание *друга сирот*.

Но дни паступили унылые,
 Смерть близко — спасения нет!
 И время вам, детушки милые,
 Узнать мой великий секрет.

Квартиру я нанял у дворника,
 Дрова к постояльцам таскал;
 Подбился я к дочери шорника
 И с нею отца обокрал;

Потом и ее, бестолковую,
 За нужное счел обокрасть
 И в практику бросился новую —
 Запрегся в питейную часть.
 Потом...»

Вдруг лицо потемнело,
Раздался мучительный крик —
Лежит, словно мертвое тело,
И больше ни слова старик!

Но, видно, секрет был угадан,
Сынки угодили в отца:
Старик еще дышит на ладан
И ждет боязливо конца,

А дети гуляют с ключами.
Вот старший в шкатулку пропик!
Старик осадил бы словами —
Нет слов: непокорен язык!

В меньшом родилось подозренье,
И ссора кипит о ключах —
Не слух бы тут нужен, не зренье,
А сила в руках и ногах:

Воспрянул бы, словно из гроба,
И словом и делом могуч —
Смирились бы дерзкие оба
И отдали б старому ключ.

Но брат поднимает на брата
Преступную руку свою...
И вот тебе, коршун, награда
За жизнь воровскую твою!

1855

* * *

Праздник жизни — молодости годы —
Я убил под тяжестью труда
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени — не был никогда.

Если долго сдержанные муки,
Накипев, под сердце подойдут,
Я пишу: рифмованные звуки
Нарушают мой обычный труд.

Всё ж они не хуже плоской прозы
И волнуют мягкие сердца,
Как внезапно хлынувшие слезы
С огорченного лица.

Но не льщусь, чтоб в памяти народной
Уцелело что-нибудь из них...
Нет в тебе поэзии свободной,
Мой суровый, неуклюжий стих!

Нет в тебе творящего искусства...
Но кипит в тебе живая кровь,
Торжествует мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь,—

Та любовь, что добрых прославляет,
Что клеймит злодея и глупца
И венком терновым наделяет
Беззащитного певца...

1855

* * *

Безвестен я. Я вами не стяжал
Ни почестей, ни денег, ни похвал,
Стихи мои — плод жизни несчастливой,
У отдыха похищенных часов,
Сокрытых слез и думы боязливой;
Но вами я не восхвалял глупцов,
Но с подлостью не заключал союза,
Нет! свой венец терновый приняла,
Не дрогнув, обесславленная Муза
И под кнутом без звука умерла.

1855

* * *

Тяжелый крест достался ей на долю:
Страдай, молчи, притворствуй и не плачь;
Кому и страсть, и молодость, и волю —
Всё отдала,— тот стал ее палач!

Давно ни с кем она не знает встречи;
Угнетена, пуглива и грустна,
Безумные, язвительные речи
Безропотно выслушивать должна:

«Не говори, что молодость сгубила
Ты, ревностью истерзана моей;
Не говори!.. близка моя могила,
А ты цветка весеннего свежей!

Тот день, когда меня ты полюбила
И от меня услышала: люблю —
Не проклинай! близка моя могила:
Поправлю всё, всё смертью искуплю!

Не говори, что дни твои унылы,
Тюремщиком больного не зови:
Передо мной — холодный мрак могилы,
Перед тобой — объятия любви!

Я знаю: ты другого полюбила,
Щадить и ждать наскучило тебе...
О, погоди! близка моя могила —
Начатое и кончить дай судьбе!..»

Ужасные, убийственные звуки!..
Как статуя прекрасна и бледна,
Она молчит, свои ломая руки...
И что сказать могла б ему она?..

1855

ПОСЛЕДНИЕ ЭЛЕГИИ

1

Душа мрачна, мечты мои унылы,
Грядущее рисуется темно.
Привычки, прежде милые, постыли,
И горек дым сигары. Решено!
Не ты горька, любимая подруга
Ночных трудов и одиноких дум,—
Мой жребий горек. Жадного недуга
Я не избег. Еще мой светел ум,
Еще в надежде глупой и послушной

Не ищет он отрады малодушной,
Я вижу все... А рано смерть идет,
И жизни жаль мучительно. Я молод,
Теперь поменьше мелочных забот
И реже в дверь мою стучится голод:
Теперь бы мог я сделать что-нибудь.
Но поздно!.. Я, как путник безрассудный,
Пустившийся в далекий, долгий путь,
Не соразмерив сил с дорогой трудной:
Кругом все чуждо, негде отдохнуть,
Стоит он, бледный, среди большой дороги.
Никто его не призрел, не подвез:
Промчалась тройка, проскрипел обоз —
Все мимо, мимо!.. Подкосились ноги,
И он упал... Тогда к нему толпой
Сойдутся люди — смущены, унылы,
Почтят его ненужною слезой
И подвезут охотно — до могилы...

2

Я рано встал, недолги были сборы,
Я вышел в путь, чуть занялась заря,
Переходил я пропасти и горы,
Переплывал я реки и моря;
Боролся я, один и безоружен,
С толпой врагов; не унывал в беде
И не роптал. Но стал мне отдых нужен —
И не нашел приюта я нигде!
Не раз, упав лицом в сырую землю,
С отчаяньем, голодный, я твердил:
«По силам ли, о боже! труд подьемлю?» —
И снова шел, собрав остаток сил.
Все ближе и знакомее дорога,
И пройдено все трудное в пути!
Главы церквей сияют впереди —
Недалеко до отчего порога!
Насмешливо сгибаясь и кряхтя
Под тяжестью сумы своей дырявой,
Алчбы и жажды бледное дитя,
Голодный труд, попутчик мой лукавый,
Уж прочь идет: теперь нам розный путь.
Вперед, вперед! Но изменили силы —
Очнулся я на рубеже могилы...

И некому и нечем помянуть!
Настанет утро — солнышко осветит
Бездушный труп; все будет решено!
И в целом мире сердце лишь одно —
И то едва ли — смерть мою заметит...

3

Пышна в разливе гордая река,
Плывут суда, колеблясь величаво,
Просмолены их черные бока,
Над ними флаг, на флаге надпись: слава!
Толпы народа берегом бегут,
К ним приковав досужее вниманье,
И, шляпами размахивая, шлют
Пловцы родному берегу прощанье,—
И вмиг оно подхвачено толпой,
И дружно берег весь ему ответит.
Но тут же, опрокинутый волной,
Погибни челн — и кто его заметит?
А если и раздастся дикий стон
На берегу — внезапный, одинокой,
За криками не будет слышен он
И не дойдет на дно реки глубокой...
Подруга темной участи моей!
Оставь скорее берег, озаренный
Горячим блеском солнечных лучей
И пестрою толпою оживленный,—
Чем солнце ярче, люди веселей,
Тем сердцу сокрушенному больней!

1855

НА РОДИНЕ

Роскошны вы, хлеба заповедные
Родимых нив,—
Цветут, растут колосья наливные,
А я чуть жив!
Ах, странно так я создан небесами,
Таков мой рок,
Что хлеб полей, возделанных рабами,
Нейдет мне впрок!

1855

В БОЛЬНИЦЕ

Вот и больница. Светя, показал
В угол нам сонный смотритель.
Трудно и медленно там угасал
Честный бедняк сочинитель.
Мы попрекнули невольно его,
Что, зануждавшись в столице,
Не известил он друзей никого,
А приютился в больнице...

«Что за беда,— он шутя отвечал,—
Мне и в больнице покойно.
Я всё соседей моих наблюдал:
Многое, право, достойно
Гоголя кисти. Вот этот субъект,
Что меж кроватями бродит,—
Есть у него превосходный проект,
Только — беда! — не находит
Денег... а то бы давно превращал
Он в бриллианты крапиву.
Он покровительство мне обещал
И миллион на разживу!

Вот старикашка актер: на людей
И на судьбу негодует;
Перевирая, из старых ролей
Всюду двустипшия сует;
Он добродушен, задорен и мил,
Жалко — уснул (или умер?) —
А то бы, верно, он вас посмешил...
Смолк и семнадцатый номер!
А как он бредил деревней своей,
Как, о семействе тоскуя,
Ласки последней просил у детей,
А у жены поцелуя!

Не просыпайся же, бедный больной!
Так в забытыи и умри ты...
Очи твои не любимой рукой —
Сторожем будут закрыты!
Завтра дежурные нас обойдут,
Саваном мертвых накроют,
Счетом в мертвецкий покой отнесут,
Счетом в могилу зароят.

И уж тогда не являйся жена,
Чуткая сердцем, в больницу —
Бедного мужа не сыщет она,
Хоть раскопай всю столицу!

Случай недавно ужасный тут был:
Пастор какой-то немецкой
К сыну приехал — и долго ходил...
«Вы поищите в мертвецкой», —
Сторож ему равнодушно сказал;
Бедный старик пошатнулся,
В страшном испуге туда побежал,
Да, говорят, и рехнулся!
Слезы ручьями текут по лицу,
Он между трупами бродит:
Молча заглянет в лицо мертвецу,
Молча к другому подходит...

Впрочем, не вечно чужою рукой
Здесь закрываются очи.
Помню: с прошибенной в кровь головой
К нам привели среди ночи
Старого вора — в остроге его
Буйный товарищ изранил.
Он не хотел исполнять ничего,
Только грозил и буянил.
Наша сиделка к нему подошла,
Вздрогнула вдруг — и ни слова...
В странном молчаньи минута прошла:
Смотрят один на другого!
Кончилось тем, что угрюмый злодей,
Пьяный, обрызганный кровью,
Вдруг зарыдал — перед первой своей,
Светлой и честной любовью.
(Смолоду знали друг друга опи...)
Круто старик изменился:
Плачет да молится целые дни,
Перед врачами смирился.
Не было средства, однако, помочь...
Час его смерти был странен
(Помню я эту печальную ночь):
Он уже был бездыханен,
А всепрощающий голос любви,
Полный мольбы бесконечной,

Тихо над ним раздавался: «Живи,
Милый, желанный, сердечный!»
Всё, что имела она, продала —
С честью его схоронила.
Бедная! как она мало жила!
Как она много любила!
А что любовь ей дала, кроме бед,
Кроме печали и муки?
Смолоду — стыд, а на старости лет —
Ужас последней разлуки!..

Есть и писатели здесь, господа.
Вот, посмотрите: украдкой,
Бледен и робок, подходит сюда
Юноша с толстой тетрадкой.
С юга пешком привела его страсть
В дальнюю нашу столицу —
Думал бедняга в храм славы попасть —
Рад, что попал и в больницу!
Всем он читал свой ребяческий бред —
Было тут смеху и шуму!
Я лишь один не смеялся... о нет!
Думал я горькую думу.
Братья писатели! в нашей судьбе
Что-то лежит роковое:
Если бы все мы, не веря себе,
Выбрали дело другое —
Не было б, точно, согласен и я,
Жалких писак и педантов —
Только бы не было также, друзья,
Скоттов, Шекспиров и Дантов!
Чтоб одного возвеличить, борьба
Тысячи слабых уносит —
Даром ничто не дается: судьба
Жертв искупительных просит».

Тут наш приятель глубоко вздохнул,
Начал метаться тревожно;
Мы посидели, пока он уснул,—
И разошлись осторожно...

1855

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

1

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лесу попросила.
Отвечал: нет лесу, и не жди — не будет!
«Вот приедет барин — барин нас рассудит,
Барин сам увидит, что плоха избушка,
И велит дать лесу», — думает старушка.

2

Кто-то по соседству, лихоимец жадный,
У крестьян землицы косячок изрядный
Оттягал, отрезал плутовским манером.
«Вот приедет барин: будет землемерам! —
Думают крестьяне. — Скажет барин слово —
И землицу нашу отдадут нам снова».

3

Полюбил Наташу хлебопашец вольный,
Да перечит девке немец сердобольный,
Главный управитель. «Погодим, Игнаша,
Вот приедет барин!» — говорит Наташа.
Малые, большие — дело чуть за спором —
«Вот приедет барин!» — повторяют хором...

4

Умерла Ненила; на чужой земле
У соседа-плута — урожай сторицей;
Прежние парнишки ходят бородаты;
Хлебопашец вольный угодил в солдаты,
И сама Наташа свадьбой уж не бредит...
Барина всё нету... барин всё не едет!

Наконец однажды среди дороги
 Шестернею цугом показались дроги:
 На дорогах высоких гроб стоит дубовый,
 А в гробу-то барин; а за гробом — новый.
 Старого отпели, новый слезы вытер,
 Сел в свою карету — и уехал в Питер.

1855

* * *

Замолкни, Муза мести и печали!
 Я сон чужой тревожить не хочу,
 Довольно мы с тобою проклинали.
 Один я умираю — и молчу.

К чему хандрить, оплакивать потери?
 Когда б хоть легче было от того!
 Мне самому, как скрип тюремной двери,
 Противны стоны сердца моего.

Всему конец. Ненастьем и грозою
 Мой темный путь недаром омрача,
 Не просветлеет небо надо мною,
 Не бросит в душу теплого луча...

Волшебный луч любви и возрождения!
 Я звал тебя — во сне и наяву,
 В труде, в борьбе, на рубеже паденья
 Я звал тебя, — теперь уж не зову!

Той бездны сам я не хотел бы видеть,
 Которую ты можешь осветить...
 То сердце не научится любить,
 Которое устало ненавидеть.

1855

ДЕМОНУ

Где ты, мой старый мучитель,
 Демон бессонных ночей?
 Сбился я с толку, учитель,
 С братьей болтливой моей.

Дуешь, бывало, на пламя —
Пламя пылает сильней,
Краше волнуется знамя
Юности гордой моей.

Прямо ли, криво ли вижу,
Только душою киплю:
Так глубоко ненавижу,
Так бескорыстно люблю!

Нынче я всё понимаю,
Всё объяснить я хочу,
Всё так охотно прощаю,
Лишь неохотно молчу.

Что же со мною случилось?
Как разгадаю себя?
Всё бы тотчас объяснилось,
Да не докличусь тебя!

Способа ты не находишь
Сладить с упрямой душой?
Иль потому не приходишь,
Что уж доволен ты мной?

1855

С А Ш А

1

Словно как мать пад сыновней могилой,
Стонет кулик над равниной унылой,

Пахарь ли песню вдали запоем —
Долгая песня за сердце берет;

Лес ли начнется — сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!

Что же молчит мой озлобленный ум?..
Сладок мне леса знакомого шум,

Любо мне видеть знакомую ниву —
Дам же я волю благому порыву

И на родимую землю мою
Все накипевшие слезы пролью!

Злобою сердце питаться устало —
Много в ней правды, да радости мало;

Спящих в могилах виновных теней
Не разбужу я враждою моей.

Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыном к тебе воротился.

Сколько б на нивах бесплодных твоих
Даром ни сгнуло сил молодых,

Сколько бы ранней тоски и печали
Вечные бури твои ни нагнали

На боязливую душу мою —
Я побежден пред тобою стою!

Силу сломили могучие страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про убитую Музу мою
Я похоронные песни пою.

Перед тобою мне плакать не стыдно,
Ласку твою мне принять не обидно —

Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенью страданий моих!

Жизнью измят я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и к блудному сыну:

Только что ей я объятья раскрыл —
Хлынули слезы, прибавилось сил.

Чудо свершилось: убогая нива
Вдруг просветлела, пышна и красива,

Ласковой машет вершинами лес,
Солнце приветливей смотрит с небес.

Весело въехал я в дом тот угрюмый,
Что, осенив сокрушительной думой,

Некогда стих мне суровый внушил...
Как он печален, запущен и хил!

Скучно в нем будет. Нет, лучше поеду,
Благо не поздно, теперь же к соседу

И поселюсь среди мирной семьи.
Славные люди — соседи мои,

Славные люди! Радущье их честно,
Лесть им противна, а спесь неизвестна.

Как-то они доживают свой век?
Он уже дряхлый, седой человек,

Да и старушка не многим моложе.
Весело будет увидеть мне тоже

Сашу, их дочь... Недалеко их дом.
Всё ли застану по-прежнему в нем?

2

Добрые люди, спокойно вы жили,
Милую дочь свою нежно любили.

Дико росла, как цветок полевой,
Смуглая Саша в деревне степной.

Всем окружив ее тихое детство,
Что позволяли убогие средства,

Только развить воспитаньем, увы!
Эту головку не думали вы.

Книги ребенку — напрасная мука,
Ум деревенский пугает наука;

Но сохраняется дольше в глуши
Первоначальная ясность души,

Рдеет румянец и ярче и краше...
Мило и молодо дитяtko ваше,—

Бегает живо, горит, как алмаз,
Черный и влажный смеющийся глаз,

Щеки румяны, и полны, и смуглы,
Брови так тонки, а плечи так круглы!

Саша не знает забот и страстей,
А уж шестнадцать исполнилось ей...

Выспится Саша, поднимется рано,
Черные косы завяжет у стана

И убежит, и в просторе полей
Сладко и вольно так дышится ей.

Та ли, другая пред нею дорожка —
Смело ей вверится бойкая ножка;

Да и чего побоится она?..
Всё так спокойно; кругом тишина,

Сосны вершинами машут приветно,
Кажется, шепчут, струясь незаметно,

Волны под сводом зеленых ветвей:
«Путник усталый! бросайся скорей

В наши объятия: мы добры и рады
Дать тебе, сколько ты хочешь, прохлады».

Полям идешь — всё цветы да цветы,
В небо глядишь — с голубой высоты

Солнце смеется... Ликует природа!
Всюду приволье, покой и свобода;

Только у мельницы злится река:
Нет ей простора... неволя горька!

Бедная! как она вырваться хочет!
Брызжется пеной, бурлит и клокочет,

Но не прорвать ей плотины своей.
«Не суждена, видно, волюшка ей,—

Думает Саша,— безумно роптанье...»
Жизни кругом разлитой ликование

Саше порукой, что милостив бог...
Саша не знает сомненья тревог.

Вот по распаханной, черной поляне,
Землю взрывая, бредут поселяне —

Саша в них видит довольных судьбой
Мирных хранителей жизни простой:

Знает она, что недаром с любовью
Землю польют они потом и кровью.

Весело видеть семью поселян,
В землю бросающих горсти семян;

Дорого-любо, кормилица-нива!
Видеть, как ты колосишься красиво,

Как ты, янтарным зерном налита,
Гордо стоишь, высока и густа!

Но веселей нет поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа;

Вторит ей эхо лесов и полей,
Словно кричит: «Поскорей! поскорей!»

Звук благодатный! Кого он разбудит,
Верно, весь день тому весело будет!

Саша проснется — бежит на гумно.
Солнышка нет — ни светло, ни темно,

Только что шумное стадо прогнали.
Как на подмерзлой грязи натоптали

Лошади, овцы!.. Парным молоком
В воздухе пахнет. Мотая хвостом,

За нагруженной снопами телегой
Чинпо идет жеребеночек пегой,

Пар из отворенной риги валит,
Кто-то в огне там у печки сидит.

А на гумне только руки мелькают
Да высоко молотила взлетают,

Не успевает улечься их тень.
Солнце взошло — начинается день...

Саша сбирала цветы полевые,
С детства любимые, сердцу родные,

Каждую травку соседних полей
Знала по имени. Правилось ей

В пестром смещении звуков знакомых
Птиц различать, узнавать насекомых.

Время к полудню, а Саши всё нет.
«Где же ты, Саша? простынет обед,

Сашенька! Саша!..» С желтеющей нивы
Слышатся песни простой переливы;

Вот раздастся «ау!» вдалеке;
Вот над колосьями в синем венке

Черная быстро мелькнула головка...
«Вишь ты, куда забежала, плутовка!

Э!.. да, никак, колосистую рожь
Переросла наша дочка!» — Так что ж? —

«Что? ничего! понимай, как умеешь!
Что теперь надо, сама разумеешь:

Спелому колосу — серп удалой,
Девце взрослой — жених молодой!»

— Вот еще выдумал, старый проказник! —
«Думай не думай, а будет нам праздник!»

Так рассуждая, идут старики
Саше навстречу; в кустах у реки

Смирно присядут, подкрадутся ловко,
С криком внезапным: «Попалась, плутовка!» —

Сашу поймают, и весело им
Свидеться с дитятком бойким своим...

В зимние сумерки нянины сказки
Саша любила. Поўтру в салазки

Саша садилась, летела стрелой,
Полная счастья, с горы ледяной.

Няня кричит: «Не убейся, родная!»
Саша, салазки свои погоняя,

Весело мчится. На полном бегу
Набок салазки — и Саша в снегу!

Выбьются косы, растреплется шубка —
Снег отряхает, смеется, голубка!

Не до ворчанья и няне седой:
Любит она ее смех молодой...

Саше случалось звать и печали:
Плакала Саша, как лес вырубали,

Ей и теперь его жалко до слез.
Сколько тут было кудрявых берез!

Там из-за старой, нахмуренной ели
Красные гроздья калины глядели,

Там поднимался дубок молодой.
Птицы царили в вершине лесной,

Понизу всякие звери таились.
Вдруг мужики с топорами явились —

Лес зазвенел, застонал, затрещал.
Заяц послушал — и вон побежал,

В темную нору забились лисица,
Машет крылом осторожнее птица,

В недоуменье тащат муравьи
Что ни попало в жилища свои.

С песнями труд человека спорился:
Словно подкошен, осинник валился,

С треском ломали сухой березняк,
Корчили с корнем упорный дубняк,

Старую сосну сперва подрубали,
После арканом ее нагибали

И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы к земле прилегла поплотней.

Так, победив после долгого боя,
Враг уже мертвого топчет героя.

Много тут было печальных картин:
Стоном стонали верхушки осин,

Из перерубленной старой березы
Градом лилился прощальные слезы

И пропадали одна за другой
Данью последней на почве родной.

Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо светила ночные,

И над поверженным лесом луна
Остановилась, кругла и ясна,—

Трупы деревьев недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипели, трещали,

Жалобно листья шумели кругом.
Так, после битвы, во мраке ночном

Раненый стонет, зовет, проклинаят.
Ветер над полем кровавым летает —

Праздно лежащим оружием звенит,
Волосы мертвых бойцов шевелит!

Тени ходили по пням беловатым,
Жидким осинам, березам косматым;

Низко летали, вились колесом
Совы, шарахаясь оземь крылом;

Звонко кукушка вдали куковала,
Да, как безумная, галка кричала,

Шумно летая над лесом... но ей
Не отыскать неразумных детей!

С дерева комом галчата упали,
Желтые рты широко разевали,

Прыгали, злились. Наскучил их крик —
И придавил их ногою мужик.

Утром работа опять закипела.
Саша туда и ходить не хотела,

Да через месяц — пришла. Перед ней
Взрытые глыбы и тысячи пней;

Только, уныло повиснув ветвями,
Старые сосны стояли местами,

Так на селе остаются одни
Старые люди в рабочие дни.

Верхние ветви так плотно сплелись,
Словно там гнезда жар-птиц завелись,

Что, по словам долговечных людей,
Дважды в полвека выводят детей.

Саше казалось, пришло уже время:
Вылетит скоро волшебное племя,

Чудные птицы посядут на пни,
Чудные песни споют ей они!

Саша стояла и чутко внимала.
В красках вечерних заря догорала —

Через соседний несрубленный лес,
С пышно-румяного края небес

Солнце пронзалось стрелой лучезарной,
Шло через пни полосой янтарной

И наводило на дальний бугор
Света и теней недвижный узор.

Долго в ту почь, не смыкая ресницы,
Думает Саша: что петь будут птицы?

В комнате словно тесней и душней.
Саше не спится, — но весело ей.

Пестрые грезы сменяются живо,
Щеки румянцем горят не стыдливо,

Утренний сон ее крепок и тих...
Первые зорьки страстей молодых!

Полны вы чары и неги беспечной,
Нет еще муки в тревоге сердечной;

Туча близка, но угрюмая тень
Медлит испортить смеющийся день,

Будто жалея... И день еще ясен...
Он и в грозе будет чудно прекрасен,

Но безотчетно пугает гроза...
Эти ли детски живые глаза,

Эти ли полные жизни ланиты
Грустно поблекнут, слезами покрыты?

Эту ли резвую волю во власть
Гордо возьмет всегубящая страсть?..

Мимо идите, угрюмые тучи!
Горды вы силой! свободой могучи:

С вами ли, грозные, вынести бой
Слабой и робкой былинке степной?..

Третьего года, наш край покидая,
Старых соседей моих обнимая,

Помню, пророчил я Саше моей
Доброго мужа, румяных детей,

Долгую жизнь без тоски и страданья...
Да не сбылся мои предсказанья!

В страшной беде стариков я застал.
Вот что про Сашу отец рассказал:

«В нашем соседстве усадьба большая
Лет уже сорок стояла пустая;

В третьем году наконец прикатил
Барин в усадьбу и нас посетил,

Именем: Лев Алексеич Агарин,
Ласков с прислугой, как будто не барин,

Тонок и бледен. В лорнетку глядел,
Мало волос на макушке имел.

Звал он себя перелетною птицей:
«Был,— говорит,— я теперь за границей,

Много видал я больших городов,
Синих морей и подводных мостов —

Всё там приволье, и роскошь, и чудо,
Да высылали доходы мне худо.

На пароходе в Кронштадт я пришел,
И надо мной всё кружился орел,

Словно пророчил великую долю». —
Мы со старухой дивилися вволю,

Саша смеялась, смеялся он сам...
Начал он часто похаживать к нам,

Начал гулять, разговаривать с Сашей
Да над природой подтрунивать нашей —

Есть-де на свете такая страна,
Где никогда не проходит весна,

Там и зимою открыты балконы,
Там поспевают на солнце лимоны,

И начинал, в потолок посмотрев,
Грустное что-то читать нараспев.

Право, как песня слова выходили.
Господи! сколько они говорили!

Мало того: он ей книжки читал
И по-французски ее обучал.

Словно брала их чужая кручина,
Всё рассуждали: какая причина,

Вот уж который теперича век
Беден, несчастлив и зол человек?

«Но,— говорит,— не слабейте душою:
Солнышко правды взойдет над землею!»

И в подтвержденье надежды своей
Старой рябиновкой чокался с ней.

Саша туда же — отстать-то не хочет —
Выпить не выпьет, а губы обмочит;

Грешные люди — пивали и мы.
Стал он прощаться в начале зимы:

«Бил,— говорит,— я довольно баклуши,
Будьте вы счастливы, добрые души,

Благословите на дело... пора!»
Перекрестился — и съехал с двора...

В первое время печалилась Саша,
Видим: скучна ей компания наша.

Годы ей, что ли, такие пришли?
Только узнать мы ее не могли:

Скучны ей песни, гаданья и сказки.
Вот и зима! — да не тешат салазки.

Думает думу, как будто у ней
Больше забот, чем у старых людей.

Книжки читает, укладкою плачет.
Видели: письма всё пишет и прячет.

Книжки выписывать стала сама —
И наконец набралась же ума!

Что ни спроси, растолкует, научит,
С ней говорить никогда не наскучит;

А доброта... Я такой доброты
Век не видал, не увидишь и ты!

Бедные все ей приятели-друзи:
Кормит, ласкает и лечит недуги.

Так девятнадцать ей минуло лет.
Мы поживаем — и горюшка нет.

Надо же было вернуться соседу!
Слышим: приехал и будет к обеду.

Как его весело Саша ждала!
В комнату свежих цветов принесла;

Книги свои уложила исправно,
Просто оделась, да так-то ли славно;

Вышла навстречу — и ахнул сосед!
Словно оробел. Мудреного нет:

В два-то последние года на диво
Сашенька стала пышна и красива,

Прежний румянец в лице заиграл.
Он же бледней и плешивее стал...

Всё, что ни делала, что ни читала,
Саша тотчас же ему рассказала;

Только не впрок угожденье пошло!
Он ей перечил, как будто назло:

«Оба тогда мы болтали нустое!
Умные люди решили другое,

Род человеческий низок и зол».
Да и пошел! и пошел! и пошел!..

Что говорил — мы понять не умеем,
Только покоя с тех пор не имеем:

Вот уж сегодня семнадцатый день
Саша тоскует и бродит как тень!

Книжки свои то читает, то бросит,
Гость навестит, так молчать его просит.

Был он три раза; однажды застал
Сашу за делом: мужик диктовал

Ей письмецо, да какая-то баба
Травки просила — была у ней жаба.

Он поглядел и сказал нам шутя:
«Тешится новой игрушкой дитя!»

Саша ушла — не ответила слова...
Он было к ней; говорит: «Нездорова».

Книжек прислал — не хотела читать
И приказала назад отослать.

Плачет, печалится, молится богу...
Он говорит: «Я собрался в дорогу» —

Сашенька вышла, простилась при нас,
Да и опять наверху заперлась.

Что ж?.. он письмо ей прислал. Между нами:
Грешные люди, с испугу мы сами

Прежде его прочитали тайком:
Руку свою предлагает ей в нем.

«Тройка»

«Саша»

Саша сначала отказ отослала,
Да уж потом нам письмо показала.

Мы уговаривать: чем не жених?
Молод, богат, да и правом-то тих.

«Нет, не пойду». А сама беспокойна;
То говорит: «Я его недостойна» —

То: «Он меня недостойн: он стал
Зол и печален и духом упал!»

А как уехал, так пуще тоскует,
Письма его потихоньку целует!..

Что тут такое? Родной, объясни!
Хочешь, на бедную Сашу взгляни.

Долго ли будет она убиваться?
Или уж ей не певать, не смеяться,

И погубил он бедняжку навек?
Ты нам скажи: он простой человек

Или какой чернокнижник-губитель?
Или не сам ли он бес-искуситель?..»

4

Полноте, добрые люди, тужить!
Будете скоро по-прежнему жить:

Саша поправится — бог ей поможет.
Околдовать никого он не может:

Он... не могу приложить головы,
Как объяснить, чтобы поняли вы...

Странное племя, мудреное племя
В нашем отечестве создало время!

Это не бес, искуситель людской,
Это, увы! — современный герой!

Книги читает да по свету рыщет —
Дела себе исполинского ищет,

Благо наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов,

Благо идти по дороге избитой
Лень помешала да разум развитый.

«Нет, я души не растрачу моей
На муравьиной работе людей:

Или под бременем собственной силы
Сделаюсь жертвою ранней могилы,

Или по свету звездой пролечу!
Мир,— говорит,— осчастливить хочу!»

Что ж под руками, того он не любит,
То мимоходом без умыслу губит.

В наши великие, трудные дни
Книги не шутка: укажут они

Всё недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое,

Но не научат любить глубоко...
Дело веков поправлять не легко!

В ком не воспитано чувство свободы,
Тот не займет его; нужны не годы —

Нужны столетья, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.

Всё, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно и сродно,

Только дающая силу и власть,
В слове и деле чужда ему страсть!

Любит он сильно, сильнее ненавидит,
А доведись — комара не обидит!

Да говорят, что ему и любовь
Голову больше волнует — не кровь!

Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет:

Верить, не верить — ему всё равно,
Лишь бы доказано было умно!

Сам на душе ничего не имеет,
Что вчера сжал, то сегодня и сеет;

Нынче не знает, что́ завтра сожнет,
Только наврное сеять пойдет.

Это в простом переводе выходит,
Что в разговорах он время проводит;

Если ж за дело возьмется — беда!
Мир виноват в неудаче тогда;

Чуть поослабнут нетвердые крылья,
Бедный кричит: «Бесполезны усилья!»

И уж куда как становится зол
Крылья свои опаливший орел...

Поняли?.. нет!.. Ну, беда небольшая!
Лишь поняла бы бедняжка больная.

Благо теперь догадалась она,
Что отдаваться ему не должна,

А остальное всё сделает время.
Сеет он всё-таки доброе семя!

В нашей степной полосе, что ни шаг,
Знаете вы,— то бугор, то овраг.

В летнюю пору безводны овраги,
Выжжены солнцем, песчаны и наги,

Осенью грязны, не видны зимой,
Но погодите: повеет весной

С теплого края, оттуда, где люди
Дышат вольнее — в три четверти груди,—

Красное солнце растопит снега,
Реки покинут свои берега,—

Чуждые волны кругом разливая,
Будет и дерзок и полон до края

Жалкий овраг... Пролетела весна —
Выжжет опять его солнце до дна,

Но уже зреет на ниве поёмной,
Что оросил он волною заемной,

Пышная жатва. Нетронутых сил
В Саше так много сосед пробудил...

Эх! говорю я хитро, непонятно!
Знайте и верьте, друзья: благодатна

Всякая буря душе молодой —
Зреет и крепнет душа под грозой.

Чем неутешнее дитяtko ваше,
Тем встрепенется светлее и краше:

В добрую почву упало зерно —
Пышным плодом отродится оно!

1854—1855

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

Гражданин
(входит)

Опять один, опять суров,
Лежит — и ничего не пишет.

Поэт

Прибавь: хандрит и еле дышит —
И будет мой портрет готов.

Гражданин

Хорош портрет! Ни благородства,
Ни красоты в нем нет, поверь,
А просто пошлое юродство.
Лежать умеет дикий зверь...

Поэт

Так что же?

Гражданин

Да глядеть обидно.

Поэт

Ну, так уйди.

Гражданин

Послушай: стыдно!
Пора вставать! Ты знаешь сам,
Какое время наступило;
В ком чувство долга не остыло,
Кто сердцем неподкупно прям,
В ком дарованье, сила, меткость,
Тому теперь не должно спать...

Поэт

Положим, я такая редкость,
Но нужно прежде дело дать.

Гражданин

Вот новость! Ты имеешь дело,
Ты только временно уснул,
Проснись: громи пороки смело...

Поэт

А! знаю: «Вишь, куда метнул!»
Но я обстрелянная птица.
Жаль, нет охоты говорить.

(Берет книгу.)

Спаситель Пушкин! — Вот страница:
Прочти — и перестань корить!

Гражданин
(читает)

«Не для житейского волнения,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновения,
Для звуков сладких и молитв».

Поэт
(с восторгом)

Неподражаемые звуки!..
Когда бы с Музою моею
Я был немного поумней,
Клянусь, пера бы не взял в руки!

Гражданин

Да, звуки чудные... ура!
Так поразительна их сила,
Что даже сонная хандра
С души поэта соскочила.
Душевно радуюсь — пора!
И я восторг твой разделяю,
Но, признаюсь, твои стихи
Живее к сердцу принимаю.

Поэт

Не говори же чепухи!
Ты рьяный чтец, но критик дикий.
Так я, по-твоему, — великий,
Повыше Пушкина поэт?
Скажи пожалуйста?!

Гражданин

Ну, нет!

Твои поэмы бестолковы,
Твои элегии не новы,
Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны,
Твой стих тягуч. Заметен ты,
Но так без солнца звезды видны.
В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно рыщет зверь,
А человек бредет пугливо, —
Ты твердо светоч свой держал,
Но небу было неуютно,

Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно;
Дрожащей искрою впотьмах
Он чуть горел, мигал, метался.
Моли, чтоб солнца он дождался
И потонул в его лучах!

Нет, ты не Пушкин. Но покуда
Не видно солнца ниоткуда,
С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...

Гроза молчит, с волной бездонной
В сиянье спорят небеса,
И ветер ласковый и сонный
Едва колеблет паруса,—
Корабль бежит красиво, стройно,
И сердце путников спокойно,
Как будто вместо корабля
Под ними твердая земля.
Но гром ударил; буря стонет,
И снасти рвет, и мачту клонит,—
Не время в шахматы играть,
Не время песни распевать!
Вот пес и тот опасность знает
И бешено на ветер лает:
Ему другого дела нет...
А ты что делал бы, поэт?
Ужель в каюте отдаленной
Ты стал бы лирой вдохновенной
Ленинцев уши услаждать
И бури грохот заглушать?

Пускай ты верен назначенью,
Но легче ль родине твоей,
Где каждый предан поклоненью
Единой личности своей?
Наперечет сердца благие,
Которым родина свята.
Бог помочь им!.. а остальные?
Их цель мелка, их жизнь пуста.
Одни — стяжатели и воры,
Другие — сладкие певцы,

А третьи... третьи — мудрецы:
Их назначенье — разговоры.
Свою особу оградя,
Они бездействуют, твердя:
«Неисправимо наше племя,
Мы даром гибнуть не хотим,
Мы ждем: авось поможет время,
И горды тем, что не вредим!»
Хитро скрывает ум надменный
Себялюбивые мечты,
Но... брат мой! кто бы ни был ты,
Не верь сей логике презренной!
Страшись их участь разделить,
Богатых словом, делом бедных,
И не иди во стан безвредных,
Когда полезным можешь быть!
Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

А ты, поэт! избранник неба,
Глашатай истин вековых,
Не верь, что не имущий хлеба
Не стобит вещей струн твоих!
Не верь, чтоб вовсе пали люди;
Не умер бог в душе людей,
И вопль из верующей груди
Всегда доступен будет ей!
Будь гражданин! служба искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви;
И если ты богат дарами,
Их выставлять не хлопочи:
В твоём труде заблещут сами
Их животворные лучи.
Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,

А из-под молота летит
И брызжет сам собою пламень!

П о э т

Ты кончил?.. чуть я не уснул.
Куда нам до таких воззрений!
Ты слишком далеко шагнул.
Учить других — потребен гений,
Потребна сильная душа,
А мы с своей душой ленивой,
Самолюбивой и пугливой,
Не стóим медного гроша.
Спеша известности добиться,
Боимся мы с дороги сбиться
И тропкой торною идем,
А если в сторону свернем —
Пропали, хоть беги со света!
Куда жалка ты, роль поэта!
Блажен безмолвный гражданин:
Он, Музам чуждый с колыбели,
Своих поступков господин,
Ведет их к благородной цели,
И труд его успешен, спор...

Г р а ж д а н и н

Не очень лестный приговор.
Но твой ли он? тобой ли сказан?
Ты мог бы правильной судить:
Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.
А что такое гражданин?
Отечества достойный сын.
Ах! будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,
Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан!
Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантатор,
Кто гражданин страны родной?
Где ты? откликнись! Нет ответа.
И даже чужд душе поэта
Его могучий идеал!
Но если есть он между нами,
Какими плачет он слезами!.

Ему тяжелый жребий пал,
Но доли лучшей он не просит:
Он, как свои, на теле носит
Все язвы родины своей.

.
Гроза шумит и к бездне гонит
Свободы шаткую ладью,
Поэт клянет или хоть стонет,
А гражданин молчит и клонит
Под иго голову свою.
Когда же... Но молчу. Хоть мало,
И среди нас судьба являла
Достойных граждан... Знаешь ты
Их участь?.. Преклони колени!..
Лентяй! смешны твои мечты
И легкомысленные пени!
В твоём сравненье смыслу нет.
Вот слово правды беспристрастной:
Блажен болтающий поэт,
И жалок гражданин безгласный!

П о э т

Не мудрено того добить,
Кого уж добивать не надо.
Ты прав: поэту легче жить —
В свободном слове есть отрада.
Но был ли я причастен ей?
Ах, в годы юности моей,
Печальной, бескорыстной, трудной,
Короче — очень безрассудной, —
Куда ретив был мой Пегас!
Не розы — я влетал крапиву
В его размашистую гриву
И гордо покидал Парнас.
Без отвращения, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.
Не повторю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!
И что ж?.. мои послышав звуки,
Сочли их черной клеветой;
Пришлось сложить смиренно руки
Иль поплатиться головой...

Что было делать? Безрассудно
Винить людей, винить судьбу.
Когда б я видел хоть борьбу,
Бороться стал бы, как ни трудно,
Но... гибнуть, гибнуть... и когда?
Мне было двадцать лет тогда!
Лукаво жизнь вперед манила,
Как моря вольные струи,
И ласково любовь сулила
Мне блага лучшие свои —
Душа пугливо отступила...
Но сколько б ни было причин,
Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю
При слове: честный гражданин.
Тот роковой, напрасный пламень
Доныне сожигает грудь,
И рад я, если кто-нибудь
В меня с презреньем бросит камень.
Бедняк! и из чего попрал
Ты долг священный человека?
Какую подать с жизни взял
Ты — сын больной большого века?..
Когда бы знали жизнь мою,
Мою любовь, мои волнения...
Угрюм и полон озлобленья,
У двери гроба я стою...

Ах! песнею моей прощальной
Та песня первая была!
Склонила Муза лик печальный
И, тихо зарыдав, ушла.
С тех пор не часты были встречи!
Украдкой, бледная, придет,
И шепчет пламенные речи,
И песни гордые поет.
Зовет то в города, то в степи,
Заветным умыслом полна,
Но загремят внезапно цепи —
И мигом скроется она.
Не вовсе я ее чуждался,
Но как боялся! как боялся!
Когда мой ближний утопал
В волнах существенного горя —

То гром небес, то ярость моря
Я добродушно воспевал.
Бичуя маленьких ворюшек
Для удовольствия больших,
Дивил я дерзостью мальчишек
И похвалой гордился их.
Под игом лет душа погнулась,
Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.
Теперь напрасно к ней зываю —
Увы! сокрылась навсегда.
Как свет, я сам ее не знаю
И не узнаю никогда.
О Муза, гостью случайной
Являлась ты душе моей?
Иль песен дар необычайный
Судьба предназначала ей?
Увы! кто знает? рок суровый
Всё скрыл в глубокой темноте.
Но шел один венок терновый
К твоей угрюмой красоте...

1855—1856

* * *

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

1855 или 1856

* * *

Тяжелый год — сломил меня недуг,
Беда застигла, счастье изменило,
И не щадит меня ни враг, ни друг,
И даже ты не пощадила!
Истерзана, озлоблена борьбой
С своими кровными врагами,
Страдалица! стоишь ты предо мной
Прекрасным призраком с безумными глазами!
Упали волосы до плеч,
Уста горят, румянцем рдеют щеки,
И необузданная речь
Сливается в ужасные упреки,
Жестокие, неправые... Постой!
Не я обрек твой молодые годы
На жизнь без счастья и свободы,
Я друг, я не губитель твой!
Но ты не слушаешь...

.
1855 или 1856

П Р О С Т И

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья,—
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!

Но дни, когда любви светило
Над нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь,—
Благослови и не забудь!

1856

* * *

Как ты кротка, как ты послушна,
Ты рада быть его рабой,
Но он внимает равнодушно,
Уныл и холоден душой.

А прежде... помнишь? Молода,
Горда, надменна и прекрасна,
Ты им играла самовластно,
Но он любил, любил тогда!

Так солнце осени — без туч
Стоит, не грея, на лазури,
А летом и сквозь сумрак бури
Бросает животворный луч...

1856

* * *

Я посетил твоё кладбище,
Подруга трудных, трудных дней!
И образ твой светлей и чище
Рисуется душе моей.
Бывало, натерпевшись муки,
Устав и телом и душой,
Под игом молчаливой скуки
Встречался грустно я с тобой.
Ни смех, ни говор твой веселый
Не прогоняли темных дум:
Они бесили мой тяжелый,
Больной и раздраженный ум.
Я думал: нет в душе беспечной
Сочувствия душе моей,
И горе в глубине сердечной
Держалось дольше и сильней...
Увы, то время невозвратно!
В ошибках юность не вольна:
Без слез ей горе непонятно,
Без смеху радость не видна...
Ты умерла... Смирились грозы.
Другую женщину я знал,
Я поминутно видел слезы
И часто смех твой вспоминал.
Теперь мне дороги и милы
Те грустно прожитые дни,—
Как много нежности и силы
Душевной вызвали они!
Твержу с упреком и тоскою:
«Зачем я не ценил тогда?»
Забудусь, ты передо мною

Стоишь — жива и молода:
Глаза блистают, локон вьется,
Ты говоришь: «Будь веселей!»
И звонкий смех твой отдается
Больнее слез в душе моей...

1856

ШКОЛЬНИК

— Ну, пошел же, ради бога! —
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога...
Эй! садись ко мне, дружок!

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертачок,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаек.

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?.. Ну, что ж!
Случай тоже уж не новый —
Не робей, не пропадешь!

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай,—

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

1856

Т И Ш И Н А

1

Всё рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем,
И не нашел я ничего!
Я там не свой: хандрю, немею,
Не одолев мою судьбу,
Я там погнулся перед нею,
Но тыдохнула — и сумею,
Быть может, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отчизны —
Я песни родине слагал!
И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою
И в умиление посылаю
Всему привет... Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозой выдержат войну,

И ровный шум лесов сосновых,
И деревенок тишину,
И нив широкие размеры...
Храм божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храм воздыханья, храм печали —
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слышали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил —
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...

Я внял... я детски умилился...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем!

2

Пора! За рожью колосистой
Леса сплошные начались,
И сосен аромат смолистый
До нас доходит... «Берегись!»
Уступчив, добродушно смирен,
Мужик торопится свернуть...
Опять пустынно-тих и мирен

Ты, русский путь, знакомый путь!
Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей,
Пыль не стоит уже столбами
Над бедной родиной моей.
Опять ты сердцу посылаешь
Успокоительные сны,
И вряд ли сам припоминаешь,
Каков ты был во дни войны,—
Когда над Русью безмятежной
Восстал немолчный скрип тележный,
Печальный, как народный стон!
Русь поднялась со всех сторон,
Всё, что имела, отдавала
И на защиту высылала
Со всех проселочных путей
Своих покорных сыновей.
Войска водили офицеры,
Гремел походный барабан,
Скакали бешено курьеры;
За караваном караван
Тянулся к месту ярой битвы —
Свозили хлеб, сгоняли скот.
Проклятья, стоны и молитвы
Носились в воздухе... Народ
Смотрел довольными глазами
На фуры с пленными врагами,
Откуда рыжих англичан,
Французов с красными ногами
И чалмоносных мусульман
Глядели сумрачные лица...
И всё минуло... всё молчит...
Так мирных лебедей станица,
Внезапно слугнута, летит
И, с криком обогнув равнину
Пустынных, молчаливых вод,
Садится дружно на средину
И осторожнее плывет...

3

Свершилось! Мертвые отпеты,
Живые прекратили плач,
Окровененные ланцеты
Отчистил утомленный врач.

Военный поп, сложив ладони,
Творит молитву небесам.
И севастопольские кони
Пасутся мирно... Слава вам!
Вы были там, где смерть летает,
Вы были в сечах роковых
И, как вдовец жену меняет,
Меняли всадников лихих.

Война молчит — и жертв не просит,
Народ, стекаясь к алтарям,
Хвалу усердную возносит
Смирившим громы небесам.
Народ-герой! в борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца,
Светлее твой венец терновый
Победоносного венца!

Молчит и *он*... как труп безглавый,
Еще в крови, еще дымясь;
Не небеса, ожесточась,
Его снесли огнем и лавой:
Твердыня, избранная славой,
Земному грому поддалась!
Три царства перед ней стояло,
Перед одной... таких громов
Еще и небо не метало
С нерукотворных облаков!
В ней воздух кровью напоили,
Изрешетили каждый дом
И, вместо камня, намостили
Ее свинцом и чугуном.
Там по чугунному помосту
И море под стеной течет.
Носили там людей к погосту,
Как мертвых пчел, теряя счет...
Свершилось! Рухнула твердыня,
Войска ушли... кругом пустыня,
Могилы... Люди в той стране
Еще не верят тишине,
Но тихо... В каменные раны
Заходят сизые туманы,
И черноморская волна
Уныло в берег славы плещет...

Над всею Русью тишина,
Но — не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет,
И думу думает она.

4

А тройка все летит стрелой.
Завидев мост полуживой,
Ямщик бывалый, парень русский,
В овраг спускает лошадей
И едет по тропинке узкой
Под самый мост... оно верней!
Лошадки рады: как в подполье,
Прохладно там... Ямщик свистит
И выезжает на приволье
Лугов... родной, любимый вид!
Там зелень ярче изумруда,
Нежнее шелковых ковров,
И, как серебряные блюда,
На ровной скатерти лугов
Стоят озера... Ночью темной
Мы миновали луг поемный,
И вот уж едем целый день
Между зелеными стенами
Густых берез. Люблю их тень
И путь, усыпанный листьями!
Здесь бег коня неслышно-тих,
Легко в их сырости приятной,
И веет на душу от них
Какой-то глушью благодатной.
Скорей туда — в родную глушь!
Там можно жить, не обижая
Ни божьих, ни ревижских душ
И труд любимый довершая.
Там стыдно будет унывать
И предаваться грусти праздной,
Где пахарь любит сокращать
Напевом труд однообразный.
Его ли горе не скребет? —
Он бодр, он за сохой шагает.
Без наслажденья он живет,
Без сожаленья умирает.

Его примером укрепись,
Сломившийся под игом горя!
За личным счастьем не гонись
И богу уступай — не споря...

1856—1857

* * *

Стихи мои! Свидетели живые
За мир пролитых слез!
Родитесь вы в минуты роковые
Душевных гроз
И бьетесь о сердца людские,
Как волны об утес.

1858

* * *

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России —
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...

1858

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь — в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектеры, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.

От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напеваает «трам-трам»,
А иные просители плачут.
Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти»,— говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать, бредя-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?

Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!
Безмятежной аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя,—
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны,— как дитя
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? —
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночью в степи;

Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевой!..
Волга!.. Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля,—
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил,—
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

1858

* * *

(Отрывок)

Ночь. Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаем, чего пожелать.

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто всё терпит, во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не рошут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям;
Кто бредет по житейской дороге
В безрассветной, глубокой ночи,
Без понятия о праве, о боге,
Как в подземной тюрьме без свечи...

1858

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ

— Стой, ямщик! жара несносная,
Дальше ехать не могу! —
Вишь, пора-то сенокосная —
Вся деревня на лугу.

У двора у постоянного
Только нянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку
Да, зевая, крестит рот.
Сел я рядом с ней на лесенку,
Няня дремлет и поет:

«Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

Сила ломит и соломушку —
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

В люди выдешь, всё с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодницами пригожими
Шутки вольные шутить.

И привольная и праздная
Жизнь покатится шутя...»
Эка песня безобразная!
— Няня! дай-ка мне дитя! —

«На, родной! да ты откуда?»
— Я проезжий, городской. —
«Покачай; а я покудова
Подремлю... да песню спой!»

— Как не спеть! спую, родимая,
Только, знаешь, не твою.
У меня своя, любимая...
Баю-баюшки-баю!

В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт — ум глупцов!

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проспуться не мешай.

С ними ты рожден природою —
Возледей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

Необузданную, дикую
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

С этой ненавистью правою,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

И тогда-то... — Вдруг проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!»
И запела над малюткою
Снова песенку свою...

1859

П Л А Ч Д Е Т Е Й

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?

«В золотую пору малолетства
Всё живое — счастливо живет.
Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берет.
Только нам гулять не довелось
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колеса
Мы вертим — вертим — вертим!

Колесо чугунное вертится,
И гудит, и ветром обдаёт,
Голова пылаёт и кружится,
Сердце бьётся, всё кругом идет:
Красный нос безжалостной старухи,
Что за нами смотрит сквозь очки,
По стенам гуляющие мухи,
Стены, окна, двери, потолки, —
Всё и все! Впадая в иступленье,
Начинаем громко мы кричать:
«Погоди, ужасное круженье!
Дай нам память слабую собрать!»
Бесполезно плакать и молиться —
Колесо не слышит, не падит:
Хоть умри — проклятое вертится,
Хоть умри — гудит — гудит — гудит!
Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать!

Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы — спать.
Нам домой скорей бы воротиться,—
Но зачем идем мы и туда?..
Сладко нам и дома не забыться:
Встретит нас забота и нужда!
Там, припав усталой головою
К груди бледной матери своей,
Зарыдав над ней и над собою,
Разорвем на части сердце ей...»

1860

НА ВОЛГЕ

(Детство Валежникова)

1

.
.
Не торопись, мой верный пес!
Зачем на грудь ко мне скакать?
Еще успеем мы стрелять.
Ты удивлен, что я прирос
На Волге: целый час стою
Недвижно, хмурюсь и молчу.
Я вспомнил молодость мою
И весь отдаться ей хочу
Здесь на свободе. Я похож
На нищего: вот бедный дом,
Тут, может, подали бы грош.
Но вот другой — богаче: в нем
Авось побольше подадут.
И нищий мимо; между тем
В богатом доме дворник-плут
Не наделил его ничем.
Вот дом еще пышней, но там
Чуть не прогнали по шеям!
И, как нарочно, всё село
Прошел — нигде не повезло!
Пуста, хоть выверни суму.
Тогда вернулся он назад
К убогой хижине — и рад,

Что корку бросили ему;
Бедняк ее, как робкий пес,
Подальше от людей унес,
И гложет... Рано пренебрег
Я тем, что было под рукой,
И чуть не детской ногой
Ступил за отческий порог.
Меня старались удержать
Мои друзья, молила мать,
Мне лепетал любимый лес:
Верь, нет милей родных небес!
Нигде не дышится вольней
Родных лугов, родных полей,
И той же песенкою полн
Был говор этих милых волн.
Но я не верил ничему.
Нет,— говорил я жизни той,—
Ничем не купленный покой
Противен сердцу моему...

Быть может, недостало сил
Или мой труд не нужен был,
Но жизнь напрасно я убил,
И то, о чем дерзал мечтать,
Теперь мне стыдно вспоминать!
Все силы сердца моего
Истратив в медленной борьбе,
Не допросившись ничего
От жизни ближним и себе,
Стучусь я робко у дверей
Убогой юности моей:
— О юность бедная моя!
Прости меня, смирился я!
Не помяни мне дерзких грез,
С какими, бросив край родной,
Я издевался над тобой!
Не помяни мне глупых слез,
Какими плакал я не раз,
Твоим покоем тяготясь!
Но благодушно что-нибудь,
На чем бы сердцем отдохнуть
Я мог, пошли мне! Я устал,
В себя я веру потерял,
И только память детских дней
Не тяготит души моей...

Я рос, как многие, в глуши,
 У берегов большой реки,
 Где лишь кричали кулики,
 Шумели гулко камыши,
 Рядами стаи белых птиц,
 Как изваяния гробниц,
 Сидели важно на песке;
 Виднелись горы вдалеке,
 И синий бесконечный лес
 Скрывал ту сторону небес,
 Куда, дневной окончив путь,
 Уходит солнце отдохнуть.

Я страха смолоду не знал,
 Считал я братьями людей
 И даже скоро перестал
 Бояться леших и чертей.
 Однажды няня говорит:
 «Не бегай ночью — волк сидит
 За нашей ригой, а в саду
 Гуляют черти на пруду!»
 И в ту же ночь пошел я в сад.
 Не то чтоб я чертям был рад,
 А так — хотелось видеть их.
 Иду. Ночная тишина
 Какой-то зоркостью полна,
 Как будто с умыслом притих
 Весь божий мир — и наблюдал,
 Что дерзкий мальчишка затевал!
 И как-то не шагало мне
 В всезрящей этой тишине.
 Не воротиться ли домой?
 А то как черти нападут,
 И потащат с собою в пруд,
 И жить заставят под водой?
 Однако я не шел назад.
 Играет месяц над прудом,
 И отражается на нем
 Береговых деревьев ряд.
 Я постоял на берегу,
 Послушал — черти ни гугу!
 Я пруд три раза обошел,
 Но черт не выплыл, не пришел!

Смотрел я меж ветвей дерев
И меж широких лопухов,
Что поросли вдоль берегов,
В воде: не спрятался ли там?
Узнать бы можно по рогам.
Нет никого! Пошел я прочь,
Нарочно сдерживая шаг.
Сошла мне даром эта ночь,
Но если б друг какой иль враг
Засел в кусту и закричал
Иль даже, спугнутая мной,
Взвилась сова над головой, —
Наверно б мертвый я упал!
Так, любопытствуя, давил
Я страхи ложные в себе
И в бесполезной той борьбе
Немало силы погубил.
Зато добытая с тех пор
Привычка не искать опор
Меня вела своим путем,
Пока рожденного рабом
Самолюбивая судьба
Не обратила вновь в раба!

3

О Волга! после многих лет
Я вновь принес тебе привет.
Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была.
Кругом всё та же даль и ширь,
Всё тот же виден монастырь
На острову, среди песков,
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслыша звон колоколов.
Всё то же, то же... только нет
Убитых сил, прожитых лет...

Уж скоро полдень. Жар такой,
Что на песке горят следы,
Рыбалки дремлют над водой,
Усевшись в плотные ряды;
Куют кузнечики, с лугов
Несется крик перепелов.

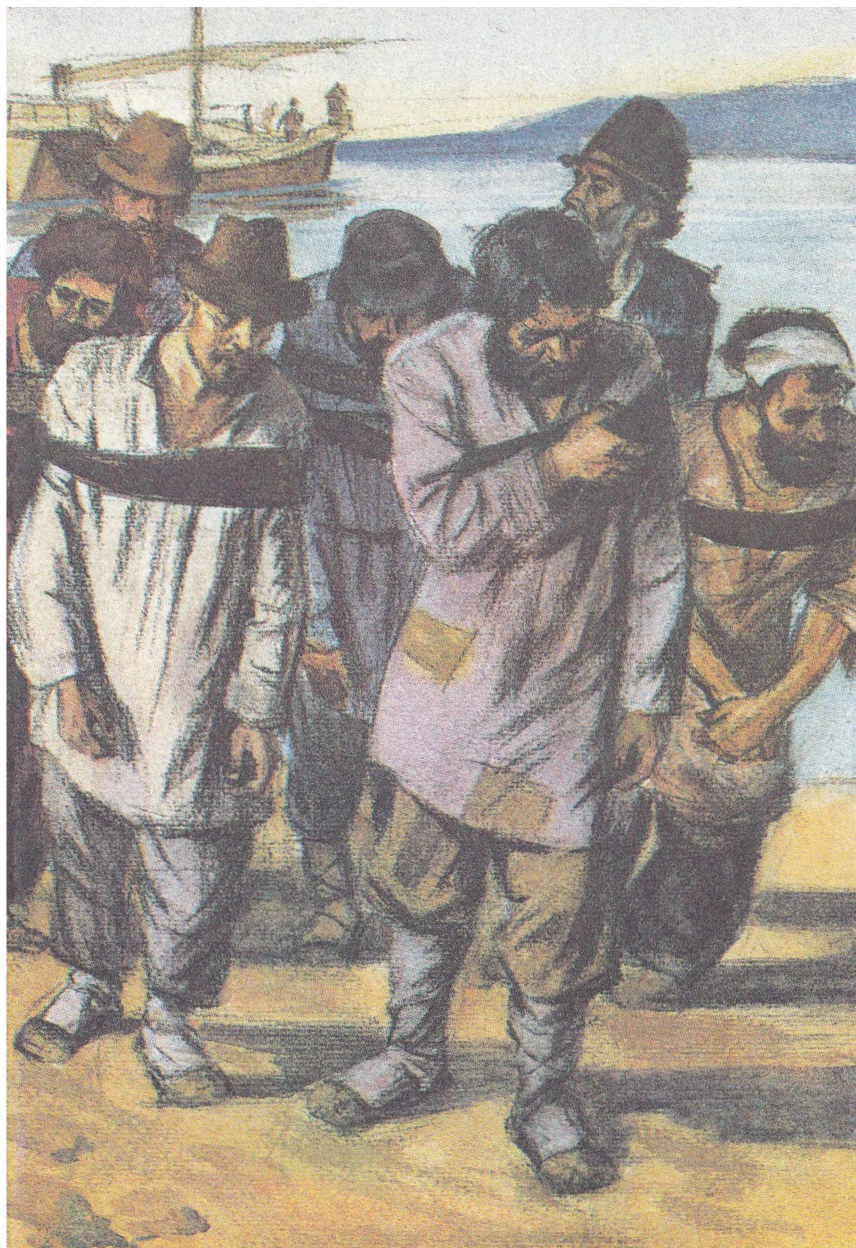
Не нарушая тишины
Ленивой, медленной волны,
Расшива движется рекой.
Приказчик, парень молодой,
Смеясь, за спутницей своей
Бежит по палубе: она
Мила, дородна и красна.
И слышу я, кричит он ей:
«Постой, проказница, уж
Вот догоню!..» Догнал, поймал,—
И поцелуй их прозвучал
Над Волгой вкусно и свежо.
Нас так никто не целовал!
Да в подрумяненных губах
У наших барынь городских
И звуков даже нет таких.

В каких-то розовых мечтах
Я позабылся. Сон и зной
Уже царили надо мной.
Но вдруг я стоны услышал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевою,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда еще всё в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,
Я убегал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверок,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,

«Размышления у парадного подъезда»

«Ha Bonne»

И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою...
Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
С песчаных этих берегов.
И не ушел бы никуда —
Когда б, о Волга! над тобой
Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз,
Я был испуган, оглушен.
Я знать хотел, что значит он —
И долго берегом реки
Бежал. Устали бурлаки,
Котел с расшивы принесли,
Уселись, развели костер
И меж собою повели
Неторопливый разговор.
«Когда-то в Нижний попадем? —
Один сказал.— Когда б попасть
Хоть на Илью...» — Авось придем,—
Другой, с болезненным лицом,
Ему ответил.— Эх, напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянул бы лямку, как медведь,
А кабы к утру умереть —
Так лучше было бы еще...—
Он замолчал и навзничь лег.
Я этих слов понять не мог,
Но тот, который их сказал,
Угрюмый, тихий и больной,
С тех пор меня не покидал!
Он и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенные черты
И, выражающий укор,
Спокойно-безнадежный взор...

Без шапки, бледный, чуть живой,
Лишь поздно вечером домой
Я воротился. Кто тут был —
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,

Я бредил. Няню испугал:
«Сиди, родименькой, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убежал.

Бог ведь что сделалось со мной?
Я не узнал реки родной:
С трудом ступает на песок
Моя нога: он так глубок;
Уж не манит на острова
Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же самых волн
Иною музыкою полн!

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей-детей,
Какие клятвы я давал —
Пускай умрет в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмеял!

Но если вы — наивный бред,
Обеты юношеских лет,
Зачем же вам забвенья нет?
И вами вызванный упрек
Так сокрушительно жесток?..

4

Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,
Таким и ныне увидал:
Всё ту же песню ты поешь,
Всё ту же лямку ты несешь,
В чертах усталого лица
Всё та ж покорность без конца...

.
.

Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!
Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертью не знал,
Что заповедать сыновьям.
И, как ему, — не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?
Как он, бесплодно ты умрешь,
Как он, безвестно пропадешь.
Так заматывается песком
Твой след на этих берегах,
Где ты шагаешь под ярмом,
Не краше узника в цепях,
Твердя постылые слова,
От века те же: «раз да два!»
С болезненным припевом «ой!»
И в такт мотая головой...

1860

* * *

Что ты, сердце мое, расходилося?..
Постыдись! Уж про нас не впервой
Снежным комом прошла-прокатилась
Клевета по Руси по родной.
Не тужи! пусть растет, прибавляется,
Не тужи! как умрем,
Кто-нибудь и об нас проболтается
Добрый словцом.

1860

* * *

. одинокий, потерянный,
Я как в пустыне стою,
Гордо не кличет мой голос уверенный
Душу родную мою.

Нет ее в мире. Те дни миновались,
Как на призывы мои
Чуткие сердцем друзья отзывались,
Слышалось слово любви.

Кто виноват — у судьбы не доспросишься,
Да и не всё ли равно?
У моря бродишь: «Не верю, не бросишься! —
Вкрадчиво шепчет оно.—

Где тебе? Дружбы, любви и участия
Ты еще жаждешь и ждешь.
Где тебе, где тебе! — ты не без счастья,
Ты не без ласки живешь...

Видишь, рассеялась туча туманная,
Звездочки вышли, горят?
Все на тебя, голова бесталанная,
Ласковым взором глядят».

1860

НА СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКО

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвиденный, чуть не желательный.
Так погибает по божией милости
Русской земли человек замечательный
С давнего времени: молодость трудная,
Полная страсти, надежд, увлечения,
Смелые речи, борьба безрассудная,
Вслед за тем долгие дни заточения.

Всё он изведal: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармов любезности,
Всё — и раздольную степь Оренбургскую,
И ее крепость. В нужде, в неизвестности
Там, оскорбляемый каждым невеждою,
Жил он солдатом с солдатами жалкими,
Мог умереть он, конечно, под палками,
Может, и жил-то он этой надеждою.

Но, сократить не желая страдания,
Поберегло его в годы изгнания
Русских людей провиденье игривое.

Кончилось время его несчастливое,
Всё, чего с юности ранней не видывал,
Милое сердцу, ему улыбалось.
Тут ему бог позавидовал:
Жизнь оборвалась.

1861

ПОХОРОНЫ

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

Ой, беда приключилася страшная!
Мы такой не знавали вовек:
Как у нас — голова бесшабашная —
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы... — тошнехонько!
Догадались деньжонок собрать:
Осмотрел его лекарь скорехонько
И велел где-нибудь закопать.

И пришлось нам неожиданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пеня, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...

Без попов!.. Только солнышко знойное,
Вместо ярого воску свечи,
На лицо непробудно-спокойное
Не скупясь наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
Да пестрели в долине цветы;
Птичка божья на гроб опускалася
И, чирикнув, летела в кусты.

Поглядим: что ребят набирается!
Покрестились и подняли вой...
Мать о сыне рекой разливается
Плачет муж по жене молодой,—

Как не плакать им? Диво велико ли?
Своему-то свои хороши!
А по ком ребятишки захныкали,
Тот, наверно, был доброй души!

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Что тебя доконало, сердешного?
Ты за что свою душу сгубил?
Ты захожий, ты роду нездешнего,
Но ты нашу сторонку любил:

Только минут морозы упорные
И весенних гостей налетит,—
«Чу! — кричат наши детки проворные.—
Прошлогодний охотник палит!»

Ты ласкал их, гостинцу им нашивал,
Ты на спрос отвечать не скучал.
У тебя порошок я попрашивал,
И всегда ты нескупо давал.

Почивай же, дружок! Память вечная!
Не жива ль твоя бедная мать?
Или, может, заноба сердечная
Будет таять, дружка поджидать?

Мы дойдем, повестим твою милую:
Может быть, и приедет любя,
И поплачет она над могилою,
И расскажем мы ей про тебя.

Почивай себе с миром, с любовью!
Почивай! Бог тебе судия,
Что обрызгал ты грешною кровию
Неповинные наши поля!

Кто дознает, какую кручиною
Надрывалось сердце твое
Перед вольной твоею кончиною,
Перед тем, как спустил ты ружье?..

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.
Будут песни к нему хороводные
Из села по заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать...

1861

КОРОБЕЙНИКИ

*Другу-приятелю
Гавриле Яковлевичу
(крестьянину деревни Шоды,
Костромской губернии).*

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почасту спрашивал:
Что строчишь карандашом?

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу.

Не побрезгуй на подарочке!
А увидимся опять,
Выпьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять.

Н. Некрасов

23 августа 1861
Грешнево

I

Кумачу я не хочу,
Китайки не надо.

Песня

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!»

Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,
А завизжу черноокою —
Все товары разложу.
Цены сам платил не малые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец.
Чу, идет! — пришла желанная,
Продает товар купец.
Катя бережно торгуется,
Всё боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

«Ой! легка, легка коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенок.

Дал ей ситцу штуку целую,
Ленту алую для кос,
Поясок — рубаху белую
Подпоясать в сенокос —
Всё поклала ненаглядная
В короб, кроме перстенька:
«Не хочу ходить нарядная
Без сердечного дружка!»
То-то, дуры вы, молодочки!
Не сама ли принесла
Полуштофик сладкой водочки?
А подарков не взяла!
Так постой же! Нерушимое
Обещаньице даю:
У отца дитя любимое!
Ты попомни речь мою:
Опорожнится коробушка,

На Покров домой приду
И тебя, душа-зазнобушка,
В божью церковь поведу!»

Вплоть до вечера дождливого
Молодец бежит бегом
И товарища ворчливого
Нагоняет под селом.
Старый Тихонич ругается:
«Я уж думал, ты пропал!»
Ванька только ухмыляется —
Я-де ситцы продавал!

II

Зачали-пóчали
Поповы дочери.
*Привез деревенских
торгашей*

«Эй, Федорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите к нам, сударушки,
Выносите пятаки!»

Жены мужние — молодушки
К коробейникам идут,
Красны девушки-лебедушки
Новипы свои несут.
И старушки вожеватые,
Глядь, туда же приплелись.

«Ситцы есть у нас богатые,
Есть миткаль, кумач и плис.
Есть у нас мыла пахучие —
По две гривны за кусок,
Есть румяна нелинючие —
Молодись за пятачок!
Видишь, камни самоцветные
В перстеньке как жар горят.
Есть и любчики¹ заветные —
Хоть кого приворожат!»

¹ Любчики — деревенские талисманы, имеющие, по понятиям простолудинок, привораживающую силу. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

Начались толки рьяные,
Посреди села базар,
Бабы ходят словно пьяные,
Друг у дружки рвут товар.
Старый Тихоныч так божится
Из-за каждого гроша,
Что Ванюха только ежится:
«Пропади моя душа!
Чтоб тотчас же очи лопнули,
Чтобы с места мне не встать,
Провались я!..» Глядь — и хлопнули
По рукам! Ну, исполать!
Не торговец — удивление!
Как божиться-то не лень...

Долго, долго всё селение
Волновалось в этот день.
Где гроши какие медные
Были спрятаны в мотках,
Всё достали бабы бедные,
Ходят в новеньких платках.
Две снохи за ленту пеструю
Расцарапались в кровь.
На Феклушку, бабу вострую,
Раскудахталась свекровь.
А потом и коробейников
Поругала баба всласть:
«Принесло же вас, мошейников!
Вот уж подлинно напасть!
Вишь, вы жадны, как кутейники,
Из села бы вас колом!..»

Посмеялись коробейники
И пошли своим путем.

III

Уж ты пей до дна, коли хошь добра,
А не хошь добра, так не пей до дна.

Старинная былина

За селом остановились,
Поделили барыши
И на церковь покрестились,
Повздыхали от души.

«Славно, дядя, ты торгуешься!
Что не весел? ох да ох!»
— В день теперя не отплюешься,
Как еще прощает бог:
Осквернил уста я ложию —
Не обманешь — не продашь! —
И опять на церковь божию
Долго крестится торгаш.
Кабы в строку приходились
Все-то речи продавца,
Все давно бы провалились
До единого купца —
Сквозь сырую землю-матушку
Провалились бы... эх-эх!
«Понагрел ты Калистратушку».
— Ну, его нагреть не грех,
Сам снимает крест с убогого.—
«Рыжий, клином борода».
— Нашим делом нынче многого
Не добыть — не те года!
Подошла война проклятая,
Да и больно уж лиха,
Где бы свадебка богатая —
Цоп в солдаты жениха!
Царь дурит — народу горюшко!
Точит русскую казну,
Красит кровью Черно морюшко,
Корабли валит ко дну.
Перевод свинцу да олову,
Да удалым молодцам.
Весь народ повесил голову,
Стон стоит по деревням.
Ой! бабье неугомонное,
Полно взапуски реветь!
Причитанье похоронное
Над живым-то рано петь!
Не уймешь их! Как отпетого
Парня в город отвезут.
Бабы сохнут с горя с этого,
Мужики в кабак идут.
Ты попомни цаловальника,
Что сказал — подлец седой!
«Выше нет меня начальника,
Весь народ — работник мой!
Лето, осень убиваются,

А спроси-ка, на кого
Православные стараются?
Им не нужно ничего!
Всё бессребреники, сватушка,
Сам не сею и не жну,
Что родит земля им, матушка,
Всё несут в мою казну!»

Пропилися, подоконники,
Где уж баб им наряжать!
В город едут, балахонники,
Ходят лапти занимать!

Ой, ты зелие кабашное,
Да китайские чаи,
Да курение табашное!
Бродим сами не свои.
С этим пьянством да курением
Сломишь голову как раз.
Перед светопреставлением,
Знать, война-то началась.
Грянут, грянут гласы трубные!
Станут мертвые вставать!
За дела-то душегубные
Как придется отвечать?
Вот и мы гневим всевышнего...—
«Полно, дядя! Страшно мне!
Уж не взять рублишка лишнего
На чужой-то стороне?..»

IV

Ай барыня! барыня!

Песня

«Эй вы, купчики-голубчики,
К нам ступайте ночевать!»
Ночевали наши купчики,
Утром тронулись опять.
Полегоньку подвигаются,
Накопляют барыши,
Чем попало развлекаются
По дороге торгаши.
По реке идут — с бурлаками
Разговоры заводят:

«Кто вас спутал?»¹ — и собаками
Их бурлаки назовут.
Поделом вам, пересмешники,
Лыком шитые купцы!..

Потянулись огурешники:
«Эй! просыпал огурцы!»
Ванька вдруг как захихикает
И на стадо показал:
Старичонко в стаде прыгает
За савраской, — длинен, вял,
И на цыпочки становится,
И лукошечком манит —
Нет! проклятый конь не ловится!
Вот подходит, вот стоит.
Сунул голову в лукошечко, —
Старичок за холку хватя!
«Эй! еще, еще немножечко!» —
Нет! урвался конь опять
И, подбросив ноги задние,
Брызнул грязью в старика.
«Знамо, в стаде-то поваднее,
Чем в косуле мужика!
Эх ты, пареный да вяленый!
Где тебе его поймать?
Потерял сапог-то валяный,
Надо новый покупать?»
Им обозики военные
Попадались иногда:
«Погляди-тко, турки пленные,
Эка пестрая орда!»
Ванька искоса поглядывал
На турецких усачей
И в свиное ухо складывал
Полы свиточки своей:
«Эй вы, нехристи, табашники,
Карачун приходит вам!..»

Попадались им собашники:
Псы носились по кустам,
А охотничек покрикивал,
В роги звонкие трубил,

¹ Общеизвестная народная шутка над бурлаками, которая спокон веку приводит их в негодование. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

Чтобы серый зайка спрыгивал,
В чисто поле выходил.
Остановятся с ребятами:
«Чьи такие господа?»
— Кашпирята с Зюзенятами...¹ —
«Заяц! вон гляди туда!»
Всполошились борзители:
— Ай! агу его! агу! —
Ну собачки! Ну губители!
Подхватили на лету...

Посидели на пригорочке,
Закусили как-нибудь
(Не разъешься черствой корочки)
И опять пустились в путь.
«Счастье, Тихонич, неровное,
Нынче выручка плоха».
— Встрелось нам лицо духовное —
Хуже не было б греха.
Хоть душа-то христианская,
Согрешил — поджал я хвост. —
«Вот усадьбишка дворянская,
Завернем?..» — Ты, Ваня, прости!
Нынче баре деревенские
Не живут по деревням,
И такие моды женские
Завелись... куда уж нам!
Хоть бы наша: баба старая,
Угреватая лицом,
Безволосая, поджарая,
А оделась — стог стогом!
Говорить с тобой гнушается:
Ты мужик, так ты нечист!
А тобой-то кто прельщается?
Долог хвост, да не пушист!
Ой ты, барыня спесивая,
Ты стыдись глядеть на свет!
У тебя коса фальшивая,
Ни зубов, ни груди нет,
Всё подклеено, подвязано!
Город есть такой: Париж,

¹ Кашпировы, Зюзины. Крестьяне, беседуя между собою об известных предметах и лицах, редко употребляют иную форму выражения. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

Про него недаром сказано:
Как заедешь — угоришь.
По всему по свету славится,
Мастер по миру пустить;
Коли нос тебе не нравится,
Могут новый наклеить!
Вот от этих-то мошейников,
Что в том городе живут,
Ничего у коробейников
Нынче баре не берут.
Черт побрал бы моду новую!
А, бывало, в старину
Приведут меня в столовую,
Все товары разверну;
Выдет барыня красивая,
С настоящею косой,
Вожеватая, учтивая,
Детки выбегут гурьбой,
Девки горничные, нянюшки,
Слуги высыплют к дверям.
На рубашечки для Ванюшки
И на платья дочерям
Всё сама руками белыми
Отбирает не спеша,
И берет кусками целыми —
Вот так барыня-душа!
«Что возьмешь за серьги с бусами?
Что за алую парчу?»
Я тряхну кудрями русыми,
Заломлю — чего хочу!
Навалит покушки кучею,
Разочтется — бог с тобой!..

А то раз попал я к случаю
За рекой за Костромой.
Именины были званые —
Расходился баринок!
Слышу, кличут гости пьяные:
«Подходи сюда, дружок!»
Подбегаю к ним скорехонько.
«Что возьмешь за короб весь?»
Усмехнулся я легохонько:
— Дорог будет, ваша честь. —
Слово за слово, приятели
Посмеялись меж собой

Да три сотни и отпятили,
Не глядя, за короб мой.
Уж тогда товары вынули
Да в девичий хоровод
Среди двора и кинули:
«Подбирай, честной народ!»
Закипела свалка знатная.
Вот так были господа:
Угодил домой обратно я
На девятый день тогда! —

V

- Много ли вёрст до Гоголина?
— Да обходами три, а прямо-то шесть.

Крестьянская шутка

Хорошо было детинушке
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушке
Парня ждать до Покрова.
Часто в ночку одинокую
Девка часу не спала,
А как жала рожь высокую,
Слезы в три ручья лила!
Извелась бы неутешная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная —
Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходилоя
Молодице невтерпеж,
Под косою трава валилася,
Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по уграм,
Лен стлала до темной ноченьки
По росистым по лугам.
Стелет лен, а неотвязная
Дума на сердце лежит:
«Как другая девка красная
Молодца приворожит?
Как изменит? как засватает
На чужой на стороне?»
И у девки сердце падает:
«Ты женись, женись на мне!

Ни тебе, ни свекру-батюшке
Николи не согрублю,
От свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и правом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
Работающая жена.
Ты не нудь себя работою,
Силы мне не занимать,
Я за милого с охотою
Буду пашенку пахать.
Ты живи себе гуляючи
За работницей женой,
По базарам разъезжаючи,
Веселися, песни пой!
А вернешься с торгу пьяненький —
Накормлю и уложу!
«Спи, пригожий, спи, румянененький!» —
Больше слова не скажу.
Видит бог, не осердилась бы!
Обрядила бы коня
Да к тебе и подвалилась бы:
«Поцелуй, дружок, меня!..»
Думы девичьи заветные,
Где вас все-то угадать?
Легче камни самоцветные
На дне моря сосчитать.
Уж овечка опушается,
Чуя близость холодов,
Катя пуще разгорается...
Вот и праздничек Покров!

«Ой, пуста, пуста коробушка,
Полон денег кошелек.
Жди-пожди, душа-заснобушка,
Не обманет мил-дружок!»
Весел Ванька. Припеваючи,
Прямым домом идет.
Старый Тихоныч, зеваючи,
То и дело крестит рот.
В эту ночь не уснулося
Ни минуточки ему.
Как мощна-то пораздулася,

Так бог знает почему
Всё такие мысли страшные
Забираются в башку.
Процелыги ли кабашные
Подзывают к кабаку,
Попадутся ли солдатики —
Коробейник сам не свой:
«Проходите с богом, братики!» —
И ударится рысцой.
Словно пятки-то иголками
Понатыканы — бежит.

В Кострому идут проселками,
По болоту путь лежит,
То кочажником, то бродами.
— Эх, пословица-то есть:
Коли три версты обходами,
Прямыми будет шесть!
Да в Трубе, в селе, мошейники
Сбили с толку, мужики:
«Вы подите, коробейники,
В Кострому-то напрямки:
Верных сорок с половиною
По нагорной стороне,
А болотной-то тропиною
Двадцать восемь». Вот оне!
Черт попутал — мы поверили,
А кто версты тут считал? —
«Бабы их клюкою меряли,—
Ванька с важностью сказал.—
Не ругайся! Сам я слыхивал,
Тут дорога попрямей».
— Дьявол, что ли, понапихивал
Этих кочек да корней?
Доведись пора вечерняя,
Не дойдешь — сойдешь с ума!
Хороша наша губерния,
Славен город Кострома,
Да леса, леса дремучие,
Да болота к ней ведут,
Да пески, пески сыпучие...—
«Стой-ка, дядя, чу, идут!»

VI

Только молодец и жив бывал.
Старинная былина

Не тростник высок колышется,
Не дубровушки шумят, —
Молодецкий посвист слышится,
Под ногой сучки трещат.
Показался пес в ошейничке,
Вот и добрый молодец:
«Путь-дорога, коробейнички!»
— Путь-дороженька, стрелец! —
«Что ты смотришь?» — Не прохаживал
Ты, как давеча в Трубе
Про дорогу я расспрашивал? —
«Нет, почудилось тебе.
Трой сутки не был дома я,
Жить ли дома леснику?»
«А кажись, лицо знакомое», —
Шепчет Ванька старику.
«Что вы шепчетесь?» — Да каемся,
Лучше б нам горой идти.
Так ли, малый, пробираемся
В Кострому? — «Нам по пути,
Я из Шуньи». — А далеко ли
До деревни до твоей? —
«Верст двенадцать. А по многу ли
Поделили барышей?»
— Коли знать всю правду хочется,
Весь товар несем назад. —
Лесничок как расхохочется!
«Ты, я вижу, прокурат!
Кабы весь, небось не скоро бы
Шел ты, старый воробей!»
И лесник приподнял коробы
На плечах у торгашей.
«Ой! легохоньки коробушки,
Всё повыпродали, знать?
Наклевались воробушки,
Полетели отдыхать!»
— Что, дойдем в село до поченьки? —
«Надо, парень, добрести,

Сам устал я, нету моченьки —
Тяжело ружье нести.
Наше дело подневольное,
День и ночь броди в лесу».
И с плеча ружье двуствольное
Снял — и держит на весу.
«Эх вы, стволики-голубчики!
Больно вы уж тяжелы».
Покосились наши купчики
На тяжелые стволы:
Сколько ниток понамотано!
В палец щели у замков.
— Неужели, парень, бьет оно? —
«Бьет на семьдесят шагов».
Деревенский, видно, плотничек
Строил ложу — тят да ляп!
Да и сам Христов охотничек
Ростом мал и с виду слаб.
Выше пояса замочена
Одежонка лесника,
Борода густая склочена,
Лычко вместо пояска.
А туда же пес в опейнике,
По прозванию Упырь.
Посмеялись коробейники:
«Эх ты, горе-богатырь!..»

Час идут, другой. — Далеко ли? —
«Близко». — Что ты? — «У реки
Куропаточки закокали».
И детина взвел курки.
«Ай, курочки! важно щелкнули,
Хоть медведя уложу!
Что вы, други, приумолкнули?
Запоем для куражу!»

Коробейникам не пелоса:
Уж темнели небеса,
Над болотом засинелася,
Понависнула роса.
— День-деньской и так умелешся,
Сам бы лучше ты запел...
Что ты?.. Эй! в кого ты целишься? —
«Так, я пробую прицел...»

Дождик, что ли, собирается,
Ходят по небу бычки¹,
Вечер пуще надвигается,
Прытче идут мужички.
Пес бежит сторонкой, нюхает,
Поминутно слышит дичь.
Чу! как ухалица² ухает,
Чу! ребенком стонет сын.
Поглядел старик украдкою:
Парня словно дрожь берет.
— Аль спознался с лихорадкою? —
«Да уж три недели бьет, —
Полечи!» — А сам прищурился,
Словно в Ваньку норовит.
Старый Тихонич нахмурился.
— Что за шутки! — говорит. —
Чем шутить такие шуточки,
Лучше песни петь и впрямь.
Погодите полминуточки —
Затяну лихую вам!
Знал я старца еле зрячего,
Он весь век с сумой ходил
И про странника бродячего
Песню длинную сложил.
Ней от старости, ней с голоду
Он в канавке кончил век,
А живал богато смолоду,
Был хороший человек,
Вспоминают обыватели.
Да его попутал бог:
По ошибке заседатели
Упекли его в острог:
Нужно было из Спиридова
Вызвать Тита Кузьмича,
Описались — из Давыдова
Взяли Титушку-ткача!
Ждет сердечный: «Завтра, нонче ли
Ворочусь на вольный свет?»
Наконец и дело кончили,
А ему решенья нет.
«Эй, хозяйка! нету моченьки.

¹ Бычки — небольшие отрывочные тучки (Яросл. губ.). (Примеч. Н. А. Некрасова.)

² Ухалица — филин-пугач (grand-duc). (Примеч. Н. А. Некрасова.)

Ты иди к судьям опять!
Изойдут слезами оченьки,
Как полотна буду ткать?»
Да не то у Степанидушки
Завелось на уме:
С той поры ее у Титушки
Не видали уж в тюрьме.
Захворала ли, покинула,—
Тит не ведал ничего.
Лет двенадцать этак минуло —
Призывают в суд его.
Пред зеркалом, в облачении
Молодой судья сидел.
Прочитал ему решение,
Расписаться повелел
И на все четыре стороны
Отпустил — ступай к жене!
«А за что вы, черны вороны,
Очи выклевали мне?»
Тут и сам судья покаялся:
— Ты прости, прости любя!
Вправду ты задаром маялся,
Позабыли про тебя! —

Тит — домой. Поля не ораны,
Дом растаскан на клочки,
Продала косули, бороны,
И одёжу, и станки,
С баринком слюбилась женушка,
Убежала в Кострому.
Тут родимая сторонущка
Опостылела ему.
Плюнул! Долго не разгадывал,
Без дороги в путь пошел.
Шел — да песню эту складывал,
Сам с собою речи вел.
И говаривал старинушка:
«Вся-то песня — два словца,
А запой ее, детинушка,
Не дотянешь до конца!
Эту песенку мудреную
Тот до слова допоеет,
Кто всю землю, Русь крещеную,
Из конца в конец пройдет».

Сам ее Христов угодничек
Не допел — спит вечным сном.
Ну! подтягивай, охотничек!
Да иди ты передом!

ПЕСНЯ УБОГОГО СТРАННИКА

- Я лугами иду — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!
- Я лесами иду — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!
- Я хлебами иду — что вы тощи, хлеба?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!
- Я стадами иду: что скотинка слаба?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!
- Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!
- Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!
- Уж я в третью: мужик! что ты бабу бьешь?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!
- Я в четверту: мужик! что в кабак ты идешь?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!
- Я опять во луга — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я опять во леса — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я опять во хлеба,—
Я опять во стада»,—
и т. д.

Пел старик, а сам поглядывал:
Поминутно лесничок
То к плечу ружье прикладывал,
То потрогивал курок.
На беду, ни с кем не встретишься!
— Полно петь... Эй, молодец!
Что отстал?.. В кого ты метишься?
Что ты делаешь, подлец! —
«Трусы, трусы вы великие!» —
И лесник захохотал
(А глаза такие дикие!).
— Стыдно! — Тихоныч сказал. —
Как не грех тебе захожего
Человека так пугать?
А еще хотел я дешево
Миткалю тебе продать! —
Молодец не унимается,
Штуки делает ружьем,
Воем, лаем отзывается
Хохот глупого кругом.
— Эй, уймись! Чего дурачишься? —
Молвил Ванька. — Я молчу,
А заеду, так наплачешься,
Разом скулы сворочу!
Коли ты уж с нами встретился,
Должен честью проводить. —
А лесник опять наметился.
— Не шути! — «Чаво шутить!»
Коробейники отпрянули,
Бог помилуй — смерть пришла!
Почитай что разом грянули
Два ружейные ствола.
Без словечка Ванька валится,
С криком падает старик...

В кабаке бурлит, бахвалится
Тем же вечером лесник:
«Пейте, пейте, православные!
Я, ребяташки, богат;
Два бекаса нынче славные
Мне попали под заряд!
Много серебра и золотца,
Много всякого добра
Бог послал!» Глядят, у молодца
Точно — куча серебра.
Подзадорили детинушку —
Он почти всю правду бух!
На беду его — скотинушку
Тем болотом гнал пастух:
Слышал выстрелы ружейные,
Слышал крики... «Стой! винись!..»

И мирские и питейные
Тотчас власти собрались.
Молодцу скрутили рученьки.
«Ты вяжи меня, вяжи,
Да не тронь мой онученьки!»
— Их-то нам и покажи! —
Поглядели: под онучами
Денег с тысячу рублей —
Серебро, бумажки кучами.
Утром побзвали судей,
Судьи тотчас всё довели
(Только денег не нашли!),
Погребенью мертвых предали,
Лесника в острог свезли...

1861

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пищу мои вирши — живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —

По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шепот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиление...
Чу! шепот опять!

Первый голос

Борода!

Второй

А барин, сказали!..

Третий

Потише вы, черти!

Второй

У бар бороды не бывает — усы.

Первый

А ноги-то длинные, словно как жерди.

Четвертый

А вона на шапке, гляди-тко — часы!

Пятый

Ай, важная штука!

Шестой

И цепь золотая...

Седьмой

Чай, дорого стоит?

Восьмой

Как солнце горит!

Девятый

А вона собака — большая, большая!

Вода с языка-то бежит,

П я т ы й

Ружье! погляди-тко: стволина двойная,
Замочки резные...

Т р е т ь и й
(с испугом)

Глядит!

Ч е т в е р т ы й

Молчи, ничего! постоим еще, Гриша!

Т р е т ь и й

Прибьет...

Испугались шпионы мои
И кинулись прочь: человека заслыша,
Так стайей с мякины летят воробьи.
Затих я, прищурился — снова явились,
Глазенки мелькают в щели.
Что было со мною — всему подивились
И мой приговор изрекли:
«Такому-то гусю уж что за охота!
Лежал бы себе на печи!
И видно, не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой...» — Услышит, молчи! —

О милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей», —
Я всё-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:
В их жизни так много поэзии слито,
Как дай бог балованным деткам твоим.
Счастливым народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.
Я дельвал с ними грибные набеги:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хватъ
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!

Савося хохочет: «Попался спроста!»
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали,
У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.

Копатель канав вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.

Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися —
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!
Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернет:
«Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче
На господа бога во всем потрафлять:
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на бога роптать,—
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет меду со пчел, урожаю с земли,
И только в одном ему счастье было,
Что волосы из носу шибко росли...»
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь — им всё покажи.
Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело — пилить и строгать!
Иступят пилу — не наточишь и в сутки!
Сломают бурав — и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали —
Что новый прохожий, то новый рассказ...

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: спрыгнули гурьбой,
И русских головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!

Река огласилась и смехом, и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребяташки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косою,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое —
Не пьет! отступились...

Кто ловит пиявок

На лаве, где матка колотит белье,
Кто нянчит сестренку двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведерко кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забила, а эта с обновой:
Сплела себе славный венок, —
Всё беленький, желтенький, бледно-лиловый
Да изредка красный цветок.
Те спят на припеке, те пляшут вприсядку.
Вон девочка ловит лукошком лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рожденной
И в фартуке с поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, заковав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

«Довольно, Ванюша! гулял ты немало,
Пора за работу, родной!»
Но даже и труд обернется сначала

К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливают зерно.
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу свезут,
Просушат, колотят-колотят ценами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведают свежего хлебца ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: «Полезай, постреленок!»
Ванюша в деревню въезжает царем...

Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгнбнуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
«Здорово, парнище!» — Ступай себе мимо! —
«Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки?» — Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу.
(В лесу раздавался топор дровосека.) —
«А что, у отца-то большая семья?»
— Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я... —
«Так вон оно что! А как звать тебя?» — Власом. —
«А кой тебе годик?» — Шестой миновал...

Ну, мертвая! — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто всё это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимой, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..

Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей,
«Эй, воры идут! — закричал я Фингалу.—
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей!»
Фингалушка скорчил серьезную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал дичину,
У ног моих лег — и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла,
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами! «Фингалка, умри!»
«Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузяха!»
«Смотри — умирает — смотри!»

Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актер залился оглушительным лаем,
 А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, закрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: темная туча висела
 Над нашим театром как раз,
Под крупным дождем ребятишки бежали
 Босые к деревне своей...
Мы с верным Фингалом грозу переждали
 И вышли искать дупелей.

1861

ДУМА

Сторона наша убогая,
Выгнать некуда коровушку.
Проклинай житье мещанское
Да почесывай головушку.

Спи, не спи — валяйся пб печи,
Каждый день недоедаючи,
Трать задаром силу дюжую,
Недоимку накопляючи.

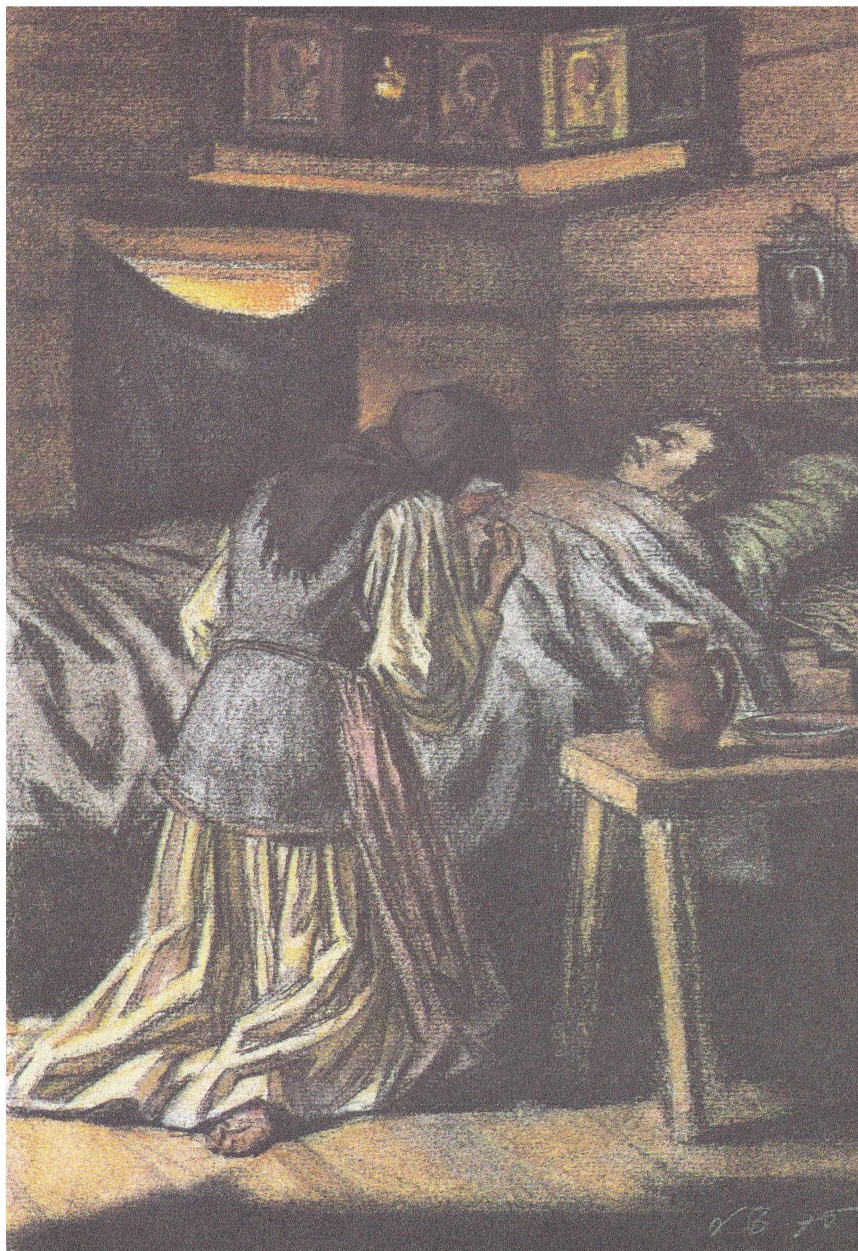
Уж как нет беды кручиннее
Без работы парню маяться,
А пойдешь куда к хозяевам —
Ни один-то не нуждается!

У купца у Семипалова
Живут люди не говеючи,
Льют на кашу масло постное,
Словно воду, не жалеючи.

В праздник — жирная баранина,
Пар над щами тучей носится,
В пол-обеда распояшутся —
Вон из тела душа просится!

«Крестьянские дети»

«Орина, мать солдатская»

Ночь храпят, наевшись дó поту,
День придет — работой тешутся...
Эй, возьми меня в работники,
Поработать руки чешутся!

Повели ты в лето жаркое
Мне пахать пески сыпучие,
Повели ты в зиму лютую
Вырубать леса дремучие, —

Только треск стоял бы до неба,
Как деревья бы валилися;
Вместо шапки белым инеем
Волоса бы серебрилися!

1861

* * *

Что ни год — уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!

Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведренный день впереди;

Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

1861

СЛЕЗЫ И НЕРВЫ

О слезы женские, с придачей
Нервических, тяжелых драм!
Вы долго были мне задачей,
Я долго слепо верил вам
И много вынес мук мятежных.
Теперь я знаю наконец:
Не слабости созданий нежных, —
Вы их могущества венец.

Вернее закаленной стали
Вы поражаете сердца.
Не знаю, сколько в вас печали,
Но деспотизму нет конца!
Когда, бывало, предо мною
Зальется милая моя,
Наружно ласковость удвою,
Но внутренно озлоблен я.
Пока она дрожит и стонет,
Лукавлю праздною душой:
Язык лисит, а глаз шпионит
И открывает... Боже мой!
Зачем не мог я прежде видеть?
Ее не стоило любить,
Ее не стоит ненавидеть...
О ней не стоит говорить...
Скажи «спасибо» близорукой,
Всеукрашающей любви
И с головы с ревнивой мукой
Волос седеющих не рви!
Чем ты был пьян — вином поддельным
Иль настоящим — всё равно;
Жалей о том, что сном смертельным
Не усыпляет нас оно!

Кто ей теперь флакон подносит,
Застигнут сценой роковой?
Кто у нее прощенья просит,
Вины не зная за собой?
Кто сам трясется в лихорадке,
Когда она к окну бежит
В преувеличенном припадке
И «ты свободен!» говорит?
Кто боязливо наблюдает,
Сосредоточен и сердит,
Как буйство нервное стихает
И переходит в апшетит?
Кто ночи трудные проводит,
Один, ревнивый и больной,
А утром с ней по лавкам бродит,
Наряд торгую дорогой?
Кто говорит: «Прекрасны оба», —
На нежный спрос: «Который взять?» —

Меж тем как закипает злоба
И к черту хочется послать
Француженку с нахальным носом,
С ее коварным «с'est joli»¹
И даже милую с вопросом...
Кто молча достает рубли,
Спеша скорей покончить муку,
И, увидав себя в трюмо,
В лице своем читает скуку
И рабства темное клеймо?..

1861

РЫЦАРЬ НА ЧАС

Если пасмурен день, если ночь не светла,
Если ветер осенний бушует,
Над душой воцаряется мгла,
Ум, бездействуя, вяло тоскует.
Только сном и возможно помочь,
Но, к несчастью, не всякому спится...

Слава богу! морозная ночь —
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонко,
Разбудил я гусей на пруду,
Я со стога спугнул ястребенка.
Как он вздрогнул! как крылья развил!
Как взмахнул ими сильно и плавно!
Долго, долго за ним я следил,
Я невольно сказал ему: славно!
Чу! стучит проезжающий воз,
Деготьком потянуло с дороги...
Обоняние тонко в мороз,
Мысли свежи, выносливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;
Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы
Наполняют ожившую грудь;
Жаждой дела душа закипает,

¹ Прелестно (фр.).

Вспоминается пройденный путь,
Совість песню свою запевае...

Я советую гнать ее прочь —
Будет время еще сосчитаться!
В эту тихую, лунную ночь
Созерцанию должно предаться.
Даль глубоко прозрачна, чиста,
Месяц полный плывет над дубровой,
И господствуют в небе цвета
Голубой, беловатый, лиловый.
Воды ярко блестят средь полей,
А земля прихотливо одета
В волны белого лунного света
И узорчатых, странных теней.
От больших очертаний картины
До тончайших сетей паутины,
Что по воздуху тихо плывут, —
Всё отчетливо видно: далече
Протянулись полосы гречи,
Красной лентой по скату бегут;
Замыкающий сонные нивы,
Лес сквозит, весь усыпан листвою;
Чудны красок его переливы
Под играющей, ясной луною;
Дуб ли пасмурный, клен ли веселый —
В нем легко отличишь издали;
Грудью к северу, ворон тяжелый —
Видишь — дремлет на старой ели!
Всё, чем может порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленеющей озими гладь.
Подо льном — золотая долина,
Посреди освещенных лугов
Величавое войско стогов, —
Всё доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если б даже пришлось в эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ее бедность нагая!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоит, словно полная чаша.
Пожелай ей покойного сна —
Утомилась, кормилица наша!..

Спи, кто может, — я спать не могу,
Я стою потихоньку, без шума
На покрытом стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умел я с тобой совладать,
Не осилил я думы жестокой...

В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать...

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! Я вижу тебя, божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.
Поднимается сторож-старик
На свою колокольню-руину,
На тени он громадно велик:
Пополам пересек всю равнину.
Поднимись! — и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей
Этих звуков властительно пенье:
Если есть в околотке больной,
Он при них встрепетает душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудет на миг свои муки;
Одинокий ли путник ночной
Их заслышит — бодрее шагает;
Их заботливый пахарь считает
И, крестом осенясь в полусне,
Просит бога о ведренем дне.

Звук за звуком гудя прокатился,
Насчитал я двенадцать часов.
С колокольни старик возвратился,
Слышу шум его звонких шагов,

Вижу тень его; сел на ступени,
Дремлет, голову свесив в колени.
Он в мохнатую шапку одет,
В балахоне убогом и темном...
Всё, чего не видал столько лет,
От чего я пространством огромным
Отделен,— всё живет предо мной,
Всё так ярко рисуется взору,
Что не верится мне в эту пору,
Чтоб не мог увидеть я и той,
Чья душа здесь незримо витает,
Кто под этим крестом почивает...
Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитою
Простояла ты,— грудью своей
Защищая любимых детей.
И гроза над тобой разразилась!
Ты не дрогнув удар приняла,
За врагов, умирая, молилася,
На детей милость бога звала.
Неужели за годы страдания
Тот, кто столько тобою был чтим,
Не пошлет тебе радость свидания
С погибающим сыном твоим?..

Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебе мою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.
О, прости! то не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!
Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мирского далекая,
С неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах,
Под грозой величаво-безгласная,—
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебном светящей луне.
Да! я вижу тебя, бледнолицую,
И на суд твой себя отдаю.
Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты Музу мою:
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
Изреки только слово прощенья,
Ты, чистейшей любви божество!
Что враги? пусть клеветают язвительней,—
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!
Что друзья? Наши силы неровные,
Я ни в чем середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,
Я на всё безрассудно дерзал,
Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — вперед и вперед!
Увлекаем бесславно битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал — и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих,
Обагривших руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!
Тот, чья жизнь бесполезно разбилась,
Может смертью еще доказать,
Что в нем сердце неробкое билось,
Что умел он любить...

.

(Утром в постели)

О мечты! о волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы —
Всё в душе угнетенной моей
Пробудилось... но где же ты, сила?
Я проснулся ребенка слабей.
Знаю: день проваляюсь уныло,
Ночью буду микстуру глотать,
И пугать меня будет могила,
Где лежит моя бедная мать.

Всё, что в сердце кипело, боролось,
Всё луч бледного утра спугнул,
И насмешливый внутренний голос
Злую песню свою затянул:
«Покорись, о ничтожное племя!
Неизбежной и горькой судьбе,
Захватило вас трудное время
Неготовыми к трудной борьбе.
Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...»

1862

* * *

Литература с трескучими фразами,
Полная духа античеловечного,
Администрация наша с указами
О забирации всякого встречного,—
Дайте вздохнуть!..

Я простился с столицами,
Мирно живу среди полей,
Но и крестьяне с унылыми лицами
Не услаждают очей;
Их нищета, их терпенье безмерное
Только досаду родит...
Что же ты любишь, дитя маловерное,
Где же твой идол стоит?..

1862

* * *

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они — всё равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

1862—1863

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ¹

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако, — всё зелено:
И воздух, и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяйшкa
Наталья Патрикеевна,
Водой не замутиг!
Да с ней беда случилася,
Как лето жил я в Питере...
Сама сказала, глупая,
Типун ей на язык!

В избе сам-друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые
Глядит — молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть — так силы нет!
А тут зима косматая
Ревет и день и ночь:
«Убей, убей изменницу!
Злодея изведи!
Не то весь век промаешься,
Ни днем, ни долгой ночью
Покоя не найдешь.
В глаза твои бесстыжие
Соседи наплюют!..»
Под песню-вьюгу зимнюю
Окрепла дума лютая —

¹ Так народ называет пробуждение природы весной. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

Припас я вострый нож...
Да вдруг весна подкралася...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И всё мне песня слышится
Одна — в лесу, в лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — бог тебе судья!»

1862—1863

КАЛИСТРАТ

Надо мной певала матушка,
Колыбель мою качаючи:
«Будешь счастлив, Калистратушка!
Будешь жить ты припеваючи!»

И сбылось, по воле божией,
Предсказанье моей матушки:

Нет богаче, нет пригожее,
Нет нарядней Калистратушки!

В ключевой воде купаюся,
Пятерней чешу волосыньки,
Урожаю дожидаяся
С непосеянной полосыньки!

А хозяйка занимается
На нагих детишек стиркою,
Пуще мужа наряжается —
Носит лапти с подковыркою!..

1863

* * *

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.

Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
Ты ликуешь, на миг не смолкая,
Как дитя, без заботы и дум.
В обаянии счастья и славы
Чувству жизни ты вся предана, —
Что-то шепчут зеленые травы,
Говорливо струится волна;
В стаде весело ржет жеребенок,
Бык с землей вырывает траву,
А в лесу белокурый ребенок —
Чу! кричит: «Парасковья, ау!»
По холмам, по лесам, над долиной
Птицы севера выются, кричат,
Разом слышны — напев соловьиный
И нестройные писки галчат,
Грохот тройки, скрипенье подводы,
Крик лягушек, жужжание ос,
Треск кобылок, — в просторе свободы
Всё в гармонию жизни слилось...

Я наслушался шума иного...
Оглушенный, подавленный им,

Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим —
Заглуши эту музыку злобы!
Чтоб душа ощутила покой
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

1863

* * *

1

«Благодарение господу богу,
Кончен проселок!.. Не спишь?»
— Думаю, братец про эту дорогу.—
«То-то давненько молчишь.

Что же ты думаешь?» — Долго рассказывать.
Только тронулись по ней,
Стала мне эта дорога показывать
Тени погибших людей,

Бледные тени! ужасные тени!
Злоба, безумье, любовь...
Едем мы, братец, в крови по колени! —
«Полно — тут пыль, а не кровь...»

2

«Барин! не выпить ли нам понемногу?
Больно уж ты присмирел».
— Пел бы я песню про эту дорогу,
Пел бы да ревма ревел,

Песней над песнями стала бы эта
Песня... да петь не рука.—
«Песня про эту дорогу уж спета,
Да что в ней проку?.. Тоска!»

— Знаю, народ *проторенной цепями*
Эту дорогу зовет.—
«Верно! увидишь своими глазами,
Русская песня не врет!»

Скоро попались нам пешие ссыльные,
 С гиком ямщик налетел,
 В тряской телеге два путника пыльные
 Скачут... едва разглядел...

Подле лица — молодого, прекрасного —
 С саблей усач...
 Брат, удаляемый с поста опасного,
 Есть ли там смена? Прощай!

Между 1861 и 1863

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

День-деньской моя печальница,
 В ночь — ночная богомолца,
 Векова моя сухотница...

Из народной песни

Чуть живые в ночь осеннюю
 Мы с охоты возвращаемся,
 До ночлега прошлогоднего,
 Слава богу, добираемся.

«Вот и мы! Здорово, старая!
 Что насупилась ты, кумушка!
 Не о смерти ли задумалась?
 Брось! пустая это думушка!

Посетила ли кручинушка?
 Молви — может, и размыкаю».
 И поведала Оринушка
 Мне печаль свою великую.

— Восемь лет сынка не видела,
 Жив ли, нет — не откликается,
 Уж и свидеться не чаяла,
 Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные...
 Истопила жарко банюшку,
 Напекла блинов Оринушка,
 Не насмотрится на Ванюшку!

Да недолги были радости.
Воротился сын больнехонек,
Ночью кашель бьет солдатика,
Белый плат в крови мокрехонек!

Говорит: «Поправлюсь, матушка!»
Да ошибся — не поправился,
Девять дней хворал Иванушка,
На десятый день преставился...—

Замолчала — не прибавила
Ни словечка, бесталанная.
«Да с чего же привязалась
К парню хворость окаянная?

Хилый, что ли, был с рождения?..»
Встрепенулася Оринушка:
— Богатырского сложения,
Здоровенный был детинушка!

Подивился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское присутствие
Привели его раздетого...

На избенку эту бревнышки
Он один таскал сосновые...
И вилися у Иванушки
Русы кудри как шелковые...—

И опять молчит несчастная...
«Не молчи — развежь кручинушку!
Что сгубило сына милого —
Чай, спросила ты детинушку?»

— Не любил, сударь, рассказывать
Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу — богу обреченную!

Говорить — гневить всевышнего,
Окаянных бесов радовать...
Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать,

Немота перед кончиною
Подобает христианину.
Знает бог, какие тягости
Сокрушили силу Ванину!

Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Он одни слова утешные
Говорил мне умираючи.

Тихо по двору похаживал
Да постукивал топориком,
Избу ветхую облаживал,
Огород обнес забориком;

Перекрыть сарай задумывал.
Не сбылись его желания:
Слег — и встал на ноги резвые
Только за день до скончания!

Поглядеть на солнце красное
Пожелал,— пошла я с Вапею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался с ригой, с банею.

Сенокосом шел — задумался.
«Ты прости, прости, полянушка!
Я косил тебя во младости!» —
И заплакал мой Иванушка!

Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил, что было голосу,
«Не белы снежки», закашлялся,
Задышался — пал на полосу!

Не стояли ноги резвые,
Не держалася головушка!
С час домой мы возвращались...
Было время — пел соловушка!

Страшно в эту ночь последнюю
Было: память потерялася,
Всё ему перед кончиною
Служба эта представлялася.

Ходит, чистит амуницию,
Набеллил ремни солдатские,
Языком играл сигналики,
Песни пел — такие хватские!

Артикул ружьем выкидывал
Так, что весь домишка вздрагивал;
Как журавль стоял на ноженьке
На одной — носок вытягивал.

Вдруг метнулся... смотрит жалобно...
Повалился — плачет, кается,
Крикнул: «Ваше благородие!
Ваше!..» Вижу, задыхается.

Я к нему. Утих, послушался —
Лег на лавку. Я молилася:
Не пошлет ли бог спасение?..
К утру память воротилася,

Прошептал: «Прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!..»
Я над Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

И погас он, словно свеченька
Восковая, предыконная...—

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

1863

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

*Посвящаю моей сестре
А н н е А л е к с е е в н е*

Ты опять упрекнула меня,
Что я с Музой моей раздружился,
Что заботам текущего дня
И забавам его подчинился.
Для житейских расчетов и чар
Не расстался б я с Музой моею,

Но бог весть, не погас ли тот дар,
Что, бывало, дружил меня с нею?
Но не брат еще людям поэт,
И тернист его путь, и непрочен,
Я умел не бояться клевет,
Не был ими я сам озабочен;
Но я знал, чье во мраке почном
Надрывалось сердце с печали,
И на чью они грудь упали свинцом,
И кому они жизнь отравляли.
И пускай они мимо прошли,
Надо мною ходившие грозы,
Знаю я, чьи молитвы и слезы
Роковую стрелу отвели...
Да и время ушло,— я устал...
Пусть я не был бойцом без упрека,
Но я силы в себе сознавал,
Я во многое верил глубоко,
А теперь — мне пора умирать...
Не затем же пускаться в дорогу,
Чтобы в любящем сердце опять
Пробудить роковую тревогу...

Присмирившую Музу мою
Я и сам неохотно ласкаю...
Я последнюю песню пою
Для тебя — и тебе посвящаю.
Но не будет она веселей,
Будет много печальнее прежней,
Потому что на сердце темней
И в грядущем еще безнадежней...

Буря воев в саду, буря ломится в дом,
Я боюсь, чтоб она не сломила
Старый дуб, что посажен отцом,
И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
С нашей участью странно связала,
На которой поблекли листья
В ночь, как бедная мать умирала...

И дрожит и пестреет окно...
Чу! как крупные градины скачут!
Милый друг, поняла ты давно —
Здесь одни только камни не плачут...

.

Часть первая
СМЕРТЬ КРЕСТЬЯНИНА

1

Савраска увяз в половине сугроба —
Две пары промерзлых лаптей
Да угол рогожей покрытого гроба
Торчат из убогих дровней.

Старуха в больших рукавицах
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на ресницах,
С морозу — должно полагать.

2

Привычная дума поэта
Вперед забежать ей спешит:
Как саваном, снегом одета,
Избушка в деревне стоит,

В избушке — теленок в подклети,
Мертвец на скамье у окна;
Шумят его глупые дети,
Тихонько рыдает жена.

Сшивая проворной иглой
На саван куски полотна,
Как дождь, зарядивший надолго,
Негромко рыдает она.

3

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

Века протекали — всё к счастью стремилось,
Всё в мире по нескольку раз изменилось,

Одну только бог изменить забывал
Суровую долю крестьянки.
И все мы согласны, что тип измельчал
Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свету кровавой борьбы
И жалоб своих не вверяла, —

Но мне ты их скажешь, мой друг!
Ты с детства со мною знакома,
Ты вся — воплощенный испуг,
Ты вся — вековая истома!
Тот сердца в груди не носил,
Кто слез над тобою не лил!

4

Однако же речь о крестьянке
Затеяли мы, чтоб сказать,
Что тип величавой славянки
Возможно и ныне сыскать.

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивой силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц, —

Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»

Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет

Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Во всякой работе ловка.

И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова копна!

Платок у ней на ухо сбился,
Того гляди косы падут.
Какой-то парнек изловчился
И кверху подбросил их, шут!

Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.

Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит...

По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как стонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

Такого сердечного смеха,
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утеха!» —
Твердят мужики меж собой.

В игре ее конный не словит,
В беде не сробеет — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяные губы
Хранят их красу от людей —

Она улыбается редко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалок ей нищий убогий —
Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.

В ней ясно и крепко сознание,
Что всё их спасение в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде.

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Идет эта баба к обедне
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди,

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

5

И ты красотою дивила,
Была и ловка, и сильна,
Но горе тебя иссушило,
Уснувшего Прокла жена!

Горда ты — ты плакать не хочешь,
Крепишься, но холст гробовой
Слезами невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадает
На быстрые руки твои.
Так колос беззвучно роняет
Созревшие зерна свои...

В селе, за четыре версты,
У церкви, где ветер шатает
Подбитые бурей кресты,
Местечко старик выбирает;

Устал он, работа трудна,
Тут тоже сноровка нужна —

Чтоб крест было видно с дороги,
Чтоб солнце играло кругом.
В снегу до колен его ноги,
В руках его заступ и лом,

Вся в инее шапка большая,
Усы, борода в серебре.
Недвижно стоит, размышляя,
Старик на высоком бугре.

Решился. Крестом обозначил,
Где будет могилу копать,
Крестом осенился и начал
Лопатою снег разгрести.

Иные приемы тут были,
Кладбище не то, что поля:
Из снегу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнув свою старую спину,
Он долго, прилежно копал,
И желтую мерзлую глину
Тотчас же снежок застилал.

Ворона к нему подлетела,
Потыкала носом, прошла:
Земля как железо звенела —
Ворона ни с чем убралась...

Могилы на славу готова, —
«Не мне б эту яму копать!
(У старого вырвалось слово.)
Не Проклу бы в ней почивать,

Не Проклу!..» — Старик остутился,
Из рук его выскользнул лом
И в белую яму скатился,
Старик его вынул с трудом.

Пошел... по дороге шагает...
Нет солнца, луна не взошла...
Как будто весь мир умирает:
Затишье, снежок, полумгла...

7

В овраге, у речки Желтухи,
Старик свою бабу нагнал
И тихо спросил у старухи:
«Хорош ли гробок-то попал?»

Уста ее чуть прошептали
В ответ старику: — Ничего.—
Потом они оба молчали,
И дровни так тихо бежали,
Как будто боялись чего...

Деревня еще не открылась,
А близко — мелькает огонь.
Старуха крестом осенилась,
Шарахнулся в сторону конь —

Без шапки, с ногами босыми,
С большим заостренным колом,
Внезапно предстал перед ними
Старинный знакомец Пахом.

Прикрыты рубахою женской,
Звенели вериги на нем;
Постукал дурак деревенской
В морозную землю колом,

Потом помычал сердобольно,
Вздыхнул и сказал: «Не беда!
На вас он работал довольно!
И ваша пришла череда!»

Мать сыну-то гроб покупала,
Отец ему яму копал,
Жена ему саван шивала —
Всем разом работу вам дал!..»

Опять помычал — и без цели
В пространство дурак побежал.
Вериги уныло звенели,
И голые икры блестели,
И посох по снегу черкал.

8

У дома оставили крышу,
К соседке свели почевать
Заябнувших Машу и Гришу
И стали сынка обряжать.

Медлительно, важно, сурово
Печальное дело велось:
Не сказано лишнего слова,
Наружу не выдано слез.

Уснул, потрудившийся в поте!
Уснул, поработав земле!
Лежит, непричастный заботе,
На белом сосновом столе,

Лежит неподвижный, суровый,
С горящей свечой в головах,
В широкой рубахе холщовой
И в липовых новых лаптях.

Большие, с мозолями, руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо — и до рук борода...

9

Пока мертвеца обряжали,
Не выдали словом тоски,
И только глядеть избегали
Друг другу в глаза бедняки,

Но вот уже кончено дело,
Нет нужды бороться с тоской,
И что на душе накипело,
Из уст полилося рекой.

Не ветер гудит по ковыли,
Не свадебный поезд гремит —
Родные по Прокле завыли,
По Прокле семья голосит:

«Голубчик ты наш сизокрылый!
Куда ты от нас улетел?
Пригожеством, ростом и силой
Ты ровни в селе не имел.

Родителям был ты советник,
Работничек в поле ты был,
Гостям хлебосол и приветник,
Жену и детей ты любил...

Что ж мало гулял ты по свету?
За что нас покинул, родной?
Одумал ты думушку эту,
Одумал с сырою землей —

Одумал — а нам оставаться
Велел во миру, сиротам,
Не свежей водой умываться,
Слезами горячими нам!

Старуха помрет со кручины,
Не жить и отцу твоему,
Береза в лесу без вершины —
Хозяйка без мужа в дому.

Ее не жалеешь ты, бедной,
Детей не жалеешь... Вставай!
С полоски своей заповедной
По лету сберешь урожай!

Сплесни, ненаглядный, руками,
Сокольным глазком посмотри,
Тряхни шелковými кудрями,
Сахарны уста раствори!

На радости мы бы сварили
И меду и браги хмельной,
За стол бы тебя посадили:
«Покушай, желанный, родной!»

А сами напротив бы стали,
Кормилец, надежа семьи!
Очей бы с тебя не спускали,
Ловили бы речи твои...»

10

На эти рыдания и стоны
Соседи валили гурьбой:
Свечу положив у иконы,
Творили земные поклоны
И шли молчаливо домой.

На смену входили другие,
Но вот уж толпа разбрелась,
Поужинать сели родные —
Капуста да с хлебушком квас.

Старик бесполезной кручине
Собой овладеть не давал:
Подладившись ближе к лучине,
Он лапоть худой ковырял.

Протяжно и громко вздыхая,
Старуха на печку легла,
А Дарья, вдова молодая,
Проведать ребяток пошла.

Всю ноченьку, стоя у свечки,
Читал над усопшим дьячок,
И вторил ему из-за печки
Пронзительным свистом сверчок.

11

Сурово метелица выла
И снегом кидала в окно,
Невесело солнце всходило:
В то утро свидетелем было
Печальной картины оно.

Савраска, запряженный в сани,
Понуро стоял у ворот;
Без лишних речей, без рыданий
Покойника вынес народ.

Ну, трогай, саврасушка! трогай!
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!..

В торговом селе Чистополье
Купил он тебя сосунком,
Взрастил он тебя на приволье,
И вышел ты добрым конем.

С хозяином дружно старался,
На зимушку хлеб запасал,
Во стаде ребенку давался,
Травой да мякиной питался,
А тело изрядно держал.

Когда же работы кончались
И сковывал землю мороз,
С хозяином вы отправлялись
С домашнего корма в извоз.

Немало и тут доставалось —
Возил ты тяжелую кладь,
В жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.

Видна на боках твоих впалых
Кнута не одна полоса,
Зато на дворах постоянных
Покушал ты вволю овса.

Слышал ты в январские ночи
Метели пронзительный вой
И волчьи горящие очи
Видал на опушке лесной;

Продрогнешь, натерпишься страху,
А там — и опять ничего!
Да, видно, хозяин дал маху —
Зима доконала его!..

Случилось в глубоком сугробе
 Полсуток ему простоять,
 Потом то в пару, то в ознобе
 Три дня за подводой шагать:

Покойник на срок торопился
 До места доставить товар.
 Доставил, домой воротился —
 Нет голосу, в теле пожар!

Старуха его окатила
 Водой с девяти веретен
 И в жаркую баню сводила,
 Да нет — не поправился он!

Тогда ворожеек созвали —
 И поят, и шепчут, и трут —
 Всё худо! Его продевали
 Три раза сквозь потный хомут,

Спускали родимого в пролубь,
 Под куричий клали насест...
 Всему покорялся, как голубь,—
 А плохо — не пьет и не ест!

Еще положить под медведя,
 Чтоб тот ему кости размял,
 Ходебщик сергачевский Федя —
 Случившийся тут — предлагал.

Но Дарья, хозяйка больного,
 Прогнала советчика прочь:
 Испробовать средства иного
 Задумала баба: и в ночь

Пошла в монастырь отдаленный
 (Верстах в тридцати от села),
 Где в некой иконе явленной
 Целебная сила была.

Пошла, воротилась с иконой —
 Больной уж безгласен лежал,
 Одетый как в гроб, причащенный,
 Увидел жену, простонал

И умер...

...Саврасушка, трогай,
 Натягивай крепче гужи!
 Служил ты хозяину много,
 В последний разок послужи!

Чу! два похоронных удара!
 Попы ожидают — иди!..
 Убитая, скорбная пара,
 Шли мать и отец впереди.

Ребята с покойником оба
 Сидели, не смея рыдать,
 И, правя савраской, у гроба
 С вожжами их бедная мать

Шагала... Глаза ее впали,
 И был не белей ее щек
 Надетый на ней в знак печали
 Из белой холстины платок.

За Дарьей — соседей, соседок
 Плелась негустая толпа,
 Толкуя, что Прокловых деток
 Теперь незавидна судьба,

Что Дарье работы прибудет,
 Что ждут ее черные дни.
 «Жалеть ее некому будет», —
 Согласно решпли они...

Как водится, в яму спустили,
 Засыпали Прокла землей;
 Поплакали, громко повыли,
 Семью пожалели, почтили
 Покойника щедрой хвалой.

Сам староста, Сидор Иваныч,
 Вполголоса бабам подвыл,
 И «Мир тебе, Прокл Севастьяныч! —
 Сказал.— Благодарен ты был,

Жил честно, а главное: в сроки,
Уж как тебя бог выручал,
Платил господину оброк
И подать царю представлял!»

Истратив запас красноречья,
Почтенный мужик побряхтел:
«Да, вот она, жизнь человечья!» —
Прибавил — и шапку надел.

«Свалился... а то-то был в силе!..
Свалимся... не минут и нам!..
Еще покрестились могиле
И с богом пошли по домам.

Высокий, седой, сухопарый,
Без шапки, недвижно-немой,
Как памятник, дедушка старый
Стоял на могиле родной!

Потом старина бородатый
Задвигался тихо по ней,
Ровняя землю лопатой
Под вопли старухи своей.

Когда же, оставивши сына,
Он с бабой в деревню входил:
«Как пьяных, шатает кручина!
Гляди-тко!..» — народ говорил.

15

А Дарья домой воротилась —
Прибраться, детей накормить.
Ай-ай! Как изба настудилась!
Торопится печь затопить,

Ан глядь — ни полена дровишек!
Задумалась бедная мать:
Покинуть ей жаль ребятишек,
Хотелось бы их приласкать,

Да времени нету на ласки.
К соседке свела их вдова.
И тотчас, на том же савраске,
Поехала в лес, по дрова...

Часть вторая
МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

16

Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес впереди,
Савраска плетется ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути.

Как тихо! В деревне раздавшийся голос
Как будто у самого уха гудет,
О корень древесный запнувшийся полоз
Стучит, и визжит, и за сердце скребет.

Кругом — поглядеть нету мочи,
Равнина в алмазах блестит...
У Дарьи слезами наполнились очи —
Должно быть, их солнце слепит...

17

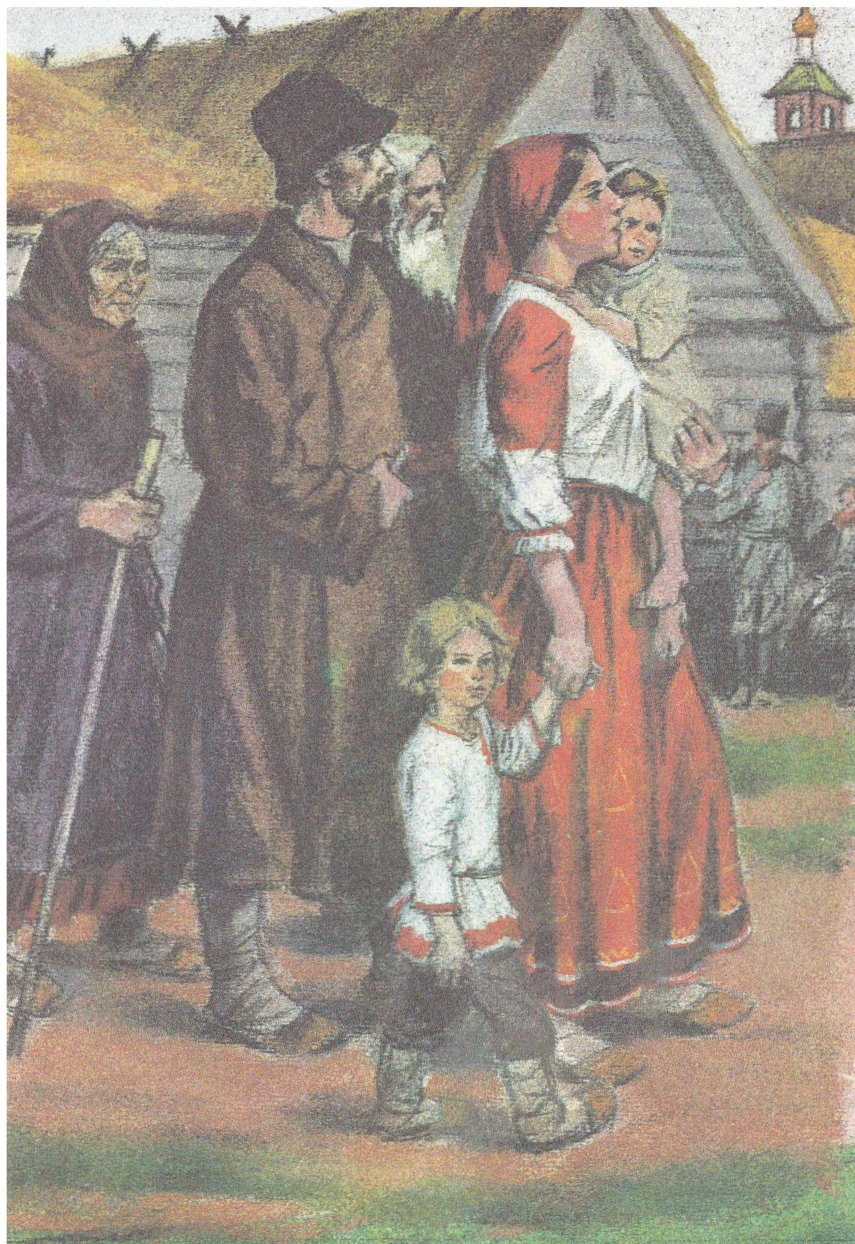
В полях было тихо, но тише
В лесу и как будто светлей.
Чем дале — деревья всё выше,
А тени длинней и длинней.

Деревья, и солнце, и тени,
И мертвый, могильный покой...
Но — чу! заунывные пени,
Глухой, сокрушительный вой!

Осилило Дарьюшку горе,
И лес безучастно внимал,
Как стоны лились на просторе
И голос рвался и дрожал,

И солнце, кругло и бездушно,
Как желтое око совы,
Глядело с небес равнодушно
На тяжкие муки вдовы.

И много ли струн оборвалось
У бедной крестьянской души,
Навеки сокрыто осталось
В лесной нелюдимой глуши.

«Мороз, Красный нос».

«Мороз, Красный нос»

Великое горе вдовицы
И матери малых сирот
Подслушали вольные птицы,
Но выдать не смели в народ...

18

Не псарь по дубровушке трубит,
Гогочет, сорви-голова,—
Наплакавшись, колет и рубит
Дрова молодая вдова.

Срубивши, на дровни бросает —
Наполнить бы их поскорей,
И вряд ли сама замечает,
Что слезы всё льют из очей:

Иная с ресницы сорвется
И на́ снег с размаху падет —
До самой земли доберется,
Глубокую ямку прожжет;

Другую на дерево кинет,
На плашку,— и смотришь, она
Жемчужиной крупной застынет —
Бела, и кругла, и плотна.

А та на глазу поблистает,
Стрелой по щеке побежит,
И солнышко в ней поиграет...
Управиться Дарья спешит,

Знай рубит,— не чувствует стужи,
Не слышит, что ноги знобит,
И, полная мыслью о муже,
Зовет его, с ним говорит...

19

.
.
«Голубчик! красавицу нашу
Весной в хороводе опять
Подхватят подруженьки Машу
И станут на ручках качать!

Стапуг качать,
Кверху бросать,
Маковкой звать,
Мак отряхать!¹

Вся раскраснеется наша
Маковым цветиком Маша
С синими глазками, с русой косой!

Ножками бить и смеяться
Будет... а мы-то с тобой,
Мы на нее любоваться
Будем, желанный ты мой!..

20

Умер, не дожиг ты веку,
Умер и в землю зарыт!

Любо весной человеку!
Солнышко ярко горит.
Солнышко всё оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просят косы,

Рано я, горькая, встала,
Дома не ела, с собой не брала,
До ночи пашню пахала,
Ночью я косу клепала,
Утром косить я пошла...

Крепче вы, ноженьки, стойте!
Белые руки, не нойте!
Надо одной поспевать!

В поле одной-то надсадно,
В поле одной неповадно,
Стану я милого звать!

¹ Известная народная игра, называемая: *сеять мак*. *Маковкой* садится в середине круга красивая девочка, которую под конец подкидывают вверх, представляя тем отряхивание мака; а то еще *маком* бывает простоватый детина, которому при подкидывании достается немало колотушек. (*Примеч. Н. А. Некрасова.*)

Ладно ли пашню вспахала?
Выди, родимый, взгляни!
Сухо ли сено убрала?
Прямо ли стоги сметала?..
Я на граблях отдыхала
Все сенокосные дни!

Некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разум наставить...

21

Стала скотинушка в лес убираться,
Стала рожь-матушка в колос метаться,
Бог нам послал урожай!
Нынче солома по грудь человеку,
Бог нам послал урожай!
Да не продлил тебе веку,—
Хочешь не хочешь, одна поспевай!..

Овод жужжит и кусает,
Смертная жажда томит,
Солнышко серп нагревает,
Солнышко очи слепит,
Жжет оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжет,
Изо ржи, словно из печи,
Тоже теплом обдает,
Спинушка ноет с натуги,
Руки и ноги болят,
Красные, желтые круги
Перед очами стоят...
Жни-дожинай поскорее,
Видишь — зерно потекло...

Вместе бы дело спорее,
Вместе повадней бы шло...

22

Сон мой был в руку, родная!
Сон перед Спасовым днем.
В поле заснула одна я
После полудня, с серпом.
Вижу — меня отступает

Сила — несметная рать,—
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает.
Думала я убежать,
Да не послушались ноги.
Стала просить я помощи,
Стала я громко кричать.
Слышу, земля задрожала —
Первая мать прибежала,
Травушки рвутся, шумят —
Детки к родимой спешат.
Шибко без ветру не машет
Мельница в поле крылом:
Братец идет да приляжет,
Свекор плетется шагком.
Все прибредли, прибежали,
Только дружка одного
Очи мои не видали...
Стала я кликать его:
«Видишь — меня оступает
Сила — несметная рать,—
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает:
Что не идешь выручать?..»
Тут я кругом огляделась —
Господи! Что куда делось?
Что это было со мной?..
Рати тут нет никакой!
Это не люди лихие,
Не бусурманская рать —
Это колосья ржаные,
Спелым зерном налитые,
Вышли со мной воевать!
Машут, шумят, наступают,
Руки, лицо щекотят,
Сами солому под серп нагибают —
Больше стоять не хотят!

Жать принялась я проворно,
Жну, а на шею мою
Сыплются крупные зерна —
Словно под градом стою!

Вытечет, вытечет за ночь
Вся наша матушка-рожь...

Где же ты, Прокл Севастьяныч?
Что пособлять не идешь?..

Сон мой был в руку, родная!
Жать теперь буду одна я.

Стану без милого жать,
Снопки крепко вязать,
В снопки слезы ронять!
Слезы мои не жемчужны,
Слезы горюшки-вдовы,
Что же вы господу нужны,
Чем ему дороги вы?..

23

Долги вы, зимние ноченьки,
Скучно без милого спать,
Лишь бы не плакали оченьки,
Стану полотна я ткать.

Много натку я полотен,
Тонких добротных новин,
Вырастет крепок и плотен,
Вырастет ласковый сын.

Будет по нашему месту
Он хоть куда женихом,
Высватать парню невесту
Сватов надежных пошлем...

Кудри сама расчесала я Грише,
Кровь с молоком наш сынок-первенец,
Кровь с молоком и невеста... Иди же!
Благослови молодых под венец!..

Этого дня мы как праздника ждали,
Помнишь, как начал Гришуха ходить,
Целую ноченьку мы толковали,
Как его будем женить,
Стали на свадьбу копить понемногу...
Вот — дождались, слава богу!

Чу, бубенцы говорят!
Поезд вернулся назад,
Выди навстречу проворно —

Пава-невеста, соколик-жених! —
Сыпь на них хлебные зерна,
Хмелем осыпь молодых!..¹

24

Стадо у лесу у темного бродит,
Льки в лесу пастушонко дерет,
Из лесу серый волчище выходит.
Чью он овцу унесет?

Черная туча, густая-густая,
Прямо над нашей деревней висит,
Прыснет из тучи стрела громовая,
В чей она дом сноровит?

Вести недобрые ходят в народе,
Парням недолго гулять на свободе,
Скоро — рекрутский набор!

Наш-то молодчик в семье одиночка,
Всех у нас деток Гришуха да дочка.
Да голова у нас вор —
Скажет: мирской приговор!

Сгибнет ни за что ни про что детина,
Встань, заступись за родимого сына!

Нет, не заступишься ты!..
Белые руки твои опустились,
Ясные очи навеки закрылись...
Горькие мы сироты!..

25

Я ль не молила царицу небесную?
Я ли ленива была?
Ночью одна по икону чудесную
Я не сробела — пошла,

¹ Хмелем и хлебным зерном осыпают молодых в знак будущего богатства. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

Ветер шумит, намедает сугробы.
Месяца нет — хоть бы луч!
На небо глянешь — какие-то гробы,
Цепи да гири выходят из туч...

Я ли о нем не старалась?
Я ли жалела чего?
Я ему молвить боялась,
Как я любила его!

Звездочки будут у ночи,
Будет ли нам-то светлей?..

Заяц спрыгнул из-под кочи,
Зайнька, стой! не посмей
Перебежать мне дорогу!

В лес укатил, слава богу...
К полночи стало страшней,—

Слышу, нечистая сила
Залотошила, завыла,
Заголосила в лесу.

Что мне до силы нечистой?
Чур меня! Деве пречистой
Я приношенье несу!

Слышу я конское ржанье,
Слышу волков завыванье,
Слышу погоню за мной,—

Зверь на меня не кидайся!
Лих человек не касайся,
Дорог наш грош трудовой!

Лето он жил работаючи,
Зиму не видел детей,
Ночи о нем помышляючи,
Я не смыкала очей.

Едет он, зябнет... а я-то, печальная,
Из волокнистого льну,
Словно дорога его чужедальная,
Долгую нитку тяну.

Веретено мое прыгает, вертится,
В пол ударяется.
Проклушка пеш идет, в рытвине крестится,
К возу на горочке сам припрыгается.

Лето за летом, зима за зимой,
Этак-то мы раздобылись казной!

Милостив буди к крестьянину бедному,
Господи! всё отдаем,
Что по копейке, по грошику медному
Мы сколотили трудом!..

26

Вся ты, тропина лесная!
Кончился лес.
К утру звезда золотая
С божьих небес
Вдруг сорвалась — и упала,
Дунул господь на нее,
Дрогнуло сердце мое:
Думала я, вспоминала —
Что было в мыслях тогда,
Как покатилась звезда?
Вспомнила! ноженьки стали,
Силюсь идти, а нейду!
Думала я, что едва ли
Прокла в живых я найду...

Нет! не допустит царица небесная!
Даст исцеленье икона чудесная!

Я осенилась крестом
И побежала бегом...

Сила-то в нем богатырская,
Милостив бог, не умрет...
Вот и стена монастырская!
Тень уж моя головой достает
До монастырских ворот.

Я поклонилась земным поклоном,
Стала на ноженьки, глядь —
Ворон сидит на кресте золоченом,
Дрогнуло сердце опять!

Долго меня продержали —
Схимницу сестры в тот день погребали.

Утренняя шла,
Тихо по церкви ходили монашины,
В черные рясы наряжены,
Только покойница в белом была:
Спит — молодая, спокойная,
Знает, что будет в раю.
Поцеловала и я, недостойная,
Белую ручку твою!
В личико долго глядела я:
Всех ты моложе, нарядней, милей,
Ты меж сестер словно горлинка белая
Промежду сизых, простых голубей.

В ручках чернеются четки,
Писанный венчик на лбу.
Черный покров на гробу —
Этак-то ангелы кротки!

Молви, касатка моя,
Богу святыми устами,
Чтоб не осталася я
Горькой вдовой с сиротами!

Гроб на руках до могилы снесли,
С пеньем и плачем ее погребли.

Двинулась с миром икона святая,
Сестры запели, ее провожая,
Все приложились к ней.

Много владычице было почету:
Старый и малый бросали работу,
Из деревень шли за ней.

К ней выносили больных и убогих...
Знаю, владычица! знаю: у многих
Ты осушила слезу...

Только ты милости к нам не явила!

.
.

Господи! сколько я дров нарубила!

Не увезешь на возу...»

29

Окончив привычное дело,
На дровни поклала дрова,
За вожжи взялась и хотела
Пуститься в дорогу вдова.

Да вновь пораздумалась, стоя,
Топор машинально взяла
И, тихо, прерывисто воя,
К высокой сосне подошла.

Едва ее ноги держали,
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали —
Невольный и страшный покой!

Стоит под сосной чуть живая,
Без думы, без стона, без слез.
В лесу тишина гробовая —
День светел, крепчает мороз.

30

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи —
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

202

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Дорога везде чародею,
Чу, ближе подходит, седой,
И вдруг очутился над нею,
Над самой ее головой!

Забравшись на сósну большую,
По веточкам палицей бьет
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет:

31

— Вглядиcь, молодица, смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И краше видать привелось?

Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны —
Построю дворцы изо льда.

Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли, —
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

На горе недоброму вору,
На страх седоку и коню,
Люблю я в вечернюю пору
Затеять в лесу трескотню.

Бабенки, пеняя на леших,
Домой удирают скорей.
А пьяных, и конных, и пеших
Дурачить еще веселей.

Без меду всю выбелю рожу,
А нос запыхает огнем,
И бороду так приморожу
К вожжам — хоть руби топором!

Богат я, казны не считаю,
А всё не скудеет добро;
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро.

Войди в мое царство со мною
И будь ты царицею в нем!
Поцарствуем славно зимою,
А летом глубоко уснем.

Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой... —
И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой.

32

— Тепло ли тебе, молодница? —
С высокой сосны ей кричит.
«Тепло!» — отвечает вдовица,
Сама холодеет, дрожит.

Морозко спустился пониже,
Опять помахал булавой
И шепчет ей ласковой, тише:
— Тепло ли?.. — «Тепло, золотой!»

Тепло — а сама коченеет.
Морозко коснулся ее:
В лицо ей дыханием веет
И иглы колючие сеет
С седой бороды на нее.

И вот перед ней опустился!
— Тепло ли? — промолвил опять

И в Проклушку вдруг обратился,
И стал он ее целовать.

В уста ее, в очи и в плечи
Седой чародей целовал
И те же ей сладкие речи,
Что милый о свадьбе, шептал.

И так-то ли любо ей было
Внимать его сладким речам,
Что Дарьюшка очи закрыла,
Топор уронила к ногам,

Улыбка у горькой вдовицы
Играет на бледных губах,
Пушисты и белы ресницы,
Морозные иглы в бровях...

33

В сверкающий ипей одета,
Стоит, холодеет она,
И снится ей жаркое лето —
Не вся еще рожь свезена,

По сжата, — полегче им стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
С соседних полос у реки.

Свекровь ее тут же, старушка,
Трудилась; на полном мешке
Красивая Маша, резвушка,
Сидела с морковкой в руке.

Телега, скрипя, подъезжает —
Савраска глядит на своих,
И Проклушка крупно шагает
За возом снопов золотых.

«Бог помочь! А где же Гришуха?» —
Отец мимоходом сказал.
— В горохах, — сказала старуха,
«Гришуха!» — отец закричал,

На небо взглянул: «Чай, не рано?
Испить бы...» — Хозяйка встает
И Проклу из белого жбана
Напиться кваску подает.

Гришуха меж тем отозвался:
Горохом опутан кругом,
Проворный мальчуга казался
Бегущим зеленым кустом.

«Бежит!.. у!.. бежит, постреленок,
Горит под ногами трава!»
Гришуха черен, как галчонок,
Бела лишь одна голова.

Крича, подбегает вприсядку
(На шее горох хомутом).
Попотчевал баушку, матку,
Сестренку — вертится вьюном!

От матери молодцу ласка,
Отец мальчугана щипнул;
Меж тем не дремал и савраска:
Он шею тянул да тянул,

Добрался, — оскаливши зубы,
Горох аппетитно жует
И в мягкие добрые губы
Гришухино ухо берет...

34

Машутка отцу закричала:
«Возьми меня, тятка, с собой!» —
Спрыгнула с мешка — и упала,
Отец ее поднял. «Не вой!

Убилась — не важное дело!..
Девчонок не надобно мне,
Еще вот такого пострела
Рожай мне, хозяйка, к весне!

Смотри же!..» Жена застыдилась:
— Довольно с тебя одного! —
(А знала, под сердцем уж билось
Дитя...) «Ну! Машук, ничего!»

И Проклушка, став на телегу,
Машутку с собой посадил.
Вскочил и Гришуха с разбегу,
И с грохотом воз покатыл.

Воробушков стая слетела
С снопов, над телегой взвилась.
И Дарьюшка долго смотрела,
От солнца рукой заслонясь,

Как дети с отцом приближались
К дымящейся риге своей,
И ей из снопов улыбались
Румяные лица детей...

Чу, песня! знакомые звуки!
Хорош голосок у певца...
Последние признаки муки
У Дарьи исчезли с лица,

Душой улетаая за песней,
Она отдалась ей вполне...
Нет в мире той песни прелестней,
Которую слышим во сне!

О чем она — бог ее знает!
Я слов уловить не умел,
Но сердце она утоляет,
В ней должного счастья предел.

В ней кроткая ласка участия,
Обеты любви без конца...
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходит с лица.

35

Какой бы ценой ни досталось
Забвенье крестьянке моей,
Что нужды? Она улыбалась.
Жалеть мы не будем о ней.

Нет глубже, нет слаще покоя,
Какой посылает нам лес,
Недвижно бестрепетно стоя
Под холодом зимних небес.

Нигде так глубоко и вольпо
Не дышит усталая грудь,
И ежели жить нам довольно,
Нам слаще нигде не уснуть!

36

Ни звука! Душа умирает
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, как покоряет
Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты сипий
Свод неба, да солнце, да лес,
В серебряно-матовый ипсий
Наряженный, полный чудес,

Влекущий неведомой тайной,
Глубоко-бесстрастный... Но вот
Послышался шорох случайный —
Вершинами белка идет.

Ком снегу она уронила
На Дарью, прыгнув по сосне.
А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне...

1863—1864

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И здесь душа унынием объята,
Не ласков был мне родины привет;
Так смотрит друг, любивший нас когда-то,
Но в ком давно уж прежней веры нет.

Сентябрь шумел, земля моя родная
Вся под дождем рыдала без конца,
И черных птиц за мной летела стая,
Как будто бы почуяв мертвеца!

Волнуемый тоскою и боязнию,
Напрасно гнал я грозные мечты,
Меж тем как лес с какой-то неприязнью
В меня бросал холодные листья,

И ветер мне гудел неумолимо:
Зачем ты здесь, изпеженный поэт?
Чего от нас ты хочешь? Мимо! мимо!
Ты нам чужой, тебе здесь дела нет!

И песню я услышал в отдаленье.
Знакомая, она была горька,
Звучало в ней бессильное томленье,
Бессильная и вялая тоска.

С той песней вновь в душе зашевелилось,
О чем давно я позабыл мечтать,
И проклял я то сердце, что смутилось
Перед борьбой — и отступило вспять!..

1864

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

В а н я (в кучерском армячке).
Папаша! кто строил эту дорогу?

П а п а ш а (в пальто на красной подкладке).

Граф Петр Андрееч Клейпмихель,
душенька!

Разговор в вагоне

1

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор! —
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —

Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

2

«Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод название ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья слышались грозные,
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.

Грабили нас грамотей-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, божиим ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки-Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатой
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет всё, что господь ни пошлет!

Вынесет всё — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе».

3

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул — исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный,—
Ваня сказал,— тысяч пять мужиков,

Русских племен и пород представители
Вдруг появились — и он мне сказал:
«Вот они — нашей дороги строители!..»
Захохотал генерал!

— Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана,
Что же... всё это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

Вот ваш народ — эти термы и бани,
Чудо искусства — он всё растаскал! —
«Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

— Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать — разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону...—

«Рад показать!
 Слушай, мой милый: труды роковые
 Кошчены — немец уж рельсы кладет.
 Мертвые в землю зарыты; больные
 Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался...
 Крепко затылки чесали они:
 Каждый подрядчику должен остался,
 Стали в копейку прогульные дни!

Всё заносили десятники в книжку —
 Брал ли на баню, лежал ли больной.
 «Может, и есть тут теперича лишку,
 Да вот, поди ты!..» Махнули рукой...

В синем кафтане — почтенный лабазник,
 Толстый, присадистый, красный, как медь,
 Едет подрядчик по линии в праздник,
 Едет работы свои посмотреть.

Праздный народ расступается чинно...
 Пот оттирает купчина с лица
 И говорит, подбоченясь картинно:
 «Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..»

С богом, теперь по домам, — проздравляю!
 (Шапки долой — коли я говорю!)
 Бочку рабочим вина выставяю
 И — *недоимку дарю!..*»

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
 Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
 С песней десятники бочку катили...
 Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
 С криком «ура!» по дороге помчал...
 Кажется, трудно отрадней картину
 Нарисовать, генерал?..»

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья

Ты отдал ей; ты честные сердца
Ей покорял. Взывая к жизни новой,
И светлый рай, и перлы для венца
Готовил ты любовнице суровой,

Но слишком рано твой ударил час
И вешнее перо из рук упало.
Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!

Года минули, страсти улеглись,
И высоко вознесся ты над нами...
Плачь, русская земля! но и гордись —
С тех пор, как ты стоишь под небесам,

Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно:
Сокровища душевной красоты
Совмещены в нем были благодатно...

Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

1864

О ПОГОДЕ

<Часть первая>

УЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Что за славная столица
Развеселый Петербург!

Лакейская песня

I

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Слава богу, стрелять перестали!
Ни минуты мы нынче не спали,
И едва ли кто в городе спал:
Ночью пушечный гром грохотал,
Не до сна! Вся столица молилась,
Чтоб Нева в берега воротилась,
И минула большая беда —
Понемногу сбывает вода.
Начинается день безобразный —
Мутный, ветренный, темный и грязный.
Ах, еще бы на мир нам с улыбкой смотреть!
Мы глядим на него через тусклую сеть,
Что как слезы струится по окнам домов
От туманов сырых, от дождей и снегов!

Злость берет, сокрушает хандра,
Так и просятся слезы из глаз.
Нет! Я лучше уйду со двора...
Я ушел — и наткнулся как раз
На тяжелую сцену. Везли на погост
Чей-то вохрой окрашенный гроб
Через длинный Исакиев мост.
Перед гробом не шли ни родные, ни поп.
Не лежала на нем золотая парча,
Только, в крышу дощатого гроба стуча,
Прыгал град да извозчик-палач
Бил кургузым кнутом спотыкавшихся кляч,
И вдоль спин побелевших удары кнута
Полосами ложились. Съезжая с моста,
Зацепила за дроги коляска, стремглав
С офицером, кричавшим: «Пошел!» — проскакав,
Гроб упал и раскрылся.

«Сердечный ты мой!

Натерпелся ты горя живой,
Да пришлось терпеть и по смерти...
То случился проклятый пожар,
То теперь наскакали вдруг — черти!
Вот уж подлинно бедный Макар!
Дом-то, где его тело стояло,
Загорелся,— забыли о нем,—
Я схватилась: побились немало,
Да спасли-таки гроб целиком,
Так опять неудача сегодня!
Видно, участь его такова...
Расходилась рука-то господня,
Не удержишь!..»

Такие слова

Говорила бездушно и звонко,
Подбежав к мертвецу впопыхах,
Провожавшая гроб старушонка,
В кацавейке, в мужских сапогах.
«Вишь, проклятые! Ехать им тесно!»
— Кто он был? — я старуху спросил.
«Кто он был? да чиновник, известно;
В департаментах разных служил.
Петербург ему солон достался:
В наводнение жену потерял,
Целый век по квартирам таскался
И четырнадцать раз погорал.
А уж службой себя как неволил!
В будни сиднем сидел да писал,
А по праздникам ноги мозолил —
Всё начальство свое поздравлял.
Вот и кончилось тем — простудился!
Звал из Шуи родную сестру,
Да деньжонок послать поспешил.
«Так один, говорит, и умру,
Не дождусь... кто меня похоронит?
Хоть уж ты не оставь, помоги!»
Страх, бывало, возьмет, как застонет!
Подари, говорю, сапоги,
А то, вишь, разошелся дождище!
Неравно в самом деле умрешь,
В чем пойду проводить на кладбище?
Закивал головой...» — Ну и что ж? —
«Ну и умер — и больше ни слова:

Надо места искать у другова!»
— И тебе его будто не жаль? —
«Что жалеть! нам жалеть недосужно,
Что жалеть? хоронить теперь нужно.
Эка, батюшка, страшная даль!
Эко времечко!.. господи боже!
Как ни дорого бедному жить,
Умирать ему вдвое дороже:
На кладбище-то место купить,
Да попу, да на гроб, да на свечи...»

Говоря эти грустные речи,
До кладбища мы скоро дошли
И покойника в церковь внесли.
Много их там гуртом отпевалось,
Было тесно — и трудно дышалось.
Я ушел по кладбищу гулять;
Там одной незаметной могилы,
Где уснули великие силы,
Мне хотелось давно поискать.

Сделав даром три добрые круга,
Я у сторожа вздумал спросить.
Имя, званье, все признаки друга
Он заставил пять раз повторить
И сказал: «Нет, такого не знаю;
А, пожалуй, приметку скажу,
Как искать: ты ищи его с краю,
Перешедши вон эту межу,
И смотри: где кресты — там мещане,
Офицеры, простые дворяне;
Над чиновником больше плита,
Под плитой же бывает учитель,
А где нет ни плиты, ни креста,
Там, должно быть, и есть сочинитель».

За совет я спасибо сказал,
Но могилы тот день не искал.
Я старуху знакомую встретил
И покойника с ней хоронил.
День, по-прежнему гнил и не светел,
Вместо града дождем нас мочил.
Средь могил, по мосткам деревянным
Довелось нам долгонько шагать.
Впереди, под навесом туманным,

Открывалась болотная гладь:
Ни жилья, ни травы, ни кусточка,
Всё мертво — только ветер свистит.
Вон виднеется черная точка:
Это сторож. «Скорее!» — кричит.
По тащущим жердочкам прямо
Мы направились с гробом туда.
Наконец вот и свежая яма,
И уж в ней по колено вода!
В эту воду мы гроб опустили,
Жидкой грязью его завалили,
И конец! Старушонка опять
Не могла пересилить досады:
«Ну, дождался, сердечный, отрады!
Что б уж, кажется, с мертвого взять?
Да господь, как захочет обидеть,
Так обидит: вчера погорал,
А сегодня, изволите видеть,
Из огня прямо в воду попал!»
Я взглянул на нее — и заметил,
Что старухе-то жаль бедняка:
Бровь одну поводило слегка...
Я немым ей поклоном ответил
И ушел... Я доволен собой,
Я недаром на улицу вышел:
Я хандру разогнал — и смешной
Каламбур на кладбище услышал,
Подготовленный жизнью самой...

II

ДО СУМЕРЕК

1

Ветер что-то удушлив не в меру,
В нем зловещая нота звучит,
Всё холеру — холеру — холеру —
Тиф и всякую немочь сулит!
Все больны, торжествует аптека
И варит свои зелья гуртом;
В целом городе пет человека,
В ком бы желчь не кипела ключом;
Муж, супругою страстно любимый,
В этот день не понравится ей,

И преступник, сегодня судимый,
Вдвое больше получит плетей.
Всюду встретишь жестокую сцену, —
Полицейский, не в меру сердит,
Тесаком, как в гранитную стену,
В спину бедного Ваньки стучит.
Чу! визгливые стоны собаки!
Вот сильней, — видно, треснули вновь...
Стали греться — догрелись до драки
Два калашника... хохот — и кровь!

2

Под жестокой рукой человека
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калека,
Непосильную ношу влача.
Вот она зашаталась и стала.
«Ну!» — погонщик полено схватил
(Показалось кнута ему мало) —
И уж бил ее, бил ее, бил!
Ноги как-то расставив широко,
Вся дымясь, оседая назад,
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядела... (так люди глядят,
Покоряясь неправым нападкам).
Он опять: по спине, по бокам
И, вперед забежав, по лопаткам
И по плачущим, кротким глазам!
Всё напрасно. Клячонка стояла,
Полосатая вся от кнута,
Лишь на каждый удар отвечала
Равномерным движеньем хвоста.
Это праздных прохожих смешило,
Каждый вставил словечко свое,
Я сердился — и думал уныло:
«Не вступить ли мне за нее?
В наше время сочувствовать мода,
Мы помочь бы тебе и не прочь,
Безответная жертва народа, —
Да себе не умеем помочь!»
А погонщик недаром трудился —
Накопец-таки толку добился!
Но последняя сцена была
Возмутительней первой для взора:

Лошадь вдруг напряглась — и пошла
Как-то боком, нервически скоро,
А погонщик при каждом прыжке,
В благодарность за эти усилия,
Поддавал ей ударами крылья
И сам рядом бежал налегке.

3

Я горячим рожден патриотом,
Я весьма терпеливо стою,
Если войско, несметное счетом,
Переходит дорогу мою.
Ускользнут ли часы из кармана,
До костей ли прохватит мороз
Под воинственный гром барабана,
Не жалею: я истинный росс!
Жаль, что нынче погода дурная,
Солнца нет, кивера не блестят
И не лоснится масть вороная
Лошадей... Только сабли звенят;
На солдатах едва ли что сухо,
С лиц бегут дождевые струи,
Артиллерия тяжело и глухо
Подвигает орудья свои.
Всё молчит. В этой раме туманной
Лица воинов жалки на вид,
И подмоченный звук барабанный
Словно издали жидко гремит...

4

Прибывает толпа ожидающих,
Сколько дрожек, колясок, карет!
Пеших, едущих, праздно-зевающих
Счету нет!
Тут квартальный с захваченным пьяницей,
Как Федотов его срисовал;
Тут старуха с аптечною сткляницей,
Тут жандармский седой генерал;
Тут и дама такая сердитая —
Открывай ей немедленно путь!
Тут и лошадь, недавно побитая:
Бог привел и ее отдохнуть!

Смотрит прямо в окошко каретное,
На стекле надышала пятно.
Вот лицо, молодое, приветное,
Вот и ручка,— раскрылось окно,
И погладила клячу несчастную
Ручка белая... Дождь зачастил,
Словно спрятаться ручку прекрасную
Поскорей торопил.

Тут бедняк итальянец с фигурами,
Тут чухна, продающий грибы,
Тут рассыльный Минай с корректурамп.
«Что, старинушка, много ходьбы?»
— Много было до сорок девятого;
Отдохнули потом... да опять
С пятьдесят этак прорвало с пятого,
Успевай только ноги таскать! —
«А какие ты носишь издания?»
— Пропасть их,— перечеть мудрено.
Я «Записки» носил с основания,
С «Современником» нянчусь давно:
То носил к Александру Сергеичу,
А теперь уж тринадцатый год
Всё ношу к Николаю Алексеичу,—
На Литейной живет.

Слог хорош, а жиденько издание,
Так, оберточкой больше берут.
Вот «Записки» — одно уж название!
Но и эти, случается, врут.
Всё зарезать друг дружку стараются.
Впрочем, пас же надуть поровят:
В месяц тридцать листов обещаются,
А рассыльный таскай шестьдесят!
Знай ходи — то в Коломну, то к Певскому,
Даже Фрейганг устанет марать:
«Объяви, говорит, ты Краевскому,
Что я больше не стану читать!..»
Вот и нынче несу что-то спешное —
Да пускай подождут, не впервой.
Эх, умаялось тело-то грешное!.. —
«Да, пора бы тебе на покой».
— То-то нет! Говорили мне многие,
Даже доктор (в тридцатом году
Я послал к нему «Курс патологии»):
«Жить тебе, пока ты на ходу!»
И ведь точно: сильней нездоровится,

Коли в праздник ходьба остановится:
Ноет спинушка, жилы ведет!
Я хожу уж полвека без малого,
Человека такого усталого

Не держи — пусть идет!

Умереть бы привел бог со славою,
Отдохнуть отдохнем, потрудясь... —
Принял позу старик величавую,
На Исакия смотрит, крестясь.
Мне понравилась речь эта странная.
«Трудно дело твое!» — я сказал.
— Дела нет, а ходьба беспрестанная,
Зато город я славно узнал!
Знаю, сколько в нем храмов считается,
В каждой улице сколько домов,
Сколько вывесок, сколько шагов
(Так, идешь да считаешь, случается).
Грешен, знаю число кабаков.
Что ни есть в этом городе жителей,
Всех по времени вызнал с лица. —
«Ну, а много видал сочинителей?»
— День считай — не дойдешь до конца,
Чай, и счет потерял в литераторах!
Коиx помню — пожалуй, скажу.
При царице, при трех императорах
К ним ходил... при четвертом хожу:
Знал Булгарина, Греча, Сенковского,
У Воейкова долго служил,
В Шепелевском¹ сыпал у Жуковского
И у Пушкина в Царском гостил.
Походил я к Василью Андреичу,
Да гроша от него не видал,
Не чета Александру Сергеичу —
Тот частенько на водку давал.
Да зато попрекал всё цензурою:
Если красные встретит кресты,
Так и пустит в тебя корректурую:
Убирайся, мол, ты!
Глядя, как человек убивается,
Раз я молвил: сойдет-де и так!
«Это кровь, говорит, проливается,
Кровь моя, — ты дурак!..» —

¹ Дворец, где долго жил Жуковский. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

Полно ждать! за последней колонною
 Отсталые прошли,
 И покрытого красной попоною
 В заключение коня провели.
 Торжествуя конец ожидания,
 Кучера завопили: «Пади!»
 Всё спешит. «Ну, старик, до свидания,
 Коли нужно идти, так иди!!!»

Я, продрогнув, домой побежал.
 Небо, видно, сегодня не сжалится:
 Только дождь перестал,
 Снег лепешками крупными валится!
 Город начал пустеть — и пора!
 Только бедный да пьяный шатаются,
 Да близ медной статуи Петра,
 У присутственных мест дожидаются
 Сотни сотен крестьянских дровней
 И так щедро с небес посыпаются,
 Что за снегом не видно людей.
 Чу! рыдание баб истеричное!
 Сдали парня?.. Жалей не жалей,
 Перемелется — дело привычное!
 Злость-тоску мужики на лошадках сорвут,
 Коли денежки есть — раскошелятся
 И кручинушку штофом запьют,
 А слезами-то бабы поделятся!
 По ведерочку слез на сестренку уйдет,
 С полведра молодухе достанется,
 А старуха-то мать и без меры возьмет —
 И без меры возьмет — что останется!

III

СУМЕРКИ

Говорят, еще день. Правда, я не видал,
 Чтобы месяц свой рог золотой показал,
 Но и солнца не видел никто.
 Без его даровых, благодатных лучей

Золоченые куполы пышных церквей
И вся роскошь столицы — ничто.
Надо всем, что ни есть: над дворцом и тюрьмой,
И над медным Петром, и над грозной Невой,
До чугунных коней на воротах застав
(Что хотят ускакать из столицы стремглав) —
Надо всем распростерся туман.
Душный, стройный, угрюмый, гнилой,
Некрасив в эту пору наш город большой,
Как изношенный фат без румян...

Наша улица улиц столичных краса,
В ней дома всё в четыре этажа,
Не лазурны над ней небеса,
Да зато процветает продажа.
Сверху донизу вывески сплошь
Покрывают громадные стены,
Сколько хочешь тут немцев найдешь —
Из Берлина, из Риги, из Вены.
Всё соблазны, помилуй нас бог!
Там перчатка с руки великана,
Там торчит Веллингтонов сапог,
Там с открытою грудью Диана,
Даже ты, Варсонофий Петров,
Подле вывески «Делают гробы»
Прицелил полужёные скобы
И другие снаряды гробов,
Словно хочешь сказать: «Друг-прохожий!
Соблазнись — и умри поскорей!»
Человек ты, я знаю, хороший,
Да многолько родил ты детей —
Непрестанные нужны заказы...
Ничего! обеспечен твой труд,
Бедность гибельней всякой заразы —
В нашей улице люди так мрут,
Что по ней то и знай на кладбища,
Как в холеру, тащат мертвецов:
Холод, голод, сырые жилища —
Не робей, Варсонофий Петров!..

В нашей улице жизнь трудовая:
Начинают ни свет ни заря
Свой ужасный концерт, припевая,
Токари, резчики, слесаря,
А в ответ им гремит мостовая!

Дикий крик продавца-мужика,
И шарманка с пронзительным воем,
И кондуктор с трубой, и войска,
С барабанным идущие боем,
Понуканье измученных кляч,
Чуть живых, окровавленных, грязных,
И детей раздирающий плач
На руках у старух безобразных —
Всё сливается, стонет, гудет,
Как-то глухо и грозно рокочет,
Словно цепи куют на несчастный народ,
Словно город обрушиться хочет.
Давка, говор... (о чем голоса?
Всё о деньгах, о нужде, о хлебе)
Смрад и копоть. Глядишь в небеса,
Но отрады не встретишь и в небе.

Этот омут хорош для людей,
Расставляющих ближнему сети,
Но не жалко ли бедных детей!
Вы зачем тут, несчастные дети?
Неужели душе молодой
Уж знакомы нужда и неволя?
Ах, уйдите, уйдите со мной
В тишину деревенского поля!
Не такой там услышите шум,—
Там шумит созревающий колос,
Усыпляя младенческий ум
И страстей преждевременный голос.
Солнце, воздух, цветов аромат —
Это всех поколений наследство,
За пределами душных оград
Проведете вы сладкое детство.
Нет! вам красного детства не знать,
Не прожить вам покойно и честно.
Жребий ваш... но к чему повторять
То, что даже ребенку известно?

На спине ли дрова ты несешь на чердак,
Через лоб протянувши веревку,
Грош ли просишь, идешь ли в кабак,
Задают ли тебе потасовку —
Ты знаком уже нам, петербургский бедняк,
Нарисованный ловкою кистью
В модной книге,— угрюмый, худой,

Обесмысленный дикой корыстью,
Страхом, голодом, мелкой борьбой!
Мы довольно похвал расточали,
И довольно сплели мы венков
Тем, которые нам рисовали
Любопытную жизнь бедняков.
Где ж плоды той работы полезной?
Увидав, как читатель иной
Льет над книгою слезы рекой,
Так и хочешь сказать: «Друг любезный,
Не сочувствуй ты горю людей,
Не читай ты гуманных книжонок,
Но не ставь за каретой гвоздей,
Чтоб, вскочив, накололся ребенок!»

О ПОГОДЕ

Часть вторая

I

КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ

«Государь мой! куды вы бежите?»
— В канцелярию; что за вопрос?
Я не знаю вас! — «Трите же, трите
Поскорей, бога ради, ваш нос!
Побелел!» — А! весьма благодарен! —
«Ну, а мой-то?» — Да ваш лучезарен! —
«То-то! — принял я меры...» — Чего-с? —
«Ничего. Пейте водку в морозы —
Сбережете наверно ваш нос,
На щеках же появятся розы!»

Усмехнувшись, они разошлись,
И за каждым извозчик помчался.
Бедный Ванька! надеждой не льстись,
Чтоб сегодня седок отыскался:
Двадцать градусов, ветер притом, —
Бескаретные ходят пешком.

Разыгрались силы господни!
На пространстве пяти сажений
Насчитаешь, наверно, до сотни

Отмороженных щек и ушей.
Двадцать градусов! щеки и уши
Не беда, — как-нибудь ототрем!
Целиком христианские души
Часто гибнут теперь; подождем —
Часовой ли замерзнет, бедняга,
Или Ванька, уснувший в санях,
Всё прочтем, коли стерпит бумага,
Завтра утром в газетных листах.

Ежедневно газетная проза
Обличает проделки мороза;
Кучера его громко клянут,
У подъездов господ поджидая,
Бедняки ему песню поют,
Зубом на зуб едва попадая:

«Уходи из подвалов сырых,
Полутемных, зловопых, дымящихся,
Уходи от голодных, больных,
Озабоченных, вечно трудящихся,
Уходи, уходи, уходи!
Петербургскую голь пощади!»

Но мороз не щадит, — прибавляется.
Приуныла столица; один
Самоед на Неве удивляется:
От каких чрезвычайных причин
На оленях никто не катается?
Там, где строй заготовленных льдин
Возвышается синею клеткою,
Ходит он со своей самоедкой,
Песни родины дальней поет,
Седока-благодетеля ждет...

Самоедские нервы и кости
Стерпят всякую стужу, но вам,
Голосистые южные гости,
Хорошо ли у пас по зимам?
Вспомним — Бозио. Чванный Петрополь
Не жалел ничего для нее.
Но напрасно ты кутала в соболь
Соловьиное горло свое,
Дочь Италии! С русским морозом
Трудно ладить полуденным розам.

Перед силой его роковой
Ты поникла челом идеальным,
И лежишь ты в отчизне чужой
На кладбище пустом и печальном.
Позабыл тебя чуждый народ
В тот же день, как земле тебя сдали,
И давно там другая поет,
Где цветами тебя осыпали.
Там светло, там гудет контрабас,
Там по-прежнему громки литавры.
Да! на севере грустном у нас
Трудны деньги и дороги лавры!

Всевозможные тифы, горячки,
Воспаленья — идут чередом,
Мрут, как мухи, извозчики, прачки,
Мерзнут дети на ложе своем.
Ни в одной петербургской больнице
Нет кровати за сотню рублей.
Появился убийца в столице,
Бич довольных и сытых людей.
С бедняками, с сословием грубым,
Не имеет он дела! тайком
Ходит он по гостиным, по клубам
С смертоносным своим кистенем.

«Побранился с супругой своею
После ужина Нестор Фомич,
Ухватил за короткую шею
И прихлопнул его паралич!
Генерал Федор Карлыч фон Штубе,
Десятипудовый генерал,
Скушал четверть телятины в клубе,
Крикнул: «Пас!» — и со стула не встал!»
Таковы-то теперь разговоры,
Что ни день, то плачевная весть.
В клубах мрак и унынье: обжоры
Поклялись не пить и не есть.

Мучим голодом, страхом томимый,
Сановит и солиден на вид,
В сильный ветер, в мороз нестерпимый,
Кто по Невскому быстро бежит?
И кого он на Невском встречает?
И о чем начался разговор?

В эту пору никто не гуляет,
Кроме мнительных, тучных обжор.
Говоря меж собой про удары,
Повторяя обеты не есть,
Ходят эти угрюмые пары,
До обеда не смея присесть,
А потом наедаются вдвое,
И наутро разносится слух,
Слух ужасный — о новом герое,
Испустившем нечаянно дух!

Никакие известья из Вильно,
Никакие статьи из Москвы
Нас теперь не волнуют так сильно,
Как подобные слухи... Увы!
Неприятно с местечек солидных,
Из хороших казенных квартир
Вдруг, без всяких причин благовидных,
Удаляться в неведомый мир!
Впрочем, если уж смерть неизбежна,
Так зимой умирать хорошо:
Для супруги, нас любящей нежно,
Сохранимся мы чисто, свежо
До последней минуты лобзанья,
И друзьям нашим будет легко
Подходить к нам в минуту прощанья;
Понесут они гроб далеко.
Похоронная музыка чище
И звончей на морозе слышна,
Вместо грязи покрыто кладбище
Белым снегом, сурово-пышна
Обстановка, гроб бросят не в лужу,
Червь не скоро в него заползет,
Сам покойник в жестокую стужу
Дольше важный свой вид сбережет.
И притом, если друг неутешный
Нас живьем схоронить поспешит,
Мы избавимся муки кромешной:
Дело смерти мороз довершит.

Умирай же, богач, в стужу сильную!
Бедняки пускай осенью мрут,
Потому что за яму могильную
Вдвое больше в морозы берут.

КОМУ ХОЛОДНО, КОМУ ЖАРКО!

Свечерело. В предместиях дальних,
 Где, как черные змеи, летят
 Клубы дыма из труб колоссальных,
 Где сплошными огнями горят
 Красных фабрик громадные степы,
 Окаймляя столицу кругом,—
 Начинаются мрачные сцены.
 Но в предместия мы не пойдем.
 Нам зимою приятней столица
 Там, где ярко горят фонари,
 Где гуляют довольные лица,
 Где катаются сами цари.

Надышавшись классической пылью
 В Петербурге, паспорт мы берем
 И чихать уезжаем в Севилью.
 Но кто летом толкается в пем,
 Тот ему одного пожелает —
 Чистоты, чистоты, чистоты!
 Грязны улицы, лавки, мосты,
 Каждый дом золотухой страдает;
 Штукатурка валится — и бьет
 Тротуаром идущий народ,
 А для едущих есть мостовая,
 Не щадящая бедных боков;
 Летом взроют ее, починая,
 Да наставят зловонных костров;
 Как дорогой бросаются в очи
 На зеленом лугу светляки,
 Ты заметишь в туманные ночи
 На вершине костров огоньки,—
 Берегись!.. В дополнение, с мая,
 Не весьма-то чиста и всегда,
 От природы отстать не желая,
 Зацветает в каналах вода...

(Наша Муза парит невысоко,
 Но мы пишем не легкий сонет,
 Наше дело исчерпать глубоко
 Воспеваемый нами предмет.)

Уж давно в тебя летней порою
 Не случалось нам заглянуть,

Милый город! где трудной борьбою
Надорвали мы смолоду грудь,
Но того мы еще не забыли,
Что в июле пропитан ты весь
Смесью водки, конюшни и пыли —
Характерная русская смесь.

Но зимой — дышишь вольно; для глаза —
Роскошь! Улицы, зданья, мосты
При волшебном сиянии газа
Получают печать красоты.
Как проворно по хрупкому снегу
Мчится тысячный, кровный рысак!
Даже клячи извозничьи бегу
Прибавляют теперь. Каждый шаг,
Каждый звук так отчетливо слышен,
Всё свежо, всё эффектно: зимой,
Словно весь посеребренный, пышен
Петербург самобытной красой!
По каналам, что летом зловонны,
Блещет лед, ожидая копыток,
Серебром отливают колонны,
Орнаменты ворот и мостов;
В серебре лошадиные гривы,
Шапки, бороды, брови людей,
И, как бабочек крылья, красивы
Ореолы вокруг фонарей!

Пусть с какой-то тоской безотрадной
Месяц с ясного неба глядит
На Неву, что гробницей громадной
В берегах освещенных лежит,
И на шпиль, за угрюмой Невою,
Перед длинной стеной крепостною,
Наводящей унынье и сплин.
Мы не тужим. У русской столицы,
Кроме мрачной Невы и темницы,
Есть довольно и светлых картин.

Невский полон: эстампы и книги,
Бриллианты из окон глядят,
Вновь прибывшие девы из Риги
Неподдельным румянцем блестят.
Всюду люди — шумят, суетятся.
Вот красивая тройка бежит:

«Не хотите ли с нами кататься?» —
Деве бравый усач говорит.
Поглядела, подумала, села.
И другую сманили, — летят!
Полумерзлые девы несмело
На своих кавалеров глядят.
«Ваше имя?» — Матильда. — «А ваше?»
— Александра. — К Матильде один,
А другой подвигается к Саше.
«Вы модистка?» — Да, шью в магазин. —
«Эй! пошел хорошенько, Тараска!»
Город из виду скоро пропал.

Начинается зимняя сказка:
Ветер злился, гудел и стонал,
Франты песню удалую пели,
Кучер громко подтягивал ей,
Кони, фыркая, вихрем летели,
Злой мороз пробирал до костей.
Прискакали в открытое поле.
— Да куда же везете вы нас?
Мы одеты легко... мудрено ли
Простудиться? — «Приедем сейчас!
Ну, потрогивай! Живо, дружище!»
Снова скачут! Могилы вокруг,
Монументы... «Да это кладбище», —
Шепчет Саша Матильде — и вдруг
Сани набок! Упали девицы...
Повернули назад господа,
И умчали их кони, как птицы.
Девы встали. «Куда ж вы? куда?»
Нет ответа! Несчастные девы
В чистом поле остались одни.
Дикий хохот, лихие напевы
Постепенно умолкли. Они
Огляделись: безлюдно и тихо,
Звезды с ясного неба глядят...
«Мы сегодня потешились лихо!» —
Франты в клубе друзьям говорят...

А театры, балы, маскарады?
Впрочем, здесь и конец, господа,
Мы бы там побывать с вами рады,
Но нас цензор не пустит туда.
До того, что творится в природе,

Дела нашему цензору нет.
«Вы взялись писать о погоде,
Воспевайте же данный предмет!»

— Но озябли мы, друг наш угрюмый!
Поцади — нам погреться пора! —
«Вот вам случай — взгляните: над Думой
Показались два красных шара,
В вашей власти наполнить пожаром
Сто страниц — и погреесть даром!»

Где ж пожар? пешеходы глядят.
Чу! неистовый топот раздался,
И на бочке верхом полицейский солдат,
Медной шапкой блестя, показался.
Вот другой — не поспеешь считать!
Мчатся вихрем красивые тройки.
Осторожней, пожарная рать!
Кони сытые слишком уж бойки.

Вся команда на борзых конях
Через Невский проспект прокатилась
И на окнах аптек, в разноцветных шарах
Вверх ногами на миг отразилась...

Озадаченный люд толковал,
Где пожар и причина какая?
Вдруг еще появился сигнал,
И промчалась команда другая.
Постепенно во многих местах
Небо вспыхнуло заревом красным,
Топот, грохот! Народ впопыхах
Разбежался по улицам разным,
Каждый в свой торопился квартал,
«Не у нас ли горит? — помышляя, —
Бог помилуй!» Огонь не дремал,
Лавки, церкви, дома пожирая...
Семь пожаров случилось в ту ночь,
Но смотреть их нам было невмочь.
В сильный жар да в морозы трескучие
В Петербурге пожарные случаи
Беспрестанны — на днях как-нибудь
И пожары успеем взглянуть...

1858—1865

БАЛЕТ

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья,
Но, каюсь, ножка *Терпсихоры*
Прелестней чем-то для меня;
Она, пророчествуя взгляду
Неоцененную награду,
Влечет условною красой
Желаний своевольный рой...

Пушкин

Свирепеет мороз ненавистный.
Нет, на улице трудно дышать.
Муза! нынче спектакль бенефисный,
Нам в театре пора побывать.

Мы вошли среди криков и плеска.
Сядем здесь. Я боюсь первых мест,
Что за радость ослепнуть от блеска
Генеральских, сенаторских звезд.
Лучезарней румяного Феба
Эти звезды: заметно тотчас,
Что они не нахватаны с неба —
Звезды неба не ярки у нас.

Если б смелым, бестрепетным взглядом
Мы решились окинуть тот ряд,
Что зовут «бриллиантовым рядом»,
Может быть, изощренный наш взгляд
И открыл бы предмет для сатиры
(В самом солнце есть пятнышки). Но —
Немы струны карающей лиры,
Вихорь жизни порвал их давно!

Знайте, люди хорошего тона,
Что я сам обожаю балет.
«Пораженным стрелой Купидона»
Не насмешка — сердечный привет!
Понапрасну не бейте тревогу!
Не коснусь ни военных чинов,
Ни на службе крылатому богу
Севших на ноги статских тузов.
Накрахмаленный денди и щеголь
(То есть: кушчик — кутила и мот)

И мышинный жеребчик (так Гоголь
Молодящихся старцев зовет),
Записной поставщик фельетонов,
Офицеры гвардейских полков
И безличная сволочь салонов —
Всех молчаньем прейти я готов!
До балета особенно страстны
Армянин, персиянин и грек,
Посмотрите, как лица их красны
(Не в балете ли весь человек?).
Но и их я оставлю в покое,
Никого не желая сердить.
Замышляю я нечто другое —
Я загадку хочу предложить.

В маскарадной и в оперной зале,
За игрой у зеленых столов,
В клубе, в Думе, в манеже, на бале,
Словом: в обществе всяких родов,
В наслажденье, в труде и в покое,
В блудном сыне, в почтенном отце, —
Есть одно — *угадайте, какое?* —
Выраженье на русском лице?..
Впрочем, может быть, вам недосужно.
Муза! дай — если можешь — ответ!
Спору нет: мы различны наружно,
Тот чиновник, а этот корнет,
Тот помешан на тонком приличье,
Тот играет, тот любит поесть,
Но взглядишь: при наружном различье
В нас единство глубокое есть:
Нас безденежье всех уравнило —
И великих и малых людей —
И на каждом челе начертало
Надпись: «Где бы занять поскорей?»
Что, не так ли?..

История та же,
Та же дума на каждом лице,
Я на днях прочитал ее даже
На почтенном одном мертвеце.
Если старец игрив чрезвычайно,
Если юноша вешает нос —
Оба, верьте мне, думают тайно:
Где бы денег занять? вот вопрос!

Вот вопрос! Напряженно, тревожно
Каждый жаждет его разрешить,
Но занять, говорят, невозможно,
Невозможнее долг получить.
Говорят, никаких договоров
Должники исполнять не хотят;
Генерал-губернатор Суворов
Держит сторону их — говорят...
Осуждают юристы героя,
Но ты прав, охранитель покоя
И порядка столицы родной!
Может быть, в долговом отделенье
Насиделось бы всё населенье,
Если б был губернатор другой!

Разорило чиновников чванство,
Прожила за границу знать,
Отчего оголело дворянство,
Неприятно и речь затевать!
На цветы, на подарки актрисам,
Правда, деньги еще достаем,
Но зато пред иным бенефисом
Рубль на рубль за неделю даем.
Как же быть? Не дешевая школа
Поощрение граций и муз...
Вянет юность обоего пола,
Терпит даже семейный союз:
Тщетно юноши рыщут по балам,
Тщетно барышни рядятся в пух —
Вовсе нет стариков с капиталом,
Вовсе нет с капиталом старух!
Сокрушаются Никольс и Плинке ¹,
Без почину товар их лежит,
Сбыта нет самой модной новинке
(Догадайтесь — откройте кредит!).
Не развозят картонок нарядных
Изомбар, Андрие и Мошра ²,
А звонят у подъездов парадных
С неоплаченным счетом с утра.
Что модистки! злосчастные прачки
Ходят месяц за каждым рублем!
Опустели рысистые скачки,
Жизни нет за зеленым столом.

¹ Хозяева английского магазина. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

² Известные модистки. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

Кто, бывало, дуря с азарту,
Кряду игрывал по сту ночей,
Пообедав, поставит на карту
Злополучных пятнадцать рублей
И уходит походкой печальной
В думу, в земство и даже в семью
Отводить болтовней либеральной
Удрученную душу свою.
С богом, друг мой! В любом комитете
Побеседовать можешь теперь
О кредите, о звонкой монете,
Об «итогах» дворянских потерь,
И о «брате» в нагольном тулупе,
И о том, за какие грехи
Нас журналы ругают и в клубе
Не дают нам стерляжьей ухи!
Там докажут тебе очевидно,
Что карьера твоя решена!

Да! трудненько и даже обидно
Жить,— такие пришли времена!
Купишь что-нибудь — дерзкий приказчик
Ассигнацию щупать начнет
И потом, опустив ее в ящик,
Долгим взором тебя обведет,—
Так и треснул бы!..

Впрочем, довольно!
Продолжать бы, конечно, я мог,
Факты есть, но касаться их больно!
И притом сохрани меня бог,
Чтоб я стих мой подделкою серий
И кредитных бумаг замарал,—
«Будто нет благородней материй?» —
Мне отечески «некто» сказал.
С этим мнением вполне я согласен,
Мир идей и сюжетов велик:
Например, как волшебно прекрасен
Бельэтаж — настоящий цветник!
Есть в России еще миллионы,
Стоит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жены —
Сотня тысяч рублей, что ни грудь!
В жемчуге лебединые шеи,
Бриллиант по ореху в ушах!

В этих ложах — мужчины-евреи
Или греки да немцы в крестах.
Нет купечества русского (стужа
Напугала их, что ли?). Одна
Откупщица, втянувшая мужа
В модный свет, в бельэтаже видна.
Весела ты, но в этом веселье
Можно тот же вопрос прочитать.
И на шее твоей ожерелье —
Погодила б ты им щеголять!
Пусть оно красоты идеальной,
Пусть ты в нем восхитительна, по —
Не затих еще шепот скандальный,
Будто было в закладе оно:
Говорят, чтобы в нем показаться
На каком-то парадном балу, —
Перед гнусным менялой валяться
Ты решилась на грязном полу,
И когда возвращалась ты с бала,
Ростовщик тебя встретил — и снял
Эти перлы... Не так ли достала
Ты опять их?.. Кредит твой упал,
С горя запил супруг сокрушенный,
Бог бы с ним! Расставаться тошней
С этой чопорной жизнью салонной
И с разгулом интимных ночей;
С этим золотом, бархатом, шелком,
С этим счастьем послов принимать,
Ты готова бы с бешеным волком
Покумиться, — чтоб снова блистать,
Но свершились пути провиденья,
Всё погибло — и деньги и честь!
Нисходи же ты в область забвенья
И супругу дай дух перевести!
Слаще пить ему водку с дворецким,
«Не белы-то снега» распевать,
Чем возиться с посольством турецким
И в ответ ему глупо мычать...

Тешить жен — богачам не забота,
Им простительна всякая блажь.
Но прискорбно душе патриота,
Что чиновницы рвутся туда ж.
Марья Савишна! — Вы бы надели
Платье проще! — Ведь как ни рядись,

Не оденетесь лучше камелий
И богаче французских актрис!
Рассчитайтесь, сударыня, с прачкой
Да в хозяйство прикиньте хоть грош,
А то с дочерью, с мужем, с собачкой
За полтину обед не хорош!

Марья Савишна глаз не спускала
Между тем с старика со звездой.
Вообще в бельэтаже сияло
Много дам и девиц красотой.
Очи чудные так и сверкали,
Но кому же сверкали они?
Доблесть, молодость, сила — пленяли
Сердце женское в древние дни.
Наши девы практичней, умнее,
Идеал их — телец золотой,
Воплощенный в седом иудее,
Потрясающем грязной рукой
Груды золота...

Время антракта
Наконец-то прошло как-нибудь.
(Мы зевали два первые акта,
Как бы в третьем совсем не заснуть.)
Все бинокли приходят в движенье —
Появляется кордебалет.
Здесь позволю себе отступленью:
Соответственной живости нет
В том размере, которым пишу я,
Чтобы прелесть балета воспеть.
Вот куплеты: попробуй, танцуя,
Театрал, их под музыку петь!

Я был престранных правил,
Поругивал балет.
Но раз бинокль подставил
Мне генерал-сосед.

Я взял его с поклоном
И с час не возвращал,
«Однако, вы — астроном!» —
Сказал мне генерал.

Признаться, я немножко
Смутился (о, профан!).
— Нет... я... но эта ножка...
Но эти плечи... стан...—

Шептал я генералу,
А он, смеясь, в ответ:
*«В стремление к идеалу
Дурного, впрочем, нет.*

Не всё ж читать вам Бокля!
Не стоит этот Бокль
Хорошего бинокля...
Купите-ка бинокль!..»

Купил! — и пред балетом
Я преклонился ниц.
Готов я быть поэтом
Прелестных танцовщиц!

Как не любить балета?
Здесь мирный гражданин
Позабывает лета,
Позабывает чин,

И только ловят взоры
В услужливый лорнет,
Что «ножкой Терпсихоры»
Именовал поэт.

Не так следит астроном
За новою звездой,
Как мы... но для чего нам
Смеяться над собой?

В балете мы наивны.
Мы глупы в этот час:
Почти что конвульсивны
Движения у нас:

Вот выпорхнула дева,
Бинокли поднялись;
Взвилася ножка влево —
Мы влево подались;

Взвилася ножка вправо —
Мы вправо... «Берегись!
Не вывихни сустава,
Приятель...» — Фор! bis! —

Bis!.. Но девы, подобные ветру,
Улетели гирляндой цветной!
(Возвращаемся к прежнему метру):
Пантомимною сценой большой
Утомились мы; вальс африканский
Тоже вышел топорен и вял,
Но явилась в рубаше крестьянской
Петипа — и театр застал!
Вообще мы наклонны к искусству,
Мы его поощряем, но там,
Где есть пища народному чувству,
Торжество настоящее нам;
Неужели молчать славянину,
Неужели жалеть кулака,
Как Бернарди затянет «Лучипу»,
Как пойдет Петипа трепака?..
Нет! где дело идет о народе,
Там я первый увлечся готов,
Жаль одно: в нашей скудной природе
На венки не хватает цветов!

Всё — до ластовиц белых в рубаше —
Было верно: на шляпе цветы,
Удаль русская в каждом размахе...
Не артистка — волшебница ты!
Ничего не видали вовеки
Мы сходней: настоящий мужик!
Даже немцы, евреи и греки,
Русофильствуя, подняли крик.
Все слилось в оглушительном «браво»,
Дань народному чувству платя.
Только ты, моя Муза! лукаво
Улыбаешься... Полно, дитя!
Неуместна здесь строгая дума,
Неприлична гримаса твоя...
Но молчишь ты, скучна и угрюма...
Что ж ты думаешь, Муза моя?

На конек ты попала обычный —
На уме у тебя мужики,
За которых на сцене столичной
Петипа пожинает венки,
И ты думаешь: «Гурия рая!
Ты мила, ты воздушно легка,
Так танцуй же ты «Деву Дуная»,
Но в покое оставь мужика!
В мерзлых лапотках, в шубе нагольной,
Весь заиндевав, сам за себя
В эту пору он пляшет довольно,
Зиму дома сидеть не любя.
Подстрекаемый лютым морозом,
Совершая дневной переход,
Пляшет он за скрипучим обозом,
Пляшет он — даже песни поет!..»

А то есть и такие обозы
(Вот бы Роллер нам их показал!) —
В январе, когда крепки морозы
И народ уже рекрутов сдал,
На Руси, на проселках пустышких
Много тянется поездов длинных...

Прямым через реки, поля
Едут путники узкой тропой:
В белом саване смерти земля,
Небо хмурое, полное мглой.
От утра до вечерней поры
Всё одни пред глазами картины.
Видишь, как, обнажая бугры,
Ветер снегом заносит лощины;
Видишь, как эта снежная пыль,
Непрерывной волной набегая,
Под собой погребает ковыль,
Всегубящей зиме помогая;
Видишь, как под кустом иногда
Припорхнет эта малая пташка,
Что от нас не летит никуда —
Любит скудный наш север, бедняжка!
Или, щелкая, стая дроздов
Пролетит и посядет на ели;
Слышишь дикие стоны волков
И визгливое пенье метели...
Снежно — холодно — мгла и туман...

И по этой унылой равнине
Шаг за шагом идет караван
С седоками в промерзлой овчине.

Как немые, молчат мужики,
Даже песня никем не поется,
Бабы спрятали лица в платки,
Только вздох иногда пронесется
Или крик: «Ну! чего отстаешь? —
Седоком одним меньше везешь!..»

Но напрасно мужик огрызается.
Кляча еле идет — упирается;
Скрипом, визгом окрестность полна.
Словно дó сердца поезд печальный
Через белый покров погребальный
Режет землю — и стонет она,
Стонет белое снежное море...
Тяжело ты — крестьянское горе!

Ой ты кладь, незаметная кладь!
Где придется тебя выгружать?..

Как от выстрела дым расплзается
На заре по росистым травам,
Это горе идет — подвигается
К тихим селам, к глухим деревням.
Вон — направо — избенки унылые,
Отделилась подвода одна,
Кто-то молвил: «Господь с вами, милые!» —
И пропала в сугробах она...

Чу! клячонку хлестнул старичина...
Эх, чего ты торопишь ее!
Как-то ты, воротившись без сына,
Постучишься в окошко свое?..

В сердце самое русского края
Доставляется кладь роковая!

Где до солнца идет за порог
С топором на работу кручина,
Где на белую скатерть дорог
Поздним вечером светит лучина,

Там найдется кому эту кладь
По суровым сердцам разобрать,
Там она приютится, попрячется —
До другого набора проплачется!

1866

* * *

Ликует враг, молчит в недоуменье
Вчерашний друг, качая головой,
И вы, и вы отпрянули в смущенье,
Стоявшие бессменно предо мной
Великие, страдальческие тени,
О чьей судьбе так горько я рыдал,
На чьих гробах я преклонял колени
И клятвы мести грозно повторял...
Зато кричат безличные: «Ликуем!»,
Спеша в объятья к новому рабу
И пригвождая жирным поцелуем
Несчастливого к позорному столбу.

1866

ПЕСНИ

I

У людей-то в дому — чистота, лепота,
А у нас-то в дому — теснота, духота.

У людей-то для щей — с солонинкою чан,
А у нас-то во щях — таракан, таракан!

У людей кумовья — ребятишек дарят,
А у нас кумовья — наш же хлеб приедят!

У людей на уме — погудорить с кумой,
А у нас на уме — не пойти бы с сумой?

Кабы так нам зажить, чтобы свет удивить:
Чтобы деньги в кошле, чтобы рожь на гумне;

Чтоб шлея в бубенцах, расписная дуга,
Чтоб сукно на плечах, не посконь-дерюга;

Чтоб не хуже других нам почет от людей,
Поп в гостях у больших, у детей — грамотей;

Чтобы дети в дому — словно пчелы в меду,
А хозяйка в дому — как малинка в саду!

II

КАТЕРИНА

Вянет, пропадает красота моя!
От лихого мужа нет в дому житья.

Пьяный всё колотит, трезвый всё ворчит,
Сам что ни попало из дому тащит!

Не того ждала я, как я шла к венцу!
К брату я ходила, плакалась отцу,

Плакалась соседям, плакалась родной,
Люди не жалеют — ни чужой, ни свой!

«Потерпи, родная, — старики твердят, —
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи, сестрица! — отвечает брат. —
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи! — соседи хором говорят. —
Милого побои не долго болят!»

Есть солдатик — Федя, дальняя родня,
Он один жалеет, любит он меня;

Подмигну я Феде — с Федей мы вдвоем
Далеко хлебами за село уйдем.

Всю открою душу, выплачу печаль,
Всё отдам я Феде — всё, чего не жаль!

«Где ты пропадала?» — спросит муженек.
— Где была, там нету! так-то, мил дружок!

Посмотреть ходила, высока ли рожь! —
«Ах ты дура баба! ты еще и врешь...»

Станет горячиться, станет попрекать...
Пусть его бранится, мне не привыкать!

А и поколотит — не велик наклад —
Милого побои не долго болят!

III

МОЛОДЫЕ

Повенчавшись, Парасковье
Муж имущество казал:
Это стойлице коровье,
А коровку бог прибрал!

Нет перинки, нет кровати,
Да теплы в избе полати,
А в клетки, вместо телят,
Два котеночка пищат!

Есть и овощ в огороде —
Хрен да луковица,
Есть и медная посуда —
Крест да пуговица!

IV

СВАТ И ЖЕНИХ

(В кабаке за полуштофом)

1

Ну-тко! Марья у Зиновья,
У Никитишны Прасковья,
Степанида у Петра —
Все невесты, всем пора!
У Кондратьевны Орина, —
Что ни девка, то малина!
Думай, думай! выбирай!
По любую засылай!
Марья малость рябовата,
Да смиренна, вожевата,

Марья, знаешь, мне сродни,
Будет с мужем — ни-ни-ни!

— Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб мужу на порог
Не вставала поперек!
Ай да Марья, Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!

2

Ну-тко! Вера у Данилы,
Палагея у Гаврилы,
Секлетей у Фрола, —
Замуж всем пора пришла!
У Никиты — Катерина,
Что ни девка, то малина!
Думай, думай — выбирай!
По любую засылай!
Марья, знаешь, щедровита,
Да работать, ух! сердита!
Марья костью широка,
Высока, статна, гладка!

— Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб мясо на костях,
Чтобы силушка в руках!
Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!..

3

Ну-тко! Анна у Егора,
У Антипки Митродора,
Александра у Петра —
Все невесты, всем пора!

У Евстратья — Акулина,
Что ни девка, то малина!
Думай, думай — выбирай!
По любую засылай!
Марья точно щедровита,
Да хозяйка домовита:
Все примоеет, приберет,
Все до нитки сбережет!

— Ай да Марья, Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб по двору прошла,
Всех бы курочек сочла!
Ай да Марья, Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!

(Спрашивают еще полуштоф и начинают снова.)

V

Г И М Н

Господь! твори добро народу!
Благослови народный труд,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый суд!

Чтобы благие начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей в народе жажду знанья
И к знанью укажи пути!

И от ярма порабощенья
Твоих избранников спаси,
Которым знамя просвещенья,
Господь! ты вверишь на Руси!..

1866

ПЕСНЯ

(Из «Медвежьей охоты»)

Отпусти меня, родная,
Отпусти не споря!
Я не травка полевая,
Я выросла у моря.

Не рыбацкий парус малый,
Корабли мне снятся,
Скучно! в этой жизни вялой
Дни так долго длятся.

Здесь, как в клетке, заперта я,
Сон кругом глубокий,
Отпусти меня, родная,
На простор широкий,

Где сама ты грудью белой
Волны рассекала,
Где тебя я гордой, смелой,
Счастливой видала.

Ты не с песнею победной
К берегу пристала,
Но хоть час из жизни бедной
Торжество ты знала.

Пусть и я сломлюсь от горя,
Не жалея ты дочку!
Коли вырастет у моря —
Не спасись цветочку

Все равно! сегодня счастье,
Завтра буря грянет,
Разыграется ненастье,
Ветер с моря встанет,

В день один песку нагонит
На прибрежный цветик
И навеки похоронит!..
Отпусти, мой светик!..

1866—1867

*(Посвящается неизвестному
другу, приславшему мне
стихотворение
«Не может быть!»)*

Умру я скоро. Жалкое наследство,
О родина! оставлю я тебе.
Под гнетом роковым провел я детство
И молодость — в мучительной борьбе.
Недолгая нас буря укрепляет,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая — навеки поселяет
В душе привычки робкой тишины.
На мне года гнеущих впечатлений
Оставили неизгладимый след.
Как мало знал свободных вдохновений,
О родина! печальный твой поэт!
Каких преград не встретил мимоходом
С своей угрюмой Музой на пути?..
За каплю крови, общую с народом,
И малый труд в заслугу мне сочти!

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука... Давно я одинок;
Вначале шел я с дружною семьею,
Но где они, друзья мои, теперь?
Одни давно расстались со мною,
Перед другими сам я запер дверь;
Те жребием постигнуты жестоким,
А те прешли уже земной предел...
За то, что я остался одиноким,
Что я ни в ком опоры не имел,
Что я, друзей теряя с каждым годом,
Встречал врагов всё больше на пути —
За каплю крови, общую с народом,
Прости меня, о родина! прости!..

Я призван был воспеть твои страданья,
Терпеньем изумляющий народ!
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым бог тебя ведет,

Но, жизнь любя, к ее минутным благам
Прикованный привычкой и средой,
Я к цели шел колеблющимся шагом,
Я для нее не жертвовал собой,
И песнь моя бесследно пролетела,
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться в ней успела
К тебе, моя родная сторона!
За то, что я, черствее с каждым годом,
Ее умел в душе моей спасти,
За каплю крови, общую с народом,
Мои вины, о родина! прости!..

1867

ЕЩЕ ТРОЙКА

1

Ямщик лихой, лихая тройка
И колокольчик под дугой,
И дождь, и грязь, но кони бойко
Телегу мчат. В телеге той
Сидит с осанкою победной
Жандарм с усищами в аршин,
И рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин.
Все кони взмылены с натуги,
Весь ад осенней русской вьюги
Навстречу; не видать небес,
Нигде жилья не попадает,
Всё лес кругом, угрюмый лес...
Куда же тройка поспешает?
Куда Макар телят гоняет.

2

Какое ты свершил деянье,
Кто ты, преступник молодой?
Быть может, ты имел свиданье
В глухую ночь с чужой женой?
Но подстерег супруг ревнивый
И длань занес — и оскорбил,
А ты, безумец горделивый,
Его на месте положил?

Ответа нет. Бушует вьюга,
Завидев кабачок, как друга,
Жандарм командует: «Стоять!»
Девятый шкалик выпивает...
Чу! тройка тронулась опять!
Гремит, звенит — и улетает,
Куда Макар телят гоняет.

3

Иль погубил тебя презренный,
Но соблазнительный металл?
Дитя корысти современной,
Добра чужого ты взалкал,
И в доме, издавна знакомом,
Когда все погрузились в сон,
Ты совершил грабеж со взломом
И пойман был и уличен?

Ответа нет. Бушует вьюга;
Обняв преступника, как друга,
Жандарм напившийся храпит;
Ямщик то свищет, то зевает,
Поет... А тройка всё гремит,
Гремит, звенит — и улетает,
Куда Макар телят гоняет.

4

Иль, может быть, ночным артистом
Ты не был, друг? и просто мы
Теперь столкнулись с нигилистом,
Сим кровожадным чадом тьмы?
Какое ж адское коварство
Ты помышлял осуществить?
Разрушить думал государство
Или инспектора побить?

Ответа нет. Бушует вьюга,
Вся тройка в сторону с испуга
Шарахнулась. Озлясь, кнутом
Ямщик по всем по трем стегает;
Телега скрылась за холмом,
Мелькнула вновь — и улетает,
Куда Макар телят гоняет!..

* * *

Зачем меня на части рвете,
Клеймите именем раба?..
Я от костей твоих и плоти,
Остервенелая толпа!
Где логика? Отцы — злодеи,
Низкопоклонники, лакеи,
А в детях видя подлецов,
И негодуют и дивятся,
Как будто от таких отцов
Герои где-нибудь рождаются?
Блажен, кто в юности слепой
Погорячится и с размаху
Положит голову на плаху...
Но кто, пощаженный судьбой,
Узнает жизнь, тому дороги
И к честной смерти не найти.
Стоять он будет на пути
В недоумении, в тревоге
И думать: глупо умирать,
Чтоб им яснее доказать,
Что прочен только путь неправый;
Глупей трагедией кровавой
Без всякой пользы тешить их!
Когда являлся сумасшедший,
Навстречу смерти гордо шедший,
Что было в помыслах твоих,
О родина! Одну идею
Твоя вмещала голова:
«Посмотрим, как он сломит шею!»
Но жизнь не так же дешева!
Не оправданий я ищу,
Я только суд твой отвергаю.
Я жить в позоре не хочу,
Но умереть за что — не знаю.

1867

* * *

Не рыдай так безумно над ним,
Хорошо умереть молодым!

Беспощадная пошлость ни тени
Положить не успела на нем,

Становись перед ним на колени,
Украшай его кудри венком!
Перед ним преклониться не стыдно,
Вспомни, сколько пали в борьбе,
Сколько раз уже было тебе
За великое имя обидно!
А теперь его слава прочна:
Под холодную крышку гроба
На нее не наложат пятна
Ни ошибка, ни сила, ни злоба...

Не хочу я сказать, что твой брат
Не был гордою волей богат,
Но ты знаешь: кто ближнего любит
Больше собственной славы своей,
Тот и славу сознательно губит,
Если жертва спасает людей.
Но у жизни есть мрачные силы —
У кого не слабели шаги
Перед дверью тюрьмы и могилы?
Долговечность и слава — враги.

Русский гений издавна венчает
Тех, которые мало живут,
О которых народ замечает:
«У счастливого недруги мрут,
У несчастного друг умирает...»

1868

МАТЬ

Она была исполнена печали,
И между тем, как, шумны и резвы,
Три отрока вокруг нее играли,
Ее уста задумчиво шептали:
«Несчастные! зачем родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою,
И вам судьбы своей не избежать!»
Не омрачай веселья их тоскою,
Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее — тернового венка...

1868

Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!

Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу народного горя
Всю расплещи!..

1868

ДЕДУШКА

Посвящается 3-н-ч-е

1

Раз у отца, в кабинете,
Саша портрет увидал,
Изображен на портрете
Был молодой генерал.
«Кто это? — спрашивал Саша.—
Кто?..» — Это дедушка твой.—
И отвернулся папаша,
Низко поник головой.
«Что же не вижу его я?»
Папа ни слова в ответ.
Внук, перед дедушкой стоя,
Зорко глядит на портрет:
«Папа, чего ты вздыхаешь?
Умер он... жив? говори!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь.—
«То-то... ты скажешь, смотри!..»

2

«Дедушку знаешь, мамаша?» —
Матери сын говорит.
— Знаю,— и за руку Саша
Маму к портрету тащит,
Мама идет против воли.

«Ты мне скажи про него,
Мама! недобрый он, что ли,
Что я не вижу его?
Ну, дорогая! ну, сделай
Милость, скажи что-нибудь!»
— Нет, он и добрый и смелый,
Только несчастный. — На грудь
Голову скрыла мамаша,
Тяжко вздыхает, дрожит —
И зарыдала... А Саша
Зорко на деда глядит:
«Что же ты, мама, рыдаешь,
Слова не хочешь сказать!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь.
Лучше пойдем-ка гулять...—

3

В доме тревога большая.
Счастливы, светлы лицом,
Заново дом убирая,
Шепчутся мама с отцом.
Как весела их беседа!
Сын подмечает, молчит.
— Скоро увидишь ты деда! —
Саше отец говорит...
Дедушкой только и бредит
Саша, — не может уснуть:
«Что же он долго не едет?..»
— Друг мой! Далек ему путь! —
Саша тоскливо вздыхает,
Думает: «Что за ответ!»
Вот наконец приезжает
Этот таинственный дед.

4

Все, уж давно поджидая,
Встретили старого вдруг...
Благословил он, рыдая,
Дом, и семейство, и слуг,
Пыль отряхнул у порога,
С шеи торжественно снял
Образ распятого бога

«Железная дорога»

«Дед Мазай и зайцы»

И, покрестившись, сказал:
— Днесь я со всем примирился,
Что потерпел на веку!..—
Сын пред отцом преклонился,
Ноги омыл старику;
Белые кудри чесала
Дедушке Сашина мать,
Гладила их, целовала,
Сашу звала целовать.
Правой рукою мамашу
Дед обхватил, а другой
Гладил румяного Сашу:
— Экой красавчик какой! —
Дедушку пристальным взглядом
Саша рассматривал, — вдруг
Слезы у мальчика градом
Хлынули, к дедушке внук
Кинулся: «Дедушка! где ты
Жил-пропадал столько лет?
Где же твои эполеты,
Что не в мундир ты одет?
Что на поге ты скрываешь?
Ранена, что ли, рука?..»
— Вырастешь, Саша, узнаешь.
Ну, поцелуй старика!..—

5

Повеселел, оживился,
Радостью дышит весь дом.
С дедушкой Саша сдружился,
Вечно гуляют вдвоем.
Ходят лугами, лесами,
Рвут васильки среди нив;
Дедушка древен годами,
Но еще бодр и красив,
Зубы у дедушки целы,
Поступь, осанка тверда,
Кудри пушисты и белы,
Как серебро борода;
Строен, высокого роста,
Но как младенец глядит,
Как-то апостольски-просто,
Ровно всегда говорит...

Выйдут на берег покатый
 К русской великой реке —
 Свищет кулик вороватый,
 Тысячи лап на песке;
 Барку ведут бечевою,
 Чу, бурлаков голоса!
 Ровная гладь за рекою —
 Нивы, покосы, леса.
 Легкой прохладой дует
 С медленных, дремлющих вод...
 Дедушка землю целует,
 Плачет — и тихо поет...
 «Дедушка! что ты роняешь
 Крупные слезы, как град?..»
 — Вырастешь, Саша, узнаешь!
 Ты не печалься — я рад...

Рад я, что вижу картину,
 Милую с детства глазам.
 Глянь-ка на эту равнину —
 И полюби ее сам!
 Две-три усадьбы дворянских,
 Двадцать господних церквей,
 Сто деревенок крестьянских
 Как на ладони на ней!
 У лесу стадо пасется —
 Жаль, что скотинка мелка;
 Песенка где-то поется —
 Жаль — неисходно горька!
 Ропот: «Подайте же руку
 Бедным крестьянам скорей!»
 Тысячелетнюю муку,
 Саша, ты слышишь ли в ней?..
 Надо, чтоб были здоровы
 Овцы и лошади их,
 Надо, чтоб были коровы
 Толще московских купчих,—
 Будет и в песне отрада,
 Вместо унынья и мук.
 Надо ли? — «Дедушка, надо!»
 — То-то: попомни же, внук!..—

Озими пышному веходу,
 Каждому цветику рад,
 Дедушка хвалит природу,
 Гладит крестьянских ребят.
 Первое дело у деда
 Потолковать с мужиком,
 Тянется долго беседа,
 Дедушка скажет потом:
 «Скоро вам будет не трудно,
 Будете вольный народ!»
 И улыбнется так чудно,
 Радостью весь расцветет.
 Радость его разделяя,
 Прыгало сердце у всех.
 То-то улыбка святая!
 То-то пленительный смех!

— Скоро дадут им свободу, —
 Внуку старик замечал. —
 Только и нужно народу.
 Чудо я, Саша, видал:
 Горсточку русских сослали
 В страшную глушь, за раскол,
 Волю да землю им дали;
 Год незаметно прошел —
 Едут туда комиссары,
 Глядь — уж деревня стоит,
 Риги, сараи, амбары!
 В кузнице молот стучит,
 Мельницу выстроят скоро.
 Уж запаслись мужики
 Зверем из темного бора,
 Рыбой из вольной реки.
 Вновь через год побывали,
 Новое чудо нашли:
 Жители хлеб собирали
 С прежде бесплодной земли.
 Дома одни лишь ребята
 Да здоровенные псы;
 Гуси кричат, поросята
 Тычут в корыто носы...

Так постепенно в полвека
 Вырос огромный посад —
 Воля и труд человека
 Дивные дивы творят!
 Всё принялось, раздобрело!
 Сколько там, Саша, свиней,
 Перед селением бело
 На полверсты от гусей;
 Как там возделаны нивы,
 Как там обильны стада!
 Высокорослы, красивы
 Жители, бодры всегда,
 Видно — ведется копейка!
 Бабу там холит мужик:
 В праздник на ней душегрейка —
 Из соболей воротник!

Дети до возраста в неге,
 Конь — хоть сейчас на завод —
 В кованой, прочной телеге
 Сотню пудов увезет...
 Сыты там кони-то, сыты,
 Каждый там сыто живет,
 Тесом там избы-то крыты,
 Ну уж зато и народ!
 Взросшие в нравах суровых,
 Сами творят они суд,
 Рекрутов ставят здоровых,
 Трезво и честно живут,
 Подати платят до срока,
 Только ты им не мешай. —
 «Где ж та деревня?» — Далеко,
 Имя ей «Тарбагатай»,
 Страшная глушь, за Байкалом...
 Так-то, голубчик ты мой,
 Ты еще в возрасте малом,
 Вспомнишь, как будешь большой...

Ну... а покуда подумай,
 То ли ты видишь кругом:
 Вот он, наш пахарь угрюмый,
 С темным, убитым лицом, —
 Лапти, лохмотья, шапчонка,
 Рваная сбруя; едва
 Тянет косулю клячонка,
 С голоду еле жива!
 Голоден труженик вечный,
 Голоден тоже, божусь!
 Эй! отдохни-ка, сердечный!
 Я за тебя потружусь! —
 Глянул крестьянин с испугом,
 Барину плуг уступил,
 Дедушка долго за плугом,
 Пот отирая, ходил;
 Саша за ним торопился,
 Не успевал догонять:
 «Дедушка! где научился
 Ты так отлично пахать?
 Точно мужик, управляешь
 Плугом, а был генерал!»
 — Вырастешь, Саша, узнаешь,
 Как я работником стал!

Зрелище бедствий народных
 Невыносимо, мой друг;
 Счастье умов благородных
 Видеть довольство вокруг.
 Нынче полегче народу:
 Стих, притаился в тени
 Барин, прослышав свободу...
 Ну, а как в наши-то дни!

 Словно как омут, усадьбу
 Каждый мужик объезжал.
 Помню ужасную свадьбу,
 Поп уже кольца менял,
 Да на беду помолиться
 В церковь помещик зашел:
 «Кто им позволил жениться?»

Стой!» — и к попу подошел...
Остановилось венчанье!
С барином шутка плоха —
Отдал наглец приказанье
В рекруты сдать жениха,
В девичью — бедную Грушу!
И не перечил никто!..
Кто же имеющий душу
Мог это вынести?.. кто?..

14

Впрочем, не то еще было!
И не одни господа,
Сок из народа давила
Подлых подьячих орда.
Что ни чиновник — стяжатель,
С целью добычи в поход
Вышел... а кто неприятель?
Войско, казна и народ!
Всем доставалось исправно.
Стачка, порука кругом:
Смелые грабили явно,
Труссы тащили тайком.
Непроницаемой ночи
Мрак над страной висел...
Видал — имеющий очи
И за отчизну болел.
Стоны рабов заглушая
Лестью да свистом бичей,
Хищников алчная стая
Гибель готовила ей...

15

Солнце не вечно сияет,
Счастье не вечно везет:
Каждой стране наступает
Равно иль поздно черед,
Где не покорность тупая —
Дружная сила нужна;
Грянет беда роковая —
Скажется мигом страна.
Единодушье и разум
Всюду дадут торжество,

Да не придут они разом,
Вдруг не создашь ничего,—
Красноречивым воззванием
Не разогреешь рабов,
Не озаришь пониманьем
Темных и грубых умов.
Поздно! Народ угнетенный
Глух перед общей бедой.
Горе стране разоренной!
Горе стране отсталой!..
Войско одно — не защита.
Да ведь и войско, дитя,
Было в то время забито,
Лямку тянуло кряхтя...—

16

Дедушка кстати солдата
Встретил, вином угостил,
Поцеловавши, как брата,
Ласково с ним говорил:
— Нынче вам служба не бремя —
Кротко начальство теперь...
Ну, а как в наше-то время!
Что ни начальник, то зверь!
Душу вколачивать в пятки
Правилом было тогда.
Как ни трудись, недостатки
Сыщет начальник всегда:
«Есть в маршруловке старанье,
Стойка исправна совсем,
Только заметно дыханье...»
Слышишь ли?.. дышат зачем!

17

А недоволен парадом,
Ругань польется рекой,
Зубы посыплются градом,
Порет, гоняет сквозь строй!
С пеною у рта обрыщет
Весь перепуганный полк,
Жертв покрупнее прищет
Остервенившийся волк:
«Франтики! подлые души!

Под караулом сгною!»
Слушал — имеющий уши,
Думушку думал свою.
Брань пострашней караула,
Пуль и картечи страшней...
Кто же, в ком честь не уснула,
Кто примирился бы с ней?..—
«Дедушка! ты вспоминаешь
Страшное что-то?.. скажи!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь,
Честью всегда дорожи...
Взрослые люди — не дети,
Трус — кто сторицей не мстит.
Помни, что нету на свете
Неотразимых обид!..—

18

Дед замолчал и уныло
Голову свесил на грудь.
— Мало ли, друг мой, что было!..
Лучше пойдем отдохнуть.—
Отдых недолог у деда —
Жить он не мог без труда:
Гряды копал до обеда,
Переплетал иногда;
Вечером шилом, иголкой
Что-нибудь бойко тачал,
Песней печальной и долгой
Дедушка труд сокращал.
Внук не проронит ни звука,
Не отойдет от стола:
Новой загадкой для внука
Дедова песня была...

19

Пел он о славном походе
И о великой борьбе;
Пел о свободном народе
И о народе-рабе;
Пел о пустынях безлюдных
И о железных цепях;
Пел о красавицах чудных
С ангельской лаской в очах;

Пел он об их увяданье
В дикой, далекой глуши
И о чудесном влиянье
Любящей женской души...
О Трубецкой и Волконской
Дедушка пел — и вздыхал,
Пел — и тоской вавилонской
Келью свою оглашал...
«Дедушка, дальше!.. А где ты
Песенку вызнал свою?
Ты повтори мне куплеты —
Я их мамаше спою.
Те имена поминаешь
Ты иногда по ночам...»
— Вырастешь, Саша, узнаешь —
Всё расскажу тебе сам:
Где научился я пенью,
С кем и когда я певал...—
«Ну! приучусь я к терпенью!» —
Саша уныло сказал...

20

Часто каталися летом
Наши друзья в челноке,
С громким, веселым приветом
Дед приближался к реке:
— Здравствуй, красавица Волга!
С детства тебя я любил.—
«Где ж пропал ты так долго?» —
Саша несмело спросил.
— Был я далеко, далеко...—
«Где же?..» Задумался дед.
Мальчик вздыхает глубоко,
Вечный предвидя ответ.
«Что ж, хорошо ли там было?»
Дед на ребенка глядит:
— Лучше не спрашивай, милый!
(Голос у деда дрожит.)
Глухо, пустынно, безлюдно,
Степь полумертвая сплошь.
Трудно, голубчик мой, трудно!
По году весточки ждешь,
Видишь, как тратятся силы —
Лучшие божьи дары,

Близким копаешь могилы,
Ждешь и своей до поры...
Медленно-медленно таешь... —
«Что ж ты там, дедушка, жил?..»
— Вырастешь, Саша, узнаешь! —
Саша слезу уронил...

21

«Господи! слушать наскучит!
«Вырастешь!» — мать говорит,
Папочка любит, а мучит:
«Вырастешь», — тоже твердит!
То же и дедушка... Полно!
Я уже вырос — смотри!..
(Стал на скамеечку челна.)
Лучше теперь говори!..»
Деда целует и гладит:
«Или вы все заодно?..»
Дедушка с сердцем не сладит,
Бьется, как голубь, оно.
«Дедушка, слышишь? хочу я
Всё непременно узнать!»
Дедушка, влука целуя,
Шепчет: — Тебе не понять.
Надо учиться, мой милый!
Всё расскажу, погоди!
Пособерись-ка ты с силой,
Зорче кругом погляди.
Умник ты, Саша, а всё же
Надо историю знать
И географию тоже.—
«Долго ли, дедушка, ждать?»
— Годик, другой, как случится.—
Саша к мамаше бежит:
«Мама! хочу я учиться!» —
Издали громко кричит.

22

Время проходит. Исправно
Учится мальчик всему —
Знает историю славно
(Лет уже десять ему),
Бойко на карте покажет

И Петербург, и Читу,
Лучше большого расскажет
Многое в русском быту.
Глупых и злых ненавидит,
Бедным желает добра,
Помнит, что слышит и видит...
Дед примечает: пора!
Сам же он часто хворает,
Стал ему нужен костыль...
Скоро уж, скоро узнает
Саша печальную быль...

1870

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ

ДЯДЮШКА ЯКОВ

Дом — не тележка у дядюшки Якова.
Господи боже! чего-то в ней нет!
Седенький сам, а лошадка каракова;
Вместе обоим сто лет.
Ездит старик, продает понемногу,
Рады ему, да и он-то того:
Выпито вечно и сыт, слава богу.
Пусто в деревне, ему ничего,
Знает, где люди: и кúплю, и мену
На полосах поведет старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрену,
Он тебе всё, что полюбится, — на!
Бог, видно, дал ему добрую душу.
Ездит — кричит то и знай:

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Сбоина макова
Больно лакома —
На грош два кома!
Девкам утехи —
Рожки, орехи!»

Эй, малолетки!
Пряники редки,
Всякие штуки:
Окуни, щуки,
Киты, лошадки!
Посмотришь — любви,
Раскусишь — сладки,
Оближешь губы!..»

— Стой, старина! — Старика обступили
Парней, и девок, и детушек тьма.
Все наменяли сластей, накупили —
То-то была суета, кутерьма!
Смех на какого-то Кузю печального:
Держит коня перед носом сусального;
Конь — загляденье, и лаком кусок...
Где тебе вытерпеть? Ешь, паренек!
Жалко девóчку сиротку Феклушу:
Все-то жуют, а ты слюнки глотай...

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Про баб товару всякого.
Ситцу хорошего —
Нарядно, дешево!
Эй! молодежи!
Красны девицы,
Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Всё — чего надо!..»

Зубы у девок, у баб разгорелись.
Лен, и полотна, и пряжу несут.
«Стойте, не вдруг! белены вы объелись?
Тише! поспеете!..» Так вот и рвут!
Зорок торгаш, а то просто беда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчат, ласкаются, только держись:

— Цвет ты наш маков,
Дядюшка Яков,
Не дорожись! —
«Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь бери, а не хочешь — прощай!»

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Хватит про всякого.
Нсвы коврижки,
Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почтенны!
Книжки неценны;
По гривне штука —
Деткам наука!
Для ребятишек,
Тимошек, Гришек,
Гаврюшек, Ванек...
Букварь не пряник,
А почитай-ка,
Язык прикусишь...
Букварь не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!
Пяток — полтина,
Глянь — и картина!
Ей-ей утеха!
Умен с ним будешь,
Денег добудешь...
По буквари!
По буквари!
Хватай — бери!
Читай — смотри!»

И букварей-таки много купили:
— Будет вам пряников: нате-ка вам! —
Пряники, правда, послаще бы были,
Да рассудилось уж так старикам.
Книжки с картинками, писаны четко —
То-то дойти бы, что писано тут!
Молча крепилась Феклуша-сиротка,

Глядя, как пряники дети жуют,
А как увидела в книжках картинки,
Так на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, дал ей букварь старина:
«Коли бедна ты, так будь ты умна!»
Экой старик! видно добрую душу!
Будь же ты счастлив! Торгуй, наживай!

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

1867

ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Ямщикок обратный:
Не спешит, трусит слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
Нагоняет ямщикок
Вожака с медведем:
«Посади нас, паренек,
Веселей доедем!»
— Что ты? с мишкой? — «Ничего!
Он у нас смиренней,
Лишний шкалик за него
Поднесу, почтенней!»
— Ну садитесь! — Посадил
Бородач медведя,
Сел и сам — и потрусил
Полегоньку Федя...
Видит Трифон кабачок,
Приглашает Федю.
«Подожди ты нас часок!» —
Говорит медведю.
И пошли. Медведь смирен,
Видно, стар годами,
Только лапу лижет он
Да звенит цепями...

Час проходит; нет ребят,
То-то вышьют лихо!
Но привычные стоят
Лошаденки тихо.

Свечерело. Дрожь в конях,
Стужа злее на ночь;
Заворочался в санях
Михайло Иваныч,
Кони дернули; стряслась
Тут беда большая —
Рявкнул мишка! — понеслась
Тройка как шальная!

Колокольчик услышал,
Выбежал Федюха,
Да напрасно — не догнал!
Экая поруха!

Быстро, бешено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;
Только стон кругом стоял:
«Очищай дорогу!
Сам Топтыгин-генерал
Едет на берлогу!»
Вздогнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе.
А коням подавно страх —
Не передохнули!
Верст пятнадцать на весь мах
Бедные отдули!

Прямо к станции летит
Тройка удалая.
Проезжающий сидит,
Головой мотая;
Ладит вывернуть кольцо.
Вот и стала тройка;
Сам смотритель на крыльцо
Выбегает бойко.

Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах,
Что с железом губа,
Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?
Видит — барин материк,
«Генерал», — смекает.
Поспешил фуражку снять:
«Здравия желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?..»
Хочет барину помочь
Юркий старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:
«Господи помилуй!
Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Не хватает многих,
А такого не видал,
Господи Исусе!
Небывалый генерал,
Видно, в новом вкусе!..»

Прибежали ямщики,
Подивились тоже;
Видят — дело не с руки,
Что-то тут негоже!
Собрался честной народ,
Всё село в тревоге:
«Генерал в санях ревет,
Как медведь в берлоге!»
Трус бежит, а кто смелей,
Те — потехи ради —
Жмутся около саней;
А смотритель сзади.
Струсил, издали кричит:
«В избу не хотите ль?»
Мишка вновь как зарычит...
Убежал смотритель!

Оробел и убежал,
И со всею свитой...

Два часа в санях лежал
Генерал сердитый.
Прибежали той порой
Ямщик и вожатый;
Вразумил народ честной
Трифон бородатый
И Топтыгина прогнал
Из саней дубиной...
А смотритель обругал
Ямщика скотиной...

1867

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

1

В августе, около Малых Вежей,
С старым Мазаем я бил дупелей.

Как-то особенно тихо вдруг стало,
На небе солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нем,
А разразилась жестоким дождем!

Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые

С силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дети, я вам расскажу про Мазая.
Каждое лето домой приезжая,

Я по неделе гощу у него.
Нравится мне деревенька его:

Летом ее убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво,

Вся она тонет в зеленых садах;
Домики в ней на высоких столбах

(Всю эту местность вода понимает,
Так что деревня весною всплывает,

Словно Венеция). Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему — скука!

За сорок верст в Кострому напрямиком
Сбегать лесами ему нипочем:

«Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно». — А леший? — «Не верю!

Раз в кураже я их звал-поджидал
Целую ночь, — никого не видал!

За день грибов собираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину;

Вечером пеночка нежно поет,
Словно как в бочку пустую угод

Ухает; сыч разлетается к ночи,
Рожки точены, рисовапы очи.

Ночью... ну, ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.

Тихо, как в церкви, когда отслужили
Службу и накрепко дверь затворили,

Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит...»

Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,

Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять.

Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпалит дедушка, — заяц уходит,

Дедушка пальцем косоу грозит:
«Врешь — упадешь!» — добродушно кричит.

Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,

Сядет за кустом — тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит — и грянет!

Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.

«Что ты таскаешь горшок с угольками?»
— Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружье положу,

Над уголочками руки погрею,
Да уж потом и палю по злодею! —

«Вот так охотник!» — Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.

Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)

Я от Мазая рассказы слышал.
Дети, для вас я один записал...

2

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже, — их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут, —
Нет! еще мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.

Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет, —
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нем собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверькам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,

Меньше сажени в длину.

Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои, — ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой.
«То-то! — сказал я, — не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя, плывем в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его — тягота невелика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста как купчиха!
Я ее, дуру, накрыл зипуном —
Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя, и стоя, и лежа пластом,
Зайцев с десятков спасалось на нем.
«Взял бы я вас — да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...

Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..

К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил — и «с богом!» сказал...

И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: «У-х!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур зимой
Не попадайся!
Прицелюсь — бух!
И ляжешь... Ууу-х!..»

Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклат — и домой приволок,
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выспались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул — и дали стречка!
Я проводил их всё тем же советом:
«Не попадайтесь зимой!»
Я их не бью ни весной, ни летом,
Шкура плохая, — линяет косой...»

1870

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

Поэма

(1826 год)

Часть первая

Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок;

Сам граф-отец не раз, не два
Его попробовал сперва.

Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.

Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость в ноги стлал,

Творя молитву, образок
Повесил в правый уголок

И — зарыдал... Княгиня-дочь...
Куда-то едет в эту ночь...

1

«Да, рвем мы сердце пополам
Друг другу, но, родной,
Скажи, что ж больше делать нам?
Поможешь ли тоской!
Один, кто мог бы нам помочь
Теперь... Прости, прости!
Благослови родную дочь
И с миром отпусти!

2

Бог весть, увидимся ли вновь,
Увы! надежды нет.
Прости и знай: твою любовь,
Последний твой завет
Я буду помнить глубоко
В далекой стороне...
Не плачу я, но не легко
С тобой расстаться мне!

3

О, видит, бог!.. Но долг другой,
И выше и трудней,
Меня зовет... Прости, родной!
Напрасных слез не лей!
Далек мой путь, тяжел мой путь,
Страшна судьба моя,
Но сталью я одела грудь...
Гордись — я дочь твоя!

Прости и ты, мой край родной,
 Прости, несчастный край!
 И ты... о город роковой,
 Гнездо царей... прощай!
 Кто видел Лондон и Париж,
 Венецию и Рим,
 Того ты блеском не прельстишь,
 Но был ты мной любим —

Счастливо молодость моя
 Прошла в стенах твоих,
 Твои балы любила я,
 Катанья с гор крутых,
 Любила плеск Невы твоей
 В вечерней тишине,
 И эту площадь перед ней
 С героем на коне...

Мне не забыть... Потом, потом
 Расскажут нашу быль...
 А ты будь проклят, мрачный дом,
 Где первую кадрили
 Я тапцевала... Та рука
 Досель мне руку жжет...
 Ликуй

Покоен, прочен и легок,
 Катится городом возок.

Вся в черном, мертвенно бледна,
 Княгиня едет в нем одна,

А секретарь отца (в крестах,
 Чтоб наводить дорогой страх)

С прислугой скачет впереди...
Свища бичом, крича: «Пади!»,

Ямщик столицу миновал...
Далек княгине путь лежал,

Была суровая зима...
На каждой станции сама

Выходит путница: «Скорей
Перепрягайте лошадей!»

И сыплет щедрою рукой
Червонцы челяди ямской.

Но труден путь! В двадцатый день
Едва приехали в Тюмень,

Еще скакали десять дней,
«Увидим скоро Енисей,—

Сказал княгине секретарь,—
Не ездит так и государь!..»

Вперед! Душа полна тоски,
Дорога всё трудней,
Но грезы мирны и легки —
Приснилась юность ей.
Богатство, блеск! Высокий дом
На берегу Невы,
Обита лестница ковром,
Перед подъездом львы,
Изящно убран пышный зал,
Огнями весь горит.
О радость! нынче детский бал,
Чу! музыка гремит!
Ей ленты алые вплели
В две русые косы,
Цветы, наряды принесли
Невиданной красы.
Пришел папаша, — сед, румян, —
К гостям ее зовет.
«Ну, Катя! чудо-сарафан!
Он всех с ума сведет!»

Ей любо, любо без границ.
Кружится перед ней
Цветник из милых детских лиц,
Головок и кудрей.
Нарядны дети, как цветы,
Нарядней старики:
Плюмажи, ленты и кресты,
Со звоном каблук...
Танцует, прыгает дитя,
Не мысля ни о чем,
И детство резвое шутя
Проносится... Потом
Другое время, бал другой
Ей снится: перед ней
Стоит красавец молодой,
Он что-то шепчет ей...
Потом опять балы, балы...
Она — хозяйка их,
У них сановники, послы,
Весь модный свет у них...

«О милый! что ты так угрюм?
Что на сердце твоём?»
— Дитя! мне скучен светский шум,
Уйдем скорей, уйдем! —

И вот уехала она
С избранником своим.
Пред нею чудная страна,
Пред нею — вечный Рим...
Ах! чем бы жизнь нам помянуть —
Не будь у нас тех дней,
Когда, урвавшись как-нибудь
Из родины своей
И скучный север миновав,
Примчимся мы на юг.
До нас нужды, над нами прав
Ни у кого... Сам-друг
Всегда лишь с тем, кто дорог нам,
Живем мы, как хотим;
Сегодня смотрим древний храм,
А завтра посетим
Дворец, развалины, музей...
Как весело притом

Делиться мыслию своей
С любимым существом!

Под обаяньем красоты,
Во власти строгих дум,
По Ватикану бродишь ты
Подавлен и угрюм;
Отжившим миром окружен,
Не помнишь о живом.
Зато как странно поражен
Ты в первый миг потом,
Когда, покинув Ватикан,
Вернешься в мир живой,
Где ржет осел, шумит фонтан,
Поет мастеровой;
Торговля бойкая кипит,
Кричат на все лады:
«Кораллов! раковин! улит!
Мороженой воды!»
Танцует, ест, дерется голь,
Довольная собой,
И косу черную как смоль
Римлянке молодой
Старуха чешет... Жарок день,
Несносен черни гам,
Где нам найти покой и тень?
Заходим в первый храм.

Не слышен здесь житейский шум,
Прохлада, тишина
И полусумрак... Строгих дум
Опять душа полна.
Святых и ангелов толпой
Вверху украшен храм,
Порфир и яшма под ногой
И мрамор по стенам...

Как сладко слушать моря шум!
Сидишь по часу нем,
Неугнетенный, бодрый ум
Работает меж тем...
До солнца горною тропой
Взберешься высоко —
Какое утро пред тобой!
Как дышится легко!

Но жарче, жарче южный день,
На зелени доли
Росинки нет... Уйдем под тень
Зонтообразных пинн...

Княгине памятливы те дни
Прогулок и бесед,
В душе оставили они
Неизгладимый след.
Но не вернуть ей дней былых,
Тех дней надежд и грез,
Как не вернуть потом о них
Пролитых ею слез!..

Исчезли радужные сны,
Пред нею ряд картин
Забитой, загнанной страны:
Суровый господин
И жалкий труженик-мужик
С понурой головой...
Как первый властвовать привык!
Как рабствует второй!
Ей снятся группы бедняков
На нивах, на лугах,
Ей снятся стоны бурлаков
На волжских берегах...
Наивным ужасом полна,
Она не ест, не спит,
Засыпать спутника она
Вопросами спешит:
«Скажи, ужель весь край таков?
Довольства тени нет?..»
— Ты в царстве нищих и рабов! —
Короткий был ответ...

Она проснулась — в руку сон!
Чу, слышен впереди
Печальный звон — кандалный звон!
«Эй, кучер, погоди!»
То ссыльных партия идет,
Больней заныла грудь.
Княгиня деньги им дает, —
«Спасибо, добрый путь!»
Ей долго, долго лица их
Мерещатся потом,

И не прогнать ей дум своих,
Не позабыться сном!
«И та здесь партия была...
Да... нет других путей...
Но след их вьюга замела.
Скорей, ямщик, скорей!..»

Мороз сильней, пустынной путь,
Чем дале на восток;
На триста верст какой-нибудь
Убогий городок,
Зато как радостно глядишь
На темный ряд домов,
Но где же люди? Всюду тишь,
Не слышно даже псов.
Под кровлю всех загнал мороз,
Чаек от скуки пьют.
Прошел солдат, проехал воз,
Куранты где-то бьют.
Замерзли окна... огонек
В одном чуть-чуть мелькнул...
Собор... на выезде острог...
Ямщик кнутом махнул:
«Эй вы!» — и нет уж городка,
Последний дом исчез...
Направо — горы и река,
Налево темный лес...

Кипит больной, усталый ум,
Бессонный до утра,
Тоскует сердце. Смена дум
Мучительно быстра;
Княгиня видит то друзей,
То мрачную тюрьму,
И тут же думается ей —
Бог знает почему, —
Что небо звездное — песком
Посыпанный листок,
А месяц — красным сургучом
Оттиснутый кружок.

Пропали горы; началась
Равнина без конца.

Еще мертвей! Не встретит глаз
Живого деревца.
«А вот и тундра!» — говорит
Ямщик, бурят степной.
Княгиня пристально глядит
И думает с тоской:
Сюда-то жадный человек
За золотом идет!
Оно лежит по руслам рек,
Оно на дне болот.
Трудна добыча на реке,
Болота страшны в зной,
Но хуже, хуже в руднике,
Глубоко под землей!..
Там гробовая тишина,
Там безрассветный мрак...
Зачем, проклятая страна,
Нашел тебя Ермак?..

Чредой спустилась ночи мгла,
Опять взошла луна.
Княгиня долго не спала,
Тяжелых дум полна...
Уснула... Башня снится ей...
Она вверху стоит;
Знакомый город перед ней
Волнуется, шумит;
К обширной площади бегут
Несметные толпы:
Чиновный люд, торговый люд,
Разносчики, попы;
Пестреют шляпки, бархат, шелк,
Тулупы, армяки...
Стоял уж там какой-то полк,
Пришли еще полки,
Побольше тысячи солдат
Сошлось. Они «ура!» кричат,
Они чего-то ждут...
Народ галдел, народ зевал,
Едва ли сотый понимал,
Что делается тут...
Зато посмеивался в ус,
Лукаво щуя взор,

Знакомый с бурями француз,
Столичный куафер...

Приспели новые полки:
«Сдавайтесь!» — тем кричат.
Ответ им — пули и штыки,
Сдаваться не хотят.
Какой-то храбрый генерал,
Влетев в каре, грозиться стал —
С коня снесли его.
Другой приблизился к рядам:
«Прощенье царь дарует вам!»
Убили и того.

Явился сам митрополит
С хоругвями, с крестом:
«Покайтесь, братия! — гласит,—
Падите пред царем!»
Солдаты слушали, крестясь,
Но дружен был ответ:
— Уйди, старик! молись за нас!
Тебе здесь дела нет...—

Тогда-то пушки навели,
Сам царь скомандовал: «па-ли!..»
Картечь свистит, ядро ревет,
Рядами валится народ...
«О милый! жив ли ты?..»
Княгиня, память потеряв,
Вперед рванулась и стремглав
Упала с высоты!

Пред нею длинный и сырой
Подземный коридор,
У каждой двери часовой,
Все двери на запор.
Прибое волн подобный плеск
Снаружи слышен ей;
Внутри — бряцанье, ружей блеск
При свете фонарей;
Да отдаленный шум шагов
И долгий гул от них,
Да перекрестный бой часов,
Да крики часовых...

С ключами старый и седой,
Усатый инвалид.
«Иди, печальница, за мной! —
Ей тихо говорит. —
Я проведу тебя к нему,
Он жив и невредим...»
Она доверилась ему,
Она пошла за ним...

Шли долго, долго... Наконец
Дверь визгнула — и вдруг
Пред нею он... живой мертвец...
Пред нею — бедный друг!
Упав на грудь ему, она
Торопится спросить:
«Скажи, что делать? Я сильна,
Могу я страшно мстить!
Достанет мужества в груди,
Готовность горяча,
Просить ли надо?..» — Не ходи,
Не тронешь палача! —
«О милый! что сказал ты? Слов
Не слышу я твоих.
То этот страшный бой часов,
То крики часовых!
Зачем тут третий между нас?..»
— Наивен твой вопрос. —

«Пора! пробил урочный час!» —
Тот «третий» произнес...

Княгиня вздрогнула, — глядит
Испуганно кругом,
Ей ужас сердце леденит:
Не всё тут было сном!..

Луна плыла среди небес
Без блеска, без лучей,
Налево был угрюмый лес,
Направо — Енисей.
Темно! Навстречу ни души,
Ямщик на козлах спал,
Голодный волк в лесной глуши
Пронзительно стонал,

Да ветер бился и ревел,
Играя на реке,
Да инородец где-то пел
На странном языке.
Суровым пафосом звучал
Неведомый язык
И пуще сердце надрывал,
Как в бурю чайки крик...

Княгине холодно; в ту ночь
Мороз был нестерпим,
Упали силы; ей невмочь
Бороться больше с ним.
Рассудком ужас овладел,
Что не доехать ей.
Ямщик давно уже не пел,
Не понукал коней,
Передней тройки не слышать.
«Эй! жив ли ты, ямщик?
Что ты замолк? не вздумай спать!»
— Не бойтесь, я привык... —

Летят... Из мерзлого окна
Не видно ничего,
Опасный гонит сон она,
Но не прогнать его!
Он волю женщины больной
Мгновенно покори
И, как волшебник, в край иной
Ее переселил.
Тот край — он ей уже знаком, —
Как прежде, неги полн,
И теплым солнечным лучом,
И сладким пеньем волн
Ее приветствовал, как друг...
Куда ни поглядит:
«Да, это юг! да, это юг!» —
Всё взору говорит...

Ни тучки в небе голубом,
Долина вся в цветах,
Всё солнцем залито, — на всем,
Внизу и на горах,
Печать могучей красоты,
Ликует всё вокруг;

«Русские женщины»

«Русские женщины»

Ей солнце, море и цветы
Поют: «Да — это юг!»

В долине между цепью гор
И морем голубым
Она летит во весь опор
С избранником своим.
Дорога их — роскошный сад,
С деревьев льется аромат,
На каждом дереве горит
Румяный, пышный плод;
Сквозь ветви темные сквозит
Лазурь небес и вод;
По морю реют корабли,
Мелькают паруса,
А горы, видные вдали,
Уходят в небеса.
Как чудны краски их! За час
Рубины рдели там,
Теперь заискрился топаз
По белым их хребтам...
Вот выючный мул идет шажком,
В бубенчиках, в цветах,
За мулом — женщина с венком,
С корзиною в руках.
Она кричит им: «Добрый путь!» —
И, засмеявшись вдруг,
Бросает быстро ей на грудь
Цветок... да! это юг!
Страна античных, смуглых дев
И вечных роз страна...
Чу! мелодический напев,
Чу! музыка слышна!..
«Да, это юг! да, это юг!
(Поет ей добрый сон)
Опять с тобой любимый друг,
Опять свободен он...»

Часть вторая

Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути

На диво слаженный возок,
А всё конец пути далек!

Княгинин спутник так устал,
Что под Иркутском захворал.

Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна...

Ее в Иркутске встретил сам
Начальник городской;
Как мощи сух, как палка прям,
Высокий и седой.
Сползла с плеча его доха,
Под ней — кресты, мундир,
На шляпе — перья петуха.
Почтенный бригадир,
Ругнув за что-то ямщика,
Поспешно подскочил
И дверцы прочного возка
Княгине отворил...

Княгиня
(входит в станционный дом)

В Нерчинск! Закладывать скорей!

Губернатор

Пришел я — встретить вас.

Княгиня

Велите ж дать мне лошадей!

Губернатор

Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
Вам нужно отдохнуть...

Княгиня

Благодарю вас! Я сильна...
Уж недалек мой путь.

Губернатор

Всё ж будет верст до восьмисот,
А главная беда:
Дорога хуже тут пойдет,
Опасная езда!..
Два слова нужно вам сказать
По службе, — и при том

Имел я счастье графа знать,
Семь лет служил при нем.
Отец ваш редкий человек
По сердцу, по уму,
Запечатлев в душе навек
Признательность к нему,
К услугам дочери его
Готов я... весь я ваш...

Княгиня

Но мне не нужно ничего!
(Отворяя дверь в сени.)
Готов ли экипаж?

Губернатор

Покуда я не прикажу,
Его не подадут...

Княгиня

Так прикажите ж! Я прошу...

Губернатор

Но есть зацепка тут:
С последней почтой прислана
Бумага...

Княгиня

Что же в ней:
Уж не вернуться ль я должна?

Губернатор

Да-с, было бы верней.

Княгиня

Да кто ж прислал вам и о чем
Бумагу? что же — там
Шутили, что ли, над отцом?
Он всё устроил сам!

Губернатор

Нет... не решусь я утверждать...
Но путь еще далек...

Княгиня

Так что же даром и болтать!
Готов ли мой возок?

Г у б е р н а т о р

Нет! Я еще не приказал...
Княгиня! здесь я — царь!
Садитесь! Я уже сказал,
Что знал я графа встарь,
А граф... хоть он вас отпустил,
По доброте своей,
Но ваш отъезд его убил...
Вернитесь поскорей!

К н я г и н я

Нет! что однажды решено —
Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
Как я люблю отца,
Как любит он. Но долг другой,
И выше, и святей,
Меня зовет. Мучитель мой!
Давайте лошадей!

Г у б е р н а т о р

Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час,
Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?
Бесплодна наша сторона,
А та — еще бедней,
Короче нашей там весна,
Зима — еще длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там — знаете ли вы?
Там люди редки без клейма,
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки;
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придется с мужем быть
Минуты глаз на глаз:
В казарме общей надо жить,
А пища: хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,

Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;
Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей... Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалятся никто!
Пускай ваш муж — он виноват...
А вам терпеть... за что?

Княгиня

Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и моя
Не радостней его!

Губернатор

Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьет!
Я вас обязан убедить,
Не ездите вперед!
Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей
Не паром — пылью ледяной
Выходит из ноздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары —
Непросыхающих болот
Зловредные пары?
Да... страшный край! Оттуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

Княгиня

Живут же люди в том краю,
Привыкну я шутя...

Губернатор

Живут? Но молодость свою
Припомните... дитя!
Здесь мать — водицей снеговой,
Родив, омочит дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,

А будит дикий зверь, рыча
Близ хижины лесной,
Да пурга, бешено стуча
В окно, как домовой.
С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,
Окреп туземный человек
С природою в бою,
А вы?..

Княгиня

Пусть смерть мне суждена —
Мне нечего жалеть!..
Я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть.

Губернатор

Да, вы умрете, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ездите туда!
Сноснее одному,
Устав от тяжкого труда,
Прийти в свою тюрьму,
Прийти — и лечь на голый пол
И с черствым сухарем
Заснуть... а добрый сон пришел —
И узник стал царем!
Летя мечтой к родным, к друзьям,
Увидя вас самих,
Проснется он к дневным трудам
И бодр, и сердцем тих,
А с вами?.. с вами не знаять
Ему счастливых грез,
В себе он будет сознавать
Причину ваших слез.

Княгиня

Ах!.. Эти речи побережь
Вам лучше для других.
Всем вашим пыткам не извлечь
Слезы из глаз моих!
Покинув родину, друзей,
Любимого отца,

Приняв обет в душе моей
Исполнить до конца
Мой долг,— я слез не принесу
В проклятую тюрьму —
Я гордость, гордость в нем спасу,
Я силы дам ему!
Презренье к нашим палачам,
Сознание правоты
Опорой верной будет нам.

Губернатор

Прекрасные мечты!
Но их достанет на пять дней.
Не век же вам грустить?
Поверьте совести моей,
Захочется вам жить.
Здесь черствый хлеб, тюрьма, позор,
Нужда и вечный гнет,
А там балы, блестящий двор,
Свобода и почет.
Как знать? Быть может, бог судил...
Понравится другой,
Закон вас права не лишил...

Княгиня

Молчите!.. Боже мой!..

Губернатор

Да, откровенно говорю,
Вернитесь лучше в свет.

Княгиня

Благодарю, благодарю
За добрый ваш совет!
И прежде был там рай земной,
А нынче этот рай
Своей заботливой рукой
Расчистил Николай.
Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы,
Мужчины — сборище Иуд,
А женщины — рабы.
Что там найду я? Ханжество,
Поруганную честь,

Нахальной дряни торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!
Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и темных дел?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу.
Продажных и тупых,
Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забуть того, кто нас любил,
Вернуться — всё прости?

Губернатор

Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком тоска? к кому любовь?

Княгиня

Молчите, генерал!

Губернатор

Когда б не доблестная кровь
Текла в вас — я б молчал.
Но если рветесь вы вперед,
Не веря ничему,
Быть может, гордость вас спасет...
Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что станется с женой,
Увлёкся призраком пустым
И — вот его судьба!..
И что ж?.. бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

Княгиня

Нет! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!

Пускай горька моя судьба —
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

Княгиня кончила... Молчал
Упрямый старичок.
«Ну что ж? Велите, генерал,
Готовить мой возок?»
Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,
Потом в раздумье произнес:
— До завтра,— и ушел...

Назавтра тот же разговор,
Просил и убеждал,
Но получил опять отпор
Почтенный генерал.
Все убежденья истощив
И выбившись из сил,
Он долго, важен, молчалив,
По комнате ходил
И наконец сказал: — Быть так!
Вас не спасешь, увы!..
Но знайте: сделав этот шаг,
Всего лишитесь вы!..—

«Да что же мне еще терять?»

— За мужем поскакав,
Вы отречение подписать
Должны от ваших прав! —

Старик эффектно замолчал,
От этих страшных слов
Он, очевидно, пользы ждал,
Но был ответ таков:
«У вас седая голова,
А вы еще дитя!

Вам наши кажутся права
Правами — не шутя.
Нет! ими я не дорожу,
Возьмите их скорей!
Где отречение? Подпишу!
И живо — лошадей!..»

Губернатор

Бумагу эту подписать!
Да что вы?.. Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что вам дано отцом,
Что по наследству перейти
Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва —
Зайду я к вам опять!..

Ушел и не был целый день...
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая как тень,
Пошла к нему сама.
Ее не принял генерал:
Хворает тяжело...
Пять дней, покуда он хворал,
Мучительных прошло,
А на шестой пришел он сам
И круто молвил ей:
— Я отпустить не вправе вам,
Княгиня, лошадей!
Вас по этапу поведут
С конвоем...—

Княгиня

Боже мой!
Но так ведь месяцы пройдут
В дороге?..

Губернатор

Да, весной
В Нерчинск придете, если вас
Дорога не убьет.

Навряд версты четыре в час
Закованный идет;
Посередине дня — привал,
С закатом дня — ночлег,
А ураган в степи застал —
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,
Иной упал, ослаб...

Княгиня

Не хорошо я поняла —
Что значит ваш этап?

Губернатор

Под караулом казаков
С оружием в руках
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалят,
Того гляди сбегут,
Так их канатом прикрутят
Друг к другу — и ведут.
Трудненок путь! Да, вот-с каков:
Отправится пятьсот,
А до нерчинских рудников
И трети не дойдет!
Они как мухи мрут в пути,
Особенно зимой...
И вам, княгиня, так идти?..
Вернитесь-ка домой!

Княгиня

О пет! я этого ждала...
Но вы, но вы... злодей!..
Неделя целая прошла...
Нет сердца у людей!
Зачем бы разом не сказать?..
Уж шла бы я давно...
Велите ж партию собирать —
Иду! мне всё равно!..

— Нет! вы поедете!.. — вскричал
Нежданно старый генерал,
Закрыв рукой глаза,—

Как я вас мучил... Боже мой!..
(Из-под руки на ус седой
Скатилась слеза.)
Простите! да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Преграды ставить вам!
И разве их не ставил я?
Я делал всё, что мог,
Перед царем душа моя
Чиста, свидетель бог!
Осторожным жестким сухарем
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать.
Не испугались вы!
И хоть бы мне не удержать
На плечах головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас...
Я вас в три дня туда домчу...

(Отворяя дверь, кричит.)
Эй, запрягать сейчас!..

КНЯГИНЯ М. Н. ВОЛКОНСКАЯ

(БАБУШКИНЫ ЗАПИСКИ)

(1826-27 гг.)

Г л а в а I

Проказники внуки! Сегодня они
С прогулки опять воротились:
— Нам, бабушка, скучно! В ненастные дни,
Когда мы в портретной садились
И ты начинала рассказывать нам,
Так весело было!.. Родная,
Еще что-нибудь расскажи!..— По углам
Уселась. Но их прогнала я:
«Успеете слушать; рассказов моих
Достанет на целые томы,
Но вы еще глупы: узнаете их,
Как будете с жизнью знакомы!

Я все рассказала, доступное вам
По вашим ребяческим летам:
Идите гулять по полям, по лугам!
Идите же... пользуйтесь летом!»

И вот, не желая остаться в долгу
У внуков, пишу я записки;
Для них я портреты людей берегу,
Которые были мне близки,
Я им завещаю альбом — и цветы
С могилы сестры — Муравьевой,
Коллекцию бабочек, флору Читы
И виды страны той суровой;
Я им завещаю железный браслет...
Пускай берегут его свято:
В подарок жене его выковал дед
Из собственной цепи когда-то.

Родилась я, милые внуки мои,
Под Киевом, в тихой деревне;
Любимая дочь я была у семьи.
Наш род был богатый и древний,
Но пуще отец мой возвысил его:
Заманчивей славы героя,
Дороже отчизны — не знал ничего
Боец, не любивший покоя.
Творя чудеса, девятнадцати лет
Он был полковым командиром,
Он мужеством добыл и лавры побед,
И почести, чтимые миром.
Воинская слава его началась
Персидским и шведским походом,
Но память о нем нераздельно слилась
С великим двенадцатым годом:
Тут жизнь его долгим сраженьем была.
Походы мы с ним разделяли,
И в месяц иной не zapomним числа,
Когда б за него не дрожали.
«Защитник Смоленска» всегда впереди
Опасного дела являлся...
Под Лейпцигом раненный, с пулей в груди,
Он вновь через сутки сражался,
Так летопись жизни его говорит: ¹⁾
В ряду полководцев России,

Покуда отечество наше стоит,
Он памятен будет! Витии
Отца моего осыпали хвалой,
Бессмертным его называя;
Жуковский почтил его громкой строфой,
Российских вождей прославляя:
Под Дашковой личного мужества жар
И жертву отца-патриота
Поэт воспевае²⁾. Воинственный дар
Являя в сраженьях без счета,
Не силой одною врагов побеждал
Ваш прадед в борьбе исполинской:
О нем говорили, что он сочетал
С отвагою гений воинский.

Войной озабочен, в семействе своем
Отец ни во что не мешался,
Но крут был порою; почти божеством
Он матери нашей казался,
И сам он глубоко привязан был к ней.
Отца мы любили — в герое.
Окончив походы, в усадьбе своей
Он медленно гас на покое.
Мы жили в большом, подгородном дому.
Детей поручив англичанке,
Старик отдыхал ³⁾. Я училась всему,
Что нужно богатой дворянке.
А после уроков бежала я в сад
И пела весь день беззаботно,
Мой голос был очень хорош, говорят,
Отец его слушал охотно;
Записки свои приводил он к концу,
Читал он газеты, журналы,
Пирьы задавал; наезжали к отцу
Седые, как он, генералы,
И шли бесконечные споры тогда;
Меж тем молодежь танцевала.
Сказать ли вам правду? была я всегда
В то время царицею бала:
Очей моих томных огонь голубой,
И черная с синим отливом
Большая коса, и румянец густой
На личике смуглом, красивом,
И рост мой высокий, и гибкий мой стан,
И гордая поступь — пленяли

Тогдашних красавцев: гусаров, улан,
Что близко с полками стояли.
Но слушала я неохотно их лезть...
Отец за меня постарался:
— Не время ли замуж? Жених уже есть,
Он славно под Лейпцигом дрался,
Его полюбил государь, наш отец,
И дал ему чин генерала,
Постарше тебя... а собой молодец,
Волконский! Его ты видала
На царском смотре... и у нас он бывал,
По парку с тобой все шатался! —
«Да, помню! Высокий такой генерал...»
— Он самый! — Старик засмеялся...
«Отец! он так мало со мной говорил!» —
Заметила я, покраснела...
— Ты будешь с ним счастлива! — круто решил
Старик, — возражать я не смела...

Прошло две недели — и я под венцом
С Сергеем Волконским стояла,
Не много я знала его женихом,
Не много и мужем узнала, —
Так мало мы жили под кровлей одной,
Так редко друг друга видали!
По дальним селеньям, на зимний постой
Бригаду его разбросали,
Ее объезжал беспрестанно Сергей,
А я между тем расхворалась;
В Одессе потом, по совету врачей,
Я целое лето купалась;
Зимой он приехал за мною туда,
С неделю я с ним отдохнула
При главной квартире... и снова беда!
Однажды я крепко уснула,
Вдруг слышу я голос Сергея (в ночи,
Почти на рассвете то было):
«Вставай! Поскорее найди мне ключи!
Камин затопи!» Я вскочила...
Взглянула: встревожен и бледен он был.
Камин затопила я живо.
Из ящичков муж мой бумаги сносил
К камину — и жег торопливо,
Иные прочитывал бегло, спеша,
Иные бросал, не читая.

И я помогала Сергею, дрожа
И глубже в огонь их толкая...
Потом он сказал: «Мы поедem сейчас»,
Волос моих нежно касаясь.
Все скоро уложено было у нас,
И утром, ни с кем не прощаясь,
Мы тронулись в путь. Мы скакали три дня,
Сергей был угрюм, торопился,
Довез до отцовской усадьбы меня
И тотчас со мною простился.

Глава II

«Уехал!.. Что значила бледность его
И все, что в ту ночь совершилось?
Зачем не сказал он жене ничего?
Недоброе что-то случилось?»
Я долго не знала покоя и сна,
Сомнения душу терзали:
«Уехал, уехал! опять я одна!..»
Родные меня утешали,
Отец торопливость его объяснял
Каким-нибудь делом случайным:
— Куда-нибудь сам император послал
Его с поручением тайным,
Не плачь! Ты походы делила со мной,
Превратности жизни военной
Ты знаешь; он скоро вернется домой!
Под сердцем залог драгоценный
Ты носишь: теперь ты беречься должна!
Все кончится ладно, родная;
Жена муженька проводила одна,
А встретит, ребенка качая!..

Увы! предсказанье его не сбылось!
Увидеться с бедной женою
И с первенцем сыном отцу довелось
Не здесь — не под кровлей родною!

Как дорого стоил мне первенец мой!
Два месяца я прохворала.
Измучена телом, убита душой,
Я первую няню узнала.
Спросила о муже. — Еще не бывал! —
«Писал ли?» — И писем нет даже. —

«А где мой отец?» — В Петербург ускакал.—
«А брат мой?» — Уехал туда же.—

«Мой муж не приехал, нет даже письма,
И брат и отец ускакали,—
Сказала я матушке.— Еду сама!
Довольно, довольно мы ждали!»
И как не старалась упрашивать дочь
Старушка, я твердо решилась;
Припомнила я ту последнюю ночь
И все, что тогда совершилось,
И ясно сознала, что с мужем моим
Недоброе что-то творится...

Стояла весна, по разливам речным
Пришлось черепахой тащиться.

Доехала я чуть живая опять.
«Где муж мой?» — отца я спросила.
— В Молдавию муж твой ушел воевать.—
«Не пишет он?..» Глянул уныло
И вышел отец... Недоволен был брат,
Прислуга молчала, вздыхая.
Заметила я, что со мною хитрят,
Заботливо что-то скрывая;
Ссылаясь на то, что мне нужен покой,
Ко мне никого не пускали,
Меня окружили какой-то стеной,
Мне даже газет не давали!
Я вспомнила: много у мужа родных,
Пишу — отвечать умоляю.
Проходят недели — ни слова от них!
Я плачу, я силы теряю...

Нет чувства мучительней тайной грозы.
Я клятвой отца уверяла,
Что я не пролью ни единой слезы,—
И он, и кругом всё молчало!
Любя, меня мучил мой бедный отец;
Жалея, удваивал горе...
Узнала, узнала я всё наконец!..
Прочла я в самом приговоре,
Что был заговорщиком бедный Сергей:
Стояли они настороже,
Готовя войска к низверженью властей.

В вину ему ставилось тоже,
Что он... Закружилась моя голова...
Я верить глазам не хотела...
«Ужели?..» В уме не вязались слова:
Сергей — и бесчестное дело!

Я помню, сто раз я прочла приговор,
Вникая в слова роковые:
К отцу побежала,— с отцом разговор
Меня успокоил, родные!
С души словно камень тяжелый упал.
В одном я Сергея винила:
Зачем он жене ничего не сказал?
Подумав, и то я простила:
«Как мог он болтать? Я была молода,
Когда ж он со мной расставался,
Я сына под сердцем носила тогда:
За мать и дитя он боялся! —
Так думала я.— Пусть беда велика,
Не все потеряла я в мире.
Сибирь так ужасна, Сибирь далека,
Но люди живут и в Сибири!..»

Всю ночь я горела, мечтая о том,
Как буду лелеять Сергея.
Под утро глубоким, крепительным сном
Уснула — и встала бодрее.
Поправилось скоро здоровье мое,
Приятельниц я повидала,
Нашла я сестру — расспросила ее
И горького много узнала!
Несчастные люди!.. «Всё время Сергей
(Сказала сестра) содержался
В тюрьме; не видал ни родных, ни друзей...
Вчера только с ним повидался
Отец. Повидаться с ним можешь и ты:
Когда приговор прочитали,
Одели их в рубище, сняли кресты,
Но право свиданья им дали!..»

Подробностей ряд пропустила я тут...
Оставив следы роковые,
Доныне о мщенье они вопиют...
Не знайте их лучше, родные.

Я в крепость поехала к мужу с сестрой,
Пришли мы сперва к «генералу»,
Потом нас привел генерал пожилой
В обширную, мрачную залу.
«Дождитесь, княгиня! мы будем сейчас!»
Раскланявшись вежливо с нами,
Он вышел. С дверей не спускала я глаз.
Минуты казались часами.
Шаги постепенно смолкали вдаль,
За ними я мыслью летела.
Мне чудилось: связку ключей принесли,
И ржавая дверь заскрипела.
В угрюмой каморке с железным окном
Измученный узник томился.
«Жена к вам приехала!..» Бледный лицом,
Он весь задрожал, оживился:
«Жена!..» Коридором он быстро бежал,
Довериться слуху не смея...

«Вот он!» — громогласно сказал генерал,
И я увидела Сергея...

Недаром над ним пронеслася гроза:
Морщины на лбу появились,
Лицо было мертвенно бледно, глаза
Не так уже ярко светились,
Но больше в них было, чем в прежние дни,
Той тихой, знакомой печали;
С минуту пытливо смотрели они,
И радостью вдруг заблестали,
Казалось, он в душу мою заглянул...
Я горько, припав к его груди,
Рыдала... Он обнял меня и шепнул:
— Здесь есть посторонние люди.—
Потом он сказал, что полезно ему
Узнать добродетель смиренья,
Что, впрочем, легко переносит тюрьму,
И несколько слов ободренья
Прибавил... По комнате важно шагал
Свидетель: нам было неловко...
Сергей на одежду свою показал:
— Поздравь меня, Маша, с обновкой,—
И тихо прибавил: — *Пойми и прости,*—
Глаза засверкали слезою,

Но тут соглядатай успел подойти,
Он низко поник головою.
Я громко сказала: «Да, я не ждала
Найти тебя в этой одежде». —
И тихо шепнула: *«Я всё поняла.
Люблю тебя больше, чем прежде...»*
— Что делать? И в каторге буду я жить
(*Покуда мне жизнь не наскучит*). —
«Ты жив, ты здоров, так о чем же тужить?
(*Ведь каторга нас не разлучит?*)»

— Так вот ты какая! — Сергей говорил,
Лицо его весело было...
Он вынул платок, на окно положил,
И рядом я свой положила,
Потом, расставаясь, Сергеев платок
Взяла я — мой мужу остался...
Нам после годичной разлуки часок
Свиданья короток казался,
Но что ж было делать! Наш срок миновал —
Пришлось бы другим дожидаться...
В карету меня посадил генерал,
Счастливо желал оставаться...

Великую радость нашла я в платке:
Целуя его, увидала
Я несколько слов на одном уголке;
Вот что я, дрожа, прочитала:
*«Мой друг, ты свободна. Пойми — не пеняй!
Душевно я бодр и — желаю
Жену мою видеть такой же. Прощай!
Малютке поклон посылаю...»*

Была в Петербурге большая родня
У мужа; всё знать — да какая!
Я ездила к ним, волновалась три дня,
Сергея спасти умоляя.
Отец говорил: «Что ты мучишься, дочь?
Я всё испытал — бесполезно!»
И правда: они уж пытались помочь,
Моля императора слезно,
Но просьбы до сердца его не дошли...
Я с мужем еще повидалась,
И время приспело: его увезли!
Как только одна я осталась,

Я тотчас слышала в сердце моем,
Что надо и мне торопиться,
Мне душен казался родительский дом,
И стала я к мужу проситься.

Теперь расскажу вам подробно, друзья,
Мою роковую победу.
Вся дружно и грозно восстала семья,
Когда я сказала: «Я еду!»
Не знаю, как мне удалось устоять,
Чего натерпелась я... Боже!..
Была из-под Киева вызвана мать,
И братья приехали тоже:
Отец «образумить» меня приказал.
Они убеждали, просили,
Но волю мою сам господь подкреплял,
Их речи ее не сломили!
А много и горько поплакать пришлось...
Когда собрались мы к обеду,
Отец мимоходом мне бросил вопрос:
— На что ты решилась? — «Я еду».
Отец промолчал... промолчала семья...
Я вечером горько всплакнула,
Качая ребенка, задумалась я...
Вдруг входит отец, — я вздрогнула...
Ждала я грозы, но, печален и тих,
Сказал он сердечно и кротко:
— За что обижаешь ты кровных родных?
Что будет с несчастным сироткой?
Что будет с тобою, голубка моя?
Там нужно не женскую силу!
Напрасна великая жертва твоя,
Найдешь ты там только могилу! —
И ждал он ответа, и взгляд мой ловил,
Лаская меня и целуя...
— Я сам виноват! Я тебя погубил! —
Воскликнул он вдруг, негодуя. —
Где был мой рассудок? Где были глаза?
Уж знала вся армия наша... —
И рвал он седые свои волосы:
— Прости! не казни меня, Маша!
Останься!.. — И снова молил горячо...
Бог знает, как я устояла!
Припав головою к нему на плечо,
«Поеду!» — я тихо сказала...

— Посмотрим!..— И вдруг распрявился старик,
Глаза его гневом сверкали:

— Одно повторяет твой глупый язык:
«*Поеду!*» Сказать не пора ли,
Куда и зачем? Ты подумай сперва!
Не знаешь сама, что болтаешь!
Умеет ли думать твоя голова?
Брагами ты, что ли, считаешь
И мать, и отца? Или глупы они...
Что споришь ты с ними, как с ровней?
Поглубже ты в сердце свое загляни,
Вперед посмотри хладнокровней,
Подумай!.. Я завтра увижусь с тобой!..—

Ушел он, грозящий и гневный,
А я, чуть жива, пред иконой святой
Упала — в истоме душевной...

Глава III

— Подумай!..— Я целую ночь не спала,
Молилась и плакала много.
Я божию мать на помощь звала,
Совета просила у бога,
Я думать училась: отец приказал
Подумать... нелегкое дело!
Давно ли он думал за нас — и решал,
И жизнь наша мирно летела?

Училась я много, на трех языках
Читала. Заметна была я
В парадных гостиных, на светских балах,
Искусно танцуя, играя;
Могла говорить я почти обо всем,
Я музыку знала, я пела,
Я даже отлично скакала верхом,
Но думать совсем не умела.

Я только в последний, двадцатый мой год
Узнала, что жизнь не игрушка.
Да в детстве, бывало, сердечко вздрогнет,
Как грянет нечаянно пушка.
Жилось хорошо и привольно: отец
Со мной не говаривал строго;

Осмынадцать лет я пошла под венец
И тоже не думала много...

В последнее время моя голова
Работала сильно, пылала;
Меня неизвестность томила сперва.
Когда же беду я узнала,
Бесменно стоял предо мною Сергей,
Тюрьмою измученный, бледный,
И много неведомых прежде страстей
Посеял в душе моей бедной.

Я все испытала, а больше всего
Жестокое чувство бессилья.
Я небо и сильных людей за него
Молила — напрасны усилья!
И гнев мою душу больную палил,
И я волновалась нестройно,
Рвалась, проклинала... но не было сил,
Ни времени думать спокойно.

Теперь непременно я думать должна —
Отцу моему так угодно.
Пусть воля моя неизменно одна,
Пусть всякая дума бесплодна,
Я честно исполнить отцовский приказ
Решилась, мои дорогие.
Старик говорил: — Ты подумай о нас,
Мы люди тебе не чужие:
И мать, и отца, и дитя, наконец,—
Ты всех безрассудно бросаешь,
За что же? — «Я долг исполняю, отец!»
— За что ты себя обрекаешь
На муку? — «Не буду я мучиться там!
Здесь ждет меня страшная мука.
Да если останусь, послушная вам,
Меня истерзает разлука.
Не зная покоя ни ночью, ни днем,
Рыдая над бедным сироткой,
Все буду я думать о муже моем
Да слышать упрек его кроткой.
Куда ни пойду я — на лицах людей
Я свой приговор прочитаю:
В их шепоте — повесть измены моей,
В улыбке укор угадаю:

Что место мое не на пышном балу,
А в дальней пустыне угрюмой,
Где узник усталый в тюремном углу
Терзается лютой думой,
Один... без опоры... Скорее к нему!
Там только вздохну я свободно.
Делила с ним радость, делить и тюрьму
Должна я... Так небу угодно!..

Простите, родные! Мне сердце давно
Мое подсказало решение.
И верю я твердо: от бога оно!
А в вас говорит — сожаленье.
Да, ежели выбор решить я должна
Меж мужем и сыном — не боле,
Иду я туда, где я больше нужна,
Иду я к тому, кто в неволе!
Я сына оставлю в семействе родном,
Он скоро меня позабудет.
Пусть дедушка будет малютке отцом,
Сестра ему матерью будет.
Он так еще мал! А когда подрастет
И страшную тайну узнает,
Я верю: он матери чувство поймет
И в сердце ее оправдает!

Но если останусь я с ним... и потом
Он тайну узнает и спросит:
«Зачем не пошла ты за бедным отцом?..»
И слово укора мне бросит?
О, лучше в могилу мне заживо лечь,
Чем мужа лишить утешенья
И в будущем сына презренье навлечь...
Нет, нет! не хочу я презренья!..

А может случиться — подумать боюсь! —
Я первого мужа забуду,
Условиям новой семьи подчинюсь
И сыну не матерью буду,
А мачехой лютой?.. Горю со стыда...
Прости меня, бедный изгнанник!
Тебя позабыть! Никогда! никогда!
Ты сердца единый избранник...

Отец! ты не знаешь, как дорог он мне!
Его ты не знаешь! Сначала,

В блестящем наряде, на гордом коне,
Его пред полком я видала;
О подвигах жизни его боевой
Рассказы товарищей боя
Я слушала жадно — и всею душой
Я в нем полюбила героя...

Позднее я в нем полюбила отца
Малютки, рожденного мною.
Разлука тянулась меж тем без конца.
Он твердо стоял под грозою...
Вы знаете, где мы увиделись вновь —
Судьба свою волю творила! —
Последнюю, лучшую сердца любовь
В тюрьме я ему подарила!

Напрасно чернила его клевета,
Он был безупречней, чем прежде,
И я полюбила его, как Христа...
В своей арестантской одежде
Теперь он бесменно стоит предо мной,
Величием кротким сияя.
Терновый венец над его головой,
Во взоре — любовь неземная...

Отец мой! должна я увидеть его...
Умру я, тоскуя по муже...
Ты, долгу служа, не щадил ничего
И нас научил ты тому же...
Герой, выведивший своих сыновей
Туда, где смертельней сраженье, —
Не верю, чтоб дочери бедной своей
Ты сам не одобрил решение!»

Вот что я продумала в долгую ночь,
И так я с отцом говорила...
Он тихо сказал: — Сумасшедшая дочь! —
И вышел; молчали уныло
И братья, и мать... Я ушла наконец...
Тяжелые дни потянулись:
Как туча ходил недовольный отец,
Другие домашние дулись.
Никто не хотел ни советом помочь,
Ни делом: но я не дремала,
Опять провела я бессонную ночь,

Письмо к государю писала
(В то время молва начала разглашать,
Что будто вернуть Трубецкую
С дороги велел государь. Испытать
Боялась я участь такую,
Но слух был неверен). Письмо отвезла
Сестра моя, Катя Орлова.
Сам царь отвечал мне... Спасибо, нашла
В ответе я доброе слово!
Он был эlegantен и мил (Николай
Писал по-французски). Сначала
Сказал государь, как ужасен тот край,
Куда я поехать желала,
Как грубы там люди, как жизнь тяжела,
Как возраст мой хрупок и нежен;
Потом намекнул (я не вдруг поняла)
На то, что возврат безнадежен;
А дальше — изволил хвалою почтить
Решимость мою, сожалая,
Что, долгу покорный, не мог пощадить
Преступного мужа... Не смея
Противиться чувствам высоким таким,
Давал он свое позволение;
Но лучше желал бы, чтоб с сыном моим
Осталась я дома...

Волненьё

Меня охватило. «Я еду!» Давно
Так радостно сердце не билось...
«Я еду! я еду! Теперь решено!...»
Я плакала, жарко молилась...

В три дня я в далекий мой путь собралась,
Все ценное я заложила,
Надежную шубой, бельем запаслась,
Простую кибитку купила.
Родные смотрели на сборы мои,
Загадочно как-то вздыхая;
Отъезду не верил никто из семьи...
Последнюю ночь провела я
С ребенком. Нагнувшись над сыном моим,
Улыбку малютки родного
Запомнить старалась; играла я с ним
Печатью письма рокового.
Играла и думала: «Бедный мой сын!

Не знаешь ты, чем ты играешь!
Здесь участь твоя: ты проснешься один,
Несчастный! Ты мать потеряешь!»
И в горе упав на ручки его
Лицом, я шептала, рыдая:
«Прости, что тебя, для отца твоего,
Мой бедный, покинуть должна я...»

А он улыбался: не думал он спать,
Любуясь красивым пакетом;
Большая и красная эта печать
Его забавляла...

С рассветом
Спокойно и крепко заснуло дитя,
И щечки его заалели.
С любимого личика глаз не сводя,
Молясь у его колыбели,
Я встретила утро...

Я вмиг собралась.
Сестру заклинала я снова
Быть матерью сыну... Сестра поклялась...
Кибитка была уж готова.

Сурово молчали родные мои,
Прощание было немое.
Я думала: «Я умерла для семьи,
Все милое, все дорогое
Теряю... нет счета печальных потерь!..»
Мать как-то спокойно сидела,
Казалось, не веря еще и теперь,
Чтоб дочка уехать посмела,
И каждый с вопросом смотрел на отца.
Сидел он поодаль, понуро,
Не молвил словечка, не поднял лица, —
Оно было бледно и хмуро.
Последние вещи в кибитку снесли,
Я плакала, бодрость теряя,
Минуты мучительно медленно шли...
Сестру наконец обняла я
И мать обняла. «Ну, господь вас храни!» —
Сказала я, братьев целуя.
Отцу подражая, молчали они...
Старик поднялся, негодуя,
По сжатым губам, по морщинам чела
Ходили вловещие тени...

Я молча ему образок подала
И стала пред ним на колени:
«Я еду! хоть слово, хоть слово, отец!
Прости свою дочь, ради бога!..»
Старик на меня поглядел наконец
Задумчиво, пристально, строго
И, руки с угрозой подняв надо мной,
Чуть слышно сказал (я дрожала):
— Смотри! через год возвращайся домой,
Не то — прокляну!..—

Я упала...

Глава IV

«Довольно, довольно объятий и слез!»
Я села — и тройка помчалась.
«Прощайте, родные!» В декабрьский мороз
Я с домом отцовским рассталась,
И мчалась без отдыху с лишком три дня;
Меня быстрота увлекала,
Она была лучшим врачом для меня...
Я скоро в Москву прискакала,
К сестре Зинаиде⁴⁾. Мила и умна
Была молодая княгиня.
Как музыку знала! Как пела она!
Искусство ей было святыня.
Она нам оставила книгу новелл⁵⁾,
Исполненных грации нежной,
Поэт Веневитинов стансы ей пел,
Влюбленный в нее безнадежно;
В Италии год Зинаида жила
И к нам — по сказанью поэта —
«Цвет южного неба в очах принесла»⁶⁾.
Царица московского света,
Она не чуждалась артистов, — житье
Им было у Зины в гостиной;
Они уважали, любили ее
И северной звали Коринной...

Поплакали мы. По душе ей была
Решимость моя роковая:
«Крепись, моя бедная! будь весела!
Ты мрачная стала такая.
Чем мне эти темные тучи прогнать?

Как мы распростимся с тобою?
А вот что! ложись ты до вечера спать,
А вечером пир я устрою.
Не бойся! всё будет во вкусе твоём,
Друзья у меня не повесы.
Любимые песни твои мы споем,
Сыграем любимые пьесы...»

И вечером весть, что приехала я,
В Москве уже многие знали.
В то время несчастные наши мужья
Вниманье Москвы занимали:
Едва огласилось решение суда,
Всем было неловко и жутко,
В салонах Москвы повторялась тогда
Одна ростопчинская шутка:
«В Европе сапожник, чтоб барином стать,
Бунтует,— понятное дело!
У нас революцию сделала знать:
В сапожники, что ль, захотела?..»

И сделалась я «героинею дня».
Не только артисты, поэты —
Вся двинулась знатная наша родня;
Парадные, цугом кареты
Гремели; наудрив свои парики,
Потемкину ровня по летам,
Явились бывшие тузы-старики
С отменно учтивым приветом;
Старушки статс-дамы былого двора
В объятья меня заключали:
«Какое геройство!.. Какая пора!..» —
И в такт головами качали.

Ну, словом, что было в Москве повидней,
Что в ней мимоездом гостило,
Все вечером съехалось к Зине моей:
Артистов тут множество было,
Певцов-итальянцев тут слышала я,
Что были тогда знамениты,
Отца моего сослуживцы, друзья
Тут были, печалью убиты.
Тут были родные ушедших туда,
Куда я сама торопилась,
Писателей группа, любимых тогда,

Со мной дружелюбно простилась:
Тут были Одоевский, Вяземский; был
Поэт вдохновенный и милый,
Поклонник кузины, что рано почил,
Безвременно взятый могилой.

И Пушкин тут был... Я узнала его...
Он другом был нашего детства,
В Юрзуфе ⁷⁾ он жил у отца моего.
В ту пору проказ и кокетства
Смеялись, болтали мы, бегали с ним,
Бросали друг в друга цветами.
Всё наше семейство поехало в Крым,
И Пушкин отправился с нами.
Мы ехали весело. Вот наконец
И горы, и Черное море!
Велел постоять экипажам отец,
Гуляли мы тут на просторе.

Тогда уже был мне шестнадцатый год.
Гибка, высока не по летам,
Покинув семью, я стрелою вперед
Умчалась с курчавым поэтом;
Без шляпки, с распущенной длинной косой;
Полуденным солнцем палима,
Я к морю летела — и был предо мной
Вид южного берега Крыма!
Я радостным взором глядела кругом,
Я прыгала, с морем играла:
Когда удалялся прилив, я бегом
До самой воды добегала,
Когда же прилив возвращался опять
И волны грядой подступали,
От них я спешила назад убежать,
А волны меня настигали!..

И Пушкин смотрел... и смеялся, что я
Ботинки мои промочила.
«Молчите! идет гувернантка моя!» —
Сказала я строго (я скрыла,
Что ноги промокли)... Потом я прочла
В «Онегине» чудные строки ⁸⁾.
Я вспыхнула вся — я довольна была...
Теперь я стара, так далеки
Те красные дни! Я не буду скрывать,

Что Пушкин в то время казался
Влюбленным в меня... но, по правде сказать,
В кого он тогда не влюблялся!
Но, думаю, он не любил никого
Тогда, кроме Музы: едва ли
Не больше любви занимали его
Волненья ее и печали...

Юрзуф живописен: в роскошных садах
Долины его потонули,
У ног его море, вдали Аюдаг...
Татарские хижины льнули
К подножию скал; виноград выбегал
На кручу лозой отягченной,
И тополь местами недвижно стоял
Зеленой и стройной колонной.
Мы заняли дом под нависшей скалой,
Поэт наверху приютился,
Он нам говорил, что доволен судьбой,
Что в море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по дням
И были всегда одиноки,
Он у моря часто бродил по ночам.
По-английски брал он уроки
У Лены, сестры моей: Байрон тогда
Его занимал чрезвычайно.
Случалось сестре перевести иногда
Из Байрона что-нибудь — тайно;
Она мне читала попытки свои,
А после рвала и бросала,
Но Пушкину кто-то сказал из семьи,
Что Лена стихи сочиняла:
Поэт подобрал лоскутки под окном
И вывел всё дело на сцену.
Хваля переводы, он долго потом
Конфузил несчастную Лену...
Окончив занятия, спускался он вниз
И с нами делился досугом;
У самой террасы стоял кипарис,
Поэт называл его другом,
Под ним заставлял его часто рассвет,
Он с ним, уезжая, прощался...
И мне говорили, что Пушкина след
В туземной легенде остался:
«К поэту летал соловей по ночам,

Как в небо луна выплывала,
И вместе с поэтом он пел — и, певцам
Внимая, природа смолкала!
Потом соловей,— повествует народ,—
Летал сюда каждое лето;
И свищет, и плачет, и словно зовет
К забытому другу поэта!
Но умер поэт — прилетать перестал
Пернатый певец... Полный горя,
С тех пор кипарис сиротою стоял,
Внимая лишь ропоту моря...»
Но Пушкин надолго прославил его:
Туристы его навещают,
Садятся под ним и на память с него
Душистые ветки срывают...

Печальна была наша встреча. Поэт
Подавлен был истинным горем.
Припомнил он игры ребяческих лет
В далеком Юрзуфе, над морем.
Покинув привычный насмешливый тон,
С любовью, с тоской бесконечной,
С участием брата напутствовал он
Подругу той жизни беспечной!
Со мной он по комнате долго ходил,
Судьбой озабочен моею,
Я помню, родные, что он говорил,
Да так передать не сумею:
«Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смелым терпением богаты,
Пусть мирно свершится ваш пусть роковой,
Пусть вас не смущают утраты!
Поверьте, душевной такой чистоты
Не стоит сей свет ненавистный!
Блажен, кто меняет его суеты
На подвиг любви бескорыстной!
Что свет? опостылевший всем маскарад!
В нем сердце черствеет и дремлет,
В нем царствует вечный, рассчитанный хлад
И пылкую правду объемлет...

Вражда умирится влияньем годов,
Пред временем рухнет преграда,
И вам возвратятся пенаты отцов
И сени домашнего сада!

Целебно вольется в усталую грудь
Долины наследственной сладость,
Вы гордо оглянете пройденный путь
И снова узнаете радость.

Да, верю! недолго вам горе терпеть,
Гнев царский не будет же вечным...
Но если придется в степи умереть,
Помянут вас словом сердечным:
Пленителен образ отважной жены,
Явившей душевную силу
И в снежных пустынях суровой страны
Сокрывшейся рано в могилу!

Умрете, но ваших страданий рассказ
Поймется живыми сердцами,
И за полночь правнуки ваши о вас
Беседы не кончат с друзьями.
Они им покажут, вздохнув от души,
Черты незабвенные ваши,
И в память прабабки, погибшей в глуши,
Осущатся полные чаши!..
Пускай долговечнее мрамор могил,
Чем крест деревянный в пустыне,
Но мир Долгорукой еще не забыл,
А Бирона нет и в помине.

Но что я?.. Дай бог вам здоровья и сил!
А там и увидеться можно:
Мне царь «Пугачева» писать поручил,
Пугач меня мучит безбожно,
Расправиться с ним я на славу хочу,
Мне быть на Урале придется.
Поеду весной, поскорей захвачу,
Что путного там соберется,
Да к вам и махну, переехав Урал...»

Поэт написал «Пугачева»,
Но в дальние наши снега не попал.
Как мог он сдержать это слово?..

Я слушала музыку, грусти полна,
Я пеню жадно внимала;
Сама я не пела — была я больна,
Я только других умоляла:

«Подумайте: я уезжаю с зарей...
О, пойте же, пойте, играйте!..
Ни музыки я не услышу такой,
Ни песни... Наслушаться дайте!..»

И чудные звуки лились без конца!
Торжественной песней прощальной
Окончился вечер,— не помню лица
Без грусти, без думы печальной!
Черты неподвижных, суровых старух
Утратили холод надменный,
И взор, что, казалось, навеки потух,
Светился слезой умиленной...
Артисты старались себя превзойти,
Не знаю я песни прелестней
Той песни-молитвы о добром пути,
Той благословляющей песни...
О, как вдохновенно играли они!
Как пели!.. и плакали сами...
И каждый сказал мне: «Господь вас храни!»,—
Прощаясь со мной со слезами...

Глава V

Морозно. Дорога бела и гладка,
Ни тучи на всем небосклоне...
Обмерзли усы, борода ямщика,
Дрожит он в своем балахоне.
Спина его, плечи и шапка в снегу,
Хрипит он, коней понукая,
И кашляют кони его на бегу,
Глубоко и трудно вздыхая...

Обычные виды: былая краса
Пустынного русского края,
Угрюмо шумят строевые леса,
Гигантские тени бросая;
Равнины покрыты алмазным ковром;
Деревни в снегу потонули,
Мелькнул на пригорке помещичий дом,
Церковные главы блеснули...

Обычные встречи: обоз без конца,
Толпа богомолок старушек,
Гремящая почта, фигура купца

На груди перин и подушек;
Казенная фура! с десятков подвод:
Навалены ружья и ранцы.
Солдатики! Жидкий, безусый народ,
Должно быть, еще новобранцы;
Сынков провожают отцы-мужики
Да матери, сестры и жены:
«Уводят, уводят сердечных в полки!» —
Доносятся горькие стоны...

Подняв кулаки над спиной ямщика,
Неистово мчится фельдъегерь.
На самой дороге догнав русака,
Усатый помещичий егерь
Махнул через ров на проворном коне,
Добычу у псов отбивает.
Со всей своей свитой стоит в стороне
Помещик — борзых подзывает...

Обычные сцены: на станциях ад —
Ругаются, спорят, толкутся.
«Ну, трогай!» Из окон ребята глядят,
Попы у харчевни дерутся;
У кузницы бьется лошадка в станке;
Выходит весь сажей покрытый
Кузнец с раскаленной подковой в руке:
«Эй, парень, держи ей копыты!..»

В Казани я сделала первый привал,
На жестком диване уснула;
Из окон гостиницы видела бал
И, каюсь, глубоко вздохнула!
Я вспомнила: час или два с небольшим
Осталось до Нового года.
«Счастливые люди! как весело им!
У них и покой, и свобода,
Танцуют, смеются!.. а мне не знать
Веселья... я еду на муки!..»
Не надо бы мыслей таких допускать,
Да молодость, молодость, внуки!

Здесь снова пугали меня Трубецкой,
Что будто ее воротили:
«Но я не боюсь — позволение со мной!»

Часы уже десять пробили,
Пора! я оделась. «Готов ли ямщик?»
— Княгиня, вам лучше дождаться
Рассвета,— заметил смотритель-старик.—
Метель начала подыматься! —
«Ах, то ли придется еще испытать!
Поеду. Скорей, ради бога!..»

Звонит колокольчик, ни зги не видать,
Что дальше, то хуже дорога,
Поталкивать начало сильно в бока,
Какими-то едем грядами,
Не вижу я даже спины ямщика:
Бугор намело между нами.
Чуть-чуть не упала кибитка моя,
Шарахнулась тройка и стала.
Ямщик мой заохал: «Докладывал я:
Пождать бы! дорога пропала!..»

Послала дорогу искать ямщика,
Кибитку рогожей закрыла,
Подумала: верно, уж полночь близка,
Пружинку часов подавила:
Двенадцать ударило! Кончился год,
И новый успел народиться!
Откинув циновку, гляжу я вперед —
По-прежнему вьюга крутится.
Какое ей дело до наших скорбей,
До нашего нового года?
И я равнодушна к тревоге твоей
И к стонам твоим, непогода!
Своя у меня роковая тоска,
И с ней я борюсь одиноко...

Поздравила я моего ямщика.
«Зимовка тут есть недалеко,—
Сказал он,— рассвета дождемся мы в ней!»
Подъехали мы, разбудили
Каких-то убогих лесных сторожей,
Их дымную печь затопили.
Рассказывал ужасы житель лесной,
Да я его сказки забыла...
Согрелись мы чаем. Пора на покой!
Метель всё ужаснее выла.
Лесник покрестился, ночник погасил

И с помощью пасынка Феди
Огромных два камня к дверям привалил,
«Зачем?» — Одолели медведи! —

Потом он улегся на голом полу,
Всё скоро уснуло в сторожке,
Я думала, думала... лежа в углу
На мерзлой и жесткой рогожке...
Сначала веселые были мечты:
Я вспомнила праздники наши,
Огнями горящую залу, цветы,
Подарки, заздравные чаши,
И шумные речи, и ласки... кругом
Всё милое, всё дорогое —
Но где же Сергей?.. И подумав о нем,
Забыла я всё остальное!

Я живо вскочила, как только ямщик
Продрогший в окно постучался.
Чуть свет на дорогу нас вывел лесник,
Но деньги принять отказался.
«Не надо, родная! Бог вас защити,
Дороги-то дальше опасны!»
Крепчали морозы по мере пути
И сделались скоро ужасны.
Совсем я закрыла кибитку мою —
И темно, и страшная скука,
Что делать? Стихи вспоминаю, пою,
Когда-нибудь кончится мука!
Пусть сердце рыдает, пусть ветер ревет
И путь мой заносят метели,
А все-таки я подвигаюсь вперед!
Так ехала я три недели...

Однажды, заслышав какой-то содом,
Циновку мою я открыла,
Взглянула: мы едем обширным селом,
Мне сразу глаза ослепило:
Пылали костры по дороге моей...
Тут были крестьяне, крестьянки,
Солдаты и — целый табун лошадей...
«Здесь станция: ждут серебрянки¹,—

¹ Обоз с серебром. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

Сказал мой ямщик.— Мы увидим ее,
Она, чай, пдет недалече...»

Сибирь выслала богатство свое,
Я рада была этой встрече:
«Дождусь серебрянки! Авось что-нибудь
О муже, о наших узнаю.
При ней офицер, из Нерчинска их путь...»
В харчевне сижу, поджидаю...
Вошел молодой офицер; он курил,
Он мне не кивнул головою,
Он как-то надменно глядел и ходил,
И вот я сказала с тоскою:
«Вы видели, верно... известны ли вам
Те... жертвы декабрьского дела...
Здоровы они? Каково-то им там?
О муже я знать бы хотела...»
Нахально ко мне повернул он лицо —
Черты были злы и суровы —
И, выпустив изо рту дыму кольцо,
Сказал: — Несомненно здоровы,
Но я их не знаю — и знать не хочу,
Я мало ли каторжных видел!..—
Как больно мне было, родные! Молчу...
Несчастный! меня же обидел!..
Я бросила только презрительный взгляд,
С достоинством юноша вышел...
У печки тут грелся какой-то солдат,
Проклятье мое он услышал
И доброе слово — не варварский смех —
Нашел в своем сердце солдатском:
— Здоровы! — сказал он,— я видел их всех,
Живут в руднике Благодатском!..—
Но тут возвратился надменный герой,
Поспешно ушла я в кибитку.
Спасибо, солдатик, спасибо, родной!
Не даром я вынесла пытку!

Поутру на белые степи гляжу,
Послышался звон колокольный,
Тихонько в убогую церковь вхожу,
Смешалась с толпой богомольной.
Отслушав обедню, к попу подошла,
Молебен служить попросила...
Всё было спокойно — толпа не ушла...

Совсем меня горе сломило!
За что мы обижены столько, Христос?
За что поруганьем покрыты?
И реки давно накопившихся слез
Упали на жесткие плиты!
Казалось, народ мою грусть разделял,
Молясь молчаливо и строго,
И голос священника скорбью звучал,
Прося об изгнанниках бога...
Убогий, в пустыне затерянный храм!
В нем плакать мне было не стыдно,
Участье страдальцев, молящихся там;
Убитой душе не обидно...

(Отец Иоанн, что молебен служил
И так непритворно молился,
Потом в каземате священником был
И с нами душой породнился.)

А ночью ямщик не сдержал лошадей,
Гора была страшно крутая,
И я полетела с кибиткой моей
С высокой вершины Алтая!

В Иркутске проделали то же со мной,
Чем там Трубецкую терзали...
Байкал. Переправа — и холод такой,
Что слезы в глазах замерзали.
Потом я рассталась с кибиткой моей
(Пропала санная дорога).
Мне жаль ее было: я плакала в ней
И думала, думала много!

Дорога без снегу — в телеге! Сперва
Телега меня занимала,
Но вскоре потом, ни жива ни мертва,
Я прелесть телеги узнала.
Узнала и голод на этом пути,
К несчастью, мне не сказали,
Что тут ничего невозможно найти,
Тут почту бурята держали.
Говядину вялят на солнце они
Да греются чаем кирпичным!
И тот еще с салом! Господь сохрани
Попробовать вам, непривычным!

Зато под Нерчинском мне задали бал:
Какой-то купец горюватый
В Иркутске заметил меня, обогнал
И в честь мою праздник богатый
Устроил... Спасибо! я рада была
И вкусным пельменям, и бане...
А праздник, как мертвая, весь проспала
В гостиной его на диване...

Не знала я, что впереди меня ждет!
Я утром в Нерчинск прискакала,
Не верю глазам, — Трубецкая идет!
«Догнала тебя я, догнала!»
— *Они в Благодатске!* — Я бросилась к ней,
Счастливые слезы роняя...
В двенадцати только верстах мой Сергей
И Катя со мной Трубецкая!

Глава VI

Кто знал одиночество в дальнем пути,
Чьи спутники — горе да вьюга,
Кому провиденьем дано обрести
В пустыне негаданно друга,
Тот нашу взаимную радость поймет...
— Устала, устала я, Маша! —
«Не плачь, моя бедная Катя! Спасет
Нас дружба и молодость наша!
Нас жребий один неразрывно связал,
Судьба нас равно обманула,
И тот же поток твое счастье умчал,
В котором мое потонуло.
Пойдем же мы об руку трудным путем,
Как шли зеленеющим лугом,
И обе достойно свой крест понесем,
И будем мы сильны друг другом.
Что мы потеряли? подумай, сестра!
Игрушки тщеславья... Не много!
Теперь перед нами дорога добра,
Дорога избранников бога!
Найдем мы униженных, скорбных мужей,
Но будем мы им утешенем,
Мы кротостью нашей смягчим палачей,
Страданье осилим терпеньем.
Опорою гибнущим, слабым, больным

Мы будем в тюрьме ненавистной
И рук не положим, пока не свершим
Обета любви бескорыстной!..
Чиста наша жертва — мы всё отдаем
Избранникам нашим и богу.
И верю я: мы невредимо пройдем
Всю трудную нашу дорогу...»

Природа устала с собой воевать —
День ясный, морозный и тихий.
Снега под Нерчинском явились опять,
В санях покатали мы лихо...
О ссыльных рассказывал русский ямщик
(Он знал их фамилии даже):
— На этих конях я возил их в рудник,
Да только в другом экипаже.
Должно быть, дорога легка им была:
Шутили, смешили друг дружку;
На завтрак ватрушку мне мать испекла,
Так я подарил им ватрушку,
Двугривенный дали — я братъ не хотел:
«Возьми, паренек, пригодится...» —

Болтая, он живо в село прилетел:
— Ну, барыни! где становиться? —
«Вези нас к начальнику прямо в острог».
— Эй, други, не дайте в обиду! —

Начальник был тучен и, кажется, строг,
Спросил, по какому мы виду?
«В Иркутске читали инструкцию нам
И выслать в Нерчинск обещали...»
— Застряла, застряла, голубушка, там! —
«Вот копия, нам ее дали...»
— Что копия? с ней попадешься впросак! —
«Вот царское вам позволение!»
Не знал по-французски упрямый чудак,
Не верил нам, — смех и мученье!
«Вы видите подпись царя: Николай?»
До подписи нет ему дела,
Ему из Нерчинска бумагу подай!
Поехать за ней я хотела,
Но он объявил, что отправится сам
И к утру бумагу добудет.
«Да точно ли?...» — Честное слово! А вам
Полезнее выспаться будет!.. —

И мы добрались до какой-то избы,
О завтрашнем утре мечтая;
С оконцем из слюды, низка, без трубы,
Была наша хата такая,
Что я головою касалась стены,
А в дверь упиралась ногами;
Но мелочи эти нам были смешны,
Не то уж случилось с нами.
Мы вместе! теперь бы легко я снесла
И самые трудные муки...
Проснулась я рано, а Катя спала,
Пошла по деревне от скуки:
Избушки такие ж, как наша, числом
До сотни, в овраге торчали,
А вот и кирпичный с решетками дом!
При нем часовые стояли.
«Не здесь ли преступники?» — Здесь, да ушли. —
«Куда?» — На работу, вестимо! —
Какие-то дети меня повели...
Бежали мы все — нестерпимо
Хотелось мне мужа увидеть скорей,
Он близко! Он шел тут недавно!
«Вы видите их?» — я спросила детей.
— Да, видим! Поют они славно!
Вон дверца... гляди же! Пойдем мы теперь,
Прощай!.. — Убежали ребята...

И словно под землю ведущую дверь
Увидела я — и солдата.
Сурово смотрел часовой, — наголо
В руке его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здесь помогло,
Хоть золото я предлагала!
Быть может, вам хочется дальше читать,
Да просится слово из груди!
Помедлим немного. Хочу я сказать
Спасибо вам, русские люди!
В дороге, в изгнание, где я ни была,
Всё трудное каторги время,
Народ! я бодрее с тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делишь чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,
Твой уж давно там упали!..

Ты любишь несчастного, русский народ!
Страдания нас породнили...
«Вас в каторге самый закон не спасет!» —
На родине мне говорили;
Но добрых людей я встречала и там,
На крайней ступени паденья,
Умели по-своему выразить нам
Преступники дань уваженья;
Меня с неразлучною Катей моей
Довольной улыбкой встречали:
«Вы — ангелы наши!» За наших мужей
Уроки они исполняли.
Не раз мне украдкой давал из полы
Картофель колодник клейменный:
«Покушай! горячий, сейчас из золы!»
Хорош был картофель печеный,
Но грудь и теперь занывает с тоски,
Когда я о нем вспоминаю...
Примите мой низкий поклон, бедняки!
Спасибо вам всем посылаю!
Спасибо!.. Считали свой труд ни во что
Для нас эти люди простые,
Но горечи в чашу не подлил никто,
Никто — из народа, родные!..

Рыданьям моим часовой уступил,
Как бога его я просила!
Светильник (род факела) он засветил,
В какой-то подвал я вступила
И долго спускалась все ниже; потом
Пошла я глухим коридором,
Уступами шел он: темно было в нем
И душно; где плесень узором
Лежала; где тихо струилась вода
И лужами книзу стекала.
Я слышала шорох; земля иногда
Комками со стен упала;
Я видела страшные ямы в стенах;
Казалось, такие ж дороги
От них начинались. Забыла я страх,
Проворно несли меня ноги!

И вдруг я услышала крики: «Куда,
Куда вы? Убиться хотите?
Ходить не позволено дамам туда!

Вернитесь скорей! Погодите!»
Беда моя! видно, дежурный пришел
(Его часовой так боялся),
Кричал он так грозно, так голос был зол,
Шум скорых шагов приближался...
Что делать? Я факел задула. Вперед
Впотьмах наугад побежала...
Господь, коли хочет, везде проведет!
Не знаю, как я не упала,
Как голову я не оставила там!
Судьба берегла меня. Мимо
Ужасных расщелин, провалов и ям
Бог вывел меня невредимо:
Я скоро увидела свет впереди,
Там звездочка словно светилась...
И вылетел радостный крик из груди:
«Огонь». Я крестом осенилась...
Я сбросила шубу... Бегу на огонь,
Как бог уберег во мне душу!
Попавший в трясины испуганный конь
Так рвется, завидевши сушу...

И стало, родные, светлей и светлей!
Увидела я возвышенья:
Какая-то площадь... и тени на ней...
Чу... молот! работа, движенье...
Там люди! Увидят ли только они?
Фигуры отчетливей стали...
Вот ближе, сильней замелькали огни.
Должно быть, меня увидали...
И кто-то стоявший на самом краю
Воскликнул: «Не ангел ли божий?
Смотрите, смотрите!» — Ведь мы не в раю:
Проклятая шахта похожей
На ад! — говорили другие, смеясь,
И быстро на край выбегали,
И я приближалась поспешно. Дивясь,
Недвижно они ожидали.

«Волконская!» — вдруг закричал Трубецкой
(Узнала я голос). Спустили
Мне лестницу; я поднялась стрелой!
Всё люди знакомые были:
Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев,
Борисовы, князь Оболенской...

Потоком сердечных, восторженных слов,
Похвал моей дерзости женской
Была я осыпана; слезы текли
По лицам их, полным участия...
Но где же Сергей мой? «За ним уж пошли,
Не умер бы только от счастья!
Кончает урок: по три пуда руды
Мы в день достаем для России,
Как видите, нас не убили труды!»
Веселые были такие,
Шутили, но я под веселостью их
Печальную повесть читала
(Мне новостью были оковы на них,
Что их закуют — я не знала)...
Известьем о Кате, о милой жене,
Утешила я Трубецкого;
Все письма, по счастью, были при мне,
С приветом из края родного
Спешила я их передать. Между тем
Внизу офицер горячился:
«Кто лестницу принял? Куда и зачем
Смотритель работ отлучился?
Сударыня! Помните слово мое,
Убьетесь!.. Эй, лестницу, черти!
Живей!.. (Но никто не подставил ее...)
Убьетесь, убьетесь до смерти!
Извольте спуститься! да что ж вы?..» Но мы
Всё вглубь уходили... Отвсюду
Бежали к нам мрачные дети тюрьмы,
Дивясь небывалому чуду.
Они пролагали мне путь впереди,
Носилки свои предлагали...

Орудья подземных работ на пути,
Провалы, бугры мы встречали.
Работа кипела под звуки оков,
Под песни, — работа над бездной!
Стучались в упругую грудь рудников
И заступ и молот железный.
Там с ношею узник шагал по бревну,
Невольно кричала я: «Тише!»
Там новую мину вели в глубину,
Там люди карабкались выше
По шатким подпоркам... Какие труды!

Какая отвага!.. Сверкали
Местами добытые глыбы руды
И щедрую дань обещали...

Вдруг кто-то воскликнул: «Идет он! идет!»
Окинув пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись вперед,—
Канавы были перед нами.
«Потише, потише! Ужели затем
Вы тысячи верст пролетели,—
Сказал Трубецкой,— чтоб на горе нам всем
В канаве погибнуть — у цели?»
И за руку крепко меня он держал:
«Что б было, когда б вы упали?»
Сергей торопился, но тихо шагал.
Оковы унылы звучали.
Да, цепи! Палач не забыл никого
(О, мстительный трус и мучитель!),—
Но кроток он был, как избравший его
Орудьем своим испугитель.
Пред ним расступались, молчанье храня,
Рабочие люди и стража...
И вот он увидел, увидел меня!
И руки простер ко мне: «Маша!»
И стал, обессиленный словно, вдали...
Два ссыльных его поддержали.
По бледным щекам его слезы текли,
Простертые руки дрожали...

Душе моей милого голоса звук
Мгновенно послал обновленье,
Отраду, надежду, забвение мук,
Отцовской угрозы забвенья!
И с криком «иду!» я бежала бегом,
Рванув неожиданно руку,
По узкой доске над зияющим рвом
Навстречу призывному звуку...
«Иду!..» Посылало мне ласку свою
Улыбкой лицо испитое...
И я побежала... И душу мою
Наполнило чувство святое.
Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже своем,

Вполне поняла его муки,
И силу его... и готовность страдать!
Невольно пред ним я склонила
Колени, — и прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..

И тихого ангела бог ниспослал
В подземные копи — в мгновение
И говор, и грохот работ замолчал,
И замерло словно движение,
Чужие, свои — со слезами в глазах,
Взволнованы, бледны, суровы —
Стояли кругом. На недвижных ногах
Не издали звука оковы,
И в воздухе поднятый молот застыл...
Все тихо — ни песни, ни речи...
Казалось, что каждый здесь с нами делил
И горечь, и счастье встречи!
Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна.

«Да где же вы все запропали?» —
Вдруг снизу донесся неистовый крик.
Смотритель работ появился.
«Уйдите! — сказал со слезами старик, —
Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забранят!
Начальники люди крутые...»
И словно из рая спустилась я в ад...
И только... и только, родные!
По-русски меня офицер обругал,
Внизу ожидавший в тревоге,
А сверху мне муж по-французски сказал:
«Увидимся, Маша, — в остроге!..»

¹⁾ См. «Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну с Францией, в 1812—1815 годах». С.-Петербург. 1822 года. Часть 3, стр. 30—64. Биография генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского.

²⁾ См. соч. Жуковского, изд. 1849 года, том 1, «Певец во стане русских воинов», стр. 280:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый — грудь против мечей —
С отважными сынами...

Факт, о котором здесь упоминается, в «Деяниях» рассказан следующим образом, часть 3, стр. 52:

«В сражении при Дашкове, когда храбрые Россияне, от чрезвычайного превосходства в силах и ужасного действия артиллерии неприятеля, несколько поколебались, генерал Раевский, зная, сколько личный пример начальника одушевляет подчиненных ему воинов, *взяв за руки двух своих сыновей, не достигших еще двадцатилетнего возраста, бросился с ними вперед на одну неприятельскую батарею, упорствовавшую еще покориться мужеству героев, вскричал: «Вперед, ребята, за царя и отечество! я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь!..»* — и что могло после сего противостоять усилиям и рвению предводимых таким начальником войск! Батарея была тотчас взята».

Этот факт рассказан и у Михайловского-Данилевского (т. I, стр. 329, изд. 1839 года), с тою разницею, что, по рассказу Данилевского, дело происходило не под *Дашковой*, а при *Салтановке*, и при этом случае упомянут подвиг шестнадцатилетнего юнкера, ровесника с Раевским, несшего впереди полка знамя, при переходе через греблю, под убийственным огнем, и когда младший из Раевских (Николай Николаевич) просил у него знамя, под предлогом, что тот устал: «Дайте мне нести знамя», юнкер, не отдавая оного, отвечал: «Я сам умею умирать!» Подлинность всего этого подтверждает и генерал Липранди, заметка которого («Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди») помещена в «Архиве» г. Бартенева (1866 года, стр. 1214).

³⁾ Наша поэма была уже написана, когда мы вспомнили, что генерал Раевский и по возвращении из похода, окончившегося взятием Парижа, продолжал служить. Мы не сочли нужным изменить нашего текста, так как это обстоятельство чисто внешнее; притом Раевский, командовавший корпусом, расположенным близ Киева, под старость, действительно, часто жил в деревне, где, по свидетельству Пушкина, который хорошо знал Н. Н. Раевского и был другом с его сыновьями, занимался, между прочим, домашнею медициною и садоводством. Приводим кстати свидетельство Пушкина о Раевском в одном из писем брату:

«Мой друг, счастливейшие минуты в жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душой; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель екатеринского века, памятник 12-го года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества».

⁴⁾ Зинаида Волконская, урожденная кн. Белосельская, была родственницей нашей героине по муже.

⁵⁾ Quatre Nouvelles. Par M-me La Princesse Zénéide Wolkonsky, née P-sse Béloselsky. Moscou, dans l'imprimerie d'Auguste Semen, 1819.

⁶⁾ См. стихотворения Д. В. Веневитинова, изд. А. Пятковского. СПб., 1862 (Элегия, стр. 96):

«На цвет небес ты долго пагляделась
И цвет небес в очах нам принесла».

Пушкин также посвятил З. В<олконс>кой стихотворение (1827 год), начинающееся стихом:

«Царица муз и красоты» и пр.

⁷⁾ Юрзуф, очаровательный уголок южного берега Крыма, лежит на восточной оконечности южного берега, на пути между Яйлою и Ялтою. Заметим здесь, что во всем нашем рассказе о пребывании Пушкина у Раевского в Юрзуфе не вымыслено нами ни одного слова. Анекдот о шалости Пушкина по поводу переводов Елены Николаевны Раевской рассказан в статье г. Бартечева «Пушкин в Южной России» («Русский архив» 1866 года, стр. 1115). О друге своем кипарисе упоминает сам Пушкин в известном письме к Дельвигу: «В двух шагах от дома рос кипарис; каждое утро я посещал его и привязался к нему чувством, похожим на дружество». Легенда, связавшаяся впоследствии с этим другом Пушкина, рассказана в «Крымских письмах» Евгении Тур («С.-Петербургские ведомости» 1854 года, письмо 5-е) и повторена в упомянутой выше статье г. Бартечева.

⁸⁾ Я помню море пред грозою,
Как я завидовал волнам,
Летевшим дружной чередою
С любовью пасть к ее ногам,
и проч.

(«Онегин» Пушкина)

1871—1872

У Т Р О

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Верю — здесь не страдать мудрено.
С окружающей нас ницетою
Здесь природа сама заодно.

Бесконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрые, сонные галки,
Что сидят на вершине стога;

Эта кляча с крестьянином пьяным,
Через силу бегущая вскачь
В даль, сокрытую синим туманом,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и город богатый:
Те же тучи по небу бегут;
Жутко нервам — железной лопатой
Там теперь мостовую скребут.

Начинается всюду работа;
Возвестили пожар с каланчи;
На позорную площадь кого-то
Провезли — там уж ждут палачи.

Проститутка домой на рассвете
Поспешает, покинув постель;
Офицеры в наемной карете
Скачут за город: будет дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спешат за прилавки засесть:
Целый день им обмеривать нужно,
Чтобы вечером сытно поесть.

Чу! из крепости грянули пушки!
Наводнение столице грозит...
Кто-то умер: на красной подушке
Первой степени Анна лежит.

Дворник вора колотит — попался!
Гонят стадо гусей на убой;
Где-то в верхнем этаже раздался
Выстрел — кто-то покончил с собой...

1872 или 1873

СТРАШНЫЙ ГОД

(1870)

Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы вконец измучили меня!

О, любовь! — где все твои усилия?
Разум! — где плоды твоих трудов?
Жадный пир злодейства и насилья,
Торжество картечи и штыков!

Этот год готовит и для внуков
Семена раздора и войны.
В мире нет святых и кротких звуков,
Нет любви, свободы, тишины!

Где вражда, где трусость роковая,
Мстящая — купаются в крови,
Стон стоит над миром не смолкая;
Только ты, поэзия святая,
Ты молчишь, дочь счастья и любви!

Голос твой, увы, бессилён ныне!
Сгибнет он, не нужный никому,
Как цветок, потерянный в пустыне,
Как звезда, упавшая во тьму.

Прочь, о, прочь! сомненья роковые,
Как прийти могли вы на уста?
Верю, есть ещё сердца живые,
Для кого поэзия свята.

Но гремел, когда они родились,
Тот же гром, ручьями кровь лила;
Эти души кроткие смутились
И, как птицы в бурю, притаились
В ожиданье света и тепла.

Между 1872 и 1874

* * *

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие,
Но разнузданы страсти жестокие.

Вихорь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная.
Всё живое, всё доброе ксится...
Слышно только, о ночь безрассветная!

Среди мрака, тобою разлитого,
Как враги, торжествуя, сбликаются,
Как на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются...

Между 1872 и 1874

ТРИ ЭЛЕГИИ

А. Н. Плещееву

I

Ах! что изгнание, заточенье!
Захочет — выручит судьба!
Что враг! — возможно примиренье,
Возможна равная борьба;

Как гнев его ни беспределен,
Он промахнется в добрый час...
Но той руки удар смертелен,
Которая ласкала нас!..

Один, один!.. А ту, кем полны
Мои ревнивые мечты,
Умчали роковые волны
Пустой и милой суеты.

В ней сердце жаждет жизни новой,
Не сносит горестей оно
И доли трудной и суровой
Со мной не делит уж давно...

И тайна всё: печаль и мұку
Она сокрыла глубоко?
Или решилась на разлуку
Благоразумно и легко?

Кто скажет мне?.. Молчу, скрываю
Мою ревнивую печаль,
И столько счастья ей желаю,
Чтоб было прошлого не жаль!

Что ж, если сбудется желанье?..
О нет! живет в душе моей
Неотразимое сознание,
Что без меня нет счастья ей!

Всё, чем мы в жизни дорожили,
Что было лучшего у нас, —
Мы на один алтарь сложили,
И этот пламень не угас!

У берегов чужого моря,
Вблизи, вдали он ей блеснет
В минуту сиротства и горя,
И — верю я — она придет!

Придет... и, как всегда, стыдлива,
Нетерпелива и горда,
Погупит очи молчаливо.
Тогда... Что я скажу тогда?..

Безумец! для чего тревожишь
Ты сердце бедное свое?
Простить не можешь ты ее —
И не любить ее не можешь!..

II

Бьется сердце беспокойное,
Отуманились глаза.
Дуновенье страсти знойное
Налетело, как гроза.

Вспоминаю очи ясные
Дальней странницы моей,
Повторяю стансы страстные,
Что сложил когда-то ей.

Я зову ее, желанную:
Улетим с тобою вновь
В ту страну обетованную,
Где венчала нас любовь!

Розы там цветут душистее,
Там лазурней небеса,
Соловьи там голосистее,
Густолиственной леса...

III

Разбиты все привязанности, разум
Давно вступил в суровые права,
Гляжу на жизнь неверующим глазом...
Всё кончено! Седеет голова.

Вопрос решен: трудись, пока годишься,
И смерти жди! Она недалеко...
Зачем же ты, о сердце! не миришься
С своей судьбой?.. О чем твоя тоска?..

Непрочно всё, что нами здесь любимо,
Что день — сдаем могиле мертвеца,
Зачем же ты в душе неистребима,
Мечта любви, не знающей конца?..

Усни... умри!..

1874

ПУТЕШЕСТВЕННИК

В городе волки по улицам бродят,
Ловят детей, гувернанток и дам,
Люди естественным это находят,
Сами они подражают волкам.

В городе волки, и волки на даче,
А уж какая их тьма по Руси!
Скоро уж там не останется клячи...
Ехать в деревню?.. Теперь-то? Мерси! ¹

Прусский барон, опоясавши выю
Белым жабо в три вершка ширины,
Ездит один, изучая Россию,
По захолустьям несчастной страны:

«Как у вас хлебушко?» — Нет ни ковриги! —
«Где у вас скот?» — От заразы подох! —
А заикнулся про школу, про книги —
Прочь побежали. — Помилуй нас бог!

Книг нам не надо — неси их к жандару!
В прошлом году у прохожих людей
Мы их купили по гривне за пару,
А натерпелись на тыщу рублей! —

Думает немец: «Уж я не оглох ли?
К школе привешен тяжелый замок,
Нивы посохли, коровы подохли,
Как эти люди заплатят оброк?»

¹ Спасибо (фр.).

«Что наблюдать? что записывать в книжку?» —
В грусти барон сам с собой говорит...
Дай ты им гривну да хлеба коврижку
И наблюдай, немчура, аппетит...

1874

О Т Ъ Е З Ж А Ю Щ Е М У

Даже вполголоса мы не певали,
Мы — горемыки-певцы!
Под берегами мы ведро прождали,
Словно лентяи-пловцы.

Старость подходит — недуги да горе!
Жизнь бесполезно прошла.
Хоть на прощанье в открытое море,
В море царящего зла

Прямо и смело направить бы лодку.—
Сунься-ка!.. Сделаешь шаг,
А на втором перервут тебе глотку!
Друг моей юности (ныне мой враг)!

Я не дивлюсь, что отчизну любезную
Счел ты за лучшее кинуть.
Жить для нее — надо силу железную,
Волю железную — сгинуть.

1874

ГОРЕ СТАРОГО НАУМА

Волжская быль

I

Науму паточный завод
И дворик постоянный
Дают порядочный доход.
Наум — неглупый малый:

Задаром сняв клочок земли,
Крестьянину с охотой
В нужде ссужает он рубли,
А тот плати работой —

Так обращен нагой пустырь
В картофельное поле...
Вблизи — Бабайский монастырь,
Село Большие Соли,

Недалеко и Кострома.
Наум живет — не тужит,
И Волга-матушка сама
Его карману служит.

Питейный дом его стоит
На самом «перекате»;
Как лето Волгу обмелит,
К пустынной этой хате

Тропа знакома бурлакам:
Выходит много «чарки»...
Здесь ходу нет большим судам;
Здесь «паузятся» барки.

Купцы бегут: «Помогу дай!»
Наум купцов встречает,
Мигнет народу: не плошай!
И сам не оплошает...

Кипит работа до утра,
Всё весело, довольно.
Итак, нет худа без добра!
Подумаешь невольню,

Что ты, жалея бедняка,
Мелеешь год от года,
Благословенная река,
Кормилица народа!

II

Люблю я краткой той поры
Случайные тревоги,
И труд, и песни, и костры.
С береговой дороги

Я вижу сотни рук и лиц,
Мелькающих красиво,
А паруса, что крылья птиц,
Колеблются лениво,

А месяц медленно плывет,
А Волга чуть лепечет.
Чу! резко свистнул пароход;
Бежит и искры мечет,

Ущелья темных берегов
Стогласым эхом полны...
Не всё же песням бурлаков
Внимают эти волны.

Я слушал жадно иногда
И тот напев унылый,
Но гул довольного труда
Мне слаще слышать было.

Увы! я дожил до седин,
Но изменился мало.
Иных времен, иных картин
Провижу я начало

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

III

Мечты!.. Я верую в народ,
Хоть знаю: эта вера
К добру покамест не ведет.
Я мог бы для примера

Напомнить лица, имена,
Но это будет смело,
А смелость в наши времена —
Рискованное дело!

Пока над нами не висит
Ни тучки, солнце блещет —
Толпа трусливого клеймит,
Отважным рукоплещет,

Но поднял бурю смелый шаг, —
Она же рада шикать,
Друзья попрячутся, а враг
Спешит беду накликать...

О Русь!

* *
.
.

.
.
.
.

IV

Науму с лишком пятьдесят,
А ни детей, ни женки,
Наум был сердцем суховат,
Любил одни деньжонки.

Он говорил: «Жениться — взять
Обузу! а «сударки»
Еще тошней: и время трать
И деньги на подарки».

Опровергать его речей
Тогда не приходилось,
Хоть, может быть, в груди моей
Иное сердце билось,

Хотя у нас, как лед и зной,
Причины были розны:
«Над одинокой головой
Не так и тучи грозны,

Пускай лентяи и рабы
Идут путем обычным,
Я должен быть своей судьбы
Царем единоличным!»

Я думал гордо. Кто не рад
Оставить миру племя?
Но я родился невпопад —
Лихое было время!

Забыло солнышко светить,
Погас и месяц ясный,
И трудно было отличить
От ночи день ненастный.

Гром непрестанно грохотал,
И вихорь был ужасен,
И человек под ним стоял
Испуган и безгласен.

Был краткий миг: заря зажгла
Роскошно край лазури,
И буря новая пришла
На смену старой бури.

И новым силам новый бой
Готовился... Усталый,
Поник я буйной головой.
Погибли идеалы,

Ушло и время... Места нет
Желанному союзу.
Умру — и мой исчезнет след!
Надежда вся на Музу!

V

Судьба Наума берегла.
По милости господней,
Что год — обширнее дела,
А сам сытей, дородней.

Он говорил: «Чего ж еще?
Хоть плавать я умею,
Купаюсь в Волге по плечо,
Не лезу я по шею!»

Стреляя серых куликов
На отмели песчаной,
Заслышу говор бубенцов
И свист, и топот рьяный,

На кручу выбегу скорей:
Знакомая тележка,
Нарядны гривы у коней,
У седока — усмешка...

Лихая пара! На шлеях
И бляхи и чешуйки.
В личных, высоких сапогах,
В солидной, синей чуйке,

В московском новом картузе,
Сам правя пристяжную,
Наум катит во всей красе.
Увидит — рад душою!

Кричит: «Довольно вам палить,
Пора чайку покушать!..»
Наум любил поговорить,
А я любил послушать.

Закуску, водку, самовар
Вносили по порядку
И Волги драгоценный дар —
Янтарную стерлядку.

Наум усердно предлагал
Рябиновку, вишневку,
А расхोлившись, обивал
«Смоленую головку».

— Ну, как делишки? — «В барыше», —
С улыбкой отвечает.
Разговорившись по душе,
Подробно исчисляет,

Что́ дало в год ему вино
И сколько от завода.
«Накопчено, насолено —
Чай, хватит на три года!

Всё лето занято трудом,
Хлопот по самый ворот.
Придет зима — лежу сурком,
Не то поеду в город.

Начальство — други-кумовья,
Стрясись беда — поправят,
Работы много — свистну я:
Соседи не оставят;

Округа вся в горсти моей,
Казна — надежней цепи:
Уж нет помещичьих крепей,
Мои остались крепь.

Судью за денежки куплю,
Умилостивлю бога...»
(Русак природный — во хмелю
Он был хвастлив немного...)

VI

Полвека прожил так Наум
И не тужил нимало,
Работал в нем житейский ум,
А сердце мирно спало.

Встречаясь с ним, я вспоминал
Невольно дуб красивый
В моем саду: там сети ткал
Паук трудолюбивый.

С утра спускался он не раз
По тонкой паутинке,
Как по канату водолаз,
К какой-нибудь личинке,

То комара подстерегал
И жадно влек в объятья,
А победав, продолжал
Обычные занятия.

И вывел, точно напоказ,
Паук мой паутину.
Какая ткань! Какой запас
На черную годину!

Там мошек целые стада
Нашли себе могилы,
Попали бабочки туда —
Летуны пестрокрылы;

Его сосед, другой паук,
Качался там, замучен,
А мой — отъелся вон из рук!
Доволен, гладок, тучен,

То мирно дремлет в уголку,
То мухою закусит...
Живется славно пауку:
Не тужит и не трусит!

С Наумом я давно знаком;
Еще как был моложе,
Наума с этим пауком
Я сравнивал... И что же?

Уж округлился капитал,
В купцы бы надо вскоре,
А человек затосковал!
Пришло к Науму горе...

VII

Сидел он поздно у ворот,
В расчеты погруженный;
Последний свистнул пароход
На Волге полусонной,

И потянулись на покой
И человек и птица.
Зашли к Науму той порой
Молодчик да девица:

У Тани русая коса
И голубые очи,
У Вани вьются волоса.
«Укрой от темной ночи!»

— А самоварчик надо греть? —
«Пожалуй...» Ни минутки
Не могут гости посидеть:
У них и смех, и шутки,

Задеть друг дружку норовят
Ногой, рукой, плечами,
И так глядят... и так шалят,
Чуть отвернись, губами!

То вспыхнет личико у ней,
То белое как сливки...
Поели гости калачей,
Отведали наливки:

«Теперь уснем мы до утра,
У вас покой, приволье!»
— А кто вы? — «Братец и сестра,
Идем на богомолье».

Он думал: «Врет! поди сманил
Купеческую дочку!
Да что мне? Лишь бы заплатил!
Пускай ночуют ночку».

Он им подушек пару дал:
«Уснете на диване».
И доброй ночи пожелал
И молодцу, и Тане.

В своей каморке на часах
Поддернул кверху гири
И утонул в пуховиках...
Проснулся: бьет четыре,

Еще темно; во рту горит.
Кваску ему желалось,
Да квас-то в горнице стоит,
Где парочка осталась.

«Жаль! не пришло вчера на ум!
Да я пройду тихонько,
Добуду! (думает Наум)
Чай спят они крепонько,

Не скоро их бы разбудил
Теперь и конский топот...»
Но только дверь приотворил,
Услышал тихий шепот:

«Покурим, Ваня!» — говорит
Молодчику девица.
И спичка чиркнула — горит...
Увидел он их лица:

Красиво Ванино лицо,
Красивее у Тани!
Рука, согнутая в кольцо,
Лежит на шее Вани,

Нагая, полная рука!
У Тани грудь открыта,
Как жар горит одна щека,
Косой другая скрыта,

Еще он видел на лету,
Как встретились их очи.
И вновь на юную чету
Спустился полог ночи.

Назад тихонько он ушел,
И с той поры Наума
Не узнают: он вечно зол,
Сидит один угрюмо,

Или пойдет бродить окрест
И к ночи лишь вернется,
Соленых рыжиков не ест,
И чай ему не пьется.

Забыл наливки настоять
Душистой поленикой.
Хозяйство стало упадать —
Грозит урон великой!

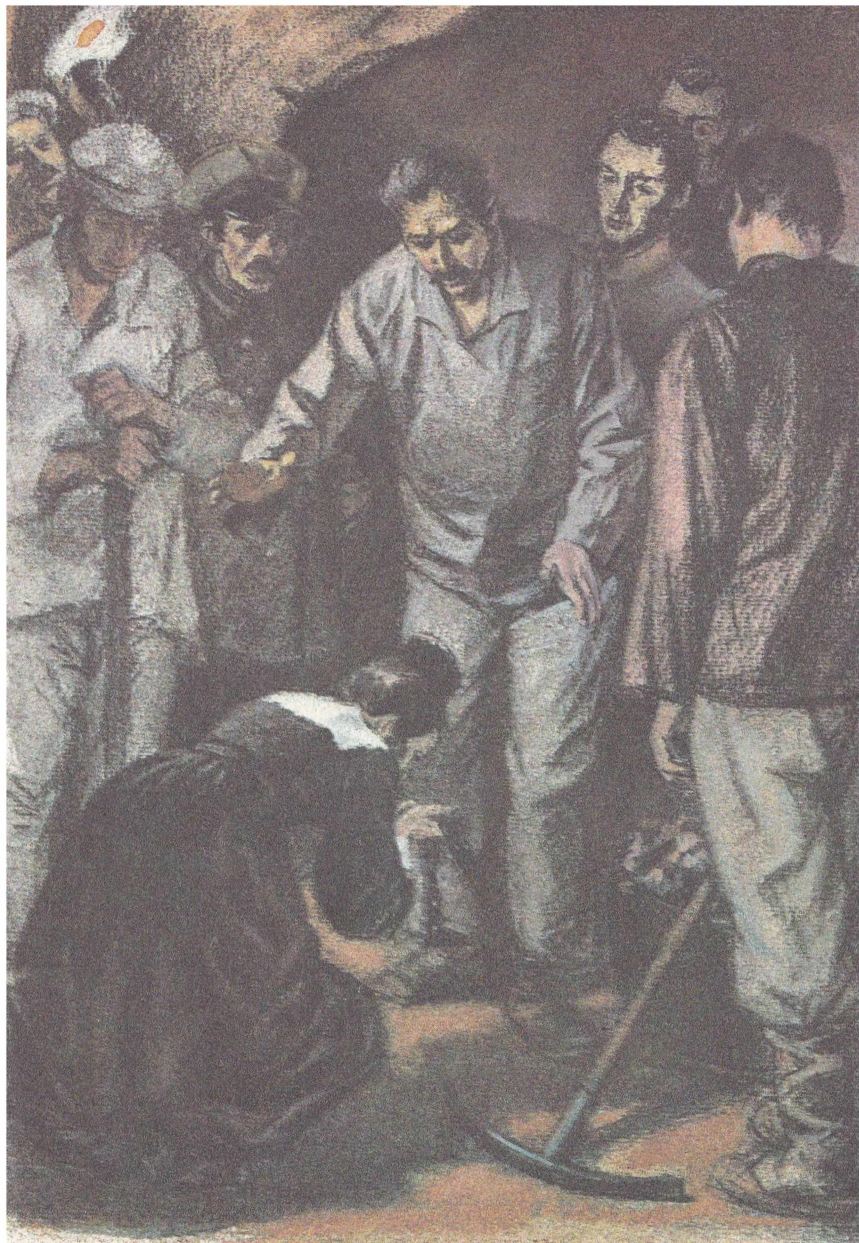
На счетах спутался не раз,
Хоть счетчик был отменный...
Две пары глаз, блаженных глаз,
Горят пред ним бессменно!

«Я сладко пил, я сладко ел,—
Он думает уныло,—
А кто мне в очи так смотрел?..»
И всё ему постыло...

1874

«Русские женщины»

«Русские женщины»

ЭЛЕГИЯ

А. Н. Е<рако>ву

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна.
Не верьте, юноши! не стареет она.
О, если бы ее могли состарить годы!
Процвел бы божий мир!.. Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет Муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза!..
Толпе напоминать, что бедствует народ
В то время, как она ликует и поет,
К народу возбуждать вниманье сильных мира —
Чему достойнее служить могла бы лира?..

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...
Я видел красный день: в России нет раба!
И слезы сладкие я пролил в умиление...
«Довольно ликовать в наивном увлеченье,—
Шепнула Муза мне.— Пора идти вперед.
Народ освобожден, но счастлив ли народ?..»

Внимаю ль песни жниц над жатвой золотою,
Старик ли медленный шагает за сохою,
Бежит ли по лугу, играя и свистя,
С отцовским завтраком довольное дитя,
Сверкают ли серпы, звенят ли дружно косы —
Ответа я ищу на тайные вопросы,
Кипящие в уме: «В последние года
Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долготу пришедшая на смену
Свобода, наконец, внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?..»

Уж вечер настает. Волнуемый мечтами,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,

Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
И песнь сама собой слагается в уме,
Недавних, тайных дум живое воплощенье:
На сельские труды зову благословенье,
Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю,
И песнь моя громка!.. Ей вторят доли, нивы
И это дальних гор ей шлет свои отзвуки,
И лес откликнулся... Природа внимлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта,
Увы! не внимлет он — и не дает ответа...

1874

ПРОРОК

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенней и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!»

Так мыслит он — и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.

1874

ПОЭТУ

(Памяти Шиллера)

Где вы — певцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Век «крови и меча»!
На трон земли ты посадил банкира,
Провозгласил героем палача...

Толпа гласит: «Певцы не нужны веку!»
И нет певцов... Замолкло божество...
О, кто ж теперь напомним человеку
Высокое призвание его?..

Прости слепцам, художник вдохновенный,
И возвратись!.. Волшебный факел свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвети над гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
Наш падший дух взнеси на высоту,
Чтоб человек не мертвыми очами
Мог созерцать добро и красоту...

Казни корысть, убийство, святотатство!
Сорви венцы с предательских голов,
Увлечших мир с пути любви и братства,
Стяжанного усилиями веков,

На путь вражды!.. В его дела и чувства
Гармонию внести лишь можешь ты.
В твоей груди, гонимый жрец искусства,
Трон истины, любви и красоты.

1874

* * *

Скоро стану добычею тленья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжал;
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

Узы дружбы, союзов сердечных —
Всё порвалось: мне с детства судьба
Посылала врагов долговечных,
А друзей уносила борьба.

Песни вещице их не допеты,
Пали жертвой насилья, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

1874

КАК ПРАЗДНУЮТ ТРУСУ

Время-то есть, да писать нет возможности.
Мысль убивающий страх:
Не перейти бы границ осторожности —
Голову держит в тисках!

Утром мы наше село посещали,
Где я родился и взрос.
Сердце, подвластное старой печали,
Сжалось; в уме шевельнулся вопрос:

Новое время — свободы, движенья,
Земства, железных путей.
Что ж я не вижу следов обновленья
В бедной отчизне моей?

Те же напевы, тоску наводящие,
С детства знакомые нам,
И о терпении новом молящие
Те же попы по церквам.

В жизни крестьянина, ныне свободного,
Бедность, невежество, мрак.
Где же ты, тайна довольства народного?
Ворон в ответ мне прокаркал: «Дурак!»

Я обругал его грубо невежею.
На телеграфную нить
Он пересел. «Не донос ли депешкою
Хочет в столицу пустить?»

Глупая мысль, но я, долго не думая,
Метко прицелился. Выстрел гремит:
Падает замертво птица угрюмая,
Нить телеграфа дрожит...

1876

ПРАЗДНОМУ ЮНОШЕ

Что сидишь ты сложа руки?
Ты окончил курс науки,
Любишь русский край,

Остроумно, интересно
Говоришь ты, мыслишь честно...
Что же? Начинай!

Иль тебе всё мелко, низко?
Или ждешь труда — без риска?
Времена не те!

В наши дни одним шпионам
Безопасно, как воронам
В городской черте.

1876 (?)

З И Н Е

Ты еще на жизнь имеешь право,
Быстро я иду к закату дней.
Я умру — моя померкнет слава,
Не дивись — и не тужи о ней!

Знай, дитя: ей долгим, ярким светом
Не гореть на имени моем, —
Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживет...

1876

* * *

Угомонись, моя Муза задорная,
Сил нет работать тебе.
Родина милая, Русь святая, просторная,
Вновь заплатила судьбе...

Похорони меня с честью, разбитого
Недугом тяжким и злым.
Моего века, тревожно прожитого,
Словом не вспомни лихим.

Верь, что во мне необъятно безмерная
Крылась к народу любовь
И что застынет во мне теперь верная,
Чистая, русская кровь.

Много, я знаю, найдется радетелей,
Все обо мне прокричат,
Жаль только, мало таких благодетелей,
Что погрустят да смолчат.

Много истратят задора горячего
Все над могилой моей.
Родина милая, сына лежачего
Благослови, а не бей!..

.
.
Как человека забудь меня частного,
Но как поэта — суди...

И не боюсь я суда того строгого.
Чист пред тобою я, мать.
В том лишь виновен, что многого, многого
Здесь мне не дали сказать,

1876

З И Н Е

Двести уж дней,
Двести ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днем
В сердце твоём
Стоны мои отзываются,
Двести уж дней,
Двести ночей!

Темные зимние дни,
Ясные зимние ночи...
Зина! закрой утомленные очи!
Зина! усни!

1876

С Е Я Т Е Л Я М

Сеятель знания на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную,
Худы ль твои семена?
Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна!
Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами,
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупицами,
Двиньте вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

1876

М О Л Е Б Е Н

Холодно, голодно в нашем селении.
Утро печальное — сырость, туман,
Колокол глухо гудит в отдалении,
В церковь зовет прихожан.
Что-то суровое, строгое, властное
Слышится в звоне глухом,
В церкви провел я то утро ненастное —
И не забуду о нем.
Всё население, старо и молодо,
С плачем поклоны кладет,
О прекращении лютого голода
Молится жарко народ.
Редко я в нем настроение строже
И сокрушенней видал!
«Милуй народ и друзей его, боже! —
Сам я невольно шептал.—
Внемли моление наше сердечное
О послуживших ему,

Об осужденных в изгнание вечное,
О заточенных в тюрьму,
О претерпевших борьбу многолетнюю
И устоявших в борьбе,
Слышавших рабскую песню последнюю,
Молимся, боже, тебе».

1876

ДРУЗЬЯМ

Я примирился с судьбой неизбежною,
Нет ни охоты, ни силы терпеть
Невыносимую мѹку кромешную!
Жадно желаю скорей умереть.

Вам же — не праздно, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапты народные
К ней проторили пути...

1876

ВСТУПЛЕНИЕ

К ПЕСНЯМ 1876—77 ГОДОВ

Нет! не поможет мне аптека,
Ни мудрость опытных врачей:
Зачем же мучить человека?
О небо! смерть пошли скорей!

Друзья притворно безмятежны,
Угрюм мой верный черный пес,
Глаза жены сурово-нежны:
Сейчас я пытку перенес.

Пока недуг молчит, не гложет,
Я тешусь странною мечтой,
Что потолок спуститься может
На грудь могильною плитой.

Легко бы с жизнью я расстался,
Без долгих мук... Прости, покой!
Как ураган недуг примчался:
Не ложе — иглы подо мной.

Борюсь с мучительным педугом,
Борюсь — до скрежета зубов...
О Муза! ты была мне другом,
Приди на мой последний зов!

Уж я знавал такие грозы;
Ты силу чудную дала,
В колючий терн вплетая розы,
Ты пытку вынести помогла.

Могучей силой вдохновенья
Страданья тела победы,
Любви, негодованья, мщенья
Зажги огонь в моей груди!

Крылатых грез толпой воздушной
Воображенье насели
И от моей могилы душевной
Надгробный камень отвали!

1876

Т<У Р Г Е Н Е>В У

Мы вышли вместе... Наобум
Я шел во мраке ночи,
А ты... уж светел был твой ум,
И зорки были очи.

Ты знал, что ночь, глухая ночь
Всю нашу жизнь продлится,
И не ушел ты с поля прочь,
И стал ты честно биться.

Ты как поденщик выходил
До света на работу.
В глаза ты правду говорил
Могучему деспоту.

Во лжи дремать ты не давал,
Клеймя и проклиная,
И маску дерзостно срывал
С глупца и негодяя.

И что же? луч едва блеснул
Сомнительного света,
Молва гласит, что ты задул
Свой факел... ждешь рассвета!

Наивно стал ты охранять
Спокойствие невежды —
И начал сам в душе питать
Какие-то надежды.

На пылкость юношей ворча,
Ты глохнешь год от года
И к свисту буйного бшча,
И к ропоту народа.

В среде всеобщей пустоты,
Всеобщего растленья
Какого смысла ищешь ты,
Какого примиренья?

Щадишь ты важного глупца,
Безвредного ласкаешь
И на идущих до конца
Походы замышляешь.

Кому назначено орлом
Парить над русским миром,
Быть русских юношей вождем
И русских дев кумиром,

Кто не робел в огонь идти
За страждущего брата,
Тому с тернистого пути
Покамест нет возврата!

Непримиримый враг цепей
И верный друг народа!
До дна святую чашу пей —
На дне ее — свобода!

1861—1877

СТАРОСТЬ

Просит отдыха слабое тело,
Душу тайная жажда томит.
Горько ты, стариковское дело!
Жизнь смеется,— в глаза говорит:

Не лелей никаких упований,
Перед разумом сердце смири,
В созерцанье народных страданий
И в сознание бессилья — умри...

1876 или 1877

ПРИГОВОР

«...Вы в своей земле благословенной
Парии — не знает вас народ,
Светский круг, бездушный и надменный,
Вас презреньем хладным обдает.

И звучит бесцельно ваша лира,
Вы певцами темной стороны —
На любовь, на уважение мира
Не стяжавшей права — рождены!..»

Камень в сердце русское бросая,
Так о нас весь Запад говорит.
Заступись, страна моя родная!
Дай отпор!.. Но родина молчит...

1877

* * *

Дни идут... всё так же воздух душен,
Дряхлый мир — на роковом пути...
Человек — до ужаса бездушен,
Слабому спасенья не найти!

Но... молчи, во гневе справедливом!
Ни людей, ни века не кляни:
Волю дав лирическим порывам,
Изойдешь слезами в наши дни...

1877

Есть и Руси чем гордиться,
С пею не шути,
Только славным поклониться —
Далеко идти!

Вестминстерское аббатство
Родины твоей —
Край подземного богатства
Снеговых степей...

1877

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вам, мой труд ценившим и любившим,
Вам, ко мне участие сохранившим
В черный год, нависший надо мной,
Посвящаю труд последний мой!

Я примеру русского народа
Верен: *«в горе жить —
Некручинну быть»* —
И, большой работая полгода,
Я трудом смягчаю мой недуг:
Ты не будешь строг, читатель-друг!

1877

ЗИНЕ

Пододвигь перо, бумагу, книги!
Милый друг! Легенду я слышал:
Пали с плеч подвижника вериги,
И подвижник мертвый пал!

Помогай же мне трудиться, Зина!
Труд всегда меня животворил.
Вот еще красивая картина —
Запиши, пока я не забыл!

Да не плачь украдкой! — Верь надежде,
Смейся, пой, как пела ты весной,
Повторяй друзьям моим, как прежде,
Каждый стих, записанный тобой.

Говори, что ты довольна другом:
В торжестве одержанных побед
Над своим мучителем недугом
Позабыл о смерти твой поэт!

1877

БАЮШКИ - БАЮ

Непобедимое страданье,
Неумолимая тоска...
Влечет, как жертву на закланье,
Недуга черная рука.
Где ты, о Муза! Пой, как прежде!
«Нет больше песен, мрак в очах;
Сказать: умрем! конец надежде!
Я прибрела на костылях!»

Костыль ли, заступ ли могильный
Стучит... смолкает... и затих...
И нет ее, моей всемогущей,
И изменил поэту стих.
Но перед ночью непробудной
Я не один... Чу! голос чудный!
То голос матери родной:
«Пора с полуденного зноя!
Пора, пора под сень покоя;
Усни, усни, касатик мой!
Прийми трудов венец желанный,
Уж ты не раб — ты царь венчанный;
Ничто не властно над тобой!

Не страшен гроб, я с ним знакома;
Не бойся молнии и грома,
Не бойся цепи и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы,
Ни человеческого стога,
Ни человеческой слезы.

Усни, страдалец терпеливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!

Еще вчера людская злоба
Тебе обиду нанесла;
Всему конец, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый,
Ты заплатил ей дань живой,
Не бойся стужи нестерпимой:
Я схороню тебя весной.

Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...
Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой,
Баю-баю-баю-баю!..»

1877

* * *

Черный день! Как нищий просит хлеба,
Смерти, смерти я прошу у неба,
Я прошу ее у докторов,
У друзей, врагов и цензоров,
Я взываю к русскому народу:
Коли можешь, выручай!
Окуни меня в живую воду,
Или мертвой в меру дай.

1877

Т Ы Н Е З А Б Ы Т А...

«Я была вчера еще полезна
Ближнему — теперь уж не могу!
Смерть одна желанна и любезна —
Пулю я недаром берегу...»

Вот и всё, что ты нам завещала,
Да еще узнали мы потом,
Что давно ты бедным отдавала,
Что добыть умела ты трудом.

Поп труслив — боится, не хоронит;
Убедить его мы не могли.
Мы в овраг, где горько ветер стонет,
На руках покойницу снесли.

Схоронив, мы камень обтесали,
Утвердили прямо на гробу
И на камне четко написали
Жизнь и смерть, и всю твою судьбу.

И твои останки людям милы,
И укор, и поученье в пих...
Нужны нам великие могилы,
Если нет величия в живых...

1877

О С Е Н Ъ

Прежде — праздник деревенский,
Нынче — осень голодна;
Нет конца печали женской,
Не до пива и вина.
С воскресенья почтой бредит
Православный наш народ,
По субботам в город едет,
Ходит, просит, узнает:
Кто убит, кто ранен летом,
Кто пропал, кого нашли?
По каким-то лазаретам
Уцелевших развезли?
Так ли жутко! Свод небесный
Темен в полдень, как в ночи;
Не сидится в хате тесной,
Не ложится на печи.
Сыт, согрелся, слава богу,
Только спать бы! Нет, не спишь,
Так и тянет на дорогу,
Ни за что не улежишь.
И бойка ж у нас дорога!
Так увечных возят много,
Что за ними на бугре,
Как проносятся вагоны,
Человеческие стоны
Ясно слышны на заре.

1877

С О Н

Мне снилось: на утесе стоя,
Я в море броситься хотел,
Вдруг ангел света и покоя
Мне песню чудную запел:
«Дождись весны! Приду я рано,
Скажу: будь снова человек!
Сниму с главы покров тумана
И сон с отяжелелых век;
И Музе возвращу я голос,
И вновь блаженные часы
Ты обретешь, собирая колос
С своей несжатой полосы».

1877

* * *

Великое чувство! У каждой дверей,
В какой стороне ни заедем,
Мы слышим, как дети зовут матерей,
Далеких, но рвущихся к детям.
Великое чувство! Его до конца
Мы живо в душе сохраняем,—
Мы любим сестру, и жену, и отца,
Но в муках мы мать вспоминаем!

1877

ПОДРАЖАНИЕ ШИЛЛЕРУ

1

СУЩНОСТЬ

Если в душе твоей ясны
Типы добра и любви,
В мире все темы прекрасны,
Музу смелее зови.
Муза тебя посетила:
Смутно блуждает твой взор!
В первом наитии сила!
Брось начатой разговор.

ФОРМА

Форме дай щедрую дань
Временем: важен в поэме
Стиль, отвечающий теме.
Стих, как монету, чекань
Строго, отчетливо, честно,
Правилу следуй упорно:
Чтобы словам было тесно,
Мыслям — просторно.

1877

* * *

О Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба —
Не плачь! завиден жребий наш,
Не наругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу...

1877

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож,
Сошлись — и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядячи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...

Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова

Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеяли,
Что думают прохожие —
Знать, клад нашли ребятушки
И делят меж собой...
По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два брата Губины
Так просто с недоуздочком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале — то скорей.
Идут — перекоряются!
Кричат — не образумятся!
А времечко не ждет.

За спором не заметили,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б ночьку целую
Так шли — куда не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы на ночь гляючи
Надумали идти?..»

Спросила, засмеялася,
Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь...

«Куда?..» — Переглянулись
Тут наши мужики,

Стоят, молчат, потупились...
Уж ночь давно сошла,
Зажглися звезды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные
Дорогу перерезали
Ретивым ходакам.
Ой тени! тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Вас только, тени черные,
Нельзя поймать — обнять!

На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,
Глядел — умом раскидывал
И молвил наконец:

«Ну! леший шутку славную
Над нами подшутил!
Никак ведь мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться —
Устали, не дойдем,
Присядем, — делать нечего,
До солнца отдохнем!..»

Свалив беду на лешего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
Зажгли костер, сложились,
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили,
Бересты понадрав.
Приспела скоро водочка,
Приспела и закусочка —
Пируют мужички!
Косушки по три выпили,
Поели — и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Роман кричит: помещику,
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: попу;

Кудчине толстопузому,—
Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров кричит: царю!

Забрало пуще прежнего
Задорных мужиков,
Ругательски ругаются,
Не мудрено, что вцепятся
Друг другу в волоса...

Гляди — уж и вцепился!
Роман тузит Пахомушку,
Демьян тузит Луку.
А два братана Губины
Утюжат Прова дюжего,—
И всяк свое кричит!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.
Царю! — направо слышится,
Налево отзывается:
Попу! попу! попу!
Весь лес переполошился,
С летающими птицами,
Зверьями быстроногими
И гадами ползущими,—
И стон, и рев, и гул!

Всех прежде зайка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил, как встрепанный,
И наутек пошел!
За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка,

Где птенчик? — не найдет!
Потом кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать;
Раз десять принималася,
Да всякий раз сбивалася
И начинала вновь...
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Подавишься ты колосом —
Не будешь куковать!¹
Слетелися семь филинов,
Любуются побоищем
С семи больших дерев,
Хохочут, полуночники!
А их глазищи желтые
Горят, как воску ярого
Четырнадцать свечей!
И ворон, птица умная,
Приспел, сидит на дереве
У самого костра,
Сидит да черту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,
Что с вечера отбилася
От стада, чуть послышала
Людские голоса —
Пришла к костру, устала
Глаза на мужиков,
Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычит корова глухая,
Пищат галчата малые,
Кричат ребята буйные,
А эхо вторит всем.
Ему одна заботушка —
Честных людей поддразнивать,
Пугать ребят и баб!
Никто его не видывал,

¹ Кукушка перестает куковать, когда заколосится хлеб («подавившись колосом», говорит народ). (Примеч. Н. А. Некрасова.)

А слышать всякий слыхивал,
Без тела — а живет оно,
Без языка — кричит!

Сова — замоскворецкая
Княгиня — тут же мычется,
Летает над крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крылом...

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему,
Подкралась к мужикам,
Послушала, послушала
И прочь пошла, подумавши:
«И черт их не поймет!»
И вправду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили —
О чем они шумят...

Намяв бока порядочно
Друг другу, образумились
Крестьяне наконец,
Из лужицы напилися,
Умылись, освежилися,
Сон начал их кренить...

Тем часом птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
К костру подобрался.
Поймал его Пахомушка,
Поднес к огню, разглядывал
И молвил: «Пташка малая,
А ноготок востер!
Дыхну — с ладони скатисься,
Чихну — в огонь укатисься,
Щелкну — мертва покатисься,
А всё ж ты, пташка малая,
Сильнее мужика!
Окрепнут скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои нам крылышки,
Всё царство облетим,

Посмотрим, поразведем,
Поспросим — и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?»

«Не надо бы и крылышек,
Кабы нам только хлебушка
По полупуду в день,—
И так бы мы Русь-матушку
Ногами перемеряли!» —
Сказал угрюмый Пров.

«Да по ведру бы водочки»,—
Прибавили охочие
До водки брата Губины,
Иван и Митродор.

«Да утром бы огурчиков
Соленых по десяточку»,—
Шутили мужики.

«А в полдень бы по жбанчику
Холодного кваску».

«А вечером по чайничку
Горячего чайку...»

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пеночка
Над ними: всё прослушала
И села у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человеческим голосом
Пахому говорит:

«Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малого
Я выкуп дам большой».

— А что ты дашь? —

«Дам хлебушка

По полупуду в день,
Дам водки по ведерочку,
Поутру дам огурчиков.
А в полдень квасу кислого,
А вечером чайку!»

— А где, пичуга малая,—
Спросили братья Губины,—
Найдешь вина и хлебушка
Ты на семь мужиков? —

«Найти — найдете сами вы,
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти».

— Скажи! —

«Идите по лесу,
Против столба тридцатого
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоят на той поляночке
Две старые сосны,
Под этими под соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее, —
Коробка та волшебная:
В ней скатерть самобранная,
Когда ни пожелаете,
Накормит, напоит!
Тихонько только молвите:
*«Эй! скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!»*
По вашему хотению,
По моему велению,
Всё явится тотчас.
Теперь — пустите птенчика!»

— Постой! мы люди бедные,
Идем в дорогу дальнюю,—
Ответил ей Пахом.—
Ты, вижу, птица мудрая,
Уважь — одёжу старую
На нас заворижи! —

— Чтоб армяки мужицкие
Носились, не сносились! —
Потребовал Роман.

— Чтоб липовые лапотки
Служили, не разбились,—
Потребовал Демьян.

— Чтоб вошь, блоха паскудная
В рубахах не плодилася,—
Потребовал Лука.

— Не прели бы онученьки...—
Потребовали Губины...

А птичка им в ответ:
«Всё скатерть самобранная
Чинить, стирать, просушивать
Вам будет... Ну, пусти!..»

Раскрыв ладонь широкую,
Пахом птенца пустил.
Пустил — и птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
Направился к дуплу.
За ним взвилася пеночка
И на лету прибавила:
«Смотрите, чур, одно!
Съестного сколько вынесет
Утроба — то и спрашивай,
А водки можно требовать
В день ровно по ведру.
Коли вы больше спросите,
И раз и два — исполнится
По вашему желанию,
А в третий быть беде!»

И улетела пеночка
С своим родимым птенчиком,
А мужики гуськом
К дороге потянулись
Искать столба тридцатого.
Нашли! — Молчком идут
Прямехонько, вернехонько
По лесу по дремучему,
Считают каждый шаг.
И как версту отмеряли,
Увидели поляночку —
Стоят на той поляночке
Две старые сосны...

Крестьяне покопались,
Достали ту коробочку,
Открыли — и нашли
Ту скатерть самобранную!
Нашли и разом вскрикнули:
«Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!»

Глядь — скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.

«А что же нет огурчиков?»

«Что нет чайку горячего?»

«Что нет кваску холодного?»

Всё появилось вдруг...

Крестьяне распоясались,
У скатерти уселися,
Пошел тут пир горой!
На радости целуются,
Друг дружке обещаются
Вперед не драться зря,
А с толком дело спорное
По разуму, по-божески,
На чести повести —
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут,
Покуда не доведает
Как ни на есть доподлинно:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Зарок такой поставивши,
Под утро как убитые
Заснули мужики...

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далеко протянулася,
Песчана и глуха.
По сторонам дороженьки
Идут холмы пологие
С полями, с сенокосами,
А чаще с неудобною,
Заброшенной землей;
Стоят деревни старые,
Стоят деревни новые,
У речек, у прудов...
Леса, дуга поемные,
Ручьи и реки русские
Весною хороши.
Но вы, поля весенние!
На ваши всходы бедные
Невесело глядеть!
«Недаром в зиму долгую
(Толкуют наши странники)
Снег каждый день валил.
Пришла весна — сказался снег!
Он смирен до поры:
Летит — молчит, лежит — молчит,
Когда умрет, тогда ревет.
Вода — куда ни глянь!
Поля совсем затоплены,
Навоз возить — дороги нет,
А время уж не раннее —
Подходит месяц май!»
Нелюбо и на старые,
Больней того на новые
Деревни им глядеть.
Ой избы, избы новые!
Нарядны вы, да строит вас
Не лишняя копейка,
А кровная беда!..

С утра встречались странникам
Всё больше люди малые:
Свой брат крестьянин-лапотник,

Мастеровые, нищие,
Солдаты, ямщики.
У нищих, у солдатиков
Не спрашивали странники,
Как им — легко ли, трудно ли
Живется на Руси?
Солдаты шилом бреются,
Солдаты дымом греются,—
Какое счастье тут?..

Уж день клонился к вечеру,
Идут путем-дорогою,
Навстречу едет поп.
Крестьяне сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились в ряд
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священник поднял голову,
Глядел, глазами спрашивал:
Чего они хотят?

«Небось! мы не грабители!» —
Сказал попу Лука.
(Лука — мужик присадистый
С широкой бородищею,
Упрям, речист и глуп.
Лука похож на мельницу:
Одним не птица мельница,
Что, как ни машет крыльями,
Небось, не полетит.)

«Мы мужики степенные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Окольных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож.
Идем по делу важному:
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,

Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово верное
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По совести, по разуму,
По правде отвечать,
Не то с своей заботушкой
К другому мы пойдем...»

— Даю вам слово верное:
Коли вы дело спросите,
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать,
Аминь!..—

«Спасибо. Слушай же!

Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
А я сказал: попу.
Купчине толстопузому,—
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее отудова
Не выбьешь: как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подрались,
Подравшись — одумали:
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,

Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведем
Как ни на есть доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?
Скажи ж ты нам по-божески:
Сладка ли жизнь поповская?
Ты как — вольготно, счастливо
Живешь, честной отец?..»

Потутился, задумался,
В тележке сидя, поп
И молвил: — Православные!
Роптать на бога грех,
Несу мой крест с терпением,
Живу... а как? Послушайте!
Скажу вам правду-истину,
А вы крестьянским разумом
Смекайте! —
«Начинай!»

— В чем счастье, по-вашему?
Покой, богатство, честь —
Не так ли, други милые?—

Они сказали: «Так»...

— Теперь посмотрим, братия,
Каков попу *покой*?
Начать, признаться, надо бы
Почти с рожденья самого,
Как достается грамота
Поповскому сынку,
Какой ценой поповичем
Священство покупается,
Да лучше помолчим!

.
.

Дороги наши трудные,
Приход у нас большой.
Болящий, умирающий,

Рождающийся в мир
Не избирают времени:
В жнитво и в сенокос,
В глухую ночь осеннюю,
Зимой, в морозы лютые,
И в половодье вешнее —
Иди куда зовут!
Идешь безотговорочно.
И пусть бы только косточки
Ломались одни,—
Нет! всякий раз намается,
Переболит душа.
Не верьте, православные,
Привычке есть предел:
Нет сердца, выносящего
Без некоего трепета
Предсмертное хрипение,
Надгробное рыдание,
Сиротскую печаль!
Аминь!.. Теперь подумайте,
Каков попу покой?..—

Крестьяне мало думали.
Дав отдохнуть священнику,
Они с поклоном молвили:
«Что скажешь нам еще?»

— Теперь посмотрим, братия,
Каков попу *почет*?
Задача щекотливая,
Не прогневить бы вас?..

Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребьячьей?
Чур! отвечать на спрос! —

Крестьяне позамялися,
Молчат — и поп молчит...

— С кем встречи вы боитесь,
Идя путем-дорогою?
Чур! отвечать на спрос! —

«Кому на Руси жить хорошо»

«Кому на Руси жить хорошо»

Кряхтят, переминаются,
Молчат!

— О ком слагаете
Вы сказки балагурные,
И песни непристойные,
И всякую хулу?..

Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого —
Как чувствуете вы?
Кому вдогон, как мерину,
Кричите: го-го-го?..—

Потупились ребяташки,
Молчат — и поп молчит...
Крестьяне думу думали,
А поп широкой шляпою
В лицо себе помахивал
Да на небо глядел.
Весной, что внуки малые,
С румяным солнцем-дедушкой
Играют облака:
Вот правая сторонushка
Одной сплошную тучею
Покрылась — затуманилась,
Стемнела и заплакала:
Рядами нити серые
Повисли до земли.
А ближе, над крестьянами,
Из небольших, разорванных,
Веселых облачков
Смеется солнце красное,
Как девка из снопов.
Но туча передвинулась,
Поп шляпой накрывается,
Быть сильному дождю.
А правая сторонushка
Уже светла и радостна,
Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо божие:
Там с золотыми нитками
Развешаны мотки...

«Не сами... по родителям
Мы так-то...» — братья Губины
Сказали наконец.
И прочие поддакнули:
«Не сами, по родителям!»
А поп сказал: — Аминь!
Простите, православные!
Не в осуждение ближнего,
А по желанью вашему
Я правду вам сказал.
Таков почет священнику
В крестьянстве. А помещики...—

«Ты мимо их, помещиков!
Известны нам они!»

— Теперь посмотрим, братия,
Откудова *богачество*
Поповское идет?..
Во время недалекое
Империя российская
Дворянскими усадьбами
Была полным-полна.
И жили там помещики,
Владельцы именитые,
Каких теперь уж нет!
Плодились и множились
И нам давали жить.
Что свадеб там игралось,
Что деток нарождалось
На даровых хлебах!
Хоть часто крутонравные,
Однако добротные
То были господа,
Прихода не чуждались:
У нас они венчались,
У нас крестили детушек,
К нам приходили каяться,
Мы отпевали их.
А если и случалось,
Что жил помещик в городе,
Так умирать на верное
В деревню приезжал.

Если умрет нечаянно,
И тут накажет накрепко
В приходе схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колеснице траурной
В шесть лошадей наследники
Покойника везут —
Попу поправка добрая,
Мирянам праздник праздником...
А ныне уж не то!
Как племя иудейское,
Рассеялись помещики
По дальней чужеземщине
И по Руси родной.
Теперь уж не до гордости
Лежать в родном владении
Рядком с отцами, с дедами,
Да и владенья многие
Барышникам пошли.
Ой холеные косточки
Российские, дворянские!
Где вы не позакопаны?
В какой земле вас нет?

Потом, статья... раскольники...
Не грешен, не живился я
С раскольников ничем.
По счастью, нужды не было:
В моем приходе числится
Живущих в православии
Две трети прихожан.
А есть такие волости,
Где сплошь почти раскольники,
Так тут как быть попу?

Всё в мире переменчиво,
Прейдет и самый мир...
Законы, прежде строгие
К раскольникам, смягчились,
А с ними и поповскому
Доходу мат пришел.
Перевелись помещики,
В усадьбах не живут они

И умирать на старости
Уже не едут к нам.
Богатые помещицы,
Старушки богомольные,
Которые повымерли,
Которые пристроились
Вблизи монастырей.
Никто теперь подрясника
Попу не подарит!
Никто не вышьет воздухов...
Живи с одних крестьян,
Сбирай мирские гривенки,
Да пироги по праздникам,
Да яйца о святой.
Крестьянин сам нуждается,
И рад бы дал, да нечего...

А то еще не всякому
И мил крестьянский грош.
Угоды наши скудные,
Пески, болота, мхи,
Скотинка ходит впроголодь,
Родится хлеб сам-друг,
А если и раздобрится
Сыра земля-кормилица,
Так новая беда:
Деваться с хлебом некуда!
Припрет нужда, продашь его
За сущую безделицу,
А там — неурожай!
Тогда плати втридубога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!
Грозит беда великая
И в нынешнем году:
Зима стояла лютая,
Весна стоит дождливая,
Давно бы сеять надобно,
А на полях — вода!
Умилосердись, господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса!¹

¹ Крутая радуга — к вёдру; пологая — к дождю. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

(Сняв шляпу, пастырь крестится,
И слушатели тож.)

Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вечные,
Господь, прибавь им сил!
С таких трудов копейками
Живиться тяжело!
Случается, к недужному
Придешь: не умирающий,
Страшна семья крестьянская
В тот час, как ей приходится
Кормильца потерять!
Напутствуешь усопшего
И поддержать в оставшихся
По мере сил стараешься
Дух бодр! А тут к тебе
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется с костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переверотится,
Как звякнут в этой рученьке
Два медных пятака!
Конечно, дело чистое —
За требу воздаяние,
Не брать — так нечем жить,
Да слово утешения
Замрет на языке,
И словно как обиженный
Уйдешь домой... Аминь...—

Покончил речь — и мершна
Хлестнул легонько поп.
Крестьяне расступились,
Низенько поклонились,
Конь медленно побрел.
А шестеро товарищей,
Как будто сговорились,
Накинулись с упреками,

С отборной крупной руганью
На бедного Луку.

«Что, взял? башка упрямая!
Дубина деревенская!
Туда же лезет в спор!
«Дворяне колокольные —
Попы живут по-княжески.
Идут под небо самое
Поповы терема,
Гудит попова вотчина —
Колокола горластые —
На целый божий мир.
Три года я, робятушки,
Жил у попа в работниках,
Малина — не житье!
Попова каша — с маслицем,
Попов пирог — с начинкою,
Поповы щи — с сметком!
Жена попова толстая,
Попова дочка белая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Как колокол гудет!»
Ну, вот тебе хваленое
Поповское житье!
Чего орал, куражился?
На драку лез, анафема?
Не тем ли думал взять,
Что борода лопатую?
Так с бородой козел
Гулял по свету ранее,
Чем праотец Адам,
А дураком считается
И посейчас козел!..»

Лука стоял, помалчивал,
Боялся, не наклали бы
Товарищи в бока.
Оно быть так и сталося,
Да, к счастью крестьянина,
Дорога позагнулася —
Лицо попово строгое
Явилось на бугре...

Глава II
СЕЛЬСКАЯ ЯРМОНКА

Недаром наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину
И ранняя и дружная,
А тут — хоть волком вой!
Не греет землю солнышко,
И облака дождливые,
Как дойные коровушки,
Идут по небесам.
Согнало снег, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одевается
Зеленым ярким бархатом
И, как мертвец без савана,
Лежит под небом пасмурным
Печальна и нага.

Жаль бедного крестьянина,
А пуще жаль скотинушку;
Скормив запасы скудные,
Хозяин хворостиною
Прогнал ее в луга,
А что там взять? Чернехонько!
Лишь на Николу вешнего
Погода поуставилась,
Зеленой свежей травушкой
Полакомился скот.

День жаркий. Под березками
Крестьяне пробираются,
Гуторят меж собой:
«Идем одной деревнею,
Идем другой — пустехонько!
А день сегодня праздничный,
Куда пропал народ?..»
Идут селом — на улице
Одни ребята малые,
В домах — старухи старые,

А то и вовсе заперты
Калитки на замок.
Замок — собачка верная:
Не лает, не кусается,
А не пускает в дом!

Прошли село, увидели
В зеленой раме зеркало:
С краями полный пруд.
Над прудом реют ласточки;
Какие-то комарики,
Проворные и тощие,
Вприпрыжку, словно посуху,
Гуляют по воде.
По берегам, в раakitнике,
Коростели скрыпят.
На длинном, шатком плотике
С вальком поповна толстая
Стоит, как стог подципаный,
Подтыкавши подол.
На этом же на плотике
Спит уточка с утятами...
Чу! лошадиный храп!
Крестьяне разом глянули
И над водой увидели
Две головы: мужицкую,
Курчавую и смуглую,
С серьгой (мигало солнышко
На белой той серьге),
Другую — лошадиную
С веревкой сажень в пять.
Мужик берет веревку в рот,
Мужик плывет — и конь плывет,
Мужик заржал — и конь заржал.
Плывут, орут! Под бабою,
Под малыми утятами
Плот ходит ходенем.

Догнал коня — за холку хватъ!
Вскочил и на луг выехал
Детина: тело белое,
А шея как смола;
Вода ручьями катится
С коня и с седока.

«А что у вас в селении
Ни старого, ни малого,
Как вымер весь народ?»
— Ушли в село Кузьминское,
Сегодня там и ярмонка
И праздник храмовой. —
«А далеко Кузьминское?»

— Да будет версты три. —

«Пойдем в село Кузьминское,
Посмотрим праздник-ярмонку!» —
Решили мужики,
А про себя подумали:
«Не там ли он скрывается,
Кто счастливо живет?..»

Кузьминское богатое,
А пуще того — грязное
Торговое село.
По косогору тянется,
Потом в овраг спускается,
А там опять на горочку —
Как грязи тут не быть?
Две церкви в нем старинные,
Одна старообрядская,
Другая православная,
Дом с надписью: училище,
Пустой, забитый наглухо,
Изба в одно окошечко,
С изображеньем фельдшера,
Пускающего кровь.
Есть грязная гостиница,
Украшенная вывеской
(С большим носатым чайником
Поднос в руках подносчика,
И маленькими чашками,
Как гусыня гусятами,
Тот чайник окружен),
Есть лавки постоянные
Вподобие уездного
Гостиного двора...

Пришли на площадь странники:
Товару много всякого

И видимо-невидимо
Народу! Не потеха ли?
Кажись, нет ходу крестного,
А, словно пред иконами,
Без шапок мужики.
Такая уж сторушкa!
Гляди, куда деваются
Крестьянские шлыки:
Помимо складу винного,
Харчевни, ресторации,
Десятка штофных лавочек,
Трех постоянных двориков,
Да «ренского погреба»,
Да пары кабаков,
Одиннадцать кабачников
Для праздника поставили
Палатки на селе.
При каждой пять подносчиков;
Подносчики — молодчики,
Наметанные, дошлые,
А всё им не поспеть,
Со сдачей не управиться!
Гляди, что протянулося
Крестьянских рук, со шляпами,
С платками, с рукавицами.
Ой, жажда православная,
Куда ты велика!
Лишь окатить бы душеньку,
А там добудут шапочки,
Как отойдет базар.

По пьяным по головушкам
Играет солнце вешнее...
Хмельно, горласто, празднично,
Пестро, красно кругом!
Штаны на парнях плисовы,
Жилетки полосатые,
Рубахи всех цветов;
На бабах платья красные,
У девок косы с лентами,
Лебедками плывут!
А есть еще затейницы,
Одеты по-столичному —
И ширится, и дуется
Подол на обручах!

Заступишь — расфуфырятся!
Вольно же, новомодницы,
Вам снасти рыболовные
Под юбками носить!
На баб нарядных гляючи,
Старообрядка злющая
Товарке говорит:
«Быть голоду! быть голоду!
Дивись, что всходы вымокли,
Что половодье вешнее
Стоит до Петрова!
С тех пор, как бабы начали
Рядиться в ситцы красные, —
Леса не поднимаются,
А хлеба хоть не сей!»

— Да чем же ситцы красные
Тут провинились, матушка?
Ума не приложу! —

«А ситцы те французские —
Собачьей кровью крашены!
Ну... поняла теперь?..»

По конной потолкались,
По взгорью, где навалены
Косули, грабли, бороны,
Багры, станки тележные,
Ободья, топоры.
Там шла торговля бойкая,
С божбою, с прибаутками,
С здоровым, громким хохотом.
И как не хохотать?
Мужик какой-то крохотный
Ходил, ободья пробовал:
Погнул один — не нравится,
Погнул другой, потужился,
А обод как распрямится —
Щелк по лбу мужика!
Мужик ревет над ободом,
«Вязовую дубиною»
Ругает драчуна.
Другой приехал с разною
Поделкой деревянною —
И вывалил весь воз!

Пьяненок! Ось сломалася,
А стал ее уделывать —
Топор сломал! Раздумался
Мужик над топором,
Бранит его, корит его,
Как будто дело делает:
«Подлец ты, не топор!
Пустую службу, плеваю
И ту не сослужил.
Всю жизнь свою ты кланялся,
А ласков не бывал!»

Пошли по лавкам странники:
Любуются платочками,
Ивановскими ситцами,
Шляями, новой обувью,
Издельем кимряков.
У той сапожной лавочки
Опять смеются странники.
Тут башмачки козловые
Дед внучке торговал,
Пять раз про цену спрашивал,
Вертел в руках, оглядывал:
Товар первейший сорт!
«Ну, дядя! два другривенных
Плати, не то проваливай!» —
Сказал ему купец.
— А ты постой! — Любуется
Старик ботинкой крохотной,
Такую держит речь:
— Мне зять — плевать, и дочь смолчит,
Жена — плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль! Повесилась
На шею, егоза:
«Купи гостинчик, дедушка,
Купи!» — Головкой шелковой
Лицо щекочет, ластится,
Целует старика.
Постой, ползунья босая!
Постой, юла! Козловые
Ботиночки куплю..
Расхвастался Вавилушка,
И старому и малому
Подарков насулил,
А пропился до грошика!

Как я глаза бесстыжие
Домашним покажу?..

Мне зять — плевать, и дочь смолчит,
Жена — плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль!.. — Пошел опять
Про внучку! Убивается!..

Народ собрался, слушает,
Не смеючись, жалеючи;
Случись, работой, хлебушком
Ему бы помогли,
А вынуть два двугривенных —
Так сам ни с чем останешься.
Да был тут человек,
Павлуша Веретенников
(Какого роду, звания,
Не знали мужики,
Однако звали «барином».
Горазд он был балясничать,
Носил рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги;
Пел складно песни русские
И слушать их любил.
Его видали многие
На постоялых двориках,
В харчевнях, в кабаках),
Так он Вавилу выручил —
Купил ему ботиночки.
Вавило их схватил
И был таков! — На радости
Спасибо даже барину
Забыл сказать старик,
Зато крестьяне прочие
Так были разутешены,
Так рады, словно каждого
Он подарил рублем!
Была тут также лавочка
С картинками и книгами,
Офени запасались
Своим товаром в ней.
«А генералов надобно?» —
Спросил их купчик-выжига.
— И генералов дай!

Да только ты по совести,
Чтоб были настоящие —
Потолще, погрозней.—

«Чудные! как вы смотрите! —
Сказал купец с усмешкою,—
Тут дело не в комплекции...»

— А в чем же? шутишь, друг!
Дрянь, что ли, сбыть желательно?
А мы куда с ней денемся?
Шалишь! Перед крестьянином
Все генералы равные,
Как шишки на ели:
Чтобы продать плюгавого,
Попасть на доку надобно,
А толстого да грозного
Я всякому всучу...
Давай больших, осанистых,
Грудь с гору, глаз навывкате,
Да чтобы больше звезд!» —

«А статских не желаете?»
— Ну, вот еще со статскими! —
(Однако взяли — дешево! —
Какого-то сановника
За брюхо с бочку винную
И за семнадцать звезд.)
Купец — со всем почтением,
Что любо, тем и потчует
(С Лубянки — первый вор!) —
Спустил по сотне Блюхера,
Архимандрита Фотия,
Разбойника Сипко,
Сбыл книги: «Шут Балакирев»
И «Английский милорд»...
Легли в коробку книжечки,
Пошли гулять портретики
По царству всероссийскому,
Покамест не пристроятся
В крестьянской летней горенке,
На невысокой стеночке...
Черт знает для чего!

Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глушого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой люди, люди русские!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать...

«И рад бы в рай, да дверь-то где?» —
Такая речь врывается
В лавчонку неожиданно.
— Тебе какую дверь? —
«Да в балаган. Чу! музыка!..»
— Пойдем, я укажу! —

Про балаган прослышавши,
Пошли и наши странники
Послушать, поглазеть.

Комедию с Петрушкой,
С козою с барабанщицей
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой
Смотрели тут они.
Комедия не мудрая,
Однако и не глупая,
Хожалому, квартальному
Не в бровь, а прямо в глаз!
Шалаш полным-полнехонек,
Народ орешки щелкает,
А то два-три крестьянина
Словечком перекинутся —

Гляди, явилась водочка:
Посмотрят да попьют!
Хохочут, утешаются
И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

Такие есть любители —
Как кончится комедия,
За ширмочки пойдут,
Целуются, братаются,
Гуторят с музыкантами:
«Откуда, молодцы?»
— А были мы господские,
Играли на помещика,
Теперь мы люди вольные,
Кто поднесет-попотчует,
Тот нам и господин! —

«И дело, други милые,
Довольно бар вы тешили,
Потешьте мужиков!
Эй! малой! сладкой водочки!
Наливки! чаю! полпива!
Цимлянского — живей!..»

И море разливанное
Пойдет, щедрее барского
Ребятку угостят.

Не ветры веют буйные,
Не мать-земля колышется —
Шумит, поет, ругается,
Качается, валяется,
Дерется и целуется
У праздника народ!
Крестьянам показалось,
Как вышли на пригорочек,
Что всё село шатается,
Что даже церковь старую
С высокой колокольнею
Шатнуло раз-другой! —
Тут трезвому, что голому,

Неловко... Наши странники
Прошлись еще по площади
И к вечеру покинули
Бурливое село...

Г л а в а III

пьяная ночь

Не ригой, не амбарами,
Не кабаком, не мельницей,
Как часто на Руси,
Село кончалось низеньким
Бревенчатым строением
С железными решетками
В окошках небольших.
За тем этапным зданием
Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Открылась тут как тут.
По будням малолюдная,
Печальная и тихая,
Не та она теперь!

По всей по той дороженьке
И по окольным тропочкам,
Докуда глаз хватал,
Ползли, лежали, ехали,
Барахтались пьяные
И стоном стон стоял!

Скрыпят телеги грузные,
И, как телячьи головы,
Качаются, мотаются
Победные головушки
Уснувших мужиков!

Народ идет — и падает,
Как будто из-за валиков
Картечью неприятели
Палят по мужикам!

Ночь тихая спускается,
Уж вышла в небо темное

Луна, уж пишет грамоту
Господь червонным золотом
По синему по бархату,
Ту грамоту мудреную,
Которой ни разумникам,
Ни глупым не прочесть.

Дорога стоголосая
Гудит! Что море синее,
Смолкает, подымается
Народная молва.

«А мы полтинник писарю:
Прошенье изготовили
К начальнику губернии...»

«Эй! с возу куль упал!»

«Куда же ты, Оленушка?
Постой! еще дам пряничка,
Ты, как блоха проворная,
Наелась — и упрыгнула,
Погладить не далась!»

«Добра ты, царска грамота,
Да не при нас ты писана...»

«Посторонись, народ!»
(Акцизные чиновники
С бубенчиками, с бляхами
С базара пронеслись.)

«А я к тому теперича:
И веник дрянь, Иван Ильич,
А погуляет по полу,
Куда как напылит!»

«Избави бог, Парашенька,
Ты в Питер не ходи!
Такие есть чиновники,
Ты день у них кухаркою,
А ночь у них сударкою —
Так это наплевать!»

«Куда ты скачешь, Саввушка?»
(Кричит священник сотскому
Верхом, с казенной бляхою.)
— В Кузьминское скачу
За становым. Оказия:
Там впереди крестьянина
Убили...— «Эх!.. грехи!..»

«Худа ты стала, Дарьюшка!»
— Не веретенце, друг!
Вот то, чем больше вертится,
Пузатее становится,
А я как день-деньской...—

«Эй, парень, парень глупенький,
Оборванной, паршивенькой,
Эй, полюби меня!
Меня, простоволосую,
Хмельную бабу, старую,
Зааа-паааа-чканную!..»

Крестьяне наши трезвые,
Поглядывая, слушая,
Идут своим путем.

Средь самой средь дороженьки
Какой-то парень тихонький
Большую яму выкопал.
«Что делаешь ты тут?»
— А хороню я матушку! —
«Дурак! какая матушка!
Гляди: поддевку новую
Ты в землю закопал!
Иди скорей да хрюкалом
В канаву ляг, воды испей!
Авось, соскочит дурь!»

«А ну, давай потянемся!»

Садятся два крестьянина,
Ногами упираются,
И жилиются, и тужатся,
Кряхтят — на скалке тянутся,
Суставчики трещат!

На скалке не понравилось:
«Давай теперь попробуем
Тянуться бородой!»
Когда порядком бороды
Друг дружке поубавили,
Вцепились за скулы!
Пыхтят, краснеют, корчатся,
Мычат, визжат, а тянутся!
«Да будет вам, проклятые!
Не разольешь водой!»

В канаве бабы ссорятся,
Одна кричит: «Домой идти
Тошнее, чем на каторгу!»
Другая: — Врешь, в моем дому
Похуже твоего!
Мне старший зять ребро сломал,
Середний зять клубок украл,
Клубок — плевок, да дело в том —
Полтинник был замотан в нем,
А младший зять всё нож берет,
Того гляди убьет, убьет!.. —

«Ну, полно, полно, миленькой!
Ну, не сердись! — за валиком
Неподалеку слышится. —
Я ничего... пойдём!»
Такая ночь бедовая!
Направо ли, налево ли
С дороги поглядишь:
Идут друженько парочки,
Не к той ли роще правятся?
Та роща манит всякого,
В той роще голосистые
Соловушки поют...

Дорога многолюдная
Что позже — безобразнее:
Всё чаще попадаются
Избитые, ползущие,
Лежащие пластом.
Без ругани, как водится,
Словечко не промолвится,
Шальная, непотребная,
Слышней всего она!

У кабаков смятение,
Подводы перепутались,
Испуганные лошади
Без седоков бегут;
Тут плачут дети малые,
Тоскуют жены, матери:
Легко ли из питейного
Дозваться мужиков?..

У столбика дорожного
Знакомый голос слышится,
Подходят наши странники
И видят: Веретенников
(Что башмачки козловые
Вавиле подарил)
Беседует с крестьянами.
Крестьяне открываются
Миляге по душе:
Похвалит Павел песенку —
Пять раз споют, записывай!
Понравится пословица —
Пословицу пиши!
Позаписав достаточно,
Сказал им Веретенников:
«Умны крестьяне русские,
Одно нехорошо,
Что пьют до одурения,
Во рвы, в канавы валяются —
Обидно поглядеть!»

Крестьяне речь ту слушали,
Поддакивали барину.
Павлуша что-то в книжечку
Хотел уже писать,
Да выискался пьяненький
Мужик, — он против барина
На животе лежал,
В глаза ему поглядывал,
Помалчивал — да вдруг
Как вскочит! Прямо к барину —
Хвать карандаш из рук!
— Постой, башка порожня!
Шальных вестей, бессовестных
Про нас не разноси!
Чему ты позавидовал!

Что веселится бедная
Крестьянская душа?
Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем,
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас.
По деревням ты хаживал?
Возьмем ведерко с водкою,
Пойдем-ка по избám:
В одной, в другой навалятся,
А в третьей не притронутся —
У нас на семью пьющую
Непьющая семья!
Не пьют, а так же маются,
Уж лучше б пили, глупые,
Да совесть такова...
Чудно смотреть, как ввалится
В такую íзбу трезвую
Мужицкая беда,—
И не глядел бы!.. Видывал
В страду деревни русские?
В питейном, что ль, народ?
У нас поля обширные,
А не гораздо щедрые,
Скажи-ка, чьей рукой
С весны они оденутся,
А осенью разденутся?
Встречал ты мужика
После работы вечером?
На пожне гору добрую
Поставил, съел с горошину:
«Эй! богатырь! соломинкой
Сшибу, посторонись!»

Сладка еда крестьянская,
Весь век пила железная
Жует, а есть не ест!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на еду не плачемся...
Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!
А есть еще губитель-тать
Четвертый, злей татарина,

Так тот и не поделится,
Всё слопаёт один!
У нас пристал третьеводни
Такой же барин плохонький,
Как ты, из-под Москвы.
Записывает песенки,
Скажи ему пословицу,
Загадку загаши.
А был другой — допытывал,
На сколько в день сработаешь,
По малу ли, по многу ли
Кусков пихаешь в рот?
Иной угодня меряет,
Иной в селенье жителей
По пальцам перечтет,
А вот не сосчитали же,
По сколько в лето каждое
Пожар пускает на ветер
Крестьянского труда?..

Нет меры хмелю русскому.
А горе наше меряли?
Работе мера есть?
Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?
Мужик беды не меряет,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет,
Так неужли над чаркою
Задуматься, что с лишнего
В канаву угодишь?
А что глядеть зазорно вам,
Как пьяные валяются,
Так погляди поди,
Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое,
Скосивши, волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская
По кочкам, по зажоринам

Ползком ползет с плетюхами,—
Трещит крестьянский пуп!

Под солнышком без шапочек,
В поту, в грязи по макушку,
Осокою изрезаны,
Болотным гадом-мошкой
Изъеденные в кровь,—
Небось мы тут красивее?

Жалеть — жалея умеючи,
На мерочку господскую
Крестьянина не мерь!
Не белоручки нежные,
А люди мы великие
В работе и в гульбе!..

У каждого крестьянина
Душа что туча черная —
Гнева, грозна, — и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,
А всё вином кончается.
Пошла по жилам чарочка —
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тут надобно,
Гляди кругом — возрадуйся!
Ай парни, ай молодушки,
Умеют погулять!
Повымахали косточки,
Повымотали душеньку,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли!..—
Мужик стоял на валике,
Притопывал лаптишками
И, помолчав минуточку,
Прибавил громким голосом,
Любуясь на веселую,
Ревущую толпу:
— Эй! царство ты мужицкое,
Бешапочное, пьяное,
Шуми — вольней шуми!..—

«Как звать тебя, старинушка?»

— А что? запишешь в книжечку?
Пожалуй, нужды нет!
Пиши: «В деревне Босове
Яким Нагой живет,
Он до смерти работает,
До полусмерти пьет!..» —

Крестьяне рассмеялись
И рассказали барину,
Каков мужик Яким.

Яким, старик убогонький,
Живал когда-то в Питере,
Да угодил в тюрьму:
С купцом тягаться вздумалось!
Как липочка ободранный,
Вернулся он на родину
И за соху взялся.
С тех пор лет тридцать жарится
На полосе под солнышком,
Под бороной спасается
От частого дождя,
Живет — с сохою возится,
А смерть придет Якимушке —
Как ком земли отвалится,
Что па сохе присох...

С ним случай был: картиночек
Он сыну накупил,
Развешал их по стеночкам
И сам не меньше мальчика
Любил на них глядеть.
Пришла немилость божия,
Деревня загорелась —
А было у Якимушки
За целый век накоплено
Целковых тридцать пять.
Скорей бы взять целковые,
А он сперва картиночки
Стал со стены срывать;
Жена его тем временем
С иконами возилася,
А тут изба и рухнула —
Так оплошал Яким!
Слились в комок целковики,

За тот комок дают ему
Одиннадцать рублей...
«Ой брат Яким! недешево
Картинки обошлись!
Зато и в избу новую
Повесил их, небось?»
— Повесил — есть и новые,—
Сказал Яким — и смолк.

Вгляделся барин в пахаря:
Грудь впалая; как вдавленный
Живот; у глаз, у рта
Излучины, как трещины
На высохшей земле;
И сам на землю-матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный,
Кирпичное лицо,
Рука — кора древесная,
А волосы — песок.

Крестьяне, как заметили,
Что не обидны барину
Якимовы слова,
И сами согласились
С Якимом: — Слово верное:
Нам подобает пить!
Пьем — значит, силу чувствуем!
Придет печаль великая,
Как перестанем пить!..
Работа не свалила бы,
Беда не одолела бы,
Нас хмель не одолит!
Не так ли? —

«Да, бог милостив!»

— Ну, выпей с нами чарочку! —

Достали водки, выпили.
Якиму Веретенников
Два шкалика поднес.

— Ай барин! не прогневался,
Разумная головушка!
(Сказал ему Яким.)

Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свиньи ходят по́ земи —
Не видят неба век!..—

Вдруг песня хором грянула
Удалая, согласная:
Десятка три молодчиков,
Хмельненьки, а не валятся,
Идут рядком, поют,
Поют про Волгу-матушку,
Про удаль молодецкую,
Про девичью красу.
Притихла вся дороженька,
Одна та песня складная
Широко, вольно катится,
Как рожь под ветром стелется,
По сердцу по крестьянскому
Идет огнем-тоской!..
Под песню ту удалую
Раздумалась, расплакалась
Молодушка одна:
«Мой век — что день без солнышка,
Мой век — что ночь без месяца,
А я, млада-младешенька,
Что борзый конь на привязи,
Что ласточка без крыл!
Мой старый муж, ревнивый муж,
Напился пьян, храпом храпит,
Меня, младу-младешеньку,
И сонный сторожит!»
Так плакалась молодушка
Да с возу вдруг и спрыгнула!
«Куда?» — кричит ревнивый муж,
Привстал — и бабу за косу,
Как редьку за вихор!

Ой! ночка, ночка пьяная!
Не светлая, а звездная,
Не жаркая, а с ласковым
Весенним ветерком!
И нашим добрым молодцам
Ты даром не прошла!
Струстнулось им по женушкам,

Оно и правда: с женушкой
Теперь бы веселей!
Иван кричит: «Я спать хочу»,
А Марьюшка: — И я с тобой! —
Иван кричит: «Постель узка!»,
А Марьюшка: — Уляжемся! —
Иван кричит: «Ой, холодно»,
А Марьюшка: — Угреемся! —
Как вспомнили ту песенку,
Без слова — согласились
Ларец свой попытать.

Одна — зачем, бог ведает,
Меж полем и дорогою
Густая липа выросла.
Под ней присели странники
И осторожно молвили:
«Эй! скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков!»

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.

Крестьяне подкрепилися,
Роман за караульного
Остался у ведра,
А прочие вмешались
В толпу — искать счастливого:
Им крепко захотелось
Скорей попасть домой...

Глава IV

СЧАСТЛИВЫЕ

В толпе горластой, праздничной
Похаживали странники,
Прокликивали клич:
«Эй! нет ли где счастливого?
Явись! Коли окажется,

Что счастливо живешь,
У нас ведро готовое:
Пей даром сколько вздумаешь —
На славу угостим!..»
Таким речам неслыханным
Смеялись люди трезвые,
А пьяные да умные
Чуть не плевали в бороду
Ретивым крикунам.
Однако и охотников
Хлебнуть вина бесплатного
Достаточно нашлось.
Когда вернулись странники
Под липу, клич прокликавши,
Их обступил народ.
Пришел дьячок уволенный,
Тощей, как спичка серная,
И лясы распустил,
Что счастье не в пажитях,
Не в соболях, не в золоте,
Не в дорогих камнях.
«А в чем же?»

— В благодушестве!

Пределы есть владениям
Господ, вельмож, царей земных,
А мудрого владение —
Весь вертоград Христов!
Коль обогреет солнышко
Да пропущу косушечку,
Так вот и счастлив я! —
«А где возьмешь косушечку?»
— Да вы же дать сулилися...—

«Проваливай! шалишь!..»

Пришла старуха старая,
Рябая, одноглазая
И объявила, кланяясь,
Что счастлива она:
Что у нее по осени
Родилось реп до тысячи
На небольшой гряде.
— Такая репа крупная,
Такая репа вкусная,
А вся гряда — сажени три,

А впоперечь — аршин! —
Над бабой посмеялся,
А водки капли не дали:
«Ты дома выпей, старая,
Той репой закуси!»

Пришел солдат с медалями,
Чуть жив, а выпить хочется:
— Я счастлив! — говорит.
«Ну, открывай, старинушка,
В чем счастье солдатское?
Да не таись, смотри!»
— А в том, во-первых, счастье,
Что в двадцати сражениях
Я был, а не убит!
А во-вторых, важней того,
Я и во время мирное
Ходил ни сыт ни голоден,
А смерти не дался!
А в-третьих — за провинности,
Великие и малые,
Нещадно бит я палками,
А хоть пощупай — жив! —

«На! выпивай, служивенький!
С тобой и спорить нечего:
Ты счастлив — слова нет!»

Пришел с тяжелым молотом
Каменотес-олончанин,
Плечистый, молодой:
— И я живу — не жалеюсь,—
Сказал он, — с женкой, с матушкой
Не знаем мы нужды! —

«Да в чем же ваше счастье?»

— А вот гляди (и молотом,
Как перышком, махнул):
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Так гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,
Щебенки наколачиваю
В день на пять серебром! —

Пахом приподнял «счастье»
И, крикнувши порядочно,
Работнику поднес:
«Ну, веско! а не будет ли
Носиться с этим счастьем
Под старость тяжело?..»

— Смотри, не хвастай силою, —
Сказал мужик с одышкой,
Расслабленный, худой
(Нос вострый, как у мертвого,
Как грабли руки тощие,
Как спицы ноги длинные,
Не человек — комар). —
Я был — не хуже каменщик
Да тоже хвастал силою,
Вот бог и наказал!
Смекнул подрядчик, бестия,
Что простоват детинушка,
Учал меня хвалить,
А я-то сдуру радуюсь,
За четверых работаю!
Однажды ношу добрую
Наклат я кирпичей,
А тут его, проклятого,
И нанеси нелегкая:
«Что это? — говорит. —
Не узнаю я Трифона!
Идти с такою ношею
Не стыдно молодцу?»
— А коли мало кажется,
Прибавь рукой хозяйскою! —
Сказал я, осердясь.
Ну, с полчаса, я думаю,
Я ждал, а он подкладывал,
И подложил, подлец!
Сам слышу — тяга страшная,
Да не хотелось пятиться.
И внес ту ношу чертову
Я во второй этаж!
Глядит подрядчик, дивится,
Кричит, подлец, оттудова:
«Ай, молодец, Трофим!
Не знаешь сам, что сделал ты:

Ты снес один по крайности
Четырнадцать пудов!»
Ой, знаю! сердце молотом
Стучит в груди, кровавые
В глазах круги стоят,
Спина как будто треснула...
Дрожат, ослабли ноженьки.
Зачах я с той поры!..
Налей, брат, полстаканчика! —

«Налить? Да где ж тут счастье?
Мы потчует счастливого,
А ты что рассказал!»

— Дослушай! будет счастье! —

«Да в чем же, говори!»

— А вот в чем. Мне на родине,
Как всякому крестьянину,
Хотелось умереть.
Из Питера, расслабленный,
Шальной, почти без памяти,
Я на машину сел.
Ну, вот мы и поехали.
В вагоне — лихорадочных,
Горячечных работничков
Нас много набралось,
Всем одного желалось,
Как мне: попасть на родину,
Чтоб дома помереть.
Однако нужно счастье
И тут: мы летом ехали,
В жарнице, в духоте
У многих помутились
Вконец больные головы,
В вагоне ад пошел:
Тот стонет, тот катается,
Как оглашенный, по полу,
Тот бредит жenkой, матушкой.
Ну, на ближайшей станции
Такого и долой!
Глядел я на товарищей,
Сам весь горел, подумывал —
Несдобровать и мне.

В глазах кружки багровые,
И всё мне, братец, чудится,
Что режу пеунов
(Мы тоже пеунятники,
Случалось в год откармливать
До тысячи зобов).
Где вспомнились, проклятые!
Уж я молиться пробовал,
Нет! всё с ума нейдут!
Поверишь ли? вся партия
Передо мной трепещется!
Гортани перерезаны,
Кровь хлещет, а поют!
А я с ножом: «Да полно вам!»
Уж как господь помиловал,
Что я не закричал?
Сижу, креплюсь... по счастью,
День кончился, а к вечеру
Похолодало, — сжалился
Над сиротами бог!
Ну, так мы и доехали,
И я добрел на родину,
А здесь, по божьей милости,
И легче стало мне... —

— Чего вы тут расхвастались
Своим мужицким счастьем? —
Кричит, разбитый на ноги,
Дворовый человек. —
А вы меня попотчуйте:
Я счастлив, видит бог!
У первого боярина,
У князя Переметьева,
Я был любимый раб.
Жена — раба любимая,
А дочка вместе с барышней
Училась и французскому
И всяким языкам,
Садиться позволялось ей
В присутствии княжны...
Ой, как кольнуло!.. батюшки!.. —
(И начал ногу правую
Ладонями тереть.)
Крестьяне рассмеялись.
— Чего смеетесь, глупые, —

Озлившись неожиданно,
Дворовый закричал. —
Я болен, а сказать ли вам,
О чем молюсь я господу,
Вставая и ложась?
Молюсь: «Оставь мне, господи,
Болезнь мою почетную,
По ней я дворянин!»
Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею —
Болезнью благородною,
Какая только водится
У первых лиц в империи,
Я болен, мужичье!
По-да-грой именуется!
Чтоб получить ее —
Шампанское, бургонское,
Токайское, венгерское
Лет тридцать надо пить...
За стулом у светлейшего
У князя Переметьева
Я сорок лет стоял,
С французским лучшим трюфелем
Тарелки я лизал,
Напитки иностранные
Из рюмок допивал...
Ну, наливай! —
«Проваливай!
У нас вино мужицкое,
Простое, не заморское —
Не по твоим губам!»

Желтоволосый, сторбленный,
Подкрался робко к странникам
Крестьянин-белорус,
Туда же к водке тянется:
— Налей и мне маненичко,
Я счастлив! — говорит.

«А ты не лезь с ручищами!
Докладывай, доказывай
Сперва, чем счастлив ты?»

— А счастье наше — в хлебушке:
Я дома в Белоруссии

С мякиною, с кострикою
Ячменный хлеб жевал;
Бывало, вопишь голосом,
Как роженица корчишься,
Как схватит животы.
А ныне, милость божия! —
Досыта у Губонина
Дают ржаного хлебушка,
Жую — не нажуюсь! —

Пришел какой-то пасмурный
Мужик с скулой свороченной,
Направо всё глядит:
— Хожу я за медведями,
И счастье мне великое:
Троих моих товарищей
Сломали мишуки,
А я живу, бог милостив! —

«А ну-ка влево глянь?»

Не глянул, как ни пробовал,
Какие рожи страшные
Ни корчил мужичок:
— Свернула мне медведица
Маненичко скулу! —
«А ты с другой померяйся,
Подставь ей щеку правую —
Поправит...» — Посмеялись,
Однако поднесли.

Оборванные нищие,
Послышав запах пенного,
И те пришли доказывать,
Как счастливы они:
— Нас у порога лавочник
Встречает подаянием,
А в дом войдем, так из дому
Проводят до ворот...
Чуть запоем мы песенку,
Бежит к окну хозяйюшка
С краюхою, с ножом,
А мы-то заливаемся:
«Давать давай — весь каравай,

Не мнется и не крошится,
Тебе скорей, а нам спорей...» —

Смекнули наши странники,
Что даром водку тратили,
Да кстати и ведерочку
Конец. «Ну, будет с вас!
Эй, счастье мужицкое!
Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями,
Проваливай домой!»

— А вам бы, други милые,
Спросить Ермилу Гирина,—
Сказал, подсевши к странникам,
Деревни Дымоглотова
Крестьянин Федосей.—
Коли Ермил не выручит,
Счастливец не объявится,
Так и шататься нечего...—

«А кто такой Ермил?
Князь, что ли, граф сиятельный?»

— Не князь, не граф сиятельный,
А просто он — мужик! —

«Ты говори толковее,
Садись, а мы послушаем,
Какой такой Ермил?»

— А вот какой: сиротскую
Держал Ермило мельницу
На Унже. По суду
Продать решили мельницу:
Пришел Ермило с прочими
В палату на торги.
Пустые покупатели
Скоренько отвалилися,
Один купец Алтынников
С Ермилом в бой вступил,
Не отстает, торгуется,
Напосит по копеечке.

Ермило как рассердится —
Хвать сразу пять рублей!
Купец опять копеечку,
Пошло у них сражение:
Купец его копейкою,
А тот его рублем!
Не устоял Алтынников!
Да вышла тут оказия:
Тотчас же стали требовать
Задатков третью часть,
А третья часть — до тысячи.
С Ермилом денег не было,
Уж сам ли он сплюшал,
Схитрили ли подьячие,
А дело вышло дрянь!
Повеселел Алтынников:
«Моя, выходит, мельница!»
«Нет! — говорит Ермил,
Подходит к председателю. —
Нельзя ли вашей милости
Помешкать полчаса?»

— Что в полчаса ты сделаешь? —

«Я деньги принесу!»
— А где найдешь? В уме ли ты?
Верст тридцать пять до мельницы,
А через час присутствию
Конец, любезный мой! —

«Так полчаса позволите?»

— Пожалуй, час промешкаем! —
Пошел Ермил; подьячие
С купцом переглянулись,
Смеются, подлецы!
На площадь на торговую
Пришел Ермило (в городе
Тот день базарный был),
Стал на воз, видим: крестится,
На все четыре стороны
Поклон, — и громким голосом
Кричит: «Эй, люди добрые!
Притихните, послушайте,
Я слово вам скажу!»

Притихла площадь людная,
И тут Ермил про мельницу
Народу рассказал:
«Давно купец Алтынников
Присваивался к мельнице,
Да не плошал и я,
Раз пять справлялся в городе,
Сказали: с переторжкой
Назначены торги.
Без дела, сами знаете,
Возить казну крестьянину
Проселком не рука:
Приехал я без грошика,
Ан глядь — они спроворили
Без переторжки торг!
Схитрили души подлые,
Да и смеются нехристи:
«Что часом ты поделаешь?
Где денег ты найдешь?»
Авось найду, бог милостив!
Хитры, сильны подьячие,
А мир их посильней,
Богат купец Алтынников,
А всё не устоять ему
Против мирской казны —
Ее, как рыбу из моря,
Века ловить — не выловить.
Ну, братцы! видит бог,
Разделаюсь в ту пятницу!
Не дорога мне мельница,
Обида велика!
Коли Ермила знаете,
Коли Ермилу верите,
Так выручайте, что ль!..»

И чудо сотворилось:
На всей базарной площади
У каждого крестьянина,
Как ветром, полу левую
Заворотило вдруг!
Крестьянство раскошело,
Несут Ермилу денежки,
Дают, кто чем богат.
Ермило парень грамотный,

Да некогда записывать,
Успей пересчитать!
Наклали шляпу полную
Целковиков, лобанчиков,
Прожженной, битой, трепаной
Крестьянской ассигнации.
Ермило брал — не брезговал
И медным пятакom.
Еще бы стал он брезговать,
Когда тут попадалася
Иная гривна медная
Дороже ста рублей!

Уж сумма вся исполнилась,
А щедрота народная
Росла: — Бери, Ермил Ильич,
Отдашь, не пропадет! —
Ермил народу кланялся
На все четыре стороны,
В палату шел со шляпою,
Зажавши в ней казну.
Сдвинулись подьячие,
Позеленел Алтынников,
Как он сполна всю тысячу
Им выложил на стол!..
Не волчий зуб, так лисий хвост, —
Пошли юлить подьячие,
С покупкой поздравлять!
Да не таков Ермил Ильич,
Не молвил слова лишнего,
Копейки не дал им!

Глядеть весь город съехался,
Как в десть базарный, пятницу,
Через неделю времени
Ермил на той же площади
Рассчитывал народ.
Упомнить где же всякого?
В ту пору дело делалось
В горячке, второпях!
Однако споров не было.
И выдать гроша лишнего
Ермилу не пришлось.
Еще, он сам рассказывал,
Рубль лишний, чей — бог ведает!

Остался у него.
Весь день с мощной раскрытою
Ходил Ермил, допытывал:
Чей рубль? да не нашел.
Уж солнце закатилось,
Когда с базарной площади
Ермил последний тронулся,
Отдав тот рубль слепым...
Так вот каков Ермил Ильич. —

«Чуден! — сказали странники. —
Однако знать желательно —
Каким же колдовством
Мужик над всей округою
Такую силу взял?»

— Не колдовством, а правдою.
Слыхали про Адовщину,
Юрлова-князя вотчину? —

«Слыхали, ну так что ж?»

— В ней главный управляющий
Был корпуса жандармского
Полковник со звездой,
При нем пять-шесть помощников,
А наш Ермило писарем
В конторе состоял.

Лет двадцать было малому,
Какая воля писарю?
Однако для крестьянина
И писарь человек.
К нему подходишь к первому,
А он и посоветует
И справку наведет;
Где хватит силы — выручит,
Не спросит благодарности,
И дашь, так не возьмет!
Худую совесть надобно —
Крестьянину с крестьянина
Копейку вымогать.

Таким путем вся вотчина
В пять лет Ермилу Гирина

Узнала хорошо,
А тут его и выгнали...
Жалели крепко Гирина,
Трудненько было к новому,
Хапуге, привыкать,
Однако делать нечего,
По времени приладились
И к новому писцу.
Тот ни строки без трешника,
Ни слова без семишника,
Прожженный, из кутейников —
Ему и бог велел!

Однако, волей божией,
Недолго он поцарствовал, —
Скончался старый князь,
Приехал князь молоденький,
Прогнал того полковника,
Прогнал его помощника,
Контору всю прогнал,
А нам велел из вотчины
Бурмистра изобрать.
Ну, мы не долго думали,
Шесть тысяч душ, всей вотчиной
Кричим: — Ермилу Гирина! —
Как человек един!
Зовут Ермилу к барину.
Поговорив с крестьянином,
С балкона князь кричит:
«Ну, братцы! будь по-вашему.
Моей печатью княжеской
Ваш выбор утвержден:
Мужик проворный, грамотный,
Одно скажу: не молод ли?..»

А мы: — Нужды нет, батюшка,
И молод, да умен! —
Пошел Ермило царствовать
Над всей княжою вотчиной,
И царствовал же он!
В семь лет мирской копеечки
Под ноготь не зажал,
В семь лет не тронул правого,
Не попустил виновному,
Душой не покривил... —

«Стой! — крикнул укорительно
Какой-то попик седенький
Рассказчику. — Гресишь!
Шла борона прямехонько,
Да вдруг махнула в сторону —
На камень зуб попал!
Коли взялся рассказывать,
Так слова не выкидывай
Из песни: или странникам
Ты сказку говоришь?..
Я знал Ермилу Гирина...»

— А я небось не знал?
Одной мы были вотчины,
Одной и той же волости,
Да нас перевели...—

«А коли знал ты Гирина,
Так знал и брата Митрия,
Подумай-ка, дружок».

Рассказчик призадумался
И, помолчав, сказал:
— Соврал я: слово лишнее
Сорвалось на маху!
Был случай, и Ермил-мужик
Свихнулся: из рекрутчины
Меньшого брата Митрия
Повыгородил он.
Молчим: тут спорить нечего,
Сам барин брата старосты
Забрить бы не велел,
Одна Ненила Власьевна
По сыне горько плачется,
Кричит: не наш черед!
Известно, покричала бы
Да с тем бы и отъехала.
Так что же? Сам Ермил,
Покончивши с рекрутчиной,
Стал тосковать, печалиться,
Не пьет, не ест: тем кончилось,
Что в деннике с веревкою
Застал его отец.
Тут сын отцу покался:

«С тех пор, как сына Власьевны
Поставил я не в очередь,
Постыл мне белый свет!»
А сам к веревке тянется.
Пытали уговаривать
Отец его и брат,
Он всё одно: «Преступник я!
Злодей! вяжите руки мне,
Ведите в суд меня!»
Чтоб хуже не случилось,
Отец связал сердечного,
Приставил караул.
Сошелся мир, шумит, галдит,
Такого дела чудного
Вовек не приходилось
Ни видеть, ни решать.
Ермиловы семейные
Уж не о том старались,
Чтоб мы им помирволили,
А строже рассуди —
Верни парнишку Власьевне,
Не то Ермил повесится,
За ним не углядишь!
Пришел и сам Ермил Ильич,
Босой, худой, с колодками,
С веревкой на руках,
Пришел, сказал: «Была пора,
Судил я вас по совести,
Теперь я сам грешнее вас:
Судите вы меня!»
И в ноги поклонился нам.
Ни дать ни взять юродивый,
Стоит, вздыхает, крестится,
Жаль было нам глядеть,
Как он перед старухою,
Перед Ненилой Власьевной,
Вдруг на колени пал!
Ну, дело всё обладилось,
У господина сильного
Везде рука: сын Власьевны
Вернулся, сдали Митрия,
Да, говорят, и Митрию
Не тяжело служить,
Сам князь о нем заботится.
А за провинность с Гирина

Мы положили штраф:
Штрафные деньги рекруту,
Часть небольшая Власьевне,
Часть миру на вино...
Однако после этого
Ермил не скоро справился,
С год как шальной ходил.
Как ни просила вотчина,
От должности уволился,
В аренду снял ту мельницу,
И стал он пуще прежнего
Всему народу люб:
Брал за помол по совести,
Народу не задерживал,
Приказчик, управляющий,
Богатые помещики
И мужики беднейшие —
Все очереди слушались,
Порядок строгий вел!
Я сам уж в той губернии
Давненько не бывал,
А про Ермилу слыхивал,
Народ им не нахвалится,
Сходите вы к нему.—

— Напрасно вы проходите,—
Сказал уж раз заспоривший
Седоволосый поп.—
Я знал Ермила Гирина,
Попал я в ту губернию
Назад тому лет пять
(Я в жизни много страствовал,
Преосвященный наш
Переводить священников
Любил)... С Ермилой Гириным
Соседи были мы.
Да! был мужик единственный!
Имел он всё, что надобно
Для счастья: и спокойствие,
И деньги, и почет,
Почет завидный, истинный,
Не купленный ни деньгами,
Ни страхом: строгой правдою,
Умом и добротой!
Да только, повторяю вам,

Напрасно вы проходите,
В остроге он сидит...—

«Как так?»

— А воля божия!

Слышал ли кто из вас,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Испуганной губернии,
Уезда Недыханьева,
Деревня Столбняки?..
Как о пожарах пишется
В газетах (я их читывал):
«Осталась неизвестною
Причина» — так и тут:
До сей поры неведомо
Ни земскому исправнику,
Ни высшему правительству,
Ни столбнякам самим,
С чего стряслась оказия,
А вышло дело дрянь.
Потребовалось воинство,
Сам государев посланный
К народу речь держал,
То руганью попробует
И плечи с эполетами
Подымет высоко,
То ласкою попробует
И грудь с крестами царскими
Во все четыре стороны
Повертывать начнет.
Да брань была тут лишняя,
А ласка непонятная:
«Крестьянство православное!
Русь-матушка! царь-батюшка!»
И больше ничего!
Побившись так достаточно,
Хотели уж солдатикам
Скомандовать: пали!
Да волостному писарю
Пришла тут мысль счастливая,
Он про Ермилу Гирипа
Начальнику сказал:
— Народ поверит Гирипу,

Народ его послушает...—
«Позвать его живей!» —

.

Вдруг крик: «Ай, ай, помилуйте!»,
Раздавшись неожиданно,
Нарушил речь священника,
Все бросились глядеть:
У валика дорожного
Секут лакея пьяного —
Попался в воровстве!
Где пойман, тут и суд ему:
Судей сошлось десятка три,
Решили дать по лозочке,
И каждый дал лозу!
Лакей вскочил и, шлепая
Худыми сапожничками,
Без слова тягу дал.
«Вишь, побежал, как встрепанный! —
Шутили наши странники,
Узнавши в нем балясника,
Что хвастался какою-то
Особенной болезнью
От иностранных вин.—
Откуда прыть явилась!
Болезнь ту благородную
Вдруг сняло, как рукой!»

«Эй, эй! куда ж ты, батюшка!
Ты доскажи историю,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Деревня Столбняки?»

— Пора домой, родимые.
Бог даст, опять мы встретимся,
Тогда и доскажу! —

Под утро поразъехалась,
Поразбрелась толпа.
Крестьяне спать надумали,
Вдруг тройка с колокольчиком

Откуда ни взялась,
Летит! а в ней качается
Какой-то барин кругленький,
Усатенький, пузатенький,
С сигарочкой во рту.
Крестьяне разом бросились
К дороге, сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились в ряд
И тройке с колокольчиком
Загородили путь...

Глава V

ПОМЕЩИК

Соседнего помещика
Гаврилу Афанасьича
Оболта-Оболдуева
Та троечка везла.
Помещик был румянецкий,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лет;
Усы седые, длинные,
Ухватки молодецкие,
Венгерка с бранденбурами,
Широкие штаны.
Гаврило Афанасьевич,
Должно быть, перетрусился,
Увидев перед тройкою
Семь рослых мужиков.
Он пистолетик выхватил,
Как сам, такой же толстенький,
И дуло шестиствольное
На странников навел:
«Ни с места! Если тронетесь,
Разбойники! грабители!
На месте уложу!..»
Крестьяне рассмеялися:
— Какие мы разбойники,
Гляди — у нас ни ножика,
Ни топоров, ни вил! —
«Кто ж вы? чего вам надобно?»

— У нас забота есть,
Такая ли заботушка,

Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.

Ты дай нам слово крепкое
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно, отвечать,
Тогда свою забутушку
Поведаем тебе... —

«Извольте: слово честное,
Дворянское даю!»
— Нет, ты нам не дворянское,
Дай слово христианское!
Дворянское с побранкою,
С толчком да с зуботычиной,
То непригодно пам! —

«Эге! какие новости!
А впрочем, будь по-вашему!
Ну, в чем же ваша речь?..»
— Спрячь пистолетик! выслушай!
Вот так! мы не грабители,
Мы мужики смиренные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из разных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.

Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее отудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подралися,
Подравшись — удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведем
Как ни на есть доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?

Скажи ж ты нам по-божески,
Сладка ли жизнь помещичья?
Ты как — вольготно, счастливо,
Помещичек, живешь? —

Гаврило Афанасьевич
Из тарангаса выпрыгнул,
К крестьянам подошел:
Как лекарь, руку каждому
Пощупал, в лица глянул им,
Схватился за бока
И покатился со смеху...
«Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!»
Здоровый смех помещичий
По утреннему воздуху
Раскатываться стал...

Нахохотавшись досыта,
Помещик не без горечи
Сказал: «Наденьте шапочки,
Садитесь, *господа!*»

— Мы господа не важные,
Перед твоею милостью
И постоим...—

«Нет! нет!

Прошу садиться, *граждане!*»
Крестьяне поупрямились,
Однако делать нечего,
Уселись на валу.

«И мне присесть позволите?
Эй, Трошка! рюмку хересу,
Подушку и ковер!»

Расположась на коврике
И выпив рюмку хересу,
Помещик начал так:

«Я дал вам слово честное
Ответ держать по совести,
А нелегко оно!
Хоть люди вы почтенные,
Однако не ученые,
Как с вами говорить?
Сперва понять вам надо бы,
Что значит слово самое:
Помещик, дворянин.
Скажите, вы, любезные,
О родословном дереве
Слыхали что-нибудь?»
— Леса нам не заказаны —
Видали древо всякое! —
Сказали мужики.
«Попали пальцем в небо вы!..
Скажу вам вразумительней:
Я роду именитого,
Мой предок Оболдуй
Впервые поминается
В старинных русских грамотах
Два века с половиною
Назад тому. Гласит
Та грамота: «Татарину
Оболгу-Оболдуеву
Дано суконце доброе,
Ценою в два рубля:

Волками и лисицами
Он тешил государыню,
В день царских именин
Спускал медведя дикого
С своим, и Оболдуева
Медведь тот ободрал...»
Ну, поняли, любезные?»
— Как не понять! С медведями
Немало их шатается,
Прохвостов, и теперь.—

«Вы всё свое, любезные!
Молчать! уж лучше слушайте,
К чему я речь веду:
Тот Оболдуй, потешивший
Зверьями государыню,
Был корень роду нашему,
А было то, как сказано,
С залишком двести лет.
Прапрадед мой по матери
Был и того древней:
«Князь Щепин с Васькой Гусевым
(Гласит другая грамота)
Пытал поджечь Москву,
Казну пограбить думали,
Да их казнили смертью»,
А было то, любезные,
Без мала триста лет.
Так вот оно откуда
То дерево дворянское
Идет, друзья мои!»

— А ты, примерно, яблочко
С того выходишь дерева? —
Сказали мужики.

«Ну, яблочко так яблочко!
Согласен! Благо, поняли
Вы дело наконец.
Теперь — вы сами знаете —
Чем дерево дворянское
Древней, тем именитее,
Почетней дворянин.
Не так ли, благодетели?»

— Так! — отвечали странники.—
Кость белая, кость черная,
И поглядеть, так разные,—
Им разный и почет! —

«Ну, вижу, вижу: поняли!
Так вот, друзья, и жили мы,
Как у Христа за пазухой,
И знали мы почет.
Не только люди русские,
Сама природа русская
Покорствовалась нам.
Бывало, ты в окружности
Один, как солнце на небе,
Твои деревни скромные,
Твои леса дремучие,
Твои поля кругом!
Пойдешь ли деревенькою —
Крестьяне в ноги валяются,
Пойдешь лесными дачами —
Столетними деревьями
Преклонятся леса!
Пойдешь ли пашней, нивою —
Вся нива спелым колосом
К ногам господским стелется,
Ласкает слух и взор!
Там рыба в речке плещется:
«Жирей-жирей до времени!»
Там заяц лугом крадется:
«Гуляй-гуляй до осени!»
Всё веселило барина,
Любовно травка каждая
Шептала: «Я твоя!»

Краса и гордость русская,
Белели церкви божии
По горкам, по холмам,
И с ними в славе спорили
Дворянские дома.
Дома с оранжереями,
С китайскими беседками
И с английскими парками;
На каждом флаг играл,
Играл-манил приветливо,

Гостеприимство русское
И ласку обещал.
Французу не привидится
Во сне, какие праздники,
Не день, не два — по месяцу
Мы задавали тут.
Свои индейки жирные,
Свои наливки сочные,
Свои актеры, музыка,
Прислуги — целый полк!

Пять поваров да пекаря,
Двух кузнецов, обойщика,
Семнадцать музыкантиков
И двадцать два охотника
Держал я... Боже мой!..»

Помещик закручинился,
Упал лицом в подушечку,
Потом привстал, поправился:
«Эй, Прошка!» — закричал.
Лакей, по слову барскому,
Принес кувшинчик с водкою.
Гаврило Афанасьевич,
Откушав, продолжал:
«Бывало, в осень позднюю
Леса твои, Русь-матушка,
Одушевляли громкие
Охотничьи рога.
Унылые, поблекшие
Леса полураздетые
Жить начинали вновь,
Стояли по опушечкам
Борзовщики-разбойники,
Стоял помещик сам,
А там, в лесу, выжлятники
Ревели, сорвиголовы,
Варили варом гончие.
Чу! подзывает рог!..
Чу! стая воет! сгрудилась!
Никак, по зверю красному
Погнали?.. улю-лю!
Лисица чернобурая,
Пушистая, матерая
Летит, хвостом метет!

Присели, притаилися,
Дрожа всем телом, рьяные,
Догадливые псы:
Пожалуй, гостя жданная!
Поближе к нам, молодчикам,
Подальше от кустов!
Пора! Ну, ну! не выдай, конь!
Не выдайте, собаченьки!
Эй, улю-лю! родимые!
Эй! — улю-лю!.. а-ту!..»
Гаврило Афанасьевич,
Вскочив с ковра персидского,
Махал рукой, подпрыгивал,
Кричал! Ему мерещилось,
Что травит он лису...

Крестьяне молча слушали,
Глядели, любовались,
Посмеивались в ус...

«Ой ты, охота псовая!
Забудут всё помещики.
Но ты, исконно-русская
Потеха! не забудешься
Ни во веки веков!
Не о себе печалимся,
Нам жаль, что ты, Русь-матушка,
С охотою утратила
Свой рыцарский, воинственный,
Величественный вид!
Бывало, нас по осени
До полусотни съедется
В отъезжие поля;
У каждого помещика
Сто гончих в напуску,
У каждого по дюжине
Борзовщиков верхом,
При каждом с кашеварами,
С провизией обоз.
Как с песнями да с музыкой
Мы двинемся вперед,
На что кавалерийская
Дивизия твоя!
Летело время соколом,

Дышала грудь помещицы
Свободно и легко.
Во времена боярские,
В порядки древнерусские
Переносился дух!
Ни в ком противоречия,
Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.
Закон — мое желание!
Кулак — моя полиция!
Удар искросыпительный,
Удар зубодробительный,
Удар скуловорррот!..»

Вдруг, как струна порвалась,
Осеклась речь помещицы.
Потутился, нахмурился,
«Эй, Прощка!» — закричал.
Глонул — и мягким голосом
Сказал: — Вы сами знаете,
Нельзя же и без строгости?
Но я карал — любя.
Порвалась цепь великая —
Теперь не бьем крестьянина,
Зато уж и отечески
Не милуем его.
Да, был я строг по времени,
А впрочем, больше ласкою
Я привлекал сердца.

Я в воскресенье светлое
Со всей своею вотчиной
Христосовался сам!
Бывало, накрывается
В гостиной стол огромный,
На нем и яйца красные,
И пасха, и кулич!
Моя супруга, бабушка,
Сынишки, даже барышни
Не брезгают, целуются
С последним мужиком.
«Христос воскрес!» — Воистину! —
Крестьяне разговляются,
Пьют брагу и вино...

Пред каждым почитаемым
Двунадесятым праздником
В моих парадных горницах
Поп всюнощну служил.
И к той домашней всюнощной
Крестьяне допускались,
Молись — хоть лоб разбей!
Страдало обоняние,
Сбивали после с вотчины
Баб отмывать полы!
Да чистота духовная
Тем самым сберегалася,
Духовное родство!
Не так ли, благодетели?»

— Так! — отвечали странники,
А про себя подумали:
«Колом сбивал их, что ли, ты
Молиться в барский дом?..»

«Зато, скажу не хвастая,
Любил меня мужик!
В моей сурминской вотчине
Крестьяне всё подрядчики,
Бывало, дома скучно им,
Все на чужую сторону
Отпросятся с весны...
Ждешь — не дождешься осени,
Жена, детишки малые
И те гадают, сорятся:
Какого им гостинчику
Крестьяне принесут!
И точно: поверх барщины,
Холста, яиц и живности —
Всего, что на помещика
Сбиралось искони, —
Гостинцы добровольные
Крестьяне нам несли!
Из Киева — с вареньями,
Из Астрахани — с рыбою,
А тот, кто подостаточней,
И с шелковой материей:
Глядь, чмокнул руку барыне
И сверток подает!
Детям игрушки, лакомства,

А мне, седому бражнику,
Из Питера вина!
Толк вызнали, разбойники,
Небось не к Кривоногову,
К французу забежит.
Тут с ними разгуляешься,
По-братски побеседуешь,
Жена рукою собственной
По чарке им нальет.
А детки тут же малые
Посасывают прянички
Да слушают досужие
Рассказы мужиков —
Про трудные их промыслы,
Про чужедальны стороны,
Про Петербург, про Астрахань,
Про Киев, про Казань...

Так вот как, благодетели,
Я жил с моею вотчиной,
Не правда ль, хорошо?..»
— Да, было вам, помещикам,
Житье куда завидное,
Не надо умирать! —

«И всё прошло! всё минуло!..
Чу! похоронный звон!..»

Прислушались странники,
И точно: из Кузьминского
По утреннему воздуху
Те звуки, грудь щемящие,
Неслись: — Покой крестьянину
И царствие небесное! —
Проговорили странники
И покрестились все...

Гаврило Афанасьевич
Снял шапочку — и набожно
Перекрестился тож:
«Звонят не по крестьянину!
По жизни по помещицкой
Звонят!.. Ой жизнь широкая!
Прости-прощай навек!
Прощай и Русь помещицья!

Теперь не та уж Русь!
Эй, Прощка!» (выпил водочки
И посвистал)...

«Невесело

Глядеть, как изменилось
Лицо твое, несчастная
Родная сторона!
Сословье благородное
Как будто всё попрыталось,
Повымерло! Куда
Ни едешь, попадаются
Одни крестьяне пьяные,
Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные
Да глупые посредники,
Да иногда пройдет
Команда. Догадаешься:
Должно быть, взбунтовалось
В избытке благодарности
Селенье где-нибудь!
А прежде что тут мчалось
Колясок, бричек троечных,
Дормезов шестерней!
Катит семья помещицья —
Тут маменьки солидные,
Тут дочки милovidные
И резвые сынки!
Поющих колокольчиков,
Воркующих бубенчиков
Наслушаешься всласть.
А нынче чем рассеешься?
Картиной возмутительной
Что шаг — ты поражен:
Кладбищем вдруг повеяло,
Ну, значит, приближаемся
К усадьбе... Боже мой!
Разобран по кирпичику
Красивый дом помещицый,
И аккуратно сложены
В колонны кирпичи!
Обширный сад помещицый,
Столетиями взлелеянный,
Под топором крестьянина
Весь лег, — мужик любитесь,
Как много вышло дров!

Черства душа крестьянина,
Подумает ли он,
Что дуб, сейчас им сваленный,
Мой дед рукою собственной
Когда-то насадил?
Что вон под той рябиною
Резвились наши детушки,
И Ганичка и Верочка,
Аукались со мной?
Что тут, под этой липою,
Жена моя призналась мне,
Что тяжела она
Гаврюшей, нашим первенцем,
И спрятала на грудь мою
Как вишня покрасневшее
Прелестное лицо?..
Ему была бы выгода —
Радехонек помещицы
Усадьбы изводить!
Деревней ехать совестно:
Мужик сидит — не двинется,
Не гордость благородную —
Желчь чувствуешь в груди.
В лесу не рог охотничий
Звучит — топор разбойничий,
Шалят!.. а что поделаешь?
Кем лес убережешь?..
Поля — недоработаны,
Посевы — недосеяны,
Порядку нет следа!
О матушка! о родина!
Не о себе печалимся,
Тебя, родная, жаль.
Ты, как вдова печальная,
Стоишь с косою распущенной,
С неубранным лицом!..
Усадьбы переводятся,
Взамен их распложаются
Питейные дома!..
Поют народ распущенный,
Зовут на службы земские,
Сажают, учат грамоте, —
Нужна ему она!
На всей тебе, Русь-матушка,
Как клейма на преступнике,

Как на коне тавро,
Два слова нацарапаны:
«Навынос и распивочно».
Чтоб их читать, крестьянина
Мудреной русской грамоте
Не стоит обучать!..

А нам земля осталася...
Ой ты, земля помещицья!
Ты нам не мать, а мачеха
Теперь... «А кто велел? —
Кричат писаки праздные, —
Так вымогать, насиловать
Кормилицу свою!»
А я скажу: — А кто же ждал? —
Ох! эти проповедники!
Кричат: «Довольно барствовать!
Проснись, помещик заспанный!
Вставай! — учись! трудись!..»

Трудись! Кому вы вздумали
Читать такую проповедь!
Я не крестьянин-лапотник —
Я божиею милостью
Российский дворянин!
Россия — не неметчина,
Нам чувства деликатные,
Нам гордость внушена!
Сословья благородные
У нас труду не учатся.
У нас чиновник плохонький
И тот полов не выметет,
Не станет печь топить...
Скажу я вам, не хвастая,
Живу почти безвыездно
В деревне сорок лет,
А от ржаного колоса
Не отличу ячменного,
А мне поют: «Трудись!»

А если и действительно
Свой долг мы ложно поняли
И наше назначение
Не в том, чтоб имя древнее,
Достоинство дворянское

Поддерживать охотою,
Пирами, всякой роскошью
И жить чужим трудом,
Так надо было ранее
Сказать... Чему учился я?
Что видел я вокруг?..
Коптил я небо божие,
Носил ливрею царскую,
Сорил казну народную
И думал век так жить...
И вдруг... Владыко праведный!..»

Помещик зарыдал...

Крестьяне добродушные
Чуть тоже не заплакали,
Подумав про себя:
«Порвалась цепь великая,
Порвалась — расскочилась:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..»

ПОСЛЕДЫШ

(Из второй части «Кому на Руси жить хорошо»)

Глава I

I

Петровки. Время жаркое.
В разгаре сенокос.

Минув деревню бедную,
Безграмотной губернии,
Старо-Вахлацкой волости,
Большие Вахлаки,
Пришли на Волгу странники...
Над Волгой чайки посятся;
Гуляют кулики
По отмели. А по лугу,
Что гол, как у подъячего
Щека, вчера побритая,

Стоят «князья Волконские»¹
И детки их, что ранее
Родятся, чем отцы².

«Прокосы широчайшие! —
Сказал Пахом Онисимыч. —
Здесь богатырь народ!»
Смеются братья Губины:
Давно они заметили
Высокого крестьянина
Со жбаном — на стогу;
Он пил, а баба с вилами,
Задравши кверху голову,
Глядела на него.
Со стогом поравнялися —
Всё пьет мужик! Отмерили
Еще шагов полста,
Все разом оглянулись:
По-прежнему, закинувшись,
Стоит мужик; посудина
Дном кверху поднята...

Под берегом раскинуты
Шатры; старухи, лошади
С порожними телегами
Да дети видны тут.
А дальше, где кончается
Отава подкошённая,
Народу тьма! Там белые
Рубахи баб, да пестрые
Рубахи мужиков,
Да голоса, да звяканье
Проворных кос. «Бог на помощь!»
— Спасибо, молодцы! —

Остановились странники...
Размахи сенокосные
Идут чредою правильной:
Все разом занесенные,
Сверкнули косы, звякнули,
Трава мгновенно дрогнула
И пала, прошумев!

¹ Стоги. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

² Копны. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

По низменному берегу
На Волге травы рослые,
Веселая косьба.
Не выдержали странники:
«Давно мы не работали,
Давайте — покосим!»
Семь баб им косы отдали.
Проснулась, разгорелася
Привычка позабытая
К труду! Как зубы с голоду,
Работает у каждого
Проворная рука.
Валят траву высокую,
Под песню, незнакомую
Вахлацкой стороне;
Под песню, что навеяна
Метелями и выюгами
Родимых деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож...

Натешившись, усталые,
Присели к стогу завтракать...

— Откуда, молодцы? —
Спросил у наших странников
Седой мужик (которого
Бабенки звали Власушкой). —
Куда вас бог несет? —

«А мы...» — сказали странники
И замолчали вдруг:
Послышалась им музыка!
— Помещик наш катается, —
Промолвил Влас — и бросился
К рабочим: — Не зевать!
Коси дружней! А главное:
Не огорчить помещика.
Рассердится — поклон ему!
Похвалит вас — «ура» кричи...
Эй, бабы! не галдеть! —
Другой мужик, присадистый,
С широкой бородищею,

Почти что то же самое
Народу приказал,
Надел кафтан — и барина
Бежит встречать. — Что за люди? —
Оторопелым странникам
Кричит он на бегу. —
Снимите шапки! —

К берегу

Причалили три лодочки.
В одной прислуга, музыка,
В другой — кормилка дюжая
С ребенком, няня старая
И приживалка тихая,
А в третьей — господа:
Две барыни красивые
(Потошше — белокурая,
Потолще — чернобровая),
Усатые два барина,
Три барченка-погодочки
Да старый старичок:
Худой! как зайцы зимние,
Весь бел, и шапка белая,
Высокая, с околышем
Из красного сукна.
Нос клювом, как у ястреба,
Усы седые, длинные:
И — разные глаза:
Один здоровый — светится,
А левый — мутный, пасмурный,
Как оловянный грош!

При них собачки белые,
Мохнатые, с султанчиком,
На крохотных ногах...

Старик, поднявшись на берег,
На красном, мягком коврикe
Долгонько отдыхал,
Потом покос осматривал:
Его водили под руки
То господа усатые,
То молодые барыни, —
И так, со всею свитою,
С детьми и приживалками,

С кормилкою и нянькою,
И с белыми собачками,
Всё поле сенокосное
Помещик обошел.
Крестьяне низко кланялись,
Бурмистр (смекнули странники,
Что тот мужик присадистый
Бурмистр) перед помещиком,
Как бес перед заутреней,
Юлил: «Так точно! Слушаю-с!» —
И кланялся помещику
Чуть-чуть не до земли.

В один стожище ма́терый,
Сегодня только смётанный,
Помещик пальцем ткнул,
Нашел, что сено мокрое,
Вспылил: «Добро господское
Гноить? Я вас, мошенников,
Самих сгною на барщине!
Пересушить сейчас!..»
Засуетился староста:
— Недосмотрел маненичко!
Сыренько: виноват! —
Созвал народ — и вилами
Богатыря кряжистого,
В присутствии помещика,
По ключьям разнесли.
Помещик успокоился.

(Попробовали странники:
Сухохонько сенцо!)

Бежит лакей с салфеткою,
Хромает: «Кушать подано!»
Со всей своею свитою,
С детьми и приживалками,
С кормилкою и нянькою,
И с белыми собачками,
Пошел помещик завтракать,
Работы осмотрев.
С реки из лодки грянула
Навстречу барам музыка,
Накрытый стол белеется
На самом берегу...

Дивятся наши странники.
Пристали к Власу: «Дедушка!
Что за порядки чудные?
Что за чудной старик?»

— Помещик наш: Уятин-князь! —

«Чего же он куражится?
Теперь порядки новые,
А он дурит по-старому:
Сенцо сухим-сухохонько —
Велел пересушить!»

— А то еще диковинней,
Что и сенцо-то самое
И пожня — не его! —

«А чья же?»

— Нашей вотчины. —

«Чего же он тут суется?
Ин вы у бога не люди?»

— Нет, мы, по божьей милости,
Теперь крестьяне вольные,
У нас, как у людей,
Порядки тоже новые,
Да тут статья особая... —

«Какая же статья?»

Под стогом лег старинушка
И — больше ни словца!
К тому же стогу странники
Присели; тихо молвили:
*«Эй! скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков!»*
И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять...

Налив стаканчик дедушке,
Опять пристали странники:
«Уважь! скажи нам, Власушка,
Какая тут статья?»

— Да пустяки! Тут нечего
Рассказывать... А сами вы
Что за люди? Откуда вы?
Куда вас бог несет? —

«Мы люди чужестранные,
Давно, по делу важному,
Домишки мы покинули,
У нас забота есть...
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды...»

Остановились странники...

— О чем же вы хлопчете? —

«Да помолчим! Поели мы,
Так отдохнуть желательно»,
И улеглись. Молчат!

— Вы так-то! а по-нашему,
Коль начал, так досказывай! —

«А сам, небось, молчишь!
Мы не в тебя, старинушка!
Изволь, мы скажем: видишь ли,
Мы ищем, дядя Влас,
Непоротой губернии,
Непотрошенной волости,
Избытка села!..»

И рассказали странники,
Как встретились нечаянно,
Как подрались, заспоривши,
Как дали свой зарок
И как потом шаталися,
Искали по губерниям
Подтянутой, Подстреленной,

Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Влас слушал — и рассказчиков
Глазами мерял: — Вижу я,
Вы тоже люди странные! —
Сказал он наконец. —
Чудим и мы достаточно,
А вы — и нас чудней! —

«Да что ж у вас-то деется?
Еще стаканчик, дедушка!»

Как выпил два стаканчика,
Разговорился Влас:

II

— Помещик наш особенный:
Богатство непомерное,
Чин важный, род вельможеский,
Весь век чудил, дурил,
Да вдруг гроза и грянула...
Не верит: врут, разбойники!
Посредника, исправника
Прогнал! дурит по-старому.
Стал крепко подозрителен,
Не поклонись — дерет!
Сам губернатор к барину
Приехал: долго спорили,
Сердитый голос барина
В застольной дворян слышала;
Озлился так, что к вечеру
Хватил его удар!
Всю половину левую
Отбило: словно мертвая
И, как земля, черна...
Пропал ни за копейчку!
Известно, не корысть,
А спесь его подрезала,
Соринку он терял.—

«Что значит, други милые,
Привычка-то помещичья!» —
Заметил Митродор.

«Не только под помещиком,
Привычка над крестьянином
Сильна,— сказал Пахом.—
Я раз, по подозрению
В острог попавши, чудного
Там видел мужика.
За конокрадство, кажется,
Судился, звали Сидором,
Так из острога барину
Он посылал оброк!
(Доходы арестантские
Известны: подаяние,
Да что-нибудь сработает,
Да стащит что-нибудь.)
Ему смеялись прочие:
«А ну, на поселение
Сошлют — пропали денежки!»
— Всё лучше,— говорит...»

«Ну, дальше, дальше, дедушка!»

— Соринка — дело плевое,
Да только не в глазу:
Пал дуб на море тихое,
И море всё заплакало —
Лежит старик без памяти
(Не встанет, так и думали!).
Приехали сыны,
Гвардейцы черноусые
(Вы их на пожне видели,
А барыни красивые —
То жены молодцов).
У старшего доверенность
Была: по ней с посредником
Установили грамоту...
Ан вдруг и встал старик!
Чуть заикнулись... Господи!
Как зверь метнулся раненый
И загремел, как гром!
Дела-то всё недавние,
Я был в то время старостой,
Случился тут — так слышал сам,
Как он честил помещиков,
До слова помню всё:

«Корят жидов, что предали
Христа... а вы что сделали?
Права свои дворянские,
Веками освященные,
Вы предали!..» Сынам
Сказал: «Вы трусы подлые!
Не дети вы мои!
Пускай бы люди мелкие,
Что вышли из поповичей
Да, понажившись взятками,
Купили мужиков,
Пускай бы... им простительно!
А вы... князья Утятины?
Какие вы У-тя-ти-ны!
Идите вон!.. подкидыши,
Не дети вы мои!»

Орбобели наследники:
А ну как перед смертью
Лишит наследства? Мало ли
Лесов, земель у батюшки?
Что денег понакоплено,
Куда пойдет добро?
Гадай! У князя в Питере
Три дочери побочные
За генералов выданы,
Не отказал бы им!

А князь опять больнехонек...
Чтоб только время выиграть,
Придумать, как тут быть,
Которая-то барыня
(Должно быть, белокурая:
Она ему, сердечному,
Слышал я, терла щеткою
В то время левый бок)
Возьми и брякни барину,
Что мужиков помещикам
Велели воротить!

Поверил! Проще малого
Ребенка стал старинушка,
Как паралич расшиб!
Заплакал! пред иконами
Со всей семьею молится,

Велит служить молебствие,
Звонить в колокола!

И силы словно прибыло,
Опять: охота, музыка,
Дворовых дует палкою,
Велит созвать крестьян.

С дворовыми наследники
Стакнулись, разумеется,
А есть один (он давеча
С салфеткой прибежал),
Того и уговаривать
Не надо было: барина
Столь много любит он!
Ипатом прозывается.
Как воля нам готовилась,
Так он не верил ей:
«Шалишь! Князя Утятины
Останутся без вотчины?
Нет, руки коротки!»
Явилось «Положение»,—
Ипат сказал: «Балуйте вы!
А я князей Утятиных
Холоп — и весь тут сказ!»
Не может барских милостей
Забыть Ипат! Потешные
О детстве и о младости,
Да и о самой старости
Рассказы у него
(Придешь, бывало, к барину,
Ждешь, ждешь... Неволей слушаешь,
Сто раз я слышал их):
«Как был я мал, наш князюшка
Меня рукою собственной
В тележку запрягал;
Достиг я резвой младости:
Приехал в отпуск князюшка
И, подгулявши, выкупал
Меня, раба последнего,
Зимою в проруби!
Да как чудно! Две проруби:
В одну опустит в неводе,
В другую мигом вытянет —
И водки поднесет.

Клониться стал я к старости.
Зимой дороги узкие,
Так часто с князем ездили
Мы гусем в пять коней.
Однажды князь — затейник же! —
И посади фалетуром
Меня, раба последнего,
Со скрипкой — впереди.
Любил он крепко музыку.
«Играй, Ипат!» А кучеру
Кричит: «Пошел живей!»
Метель была изрядная,
Играл я: руки заняты,
А лошадь спотыкливая —
Свалился я с нее!
Ну, сани, разумеется,
Через меня проехали,
Попридавили грудь.
Не то беда: а холодно,
Замерзнешь — нет спасения,
Кругом пустыня, снег...
Гляжу на звезды частые
Да каюсь во грехах.
Так что же, друг ты истинный?
Послышал я бубенчики,
Чу, ближе! чу, звончей!
Вернулся князь (закапали
Тут слезы у дворового,
И сколько ни рассказывал,
Всегда тут плакал он!),
Одел меня, согрел меня
И рядом, недостойного,
С своей особой княжеской
В санях привез домой!» —

Похохотали странники...
Глонув вина (в четвертый раз),
Влас продолжал: — Наследники
Ударили и вотчине
Челом: «Нам жаль родителя,
Порядков новых, нынешних
Ему не перенести.
Поберегите батюшку!
Помалчивайте, кланяйтесь,
Да не перечьте хворому,

Мы вас вознаградим:
За лишний труд, за барщину,
За слово даже бранное —
За всё заплатим вам.
Недолго жить сердечному,
Навряд ли два-три месяца,
Сам дохтур объявил!
Уважьте нас, послушайтесь,
Мы вам луга поемные
По Волге подарим;
Сейчас пошлем посреднику
Бумагу, дело верное!»

Собрался мир, галдит!

Луга-то (эти самые),
Да водка, да с три короба
Посулов то и сделали,
Что мир решил помалчивать
До смерти старика.
Поехали к посреднику:
Смеется! «Дело доброе,
Да и луга хорошие,
Дурачьтесь, бог простит!
Нет на Руси, вы знаете,
Помалчивать да кланяться
Запрета никому!»
Однако я противился:
«Вам, мужикам, сполагоря,
А мне-то каково?
Что ни случится — к барину
Бурмистра! что ни вздумает,
За мной пошлет! Как буду я
На спросы бестолковые
Ответствовать? дурацкие
Приказы исполнять?»

— Ты стой пред ним без шапочки,
Помалчивай да кланяйся,
Уйдешь — и дело кончено.
Старик больной, расслабленный,
Не помнит ничего! —

Оно и правда: можно бы!
Морочить полоумного
Нехитрая статья.

Да быть шутом гороховым,
Признаться, не хотелось.
И так я на веку,
У притолоки стоючи,
Помялся перед барином
Досыта! «Коли мир
(Сказал я, миру кланяясь)
Дозволит покуражиться
Уволенному барину
В останные часы,
Молчу и я — покорствую,
А только что от должности
Увольте вы меня!»

Чуть дело не разладилось.
Да Климка Лавин выручил:
«А вы бурмистром сделайте
Меня! Я удовольствую
И старика, и вас.
Бог приберет Последыша
Скоренько, а у вотчины
Останутся луга.
Так будем мы начальствовать,
Такие мы строжайшие
Порядки заведем,
Что надорвет животики
Вся вотчина... Увидите!»

Долгонько думал мир.
Что ни на есть отчаянный
Был Клим мужик: и пьяница,
И на руку нечист.
Работать не работает,
С цыганами возжается,
Бродяга, коновал!
Смеется над трудящимся:
С работы, как ни мучайся,
Не будешь ты богат,
А будешь ты горбат!
А впрочем, парень грамотный,
Бывал в Москве и в Питере,
В Сибирь ездая с купечеством,
Жаль, не остался там!
Умен, а грош не держится,

Хитер, а попадается
Впросак! Бахвал мужик!
Каких-то слов особенных
Наслушался: Атечество,
Москва первопрестольная,
Душа великорусская.
«Я — русский мужичок!» —
Горланил диким голосом
И, кокнув в лоб посудю,
Пил залпом полуштоф!
Как рукомойник кланяться
Готов за водку всякому,
А есть казна — поделится,
Со встречным всё пропьет!
Горазд орать, балясничать,
Гнилой товар показывать
С хазбвого конца.
Нахвастает с три короба,
А уличишь — отшутится
Бесстыжей поговоркою,
Что «за погудку правую
Смычком по роже бьют!»

Подумавши, оставили
Меня бурмистром: правлю я
Делами и теперь.
А перед старым барином
Бурмистром Климку назвали,
Пускай его! По барину
Бурмистр! перед Последышем
Последний человек!

У Клина совесть глиняна,
А бородача Минина,
Посмотришь, так подумаешь,
Что не найти крестьянина
Степенней и трезвей.
Наследники построили
Кафтан ему: одел его —
И сделался Клим Яковлич
Из Климки бесшабашного,
Бурмистр первейший сорт.

Пошли порядки старые!
Последышу-то нашему,

Как на беду, приказаны
Прогулки. Что ни день,
Через деревню катится
Рессорная колясочка:
Вставай! картуз долой!
Бог весть с чего накинется,
Бранит, корит; с угрозой
Подступит — ты молчи!
Увидит в поле пахаря
И за его же полосу
Облает: и лентяи-то,
И лежебоки мы!
А полоса сработана,
Как никогда на барина
Не работал мужик,
Да невдомек Последышу,
Что уж давно не барская,
А наша полоса!

Сойдемся — смех! У каждого
Свой сказ про юродивого
Помещика: икается,
Я думаю, ему!
А тут еще Клим Яковлич.
Придет, глядит начальником
(Горда свинья: чесалася
О барское крыльцо!),
Кричит: «Приказ по вотчине!»
Ну, слушаем приказ:
«Докладывал я барину,
Что у вдовы Терентьевны
Избенка развалилася,
Что баба побирается
Христовым подаением,
Так барин приказал:
На той вдове Терентьевой
Женить Гаврилу Жохова,
Избу поправить заново,
Чтоб жили в ней, плодились
И правили тягло!»
А той вдове — под семьдесят,
А жениху — шесть лет!
Ну, хохот, разумеется!..
Другой приказ: «Коровушки
Вчера гнались до солнышка

Близ барского двора
И так мычали, глупые,
Что разбудили барина,—
Так пастухам приказано
Впредь унимать коров!»
Опять смеется вотчина.
«А что смеетесь? Всякие
Бывают приказания:
Сидел на губернаторстве
В Якутске генерал.
Так на кол тот коровушек
Сажал! Долгонько слушались:
Весь город разукрасили,
Как Питер монументами,
Казненными коровами,
Пока не догадался,
Что спятил он с ума!»
Еще приказ: «У сторожа,
У ундера Соффонова,
Собака непочтительна:
Залаяла на барина,
Так ундера прогнать,
А сторожем к помещицъей
Усадьбе назначается
Ерёмка!..» Покатились
Опять крестьяне со смеху:
Ерёмка тот с рождения
Глухонемой дурак!

Доволен Клим. Нашел-таки
По праву должность! Бегает,
Чудит, во всё мешается,
Пить даже меньше стал!
Бабенка есть тут бойкая,
Орефьевна, кума ему,
Так с ней Климаха барина
Дурачит заодно.
Лафа бабенкам! бегают
На барский двор с полотнами,
С грибами, с земляникою:
Всё покупают барыни,
И кормят, и поят!

Шутили мы, дурачились,
Да вдруг и дошутились

До сущей до беды:
Был грубый, непокладистый
У нас мужик Агап Петров,
Он много нас корил:
«Ай, мужики! Царь сжалился,
Так вы в хомут охотою...
Бог с ними, с сенокосами!
Знать не хочу господ!..»
Тем только успокоили,
Что штоф вина поставили
(Винцо-то оп любил).
Да черт его со временем
Нанес-таки на барина:
Везет Агап бревно
(Вишь, мало ночи глупому,
Так воровать отправился
Лес — среди бела дня!),
Навстречу та колясочка
И барин в ней: «Откудова
Бревно такое славное
Везешь ты, мужичок?..»
А сам смекнул откудова.
Агап молчит: бревешко-то
Из лесу из господского,
Так что тут говорить!
Да больно уж окрысился
Старик: пилил, пилил его,
Права свои дворянские
Высчитывал ему!

Крестьянское терпение
Выносливо, а временем
Есть и ему конец.
Агап раненько выехал,
Без завтрака: крестьянина
Тошнило уж и так,
А тут еще речь барская,
Как муха неотвязная,
Жужжит под ухо самое...

Захохотал Агап!
«Ах шут ты, шут гороховый!
Нишкни!» — да и пошел!
Досталось тут Последышу

За дедов и за прадедов,
Не только за себя.
Известно, гневу нашему
Дай волю! Брань господская
Что жало комариное,
Мужицкая — обух!
Опешил барин! Легче бы
Стоять ему под пулями,
Под каменным дождем!
Опешили и сродники,
Бабенки было бросились
К Агапу с уговорами,
Так он вскричал: «Убью!..
Что брага, раскуражились
Подонки из поганого
Корыта... Цыц! Нишкни!
Крестьянских душ владение
Покончено. Последыш ты!
Последыш ты! По милости
Мужицкой нашей глупости
Сегодня ты начальствуешь,
А завтра мы Последышу
Пинка — и кончен бал!
Иди домой, похаживай,
Поджавши хвост, по горницам,
А нас оставь! Нишкни!..»

«Ты — бунтовщик!» — с хрипотою
Сказал старик; затрясся весь
И полумертвый пал!
«Теперь конец!» — подумали
Гвардейцы черноусые
И барыни красивые;
Ан вышло — не конец!

Приказ: пред всею вотчиной,
В присутствии помещика,
За дерзость беспримерную
Агапа наказать.
Забегали наследники
И жены их — к Агапушке,
И к Климу, и ко мне!
«Спасите нас, голубчики!
Спасите!» Ходят бледные:

«Если обман откроется,
Пропали мы совсем!»
Пошел бурмистр орудовать!
С Агапом пил до вечера,
Обнявшись, до полуночи
Деревней с ним гулял,
Потом опять с полуночи
Поил его — и пьяного
Привел на барский двор.
Всё обошлось любехонько:
Не мог с крылечка сдвинуться
Последыш — так расстроился...
Ну, Климке и лафа!

В конюшню плут преступника
Привел, перед крестьянином
Поставил штоф вина:
«Пей, да кричи: помилуйте!
Ой, батюшки! ой, матушки!»
Послушался Агап,
Чу, вóпит! Словно музыку,
Последыш стоны слушает;
Чуть мы не рассмеялись,
Как стал он приговаривать:
«Ка-тай его, раз-бой-ника,
Бун-тов-щи-ка... Ка-тай!»
Ни дать ни взять под розгами
Кричал Агап, дурачился,
Пока не дóпил штоф:
Как из конюшни вынесли
Его мертвецки пьяного
Четыре мужика,
Так барин даже сжалился:
«Сам виноват, Агапушка!» —
Он ласково сказал...—

«Вишь, тоже добрый! сжалился», —
Заметил Пров, а Влас ему:
— Не зол... да есть пословица:
Хвали траву в стогу,
А барина — в гробу!
Всё лучше, кабы бог его
Прибрал... Уж нет Агапушки...—

«Как! умер?»

— Да, почтисные:

Почти что в тот же день!
Он к вечеру разохался,
К полуночи попа просил,
К белу свету преставился.
Зарыли и поставили
Животворящий крест...
С чего? Один бог ведает!
Конечно, мы не тронули
Его не только розгами —
И пальцем. Ну а всё ж
Нет-нет — да и подумаешь:
Не будь такой оказии,
Не умер бы Агап!
Мужик сырой, особенный,
Головка непоклончива,
А тут: иди, ложись!
Положим, ладно кончилось,
А всё Агап надумался:
Упрешься — мир осердится,
А мир дурак — доймет!
Всё разом так подстроилось:
Чуть молодые барыни
Не целовали старого,
Полсотни, чай, подсунули,
А пуще: Клим бессовестный,
Сгубил его, анафема,
Винищем!..

Вон от барина
Посол идет: откушали!
Зовет, должно быть, старосту,
Пойду взгляну камедь! —

III

Пошли за Власом странники;
Бабенок тоже несколько
И парней с ними тронулось;
Был полдень, время отдыха,
Так набралось порядочно
Народу — поглазеть.
Все стали в ряд почтительно
Поодаль от господ..

За длинным белым столиком,
Уставленным бутылками
И кушаньями разными,
Сидели господа:
На первом месте — старый князь,
Седой, одетый в белое,
Лицо перекошённое
И — разные глаза.
В петлице крестик беленький
(Влас говорит: Георгия
Победоносца крест).
За стулом в белом галстук
Ипат, дворовый преданный,
Обмахивает мух.
По сторонам помещика
Две молодые барыни:
Одна черноволосая,
Как свекла губы красные,
По яблоку — глаза!
Другая белокурая,
С распущенной косой,
Ай, косонька! как золото
На солнышке горит!
На трех высоких стульчиках
Три мальчика нарядные,
Салфеточки подвязаны
Под горло у детей.
При них старуха нянюшка,
А дальше — челядь разная:
Учительницы, бедные
Дворянки. Против барина —
Гвардейцы черноусые,
Последыша сыны.

За каждым стулом девочка,
А то и баба с веткою —
Обмахивает мух.
А под столом мохнатые
Собачки белошерстые.
Барчонки дразнят их...

Без шапки перед барином
Стоял бурмистр:

«А скоро ли,—
Спросил помещик, кушая,—
Окончим сенокос?»

— Да как теперь прикажете:
У нас по положению
Три дня в неделю барские,
С тягла: работник с лошадью,
Подросток или женщина,
Да полстарухи в день.
Господский срок кончается...—

«Тсс! тсс! — сказал Утятин-князь,
Как человек, заметивший,
Что на тончайшей хитрости
Другого изловил.—
Какой такой *господский срок*?
Откудова ты взял его?»
И на бурмистра верного
Навел пытливо глаз.

Бурмистр потупил голову.
— Как приказать изволите!
Два-три денька хорошие,
И сено вашей милости
Всё уберем, бог даст!
Не правда ли, ребятушки?..—
(Бурмистр воротит к барщине
Широкое лицо.)
За барщину ответила
Проворная Орефьевна,
Бурмистрова кума:
— Вестимо так, Клим Яковлич,
Покуда ведро держится,
Убрать бы сено барское,
А наше — подождет! —

«Бабенка, а умней тебя! —
Помещик вдруг ослабилсЯ
И начал хохотать.—
Ха-ха! дурак!.. Ха-ха-ха-ха!
Дурак! дурак! дурак!
Придумали: господский срок!
Ха-ха... дурак! ха-ха-ха-ха!
Господский срок — вся жизнь раба!

Забыли, что ли, вы:
Я божиею милостью,
И древней царской грамотой,
И родом и заслугами
Над вами господин!..»

Влас наземь опускается.
«Что так?» — спросили странники.
— Да отдохну пока!
Теперь не скоро князюшка
Сойдет с коня любимого!
С тех пор, как слух прошел,
Что воля нам готовится,
У князя речь одна:
Что мужику у барина
До светопреставления
Зажату быть в горсти!..—

И точно: час без малого
Последыш говорил!
Язык его не слушался:
Старик слюною брызгался,
Шипел! И так расстроился,
Что правый глаз задергало,
А левый вдруг расширился
И — круглый, как у филина,—
Вертелся колесом.
Права свои дворянские,
Веками освященные,
Заслуги, имя древнее
Помещик поминал,
Царевым гневом, божиим
Грозил крестьянам, ежели
Взбунтуются они,
И накрепко приказывал,
Чтоб пустяков не думала,
Не баловалась вотчина,
А слушалась господ!

«Отцы! — сказал Клим Яковлич,
С каким-то визгом в голосе,
Как будто вся утроба в нем,
При мысли о помещиках,
Заликовала вдруг.—
Кого же нам и слушаться?»

Кого любить? надеяться
Крестьянству на кого?
Бедами ушиваемся,
Слезами умываемся,
Куда нам бунтовать?
Всё ваше, всё господское —
Домишки наши ветхие,
И животишки хворые,
И сами — ваши мы!
Зерно, что в землю брошено,
И овощ огородная,
И волос на нечесаной
Мужицкой голове —
Всё ваше, всё господское!
В могилках наши прадеды,
На печках деды старые
И в зыбках дети малые —
Всё ваше, всё господское!
А мы, как рыба в неводе,
Хозяева в дому!»

Бурмистра речь покорная
Понравилась помещику:
Здоровый глаз на старосту
Глядел с благоволением,
А левый успокоился:
Как месяц в небе стал!
Налив рукою собственной
Стакан вина заморского,
«Пей!» — барин говорит.
Вино на солнце искрится,
Густое, маслянистое.
Клим выпил, не поморщился
И вновь сказал: «Отцы!
Живем за вашей милостью,
Как у Христа за пазухой:
Попробуй-ка без барина
Крестьянин так пожить!
(И снова, плут естественный,
Глонул вина заморского.)
Куда нам без господ?
Бояре — кипарисовы,
Стоят, не гнут головушки!
Над ними — царь один!
А мужики вязовые —

И гнутся-то, и тянутся,
Скрипят! Где мат крестьянину,
Там барину спологоря:
Под мужиком лед ломится,
Под барином трещит!
Отцы! руководители!
Не будь у нас помещиков,
Не наготовим хлебушка,
Не запасем травы!
Хранители! радетели!
И мир давно бы рушился
Без разума господского,
Без нашей простоты!
Вам на роду написано
Блюсти крестьянство глупое,
А нам работать, слушаться,
Молиться за господ!»

Дворовый, что у барина
Стоял за стулом с веткою,
Вдруг вскрикнул! Слезы катятся
По старому лицу.
«Помолимся же господу
За долголетье барина!» —
Сказал холуй чувствительный
И стал креститься дряхлою,
Дрожащею рукой.
Гвардейцы черноусые
Кисленько как-то глянули
На верного слугу;
Однако — делать нечего! —
Фуражки сняли, крестятся.
Перекрестились барыни,
Перекрестилась нянюшка,
Перекрестился Клим...

Да и мигнул Орефьевне:
И бабы, что протискались
Поближе к господам,
Креститься тоже начали,
Одна так даже вскрикнула
Вподобие дворового.
(«Урчи! вдова Терентьевна!
Старуха полоумная!» —
Сказал сердито Влас.)

Из тучи солнце красное
Вдруг выглянуло; музыка
Протяжная и тихая
Послышалась с реки...

Помещик так растрогался,
Что правый глаз заплаканный
Ему платочком вытерла
Сноха с косой распушенной
И чмокнула старинушку
В здоровый этот глаз.
«Вот! — молвил он торжественно
Сынам своим наследникам
И молодым снохам.—
Желал бы я, чтоб видели
Шуты, ввалили столичные,
Что обзывают дикими
Крепостниками нас,
Чтоб видели, чтоб слышали...»

Тут случай неожиданный
Нарушил речь господскую:
Один мужик не выдержал —
Как захохочет вдруг!

Задергало Последыша.
Вскочил, лицом уставился
Вперед! Как рысь, высматривал
Добычу. Левый глаз
Заколесил... «Сы-скать его!
Сы-скать бун-тов-щи-ка!»

Бурмистр в толпу отправился;
Не ищет виноватого,
А думает: как быть?
Пришел в ряды последние,
Где были наши странники,
И ласково сказал:
«Вы люди чужестранные,
Что с вами он поделает?
Подите кто-нибудь!»
Замялись наши странники,
Желательно бы выручить
Несчастных вахлаков,
Да барин глуп: судись потом,

Как влепит сотню добрую
При всем честнóм миру!
«Иди-ка ты, Романушка! —
Сказали братья Губины.—
Иди! ты любишь бар!»
— Нет, сами вы попробуйте! —
И стали наши странники
Друг дружку посылать.
Клим плюнул. «Ну-ка, Власушка,
Придумай, что тут сделаем?
А я устал; мне мочи нет!»

— Ну, да и врал же ты! —

«Эх, Влас Ильич! где враки-то? —
Сказал бурмистр с досадою.—
Не в их руках мы, что ль?..
Придет пора последняя:
Заедем все в ухаб¹,
Не выедем никак,
В кромешный ад провалимся,
Так ждет и там крестьянина
Работа на господ!»

— Что ж там-то будет, Климушка? —

«А будет что назначено:
Они в котле кипеть,
А мы дрова подкладывать!»

(Смеются мужики.)

Пришли сыны Последыша:
«Эх! Клим-чудак! до смеху ли?
Старик прислал нас; сердится,
Что долго нет виновного...
Да кто у вас сплосал?»

— А кто сплосал, и надо бы
Того тащить к помещику,
Да всё испортит он!
Мужик богатый... Питерщик...
Вишь, принесла нелегкая
Домой его на грех!

¹ Могила. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

Порядки наши чудные
Ему пока в диковину,
Так смех и разобрал!
А мы теперь расхлебывай! —

«Ну... вы его не трогайте,
А лучше киньте жеребий.
Заплатим мы: вот пять рублей...»

— Нет! разбегутся все... —

«Ну, так скажите барину,
Что виноватый спрятался».
— А завтра как? Забыли вы
Агапа неповинного? —

«Что ж делать?.. Вот беда!»

— Давай сюда бумажку ту!
Постойте! я вас выручу! —
Вдруг объявила бойкая
Бурмистрова кума
И побежала к барину,
Бух в ноги: — Красно солнышко!
Прости, не погуби!
Сыночек мой единственный,
Сыночек надурил!
Господь его без разуму
Пустил на свет! Глупешенек:
Идет из бани — чешется!
Лаптишком, вместо ковшика,
Напиться норовит!
Работать не работает,
Знай, скалит зубы белые,
Смешлив... так бог родил!
В дому-то мало радости:
Избенка развалилася,
Случается, есть нечего —
Смеется дурачок!
Подает ли кто копеечку,
Ударит ли по темени —
Смеется дурачок!
Смешлив... что с ним поделаешь?

Из дурака, родименький,
И горе смехом прет! —

Такая баба ловкая!
Орет, как на девишнике,
Целует ноги барину.
«Ну, бог с тобой! Иди! —
Сказал Последыш ласково.—
Я не сержусь на глупого,
Я сам над ним смеюсь!»
«Какой ты добрый!» — молвила
Сноха черноволосая
И старика погладила
По белой голове.
Гвардейцы черноусые
Словечко тоже вставили:
Где ж дурню деревенскому
Понять слова господские,
Особенно Последыша
Столь умные слова?
А Клим полой суконною
Отер глаза бесстыжие
И пробурчал: «Отцы!
Отцы! сыны атечества!
Умеют наказать,
Умеют и помиловать!»

Повеселел старик!
Спросил вина шипучего.
Высоко пробки прынули,
Попадали на баб.
С испугу бабы визгнули,
Шарахнулись. Старинушка
Захотал! За ним
Захотали барыни,
За ними — их мужья,
Потом дворецкий преданный,
Потом кормилки, нянюшки,
А там — и весь народ!
Пошло веселье! Барыни,
По приказанью барина,
Крестьянам поднесли,
Подросткам дали пряников,
Девичам сладкой водочки,

А бабы тоже выпили
По рюмке простяку...

Последыш пил да чокался,
Красивых снох пощипывал.
(— Вот так-то! чем бы старому
Лекарство пить,— заметил Влас,—
Он пьет вино стаканами.
Давно уж меру всякую
Как в гневе, так и в радости
Последыш потерял.—)

Гремит на Волге музыка,
Поют и пляшут девицы —
Ну, словом, пир горой!
К девицам присоседиться
Хотел старик, встал на ноги
И чуть не полетел!
Сын поддержал родителя.
Старик стоял: притопывал,
Присвистывал, прицелкивал,
А глаз свое выделывал —
Вертелся колесом!

«А вы что ж не танцуете? —
Сказал Последыш барыням
И молодым сынам.—
Танцуйте!» Делать нечего!
Прошлись они под музыку.
Старик их осмеял!
Качаясь, как на палубе
В погоду непокойную,
Представил он, как тешились
В его-то времена!
«Спой, Люба!» Не хотелось
Петь белокурой барыне,
Да старый так пристал!

Чудесно спела барыня!
Ласкала слух та песенка,
Негромкая и нежная,
Как ветер летним вечером,
Легонько пробегающий
По бархатной муравушке,
Как шум дождя весеннего
По листьям молодым!

Под песню ту прекрасную
Уснул Последыш. Бережно
Снесли его в ладью
И уложили сонного.
Над ним с зеленым зонтиком
Стоял дворовый преданный,
Другой рукой отмахивал
Слепней и комаров.
Сидели молча бравые
Гребцы; играла музыка
Чуть слышно... лодка тронулась
И мерно поплыла...
У белокурой барыни
Коса, как флаг распущенный,
Играла на ветру...

«Уважил я Последыша! —
Сказал бурмистр. — Господь с тобой!
Куражься, колобродь!
Не знай про волю новую,
Умри, как жил, помещиком,
Под песни наши рабские,
Под музыку холопскую —
Да только поскорей!
Дай отдохнуть крестьянину!
Ну, братцы! поклонитесь мне,
Скажи спасибо, Влас Ильич:
Я миру порадел!
Стоять перед Последышем
Напасть... язык примелется,
А пуще смех долит.
Глаз этот — как завертится,
Беда! Глядишь да думаешь:
«Куда ты, друг единственный?
По надобности собственной
Аль по чужим делам?
Должно быть, раздобылся ты
Курьерской подорожною!..»
Чуть раз не прыснул я.
Мужик я пьяный, ветренный,
В амбаре крысы с голоду
Подохли, дом пустехонек,
А не взял бы, свидетель бог,
Я за такую каторгу
И тысячи рублей,

Когда б не знал доподлинно,
Что я перед *последышем*
Стою... что он куражится
По воле по моей...»

Влас отвечал задумчиво:
— Бахвалься! А давно ли мы,
Не мы одни — вся вотчина...
(Да... всё крестьянство русское!)
Не в шутку, не за денежки,
Не три-четыре месяца,
А целый век... да что уж тут!
Куда уж нам бахвалиться,
Недаром Вахлаки! —

Однако Клима Лавина
Крестьяне полупьяные
Уважили: «Качать его!»
И ну качать... «ура!»
Потом вдову Терентьевну
С Гаврилкой, малолеточком,
Клим посадил рядом
И жениха с невестою
Поздравил! Подурачились
Досыта мужики.
Приели всё, всё припили,
Что господа оставили,
И только поздним вечером
В деревню прибрели.
Домашние их встретили
Известьем неожиданным:
Скончался старый князь!
«Как так?» — Из лодки вынесли
Его уж бездыханного —
Хватил второй удар! —

Крестьяне пораженные
Переглянулись... крестятся...
Вздохнули... Никогда
Такого вздоха дружного,
Глубокого-глубокого
Не испускала бедная
Безграмотной губернии
Деревня Вахлаки...

Но радость их вахлацкая
Была непродолжительна.
Со смертью Последыша
Пропала ласка барская:
Опохмелиться не дали
Гвардейцы вахлакам!
А за луга поемные
Наследники с крестьянами
Тягаются доднесь.
Влас за крестьян ходатаем,
Живет в Москве... был в Питере...
А толку что-то нет!

КРЕСТЬЯНКА

(Из третьей части «Кому на Руси жить хорошо»)

Пролог

«Не всё между мужчинами
Отыскивать счастливого,
Пощупаем-ка баб!» —
Решили наши странники
И стали баб опрашивать.
В селе Наготине
Сказали, как отрезали:
«У нас такой не водится,
А есть в селе Клину:
Корова холмогорская,
Не баба! доброумнее
И глаже — бабы нет.
Спросите вы Корчагину
Матрену Тимофеевну,
Она же: губернаторша...»

Подумали — пошли.

Уж налились колосики.
Стоят столбы точеные,
Головки золоченые,
Задумчиво и ласково
Шумят. Пора чудесная!
Нет веселей, наряднее,
Богаче нет поры!

«Ой, поле многохлебное!
Теперь и не подумаешь,
Как много люди божии
Побились над тобой,
Покамест ты оделся
Тяжелым, ровным колосом
И стало перед пахарем,
Как войско пред царем!
Не столько росы теплые,
Как пот с лица крестьянского
Увлажнили тебя!..»

Довольны наши странники,
То рожью, то пшеницею,
То ячменем идут.
Пшеница их не радует:
Ты тем перед крестьянином,
Пшеница, провинилась,
Что кормишь ты *по выбору*,
Зато не налюбуются
На рожь, что *кормит всех*.

«Льны тоже нонче знатные...
Ай! бедненький, застрял!»
Тут жаворонка малого,
Застрявшего во льну,
Роман распутал бережно,
Поцеловал: «Лети!»
И птичка ввысь помчалася,
За нею умиленные
Следили мужики...

Поспел горох! Накинулись,
Как саранча на полосу:
Горох, что девку красную,
Кто ни пройдет — щипнет!
Теперь горох у всякого —
У старого, у малого,
Рассыпался горох
На семьдесят дорог!

Вся овощь огородная
Поспела; дети носятся
Кто с репой, кто с морковкою,
Подсолнечник луцат,

А бабы свеклу дергают,
Такая свекла добрая!
Точь-в-точь сапожки красные,
Лежит на полосе.

Шли долго ли, коротко ли,
Шли близко ли, далеко ли,
Вот наконец и Клин.
Селенье незавидное:
Что ни изба — с подпоркою,
Как нищий с костылем;
А с крыш солома скормлена
Скоту. Стоят, как остовы.
Убогие дома.
Ненастной, поздней осенью
Так смотрят гнезда галочки,
Когда галчата вылетят
И ветер придорожные
Березы обнажит...
Народ в полях — работает.
Заметив за селением
Усадьбу на пригорочке,
Пошли пока — глядеть.

Огромный дом, широкий двор,
Пруд, ивами обсаженный,
Посереде двора.
Над домом башня высится,
Балконом окруженная,
Над башней шпиль торчит.

В воротах с ними встретился
Лакей, какой-то буркою
Прикрытый: «Вам кого?
Помещик за границею,
А управитель при смерти!..» —
И спину показал.
Крестьяне наши прыснули:
По всей спине дворового
Был нарисован лев.
«Ну, штука!» Долго спорили,
Что за наряд диковинный,
Пока Пахом догадливый
Загадки не решил:
«Холуй хитер: стащит ковер,

В ковре дыру проделает,
В дыру просунет голову
Да и гуляет так!..»

Как прусаки слоняются
По нетоплёной горнице,
Когда их вымораживать
Надумает мужик,
В усадьбе той слонялись
Голодные дворовые,
Покинутые барином
На произвол судьбы.
Все старые, все хворые
И как в цыганском таборе
Одеты. По пруду
Тащили бредень пятеро.

«Бог на помощь! Как ловится?..»

— Всего один карась!
А было их до пропасти,
Да крепко навалились мы,
Теперь — свищи в кулак! —

— Хоть бы пяточек вынули! —
Проговорила бледная
Беременная женщина,
Усердно раздувавшая
Костер на берегу.

«Точеные-то столбики
С балкону, что ли, умница?» —
Спросили мужики.

— С балкону! —

«То-то высохли!
А ты не дуй! Сгорят они
Скорее, чем карасиков
Изловят на уху!»

— Жду — не дождусь. Измаялся
На черством хлебе Митенька,
Эх, горе — не житье! —

И тут она погладила
Полунагого мальчика
(Сидел в тазу заржавленном
Курносый мальчуган).

«А что? ему, чай, холодно,—
Сказал сурово Провушка,—
В железном-то тазу?» —
И в руки взять ребеночка
Хотел. Дитя заплакало,
А мать кричит: — Не тронь его!
Не видишь? Он катается!
Ну, ну! пошел! Колясочка
Ведь это у него!..—

Что шаг, то натыкались
Крестьяне на диковину:
Особая и странная
Работа всюду шла.
Один дворовый мучился
У двери: ручки медные
Отвинчивал; другой
Нес изразцы какие-то.
«Наковырял, Егорушка?» —
Окликнули с пруда.
В саду ребята яблоню
Качали.— Мало, дяденька!
Теперь они остались
Уж только наверху,
А было их до пропасти! —

«Да что в них проку? зелены!»

— Мы рады и таким! —

Бродили долго по саду:
«Затей-то! горы, пропасти!
И пруд опять... Чай, лебеди
Гуляли по пруду?..
Беседка... стойте! с надписью!..»
Демьян, крестьянин грамотный,
Читает по складам.

«Эй, врешь!» Хохочут странники..
Опять — и то же самое

Читает им Демьян.
(Насилу догадался,
Что надпись переправлена:
Затерты две-три литеры,
Из слова благородного
Такая вышла дрянь!)

Заметив любознательность
Крестьян, дворовый седенький
К ним с книгой подошел:
— Купите! — Как ни тужился,
Мудреного заглавия
Не одолел Демьян:
«Садись-ка ты помещиком
Под липой на скамеечку
Да сам ее читай!»

— А тоже грамотеями
Считаетесь!..— с досадою
Дворовый прошипел.—
На что вам книги умные?
Вам вывески питейные
Да слово «воспрещается»,
Что на столбах встречается,
Достаточно читать! —

«Дорожки так загажены,
Что срам! У девок каменных
Отшибены носы!
Пропали фрукты-ягоды,
Пропали гуси-лебеди
У холуя в зобу!
Что церкви без священника,
Угодам без крестьянина,
То саду без помещика! —
Решили мужики.—
Помещик прочно строился,
Такую даль загадывал,
А вот...» (Смеются шестеро,
Седьмой повесил нос.)
Вдруг с вышины откуда-то
Как грянет песня! Головы
Задрали мужики:
Вкруг башни по балкончику
Похаживал в подряснике

Какой-то человек
И пел... В вечернем воздухе,
Как колокол серебряный,
Гудел громовый бас...
Гудел — и прямо за сердце
Хватал он наших странников:
Не русские слова,
А горе в них такое же,
Как в русской песне, слышалось,
Без берегу, без дна.
Такие звуки плавные,
Рыдающие... «Умница,
Какой мужчина там?» —
Спросил Роман у женщины,
Уже кормившей Митеньку
Горяченькой ухой.

— Певец Ново-Архангельской,
Его из Малороссии
Сманили господа.
Свезти его в Италию
Сулились, да уехали...
А он бы рад-радехонек —
Какая уж Италия? —
Обратно в Конотоп.
Ему здесь делать нечего...
Собаки дом покинули
(Озлилась круто женщина),
Кому здесь дело есть?
Да у него ни спереди,
Ни сзади... кроме голосу...—

«Зато уж голосок!»

— Не то еще услышите,
Как до утра пробудете:
Отсюда версты три
Есть дьякон... тоже с голосом...
Так вот они затеяли
По-своему здороваться
На утренней заре.
На башню как подыметя
Да рывкнет наш: «Здо-ро-во ли
Жи-вешь, о-тец И-пат?»
Так стекла затрещат!

А тот ему, оттуда-то:
— Здо-ро-во, наш со-ло-ву-шко!
Жду вод-ку пить! — «И-ду!..»
«Иду»-то это в воздухе
Час целый откликается...
Такие жеребцы!..—

Домой скотина гонится,
Дорога запыхлилась,
Запахло молоком.
Вздыхнула мать Митюхина:
— Хоть бы одна коровушка
На барский двор вошла! —
«Чу! песня за деревнею,
Прощай, горюшка бедная!
Идем встречать народ».

Легко вздохнули странники:
Им после дворни ноющей
Красива показалася
Здоровая, поющая
Толпа жнецов и жниц,—
Всё дело девки красили
(Толпа без красных девушек
Что рожь без васильков).

«Путь добрый! А которая
Матрена Тимофеевна?»
— Что нужно, молодцы? —

Матрена Тимофеевна
Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Лет тридцати осьми.
Красива; волос с проседью,
Глаза большие, строгие,
Ресницы богачейшие,
Сурина и смугла.
На ней рубаха белая,
Да сарафан коротенький,
Да серп через плечо.

— Что нужно вам, молодчики? —

Помалчивали странники,
Покамест бабы прочие

Не поушли вперед,
Потом поклоп отвесили:
«Мы люди чужестранные,
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Мы мужики степенные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Несытова, Неелова,
Заплатова, Дырявина,
Горелок, Голодухина,
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу,
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,
Повздоривши, подрались,
Подравшись, удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,

Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведем
Как ни на есть доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?..

Попа уж мы довели,
Довели помещика,
Да прямо мы к тебе!
Чем нам искать чиновника,
Купца, министра царского,
Царя (еще допустит ли
Нас, мужичонков, царь?) —
Освободи нас, выручи!
Молва идет всесветная,
Что ты вольготно, счастливо
Живешь... Скажи по-божески:
В чем счастье твое?»

Не то чтоб удивилась
Матрена Тимофеевна,
А как-то закручинилась,
Задумалась она...

— Не дело вы затеяли!
Теперь пора рабочая,
Досуг ли толковать?..—

«Полцарства мы промеряли,
Никто нам не отказывал!» —
Просили мужики.

— У нас уж колос сыпется.
Рук не хватает, милые...—

«А мы на что, кума?
Давай серпы! Все семеро
Как станем завтра — к вечеру
Всю рожь твою сожнем!»

Смекнула Тимофеевна,
Что дело подходящее.
— Согласна,— говорит,—

Такие-то вы brave,
Нажнете, не заметите,
Снопов по десяти.—

«А ты нам душу выложи!»

— Не скрою ничего! —

Покуда Тимофеевна
С хозяйством управлялася,
Крестьяне место знатное
Избрали за избой:
Тут рига, конопляники,
Два стога здоровенные,
Богатый огород.
И дуб тут рос — дубов краса.
Под ним присели странники:
*«Эй, скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков».*

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять...
Гогочут братья Губины:
Такую редьку схапали
На огороде — страсть!

Уж звезды рассажалися
По небу темно-синему,
Высоко месяц стал,
Когда пришла хозяйюшка
И стала нашим странникам
«Всю душу открывать...»

Глава I

ДО ЗАМУЖЕСТВА

— Мне счастье в девках выпало:
У нас была хорошая,
Непьющая семья.
За батюшкой, за матушкой,

Как у Христа за пазухой,
Жила я, молодцы.
Отец, поднявшись до свету,
Будил дочурку ласкою,
А брат веселой песенкой;
Покамест одевается,
Поет: «Вставай, сестра!
По избам обряжаются,
В часовенках спасаются —
Пора вставать, пора!
Пастух уж со скотиною
Угнался; за малиною
Ушли подружки в бор,
В полях трудятся пахари,
В лесу стучит топор!»
Управится с горшочками,
Всё вымоет, всё выскребет,
Посадит хлебы в печь —
Идет родная матушка,
Не будит — пуще кутает:
«Спи, милая, касатушка,
Спи, силу запасай!
В чужой семье — недолог сон!
Уложат спать позднехонько!
Придут будить до солнышка,
Лукошко припасут,
На донце бросят корочку:
Сложи ее — да полное
Лукошко набери!..»

Да не в лесу родилася,
Не пеньям я молилася,
Не много я спала.
В день Симеона батюшка
Сажал меня на бурушку
И вывел из младенчества ¹
По пятому годку,
А на седьмом за бурушкой
Сама я в стадо бегала,
Отцу носила завтракать,
Утяточек пасла.
Потом грибы да ягоды,

¹ Обычай. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

Потом: «Бери-ка грабельки
Да сено вороши!»
Так к делу приобьикла я...
И добрая работница,
И петъ-плясать охотница
Я смолоду была.
День в поле проработашь,
Грязна домой воротишься,
А банька-то на что?

Спасибо жаркой баенке,
Березовому веничку,
Студеному ключу, —
Опять бела, свежихонька,
За прялицей с подружками
До полночи поешь!

На парней я не вешалась,
Наянов обрывала я.
А тихому шепну:
«Я личиком разгарчива,
А матушка догадлива,
Не тронь! уйди!..» — уйдет...

Да как я их ни бегала,
А выискался суженый,
На горе — чужанин!
Филипп Корчагин — питерщик,
По мастерству печник.
Родительница плакала:
«Как рыбка в море синее
Юркнешь ты! как соловушко
Из гнездышка порхнешь!
Чужая-то сторонушка
Не сахаром посыпана,
Не медом полита!
Там холодно, там голодно,
Там холеную доченьку
Обвеют ветры буйные,
Обграют черны вороны,
Облают псы косматые
И люди засмеют!..»
А батюшка со сватами
Подвыпил. Закручинилась,
Всю ночь я не спала...

Ах! что ты, парень, в девице
Нашел во мне хорошего?
Где высмотрел меня?
О святках ли, как с горок я
С ребятами, с подругами
Каталась, смеючись?
Ошибся ты, отецкий сын!
С игры, с катанья, с беганья,
С морозу разгорелось
У девушки лицо!
На тихой ли беседушке?
Я там была нарядная,
Дородства и пригожества
Понакопила за зиму,
Цвела, как маков цвет!
А ты бы поглядел меня,
Как лен треплю, как снопики
На риге молочу...
В дому ли во родительском?..
Ах! кабы знать! Послала бы
Я в город братца-сокола:
«Мил братец! шелку, гарусу
Купи — семи цветов,
Да гарнитуру синего!»
Я по углам бы вышила
Москву, царя с царицею,
Да Киев, да Царьград,
А посередке — солнышко,
И эту занавесочку
В окошке бы повесила,
Авось ты загляделся бы,
Меня бы промигал!..

Всю ночку я продумала...
«Оставь, — я парню молвила, —
Я в подневолье с волюшки,
Бог видит, не пойду!»

— Такую даль мы ехали!
Иди! — сказал Филиппушка. —
Не стану обижать! —

Тужила, горько плакала,
А дело девка делала:

На суженого искоса
Поглядывала втай.
Пригож-румян, широк-могуч,
Рус волосом, тих говором —
Пал на сердце Филипп!

«Ты стань-ка, добрый молодец,
Против меня прямехонько,
Стань на одной доске!
Гляди мне в очи ясные,
Гляди в лицо румяное,
Подумывай, смекай:
Чтоб жить со мной — не каяться,
А мне с тобой не плакаться...
Я вся тут такова!»

— Небось не буду каяться,
Небось не будешь плакаться! —
Филиппушка сказал.

Пока мы торговались,
Филиппу я: «Уйди ты прочь!»,
А он: — Иди со мной! —
Известно: — Ненаглядная,
Хорошая... пригожая...—
«Ай!..» — вдруг рванулась я...
— Чего ты? Эка силища! —
Не удержи — не видеть бы
Вовек ему Матренушки,
Да удержал Филипп!
Пока мы торговались,
Должно быть, так я думаю,
Тогда и было счастьеце...
А больше вряд когда!

Я помню, ночка звездная,
Такая же хорошая,
Как и теперь, была...—

Вдохнула Тимофеевна,
Ко стогу приклонилася,
Унынным, тихим голосом
Пропела про себя:

— «Ты скажи, за что,
Молодой купец,
Полюбил меня,
Дочь крестьянскую?
Я не в серебре,
Я не в золоте,
Жемчугами я
Не увешана!»

— Чисто серебро —
Чистота твоя,
Красно золото —
Красота твоя,
Бел-крупен жемчуг —
Из очей твоих
Слезы катятся...—

Велел родимый батюшка,
Благословила матушка,
Поставили родители
К дубовому столу,
С краями чары налили:
«Бери поднос, гостей-чужан
С поклоном обноси!»
Впервой я поклонилась —
Вздрогну́ли ноги резвые;
Второй я поклонилась —
Поблекло бело личико;
Я в третий поклонилась,
И волюшка ¹ скатилась
С девичьей головы...—

—
«Так значит: свадьба? Следует,—
Сказал один из Губиных,—
Проздравить молодых».

«Давай! Начни с хозяйшки».
«Пьешь водку, Тимофеевна?»

— Старухе — да не пить?..

¹ Во время последней вечеринки, или порученья, с невесты снимают волю, то есть ленту, которую носят девицы до замужества. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

Глава II

ПЕСНИ

У суда стоять
Ломит ноженьки,
Под венцом стоять
Голова болит,
Голова болит,
Вспоминается
Песня старая,
Песня грозная.
На широкий двор
Гости въехали,
Молоду жену
Муж домой привез,
А роденька-то
Как набросится!
Деверек ее —
Расточихою,
А золовушка —
Щеголихою,
Свекор-батюшка —
Тот медведицей,
А свекровушка —
Людоедицей,
Кто неряхою,
Кто непряхою...

Всё, что в песенке
Той певалось,
Всё со мной теперь
То и сталося!
Чай, певали вы?
Чай, вы знаете?..

«Начинай, кума!
Нам подхватывать...»

Матрена

Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекор-батюшка по сеничкам похаживает,
Сердитый по новым погуливает.

Странники (хором)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Матрена

Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекровь-матушка по сеничкам похаживает,
Сердитая по новым погуливает.

Странники (хором)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

— Семья была большущая,
Сварливая... попала я
С девичьей холи в ад!
В работу муж отправился,
Молчать, терпеть советовал:
Не плюй на раскаленное
Железо — зашипит!
Осталась я с золовками,
Со свекром, со свекровушкой,
Любить-голубить некому,
А есть кому журить!
На старшую золовушку,
На Марфу богомольную,
Работай, как раба;
За свекором приглядывай,
Сплошаешь — у кабатчика
Пропажу выкупай.
И встань и сядь с приметой,
Не то свекровь обидится;
А где их все-то знать?
Приметы есть хорошие,
А есть и бедокурные.

Случилось так: свекровь
Надула в уши свекору,
Что рожь добрее родится
Из краденых семян.
Поехал ночью Тихоньч,
Поймали,— полумертвого
Подкинули в сарай...

Как велено, так сделано:
Ходила с гневом на сердце,
А лишнего не молвила
Словечка никому.
Зимой пришел Филиппушка,
Привез платочек шелковый
Да прокатил на саночках
В Екатеринин день ¹,
И горя словно не было!
Запела, как певала я
В родительском дому.
Мы были однолеточки,
Не трогай нас — нам весело,
Всегда у нас лады.
То правда, что и мужа-то
Такого, как Филиппушка,
Со свечкой поискать...—

«Уж будто не колачивал?»

Замялась Тимофеевна:
— Раз только,— тихим голосом
Промолвила она.

«За что?» — спросили странники.

Уж будто вы не знаете,
Как ссоры деревенские
Выходят? К муженьку
Сестра гостить приехала,
У ней коты́ разбилися.
«Дай башмаки Оленушке,
Жена!» — сказал Филипп.

¹ Первое катанье на санях. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

А я не вдруг ответила.
Корчагу подымала я,
Такая тяга: вымолвить
Я слова не могла.
Филипп Ильич прогневался,
Пождал, пока поставила
Корчагу на шесток,
Да хлоп меня в висок!
«Ну, благо ты приехала,
И так походишь!» — молвила
Другая, незамужняя
Филиппова сестра.

Филипп подбавил женушке.
«Давненько не видались мы,
А знать бы — так не ехать бы!» —
Сказала тут свекровь.

Еще подбавил Филюшка...
И всё тут! Не годилось бы
Жене побой мужнины
Считать; да уж сказала я:
Не скрою ничего! —

«Ну, женщины! с такими-то
Змеями подколодными
И мертвый плеть возьмет!»

Хозяйка не ответила.
Крестьяне, ради случаю,
По новой чарке выпили
И хором песню грянули
Про шелковую плеточку,
Про мужнину родню.

Мой постылый муж
Подымается:
За шелкову плеть
Принимается.

Х о р

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

Свекру-батюшке
Поклонилася:
Свекор-батюшка,
Отними меня
От лиха мужа,
Змея лютого!
Свекор-батюшка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить...

Х о р

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! дели! дели!
Кровь пробрызнула...

Свекровь-матушке
Поклонилася:
Свекровь-матушка,
Отними меня
От лиха мужа,
Змея лютого!
Свекровь-матушка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить...

Х о р

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! дели! дели!
Кровь пробрызнула...

Филипп на Благовещенье
Ушел, а на Казанскую
Я сына родила.
Как писанный был Демущка!
Краса взята у солнышка,
У снегу белизна,
У маку губы алые,
Бровь черная у соболя,
У соболя сибирского,
У сокола глаза!
Весь гнев с души красавец мой
Согнал улыбкой ангельской,

Как солнышко весеннее
Сгоняет снег с полей...
Не стала я тревожиться,
Что ни велят — работаю,
Как ни бранят — молчу.

Да тут беда подсунулась:
Абрам Гордеич Ситников,
Господский управляющий,
Стал крепко докучать:
«Ты писаная кралячка,
Ты наливная ягодка...»
— Отстань, бесстыдник! ягодка,
Да бору не того! —
Укланяла золовушку,
Сама нейду на барщину,
Так в йзбу прикатит!
В сарае, в риге спрячуся —
Свекровь оттуда вытащит:
«Эй, не шути с огнем!»
— Гони его, родимая,
По шее! — «А не хочешь ты
Солдаткой быть?» Я к дедушке:
«Что делать? Научи!»

Из всей семейки мужниной
Один Савелий, дедушка,
Родитель свекра-батюшки,
Жалел меня... Рассказывать
Про деда, молодцы? —

«Вали всю подноготную!
Накинем по два снопика»,—
Сказали мужики.

— Ну, то-то! речь особая.
Грех промолчать про дедушку.
Счастливец тоже был...

Г л а в а III

САВЕЛИЙ, БОГАТЫРЬ СВЯТОРУССКИЙ

С большущей сивой гривой,
Чай, двадцать лет не стриженной,
С большущей бородой,

Дед на медведя смахивал,
Особенно как из лесу,
Согнувшись, выходил.
Дугой спина у дедушки.
Сначала всё боялась я,
Как в низенькую горенку
Входил он: ну распрямится?
Пробьет дыру медведице
В светелке головой!
Да распрямится дедушка
Не мог: ему уж стукнуло,
По сказкам, сто годов.
Дед жил в особой горнице,
Семейки недолюбливал,
В свой угол не пускал;
А та сердилась, лаялась,
Его «клеименым, каторжным»
Честил родной сынок.
Савелий не рассердится,
Уйдет в свою светелочку,
Читает святцы, крестится,
Да вдруг и скажет весело:
«Клейменный, да не раб!»...
А крепко досадят ему —
Подшутит: «Поглядите-тко,
К нам сваты!» Незамужняя
Золушка — к окну:
Ан вместо сватов — нищие!
Из оловянной пуговки
Дед вылепил двугривенный,
Подбросил на полу —
Попался свекор-батюшка!
Не пьяный из питейного —
Побитый приплелся!
Сидят, молчат за ужином:
У свекра бровь рассечена,
У деда, словно радуга,
Усмешка на лице.

С весны до поздней осени
Дед брал грибы да ягоды,
Силочки становил
На глухарей, на рябчиков.
А зиму разговаривал
На печке сам с собой.

Имел слова любимые,
И выпускал их дедушка
По слову через час:

• • • • •
«Погибшие... прощание...»

• • • • •
«Эх вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать!»

• • • • •
«Недотерпеть — пропасть!
Перетерпеть — пропасть!..»

• • • • •
«Эх, доля святорусского
Богатыря сермяжного!
Всю жизнь его дерут.
Раздумается временем
О смерти — муки адские
В ту-светной жизни ждут».

• • • • •
«Надумалась Корёжина,
Надай! надай! надай!..»

• • • • •
И много! да забыла я...
Как свекор развоюется,
Бежала я к нему.
Запремся. Я работаю,
А Дема, словно яблочко
В вершине старой яблони,
У деда на плече
Сидит румяный, свеженький...

Вот раз и говорю:

«За что тебя, Савельюшка,
Зовут клейменым, каторжным?»

— Я каторжником был.—

«Ты, дедушка?»

— Я, внученька!

Я в землю немца Фогеля
Христьяна Христианыча
Живого закопал...—

«И полно! шутишь, дедушка!»

— Нет, не шучу. Послушай-ка! —
И всё мне рассказал.

— Во времена досюльные
Мы были тоже барские,
Да только ни помещиков,
Ни немцев-управителей
Не знали мы тогда.
Не правили мы барщины,
Оброков не платили мы,
А так, когда рассудится,
В три года раз пошлем.—

«Да как же так, Савельюшка?»

— А были благодатные
Такие времена.
Недаром есть пословица,
Что нашей-то сторонутки
Три года черт искал.
Кругом леса дремучие,
Кругом болота топкие,
Ни конному проехать к нам,
Ни пешему пройти!
Помещик наш Шалашников
Через тропы звериные
С полком своим — военный был —
К нам достигнуть пробовал,
Да лыжи повернул!
К нам земская полиция
Не попадала по году,—
Вот были времена!
А нынче — барин под боком,
Дорога скатерть-скатертью...
Тьфу! прах ее возьми!..
Нас только и тревожили
Медведи... да с медведями
Справлялись мы легко.
С ножищем да с рогатиной
Я сам страшной сохатого,
По заповедным тропочкам
Иду: «Мой лес!» — кричу.
Раз только испугался я,
Как наступил на сонную
Медведицу в лесу.

И то бежать не бросился,
А так всадила рогатину,
Что словно как на вертеле
Цыпленок — завертелася
И часу не жила!
Спина в то время хрустнула,
Побаливала изредка,
Покуда молод был,
А к старости согнулася.
Не правда ли, Матренушка,
На очеп¹ я похож? —

«Ты начал, так досказывай!
Ну, жили — не тужили вы,
Что ж дальше, голова?»

— По времени Шалашников
Удумал штуку новую,
Приходит к нам приказ:
«Явиться!» Не явились мы,
Притихли, не шелохнемся
В болотине своей.
Была засуха сильная,
Наехала полиция,
Мы дань ей — медом, рыбою!
Наехала опять,
Грозит с конвоем выправить,
Мы — шкурами звериными!
А в третий — мы ничем!
Обули лапти старые,
Надели шапки рваные,
Худые армяки —
И тронулась Корёжина!..
Пришли... (В губернском городе
Стоял с полком Шалашников.)
«Оброк!» — Оброку нет!
Хлеба не уродились,
Снеточки не ловились... —
«Оброк!» — Оброку нет! —
Не стал и разговаривать:
«Эй, перемена первая!» —
И начал нас пороть.

¹ Деревенский колодец. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

Туга мощна корёжская!
Да стоек и Шалашников:
Уж языки мешались,
Мозги уж потрясались
В головушках — дерет!
Укрепа богатырская,
Не розги!.. Делать нечего!
Кричим: постой, дай срок!
Онучи распороли мы
И барину «лобанчиков»¹
Полшапки поднесли.

Утих боец Шалашников!
Такого-то горчайшего
Поднес нам травнику,
Сам выпил с нами, чокнулся
С Корёгой покоренною:
«Ну, благо вы сдались!
А то — вот бог! — решился я
Содрать с вас шкуру начисто...
На барабан напялил бы
И подарил полку!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
(Хохочет — рад придумочке):
Вот был бы барабан!»

Идем домой понурые...
Два старика кряжистые
Смеются... Ай, кряжи!
Бумажки сторублевые
Домой под подоплекою
Нетронуты несут!
Как уперлись: мы нищие —
Так тем и отбоярились!
Подумал я тогда:
«Ну, ладно ж! черти сивые,
Вперед не доведется вам
Смеяться надо мной!»
И прочим стало совестно,
На церковь побожились:
«Вперед не посраимся мы,
Под розгами умрем!»

¹ Полуимперялы. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

Понравились помещику
Корёжские лобанчики,
Что год — зовет... дерет...

Отменно драл Шалашников,
А не ахти великие
Доходы получал:
Сдавались люди слабые,
А сильные за вотчину
Стояли хорошо.
Я тоже перетерпывал,
Помалчивал, подумывал:
«Как ни дери, собачий сын,
А всей души не вышибешь,
Оставишь что-нибудь!»
Как примет дань Шалашников,
Уйдем — и за заставою
Поделим барыши:
«Что денег-то осталось!
Дурак же ты, Шалашников!»
И тешилась над барином
Корёга в свой черед!
Вот были люди гордые!
А нынче дай затрещину —
Исправнику, помещику
Тащат последний грош!

Зато купцами жили мы...

Подходит лето красное,
Ждем грамоты... Пришла...
А в ней уведомление,
Что господин Шалашников
Под Варною убит.
Жалеть не пожалели мы,
А пала дума на сердце:
«Приходит благоденствию
Крестьянскому конец!»
И точно: небывалое
Наследник средство выдумал:
К нам немца подослал.
Через леса дремучие,
Через болота топкие
Пешком пришел, шельмец!
Один как перст: фуражечка

Да тросточка, а в тросточке
Для ўженья снаряд.
И был сначала тихонький:
«Платите, сколько можете».
— Не можем ничего! —
«Я барина уведомяю».
— Уведомяю!..— Тем и кончилось.
Стал жить да поживать;
Питался больше рыбою;
Сидит на речке с удочкой
Да сам себя то по носу,
То по лбу — бац да бац!
Смеялись мы: — Не любишь ты
Корёжского комарика...
Не любишь, немчура?..—
Катается по бережку,
Гогочет диким голосом,
Как в бане на полке...

С ребятами, с девóчками
Сдружился, бродит по лесу...
Недаром он бродил!
«Если платить не можете,
Работайте!» — А в чем твоя
Работа? — «Окопать
Канавками желательню
Болото...» Окопали мы...
«Теперь рубите лес...»
— Ну, хорошо! — Рубили мы,
А немчура показывал,
Где надобно рубить.
Глядим: выходит просека!
Как просеку прочистили,
К болоту поперечины
Велел по ней возить.
Ну, словом: спохватились мы,
Как уж дорогу сделали,
Что немец нас поймал!

Поехал в город парочкой!
Глядим, везет из города
Коробки, тюфяки;
Откудова ни взялися
У немца босоногого
Детишки и жена.

Повел хлеб-соль с исправником
И с прочей земской властью,
Гостишек полон двор!

И тут настала каторга
Корёжскому крестьянину —
До нитки разорил!
А драл... как сам Шалашников!
Да тот был прост: накинется
Со всей воинской силою,
Подумаешь: убьет!
А деньги сунь — отвалится,
Ни дать ни взять раздувшийся
В собачьем ухе клещ.
У немца — хватка мертвая:
Пока не пустит по миру,
Не отойдя сосет! —

«Как вы терпели, дедушка?»

— А потому терпели мы,
Что мы — богатыри.
В том богатство русское.
Ты думаешь, Матренушка,
Мужик — не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою — а богатырь!

Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина... леса дремучие
Прошли по ней — сломались.
А грудь? Илья-пророк
По ней гремит-катается
На колеснице огненной...
Всё терпит богатырь!

И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится...
Ужли не богатырь? —

«Ты шутишь шутки, дедушка! —
Сказала я. — Такого-то
Богатыря могучего,
Чай, мыши заедят!»

— Не знаю я, Матренушка.
Покамест тягу страшную
Поднять-то поднял он,
Да в землю сам ушел по грудь
С натуги! По лицу его
Не слезы — кровь течет!
Не знаю, не придумаю,
Что будет? Богу ведомо!
А про себя скажу:
Как выли вьюги зимние,
Как ныли кости старые,
Лежал я на печи;
Полеживал, подумывал:
Куда ты, сила, делася?
На что ты пригодилася? —
Под розгами, под палками
По мелочам ушла! —

«А что же немец, дедушка?»

— А немец как ни властвовал,
Да наши топоры
Лежали — до поры!

Осьмнадцать лет терпели мы.
Застроил немец фабрику,
Велел колодец рыть.
Вдевятером копали мы,
До полдня проработали,
Позавтракать хотим.
Приходит немец: «Только-то?..»
И начал нас по-своему,
Не торопясь, пилить.
Сстояли мы голодные,
А немец нас поругивал
Да в яму землю мокрую
Пошвыривал ногой.
Была уж яма добрая...
Случилось, я легонечко
Толкнул его плечом,
Потом другой толкнул его,
И третий... Мы погрудились...
До ямы два шага...
Мы слова не промолвили,
Друг другу не глядели мы

В глаза... а всей гурьбой
Христьяна Христианыча
Поталкивали бережно
Всё к яме... всё на край...
И немец в яму бухнулся,
Кричит: «Веревку! лестницу!»
Мы девятью лопатами
Ответили ему.
«Наддай!» — я слово выронил,—
Под слово люди русские
Работают дружной.
«Наддай! наддай!» Так наддали,
Что ямы словно не было —
Сровнялася с землей!
Тут мы переглянулись...—

Остановился дедушка.

«Что ж дальше?»
— Дальше — дрань!

Кабак... острог в Буй-городе,
Там я учился грамоте,
Пока решили нас.
Решенье вышло: каторга
И плети предварительно;
Не выдрали — помазали,
Плохое там дранье!
Потом... бежал я с каторги...
Поймали! не погладили
И тут по голове.
Заводские начальники
По всей Сибири славятся —
Собаку съели драть.
Да нас дирал Шалашников
Больней — я не поморщился
С заводского дранья.
Тот мастер был — умел пороть!
Он так мне шкуру выделал,
Что носится сто лет.

А жизнь была нелегкая.
Лет двадцать строгой каторги,
Лет двадцать поселения.
Я денег прикопил,
По манифесту царскому

Попал опять на родину,
Пристроили эту горенку
И здесь давно живу.
Покуда были денежки,
Любили деда, холили,
Теперь в глаза плюют!
Эх вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать...—

Тут кончил речь Савельюшка...—

«Ну что ж? — сказали странники.—
Досказывай, хозяйюшка,
Свое жите-бытье!»

— Невесело досказывать.
Одной беды бог миловал:
Холерой умер Ситников,—
Другая подошла.—

«Наддай!» — сказали странники
(Им слово полюбилися)
И выпили винца...

Глава IV

ДЕМУШКА

Зажгло грозою дерево,
А было соловьиное
На дереве гнездо.
Горит и стонет дерево,
Горят и стонут птенчики:
«Ой, матушка! где ты?
А ты бы нас похолила,
Пока не оперились мы:
Как крылья отрастим,
В долины, в рощи тихие
Мы сами улетим!»
Дотла сгорело дерево,
Дотла сгорели птенчики,
Тут прилетела мать.
Ни дерева... ни гнездышка...
Ни птенчиков!.. Поет-зовет...

Поет, рыдает, кружится,
Так быстро, быстро кружится,
Что крылышки свистят!..
Настала ночь, весь мир затих,
Одна рыдала пташечка,
Да мертвых не докликалась
До белого утра!..

Носила я Демидушку
По поженкам... лелеяла...
Да взъелася свекровь,
Как зыкнула, как рыкнула:
«Оставь его у дедушки,
Не много с ним нажнешь!»
Запугана, заругана,
Перечить не посмела я,
Оставила дитя.

Такая рожь богатая
В тот год у нас родилася,
Мы землю не ленясь
Удобрали, ухолили,—
Трудненько было пахарю,
Да весело жнее!
Снопами нагружала я
Телегу со стропилами
И пела, молодцы.
(Телега нагружается
Всегда с веселой песнею,
А сани с горькой думою:
Телега хлеб домой везет,
А сани — на базар!)
Вдруг стоны я услышала:
Ползком ползет Савелий-дед,
Бледнешенек как смерть:
«Прости, прости, Матренушка! —
И повалился в ноженьки.—
Мой грех — недоглядел!..»

Ой ласточка! ой глупая!
Не вей гнезда под берегом,
Под берегом крутым!
Что день — то прибавляется
Вода в реке: зальет она
Детенышей твоих.

Ой бедная молодущка!
Сноха в дому последняя,
Последняя раба!
Стерпи грозу великую,
Прими побои лишние,
А с глазу неразумного
Младенца не спускай!..

Заснул старик на солнышке,
Скормил свиньям Демидушку
Придурковатый дед!..
Я клубышком каталася,
Я червышком свивалася,
Звала, будила Демушку —
Да поздно было звать!..

Чу! конь стучит копытами,
Чу, сбруя золоченая
Звонит... еще беда!
Ребята испугались,
По избам разбежались,
У окон заметались
Старухи, старики.
Бежит деревней староста,
Стучит в окошки палочкой,
Бежит в поля, луга.

Собрал народ: идут — кряхтят!
Беда! Господь прогневался,
Наслал гостей непрошенных,
Неправедных судей!
Знать, деньги издержались,
Сапожки притоптались,
Знать, голод разобрал!..

Молитвы Иисусовой
Не сотворив, уселися
У земского стола,
Налой и крест поставили,
Привел наш поп, отец Иван,
К присяге понятых.

Допрашивали дедушку,
Потом за мной десятника
Прислали. Становой

По горнице похаживал,
Как зверь в лесу порыкивал...
«Эй! женка! состояла ты
С крестьянином Савелием
В сожительстве? Винись!»
Я шепотком ответила:
— Обидно, барин, шутите!
Жена я мужу честная,
А старику Савелию
Сто лет... Чай, знаешь сам? —
Как в стойле конь подкованный,
Затопал; о кленовый стол
Ударил кулаком:
«Молчать! не по согласью ли
С крестьянином Савелием
Убила ты дитя?..»
Владычица! что вздумали!
Чуть мироеда этого
Не назвала я нехристом,
Вся закипела я...
Да лекаря увидела:
Ножи, ланцеты, ножницы
Натачивал он тут.
Вздогну́ла я, одумалась.
— Нет,— говорю,— я Демушку
Любила, берегла...—
«А зельем не поила ты?
А мышьяку не сыпала?»
— Нет! сохрани господь!..—
И тут я покорилась,
Я в ноги поклонилась:
— Будь жалостлив, будь добр!
Вели без поругания
Честнóму погребению
Ребеночка предать!
Я мать ему!..— Упросишь ли?
В груди у них нет душеньки,
В глазах у них нет совести,
На шее — нет креста!

Из тонкой из пеленочки
Повыкатали Демушку
И стали тело белое
Терзать и пластовать.

Тут свету я невзвидела,—
Металась и кричала я:
— Злодеи! палачи!..
Падите мои слезоньки
Не на землю, не на воду,
Не на господень храм!
Падите прямо на сердце
Злодею моему!
Ты дай же, боже господи!
Чтоб тлен пришел на платьеце,
Безумье на головушку
Злодея моего!
Жену ему неумную
Пошли, детей — юродивых!
Прими, услыши, господи,
Молитвы, слезы матери,
Злодея накажи!..—¹
«Никак, она помешана? —
Сказал начальник сотскому. —
Что ж ты не упредил?
Эй! не дури! связать велю!..»

Присела я на лавочку.
Ослабла, вся дрожу.
Дрожу, гляжу на лекаря:
Рукавчики засучены,
Грудь фартуком завешана,
В одной руке — широкий нож,
В другой ручник — и кровь на нем,—
А на носу очки!
Так тихо стало в горнице...
Начальничек помалчивал,
Поскрипывал пером,
Поп трубочкой попыхивал,
Не шелохнувшись, хмурые
Стояли мужики.
— Ножом в сердцах читаете,—
Сказал священник лекарю,
Когда злодей у Демушки
Сердечко распластал.
Тут я опять рванулася...

¹ Взято почти буквально из народного причитания. (Примеч. П. А. Некрасова.)

«Ну, так и есть — помешана!
Связать ее!» — десятнику
Начальник закричал.
Стал понятых опрашивать:
«В крестьянке Тимофеевой
И прежде помешательство
Вы примечали?»

— Нет! —

Спросили свекра, деверя,
Свекровушку, золовушку:

— Не примечали, нет! —

Спросили деда старого:

— Не примечал! ровна была...
Одно: к начальству кликнули,
Пошла... а ни целковика,
Ни новины, пропащая,
С собой и не взяла! —

Заплакал навзрыд дедушка.
Начальничек нахмурился,
Ни слова не сказал.
И тут я спохватилась!
Прогневался бог: разуму
Лишил! была готовая
В коробке новина!
Да поздно было каяться.
В моих глазах по косточкам
Изрезал лекарь Демушку,
Циновочкой прикрыл.
Я словно деревянная
Вдруг стала: загляделась я,
Как лекарь руки мыл,
Как водку пил. Священнику
Сказал: «Прошу покорнейше!»
А поп ему: — Что просите?
Без прутика, без кнутика
Все ходим; люди грешные,
На этот водопой! —

Крестьяне настоялися,
Крестьяне надрожались.
(Откуда только бралися
У коршуна налетного
Корыстные дела!)
Без церкви намолилися,
Без образа накланялись!
Как вихорь налетал —
Рвал бороды начальничек,
Как лютый зверь наскакивал —
Ломал перстни злаченные...
Потом он кушать стал.
Пил-ел, с попом беседовал,
Я слышала, как шепотом
Поп плакался ему:
— У нас народ — всё голь да пьянь,
За свадебку, за исповедь
Должают по годам.
Несут гроши последние
В кабак! А благочинному
Одни грехи тащят! —
Потом я песни слышала,
Всё голоса знакомые,
Девичьи голоса:
Наташа. Глаша, Дарьюшка...
Чу! пляска! чу! гармония!..
И вдруг затихло всё...
Заснула, видно, что ли, я?..
Легко вдруг стало: чудилось,
Что кто-то наклоняется
И шепчет надо мной:
«Усни, многокручинная!
Усни, многострадальная!» —
И крестит... С рук скатилися
Веревки... Я не помнила
Потом уж ничего...

Очнулась я. Темно кругом.
Гляжу в окно — глухая ночь!
Да где же я? да что со мной?
Не помню, хоть убей!
Я выбралась на улицу —
Пуста. На небо глянула —
Ни месяца, ни звезд.
Сплошная туча черная

Висела над деревню,
Темны дома крестьянские,
Одна пристройка дедова
Сияла, как чертог.
Вошла — и всё я вспомнила:
Свечами воску ярого
Обставлен, среди горенки
Дубовый стол стоял,
На нем гробочек крохотный,
Прикрыт камчатной скатертью,
Икона в головах...
«Ой, плотнички-работнички!
Какой вы дом построили
Сыночку моему?
Окошки не прорублены,
Стеколышки не вставлены,
Ни печи, ни скамьи!
Пуховой нет перинушки...
Ой, жестко будет Демушке,
Ой, страшно будет спать!..»

«Уйди!» — вдруг закричала я,
Увидела я дедушку:
В очках, с раскрытой книгою
Стоял он перед гробиком,
Над Демою читал.
Я старика столетнего
Звала клейменым, каторжным.
Гневна, грозна, кричала я:
«Уйди! убил ты Демушку!
Будь проклят ты... уйди!..»

Старик ни с места. Крестится,
Читает... Уходилась я,
Тут дедко подошел:
— Зимой тебе, Матренушка,
Я жизнь мою рассказывал,
Да рассказал не всё:
Леса у нас угрюмые,
Озера нелюдимые,
Народ у нас дикарь.
Суровы наши промыслы:
Дави тетерю петлею,
Медведя режь рогатиной,
Сплошаешь — сам пропал!

А господин Шалашников
С своей воинской силою?
А немец-душегуб?
Потом острог да каторга...
Окаменел я, внученька,
Лютей зверя был.
Сто лет зима бессменная
Стояла. Растопил ее
Твой Дема-богатырь!
Однажды я качал его,
Вдруг улыбнулся Демушка...
И я ему в ответ!
Со мною чудо случилось:
Третьеводни прицелился
Я в белку: на суку
Качалась белка... лапчочкой,
Как кошка, умывалась...
Не выпалил: живи!
Брожу по рощам, по лугу,
Любуюсь каждым цветиком.
Иду домой, опять
Смеюсь, играю с Демушкой...
Бог видит, как я милого
Младенца полюбил!
И я же, по грехам моим,
Сгубил дитя невинное...
Кори, казни меня!
А с богом спорить нечего.
Стань! помолись за Демушку!
Бог знает, что творит:
Сладка ли жизнь крестьянина? —

И долго, долго дедушка
О горькой доле пахаря
С тоскою говорил...
Случись купцы московские,
Вельможи государевы,
Сам царь случись: не надо бы
Ладнее говорить!

— Теперь в раю твой Демушка,
Легко ему, светло ему... —

Заплакал старый дед.

«Я не ропщу,— сказала я,—
Что бог прибрал младенчика,
А больно то, зачем они
Ругались над ним?
Зачем, как черны вороны,
На части тело белое
Терзали?.. Неужли
Ни бог, ни царь не вступится?..»

— Высоко бог, далеко царь...—

«Нужды нет: я дойду!»

— Ах! что ты? что ты, внученька?..
Терпи, многокручинная!
Терпи, многострадальная!
Нам правды не найти.—

«Да почему же, дедушка?»

— Ты — крепостная женщина! —
Савельюшка сказал.

Я долго, горько думала...
Гром грянул, окна дрогнули,
И я вздрогнула... К гробику
Подвел меня старик:
— Молись, чтоб к лику ангелов
Господь причислил Демушку! —
И дал мне в руки дедушка
Горящую свечу.

Всю ночь до свету белого
Молилась я, а дедушка
Протяжным, ровным голосом
Над Демою читал...

Глава V

волчица

Уж двадцать лет, как Демушка
Дерновым одеялечком
Прикрыт,— всё жаль сердечного!

Молюсь о нем, в рот яблока
До Спаса не беру¹.
Не скоро я оправилась.
Ни с кем не говорила я,
А старика Савелия
Я видеть не могла.
Работать не работала.
Надумал свекор-батюшка
Вожжами поучить,
Так я ему ответила:
«Убей!» Я в ноги кланялась:
«Убей! один конец!»
Повесил вожжи батюшка.
На Деминой могилочке
Я день и ночь жила.
Платочком обметала я
Могилку, чтобы травушкой
Скорее поросла,
Молилась за покойничка,
Тужила по родителям:
Забыли дочь свою!
Собак моих боитесь?
Семьи моей стыдитесь?
«Ах, нет, родная, нет!
Собак твоих не боязно,
Семьи твоей не совестно,
А ехать сорок верст
Свои беды рассказывать,
Твои беды выспрашивать —
Жаль бурушку гонять!
Давно бы мы приехали,
Да ты мы думу думали:
Приедем — ты расплачешься,
Уедем — заревешь!»

Пришла зима: кручиною
Я с мужем поделилася,
В Савельевой пристроечке
Тужили мы вдвоем.—

«Что ж, умер, что ли, дедушка?»

¹ Примета: если мать умершего младенца станет есть яблоки до Спаса (когда они поспевают), то бог, в наказание, не даст на том свете ее умершему младенцу «яблочка поиграть». (Примеч. Н. А. Некрасова.)

— Нет. Он в своей каморочке
Шесть дней лежал безвыходно,
Потом ушел в леса.
Так пел, так плакал дедушка,
Что лес стонал! А осенью
Ушел на покаяние
В Песочный монастырь.

У бабушки, у матушки
С Филиппом побывала я,
За дело принялась.
Три года, так считаю я,
Неделя за неделю,
Одним порядком шли,
Что год, то дети: некогда
Ни думать, ни печалиться,
Дай бог с работой справиться
Да лоб перекрестить.
Поешь — когда останется
От старших да от деточек,
Уснешь — когда больна...
А на четвертый новое
Подкралось горе лютое,—
К кому оно привяжется,
До смерти не избыть!

Впереди летит — ясным соколом,
Позади летит — черным вороном,
Впереди летит — не укатится,
Позади летит — не останется...

Лишилась я родителей...
Слыхали ночи темные,
Слыхали ветры буйные
Сиротскую печаль,
А вам нет нужды сказывать...
На Демину могилочку
Поплакать я пошла.

Гляжу: могилка прибрана,
На деревянном крестике
Складная золоченая
Икона. Перед ней
Я старца распростертого

Увидела. «Савельюшка!
Откуда ты взялся?»

— Пришел я из Песочного...
Молюсь за Дему бедного,
За всё страдное русское
Крестьянство я молюсь!
Еще молюсь (не образу
Теперь Савелий кланялся),
Чтоб сердце гневной матери
Смягчил господь... Прости! —

«Давно простила, дедушка!»

Вздыхнул Савелий...— Внученька!
А внученька! — «Что, дедушка?»
— По-прежнему взгляни! —

Взглянула я по-прежнему.
Савельюшка засматривал
Мне в очи; спину старую
Пытался разогнуть.
Совсем стал белый дедушка.
Я обняла старинушку,
И долго у креста
Сидели мы и плакали.
Я деду горе новое
Поведала свое...

Недолго прожил дедушка.
По осени у старого
Какая-то глубокая
На шее рана сделалась,
Он трудно умирал:
Сто дней не ел; хирел да сох,
Сам над собой подтрунивал:
— Не правда ли, Матренушка,
На комара корёжского
Костлявый я похож? —
То добрый был, сговорчивый,
То злился, привередничал,
Пугал нас: — Не паши,
Не сей, крестьянин! Сгорбившись
За пряжей, за полотнами,
Крестьянка, не сиди!

Как вы не бейтесь, глупые,
Что на роду написано,
Того не миновать!
Мужчинам три дороженьки:
Кабак, острог да каторга,
А бабам на Руси
Три петли: шелку белого,
Вторая — шелку красного,
А третья — шелку черного,
Любую выбирай!..
В любую полезай...—
Так засмеялся дедушка,
Что все в каморке вздрогнули,—
И к ночи умер он.
Как приказал — исполнили:
Зарыли рядом с Демою...
Он жил сто семь годов.

Четыре года тихие,
Как близнецы похожие,
Прошли потом... Всему
Я покорилась: первая
С постели Тимофеевна,
Последняя — в постель;
За всех, про всех работаю,—
С свекрови, с свекра пьяного,
С золовочки бракованной¹
Снимаю сапоги...
Лишь деточек не трогайте!
За них горой стояла я...
Случилось, молодцы,
Зашла к нам богомолочка;
Сладкоречивой странница
Заслушивались мы;
Спасаться, жить по-божески
Учила нас угодница,
По праздникам к заутрени
Будила... а потом
Потребовала странница,
Чтоб грудью не кормили мы
Детей по постным дням.

¹ Если младшая сестра выйдет замуж ранее старшей, то последняя называется бракованной. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

Село переполошилось!
Голодные младенчики
По середам, по пятницам
Кричат! Иная мать
Сама над сыном плачущим
Слезами заливается:
И бога-то ей боязно,
И дитятка-то жаль!
Я только не послушалась,
Судила я по-своему:
Коли терпеть, так матери,
Я перед богом грешница,
А не дитя мое!

Да, видно, бог прогневался.
Как восемь лет исполнилось
Сыночку моему,
В подпаски свекор сдал его.
Однажды жду Федотушку —
Скотина уж пригналася,—
На улицу иду.
Там видимо-невидимо
Народу! Я прислушалась
И бросилась в толпу.
Гляжу, Федота бледного
Силантий держит за ухо.
«Что держишь ты его?»
— Посечь хотим маненичко.
Овечками прикармливать
Надумал он волков! —
Я вырвала Федотушку,
Да с ног Силантья-старосту
И сбила невзначай.

Случилось дело дивное:
Пастух ушел; Федотушка
При стаде был один.
«Сижу я,— так рассказывал
Сынок мой,— на пригорочке,
Откуда ни возьмись
Волчица преогромная
И хватъ овечку Марьину!
Пустился я за ней,
Кричу, кнутищем хлопаю,
Свищу, Валетку уськаю...

Я бегать молодец,
Да где бы окаянную
Нагнать, кабы не щенная:
У ней сосцы волочились,
Кровавым следом, матушка,
За нею я гнался!

Пошла потише серая,
Идет, идет — оглянется,
А я как припущу!
И села... Я кнутом ее:
«Отдай овцу, проклятая!»
Не отдает, сидит...
Я не сробел: «Так вырву же,
Хоть умереть!..» И бросился,
И вырвал... Ничего —
Не укусила серая!
Сама едва живехонька,
Зубами только щелкает
Да дышит тяжело.
Под ней река кровавая,
Сосцы травой изрезаны,
Все ребра на счету,
Глядит, поднявши голову,
Мне в очи... и завыла вдруг!
Завыла, как заплакала.
Пощупал я овцу:
Овца была уж мертвая...
Волчица так ли жалобно
Глядела, выла... Матушка!
Я бросил ей овцу!..»

Так вот что с парнем сталося.
Пришел в село да, глупенький,
Всё сам и рассказал,
За то и сечь надумали.
Да благо подоспела я...
Силантий осерчал,
Кричит: — Чего толкаешься?
Самой под розги хочется? —
А Марья, та свое:
«Дай, пусть проучат глупого!»
И рвет из рук Федотушку,
Федот как лист дрожит.

Трубят рога охотничьи,
Помещик возвращается
С охоты. Я к нему:
«Не выдай! Будь заступником!»
— В чем дело? — Кликнул старосту
И мигом порешил:
— Подпaska малолетнего
По младости, по глупости
Простить... а бабу дерзкую
Примерно наказать! —

«Ай, барин!» Я подпрыгнула:
«Освободил Федотушку!
Иди домой, Федот!»

— Исполним повеленное! —
Сказал мирянам староста.—
Эй! погоди плясать! —

Соседка тут подсунулась:
«А ты бы в ноги старосте...»

«Иди домой, Федот!»

Я мальчика погладила:
«Смотри, коли оглянешься,
Я осержусь... Иди!»

Из песни слово выкинуть,
Так песня вся нарушится.
Легла я, молодцы...

.

В Федотову каморочку,
Как кошка, я прокралася:
Спит мальчик, бредит, мечется;
Одна ручонка свесилась,
Другая на глазу
Лежит, в кулак зажатая:
«Ты плакал, что ли, бедненький?
Спи. Ничего. Я тут!»
Тужила я по Демушке,
Как им была беременна,—
Слабенец родился,
Однако вышел умница:

На фабрике Алферова
Трубу такую вывели
С родителем, что страсть!
Всю ночь над ним сидела я,
Я пастушка любезного
До солнца подняла,
Сама обула в лапотки,
Перекрестила; шапочку,
Рожок и кнут дала.
Проснулась вся семейшка,
Да я не показалась ей,
На пожню не пошла.

Я пошла на речку быструю,
Избрала я место тихое
У ракитова куста.
Села я на серый камушек,
Подперла рукой головушку,
Зарыдала, сирота!
Громко звала я родителя:
Ты приди, заступник батюшка!
Посмотри на дочь любимую...
Понапрасну я звала.
Нет великой оборонушки!
Рано гостя бесподсудная,
Бесплемянная, безродная,
Смерть родного унесла!

Громко кликала я матушку.
Отзывались ветры буйные,
Откликались горы дальние,
А родная не пришла!
День денна моя печальница,
В ночь — ночная богомолица!
Никогда тебя, желанная,
Не увижу я теперь!
Ты ушла в бесповоротную,
Незнакомую дороженьку,
Куда ветер не доносится,
Не дорыскивает зверь...

Нет великой оборонушки!
Кабы знали вы да ведали,
На кого вы дочь покинули,
Что́ без вас я выношу?

Ночь — слезами обливаюся,
День — как травка пристилаюся...
Я потупленную голову,
Сердце гневное ношу!..

Глава VI

ТРУДНЫЙ ГОД

В тот год необычайная
Звезда играла на небе;
Одни судили так:
Господь по небу шествует,
И ангелы его
Метут метлою огненной ¹
Перед стопами божьими
В небесном поле путь;
Другие то же думали,
Да только на антихриста,
И чуяли беду.
Сбылось: пришла бесхлебица!
Брат брату не уламывал
Куска! Был страшный год...
Волчицу ту Федотову
Я вспомнила — голодную,
Похожа с ребятишками
Я на нее была!
Да тут еще свекровушка
Приметой прислужилась,
Соседкам наплела,
Что я беду накликала,
А чем? *Рубаху чистую
Надела в Рождество* ².
За мужем, за заступником,
Я дешево отделалась;
А женщину одну
Никак за то же самое
Убили насмерть кольями.
С голодным не шути!..

¹ Комета. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

² Примета: не надевай чистую рубаху в Рождество: не то жди неурожая. (Есть у Даля.) (Примеч. Н. А. Некрасова.)

Одной бедой не кончилось:
Чуть справились с бесхлебицей —
Рекрутчина пришла.
Да я не беспокоилась:
Уж за семью Филиппову
В солдаты брат ушел.
Сижу одна, работаю,
И муж и оба девера
Уехали с утра;
На сходку свекор-батюшка
Отправился, а женщины
К соседкам разбрелись.
Мне крепко нездоровилось,
Была я Лиодорушкой
Беременна: последние
Дохаживала дни.
Управившись с ребятами,
В большой избе под шубою
На печку я легла.
Вернулись бабы к вечеру,
Нет только свекра-батюшки,
Ждут ужинать его.
Пришел: «Ох-ох! умаялся,
А дело не поправилось,
Пропали мы, жена!
Где видано, где слыхано:
Давно ли взяли старшего,
Теперь меньшого дай!
Я по годам высчитывал,
Я миру в ноги кланялся,
Да мир у нас какой?
Просил бурмистра: божится,
Что жаль, да делать нечего!
И писаря просил,
Да правды из мошенника
И топором не вырубешь,
Что тени из стены!
Задарен... все задарены...
Сказать бы губернатору,
Так он задал бы им!
Всего и попросить-то бы,
Чтоб он по нашей волости
Очередные росписи
Проверить повелел.
Да сунься-ка!..» Заплакали

Свекровушка, золовушка,
А я... То было холодно,
Теперь огнем горю!
Горю... Бог ведь что думаю...
Не дума... бред... Голодные
Стоят сиротки-деточки
Передо мной... Неласково
Глядит на них семья,
Они в дому шумливые,
На улице драчливые,
Обжоры за столом...
И стали их пощипывать,
В головку поколачивать...
Молчи, солдатка-мать!

.
Теперь уж я не дольщица
Участку деревенскому,
Хоромному строеньицу,
Одеже и скоту.
Теперь одно богатство:
Три озера наплакано
Горючих слез, засеяно
Три полосы бедой!

.
Теперь, как виноватая,
Стою перед соседями:
Простите! я была
Слесива, непоклончива,
Не чаяла я, глупая,
Остаться сиротой...
Простите, люди добрые,
Учите уму-разуму,
Как жить самой? Как деточек
Поить, кормить, растить?..

.
Послала деток по миру:
Просите, детки, ласкою,
Не смейте воровать!
А дети в слезы: «Холодно!
На нас одежда рваная,
С крылечка на крылечко-то
Устанем мы ступать,
Под окнами натопчемся,
Иззябнем... У богатого

Нам боязно просить,
«Бог даст!» — ответят бедные...
Ни с чем домой воротимся —
Ты станешь нас бранить!..»

.
Собрала ужин; матушку
Зову, золовок, деверя,
Сама стою голодная
У двери, как раба.
Свекровь кричит: «Лукавая!
В постель скорей торопиться?»
А деверь говорит:
«Немного ты работала!
Весь день за деревиночкой
Стояла: дожидалася,
Как солнышко зайдет!»

.
Получше нарядилась я,
Пошла я в церковь божию,
Смех слышу за собой!

.
Хорошо не одевайся,
Добела не умывайся,
У соседок очи зорки,
Востры языки!
Ходи улицей потише,
Носи голову пониже,
Коли весело — не смейся,
Не поплачь с тоски!..

.
Пришла зима бессменная,
Поля, луга зеленые
Попрятались под снег.
На белом, снежном саване
Ни талой нет талиночки —
Нет у солдатки-матери
Во всем миру дружка!
С кем думушку подумати?
С кем словом перемолвиться?
Как справиться с убожеством?
Куда обиду сбить?
В леса — леса повяли бы,
В луга — луга сгорели бы!
Во быструю реку?

Вода бы остоялася!
Носи, солдатка бедная,
С собой ее по гроб!

.
Нет мужа, нет заступника!
Чу, барабан! Солдатики
Идут... Остановились...
Построились в ряды.
«Живей!» Филиппа вывели
На середину площади:
«Эй! перемена первая!» —
Шалашников кричит.
Упал Филипп: — Помилуйте! —
«А ты попробуй! слюбится!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
Укрепа богатырская,
Не розги у меня!..»

.
И тут я с печи сыргнула,
Обулась. Долго слушала, —
Всё тихо, спит семья!
Чуть-чуть я дверью скрипнула
И вышла. Ночь морозная...
Из Домниной избы,
Где парни деревенские
И девки собиралися,
Гремела песня складная,
Любимая моя...

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней батюшка,
Будил ее, побуживал:
Ты, Машенька, пойдем домой!
Ты, Ефимовна, пойдем домой!
Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет...
На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходила к ней матушка,
Будила, побуживала:

Машенька, пойдем домой!
Ефимовна, пойдем домой!

Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет...
На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней Петр,
Петр сударь Петрович,
Будил ее, побуживал:
Машенька, пойдем домой!
Душа Ефимовна, пойдем домой!
Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь светла и месячна,
Реки тихи, перевозки есть,
Леса темны, караулы есть.

Глава VII

ГУБЕРНАТОРША

Почти бегом бежала я
Через деревню,— чудилось,
Что с песней парни гонятся
И девицы за мной.
За Клином огляделась я:
Равнина белоснежная,
Да небо с ясным месяцем,
Да я, да тень моя...
Не жутко и не боязно
Вдруг стало,— словно радостью
Так и взмывало грудь...
Спасибо ветру зимнему!
Он, как водой студеною,
Больную напоил:
Обвеял буйну голову,
Рассеял думы черные,
Рассудок воротил.
Упала на колени я:
«Открой мне, мать божия,
Чем бога прогневила я?
Владычица! во мне

Нет косточки неломаной,
Нет жилочки нетянутой,
Кровинки нет непорченной,—
Терплю и не ропщу!
Всю силу, богом данную,
В работу полагаю я,
Всю в деточек любовь!
Ты видишь всё, владычица,
Ты можешь всё, заступница!
Спаси рабу свою!..»

Молиться в ночь морозную
Под звездным небом Божиим
Люблю я с той поры.
Беда пристигнет — вспомните
И женам посоветуйте:
Усердней не помолишься
Нигде и никогда.
Чем больше я молилася,
Тем легче становилось,
И силы прибавлялося,
Чем чаще я касалася
До белой, снежной скатерти
Горящей головой...

Потом — в дорогу тронулась,
Знакомая дороженька!
Езжала я по ней.
Поедешь ранним вечером,
Так утром вместе с солнышком
Поспеешь на базар.
Всю ночь я шла, не встретила
Живой души, под городом
Обозы начались.
Высокие, высокие
Возы сенца крестьянского,
Жалела я коней:
Свои кормы законные
Везут с двора, сердечные,
Чтоб после голодать.
И так-то всё, я думала:
Рабочий конь солому ест,
А пустопяс — овес!
Нужда с кулем тащилася,—

Мучица, чай, не лишняя,
Да подати не ждут!
С посада подгородного
Торговцы-колотырники
Бежали к мужикам;
Божба, обман, ругательство!

Ударили к заутрени,
Как в город я вошла.
Ищу соборной площади,
Я знала: губернаторский
Дворец на площади.
Темна, пуста площадочка,
Перед дворцом начальника
Шагает часовой.

«Скажи, служивый, рано ли
Начальник просыпается?»
— Не знаю. Ты иди!
Нам говорить не велено! —
(Дала ему двугривенный). —
На то у губернатора
Особый есть швейцар. —
«А где он? как назвать его?»
— Макаром Федосеичем...
На лестницу поди! —
Пошла, да двери заперты.
Присела я, задумалась,
Уж начало светать.
Пришел фонарщик с лестницей,
Два тусклые фонарика
На площади задул.

— Эй! что ты тут расселася? —

Вскочила, испугалась я:
В дверях стоял в халатике
Плешивый человек.
Скоренько я целковенький
Макару Федосеичу
С поклоном подала:

«Такая есть великая
Нужда до губернатора,
Хоть умереть — дойти!»

— Пускать-то вас не велено,
Да... ничего!.. толкнись-ка ты
Так... через два часа...—

Ушла. Бреду тихохонько...
Стоит из меди кованный,
Точь-в-точь Савелий дедушка,
Мужик на площаді.
«Чей памятник?» — Сусанина.—
Я перед ним помешкала,
На рынок побрела.
Там крепко испугалась я,
Чего? Вы не поверите,
Коли сказать теперь:
У поваренка вырвался
Матёрый серый селезень,
Стал парень догонять его,
А он как закричит!
Такой был крик, что за душу
Хватил — чуть не упала я,
Так под ножом кричат!
Поймали! шею вытянул
И зашипел с угрозой,
Как будто думал повара,
Бедняга, испугать.
Я прочь бежала, думала:
Утихнет серый селезень
Под поварским ножом!

Теперь дворец начальника
С балконом, с башней, с лестницей,
Ковром богатым устланной,
Весь стал передо мной.
На окна поглядела я:
Завешаны. «В котором-то
Твоя опочиваленка?
Ты сладко ль спишь, желанный мой,
Какие видишь сны?..»

Сторонкой, не по коврику,
Прокралась я в швейцарскую.

— Раненько ты, кума! —

Опять я испугалася,
Макара Федосеича

Я не узнала: выбрился,
Надел ливрею шитую,
Взял в руки булаву,
Как не бывало лысины.
Смеется: — Что ты вздрогнула? —
«Устала я, родной!»

— А ты не трусь! Бог милостив!
Ты дай еще целковенький,
Увидишь — удружу! —

Дала еще целковенький.
— Пойдем в мою каморочку,
Попьешь пока чайку! —

Каморочка под лестницей:
Кровать да печь железная,
Шандал да самовар.
В углу лампадка теплится,
А по стене картиночки.
— Вот он! — сказал Макар. —
Его превосходительство! —
И щелкнул пальцем бравого
Военного в звездах.

«Да добрый ли?» — спросила я.

— Как стих найдет! Сегодня вот
Я тоже добр, а временем —
Как пес, бываю зол. —

«Скучаешь, видно, дяденька?»
— Нет, тут статья особая,
Не скука тут — война!
И сам, и люди вечером
Уйдут, а к Федосеичу
В каморку враг: поборемся!
Борюсь я десять лет.
Как выпьешь рюмку лишнюю,
Махорки как накуришься,
Как эта печь накалится
Да свечка нагорит —
Так тут устой... —

Я вспомнила
Про богатство дедово:

«Ты, дядюшка,— сказала я,—
Должно быть, богатырь».

— Не богатырь я, милая.
А силой тот не хвастайся,
Кто сна не поборал! —

В каморку постучались,
Макар ушел... Сидела я,
Ждала, ждала, соскучилась,
Приотворила дверь.
К крыльцу карету подали.
«Сам едет?» — Губернаторша! —
Ответил мне Макар
И бросился на лестницу.
По лестнице спускался
В собольей шубе барыня,
Чиновничек при ней.

Не знала я, что делала
(Да, видно, надоумила
Владычица!)... Как брошусь я
Ей в ноги: «Заступись!
Обманом, не по-божески
Кормильца и родителя
У деточек берут!»

— Откуда ты, голубушка? —

Впопад ли я ответила —
Не знаю... Мука смертная
Под сердце подошла...

Очнулась я, молодчики,
В богатой, светлой горнице,
Под пологом лежу;
Против меня — кормилица,
Нарядная, в кокошнике,
С ребеночком сидит.
«Чье дитяtko, красавица?»
— Твое! — Поцеловала я
Рожоное дитя...

Как в ноги губернаторше
Я пала, как заплакала,

Как стала говорить,
Сказалась усталъ долгая,
Истома непомерная,
Упередилось времечко —
Пришла моя пора!
Спасибо губернаторше,
Елене Александровне,
Я столько благодарна ей,
Как матери родной!
Сама крестила мальчика
И имя: Лподоружка —
Младенцу избрала...

«А что же с мужем случилось?»

— Послали в Клин нарочного,
Всю истину довели,—
Филиппушку спасли.
Елена Александровна
Ко мне его, голубчика,
Сама — дай бог ей счастье! —
За ручку подвела.
Добра была, умна была,
Красная, здоровая,
А деток не дал бог!
Пока у ней гостила я,
Всё время с Лподоружкой
Носилась, как с родным.
Весна уж начиналася,
Березка распускалася,
Как мы домой пошли...

Хорошо, светло
В мире божием!
Хорошо, легко,
Ясно на сердце.

Мы идем, идем —
Остановимся,
На леса, луга
Полюбujemyся,
Полюбujemyся
Да послушаем,
Как шумят-бегут
Воды вешние,

Как поет-звонит
Жавороночек!
Мы стоим глядим...
Очи встретятся —
Усмехнемся мы,
Усмехнется нам
Лиодорушка.

А увидим мы
Старца нищего —
Подадим ему
Мы копеечку:
«Не за нас молись,—
Скажем старому,—
Ты молись, старик,
За Еленушку,
За красавицу
Александровну!»

А увидим мы
Церковь божью —
Перед церковью
Долго крестимся:
«Дай ей, господи,
Радость-счастье,
Доброй душеньке
Александровне!»

Зеленеет лес,
Зеленеет луг,
Где низиночка —
Там и зеркало!
Хорошо, светло
В мире божем,
Хорошо, легко,
Ясно на сердце,
По водам плыву
Белым лебедем,
По степям бегу
Перепелочкой.

Прилетела в дом
Сизым голубем...
Поклонился мне
Свекор-батюшка,

Поклонилася
Мать свекровушка,
Деверья, зятя
Поклонилися,
Поклонилися,
Повинилися!
Вы садитесь-ка,
Вы не кланяйтесь,
Вы послушайте,
Что скажу я вам:
Тому кланяться,
Кто сильнее меня,—
Кто добрей меня,
Тому славу петь.
Кому славу петь?
Губернаторше!
Доброй душеньке
Александровне! —

Глава VIII
БАБЬЯ ПРИТЧА

Замолкла Тимофеевна.
Конечно, наши странники
Не пропустили случая
За здравье губернаторши
По чарке осушить.
И, видя, что хозяйюшка
Ко стогу приклонилася,
К ней подошли гуськом:
«Что ж дальше?»

— Сами знаете:

Ославили счастливицей,
Прозвали губернаторшей
Матрену с той поры...
Что дальше? Домом правлю я,
Рощу детей... На радость ли?
Вам тоже надо знать.
Пять сыновей! Крестьянские
Порядки нескончаемы,—
Уж взяли одного! —

Красивыми ресницами
Моргнула Тимофеевна,

Поспешно приклонилася
К стогу головой.
Крестьяне мялись, мешкали,
Шептались. «Ну, хозяйюшка!
Что скажешь нам еще?»

— А то, что вы затеяли
Не дело — между бабами
Счастливую искать!..—

«Да всё ли рассказала ты?»

— Чего же вам еще?
Не то ли вам рассказывать,
Что дважды погорели мы,
Что бог сибирской язвою
Нас трижды посетил?
Потуги лошадиные
Несли мы; погуляла я,
Как мерин, в бороне!..

Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками не колота...
Чего же вам еще?
Сулилась душу выложить,
Да, видно, не сумела я,—
Простите, молодцы!
Не горы с места сдвинулись,
Упали на головушку,
Не бог стрелой громовою
Во гневе грудь пронзил,
По мне — тиха, невидима —
Прошла гроза душевная,
Покажешь ли ее?
По матери поруганной,
Как по змее растоптанной,
Кровь первенца прошла,
По мне обиды смертные
Прошли неотплаченные,
И плеть по мне прошла!
Я только не отведала —
Спасибо! умер Ситников —
Стыда неискупимого,
Последнего стыда!

А вы — за счастьем сунулись!
Обидно, молодцы!
Идите вы к чиновнику,
К вельможному боярину,
Идите вы к царю,
А женщин вы не трогайте,—
Вот бог! ни с чем проходите
До гробовой доски!
К нам на ночь попросилася
Одна старушка божия:
Вся жизнь убогой старицы —
Убийство плоти, пост;
У гроба Иисусова
Молилась, на Аффонские
Всходила высоты,
В Иордань-реке купалася...
И та святая старица
Рассказывала мне:
«Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У бога самого!
Отцы-пустынножители,
И жены непорочные,
И книжники-начетчики
Их ищут — не найдут!
Пропали! думать надобно,
Сглонула рыба их...
В веригах, изможденные,
Голодные, холодные,
Прошли господни ратники
Пустыни, города,—
И у волхвов выпрашивать
И по звездам высчитывать
Пытались — нет ключей!
Весь божий мир извели,
В горах, в подземных пропастях
Искали... Наконец
Нашли ключи сподвижники!
Ключи неоценимые,
А всё — не те ключи!
Пришлись они — великое
Избранным людям Божиим
То было торжество —
Пришлись к рабам-невольникам:

Темницы растворилися,
По миру вздох прошел,
Такой ли громкий, радостный!..
А к нашей женской волюшке
Всё нет и нет ключей!
Великие сподвижники
И по сей день стараются —
На дно морей спускаются,
Под небо поднимаются.—
Всё нет и нет ключей!
Да вряд они и сыщутся...
Какою рыбой сглонуты
Ключи те заповедные,
В каких морях та рыба
Гуляет — бог забыл!..» —

ПИР НА ВЕСЬ МИР¹

(Посвящается Сергею Петровичу Боткину)

В конце села под ивою,
Свидетельницей скромною
Всей жизни вахлаков,
Где праздники справляются,
Где сходки собираются,
Где днем секут, а вечером
Целуются, милуются,—
Всю ночь огни и шум.
На бревна, тут лежавшие,
На сруб избы застроенной
Уселись мужики;
Тут тоже наши странники
Сидели рядом с Власушкой;
Влас водку наливал,
«Пей, вахлячки, погуливай!» —
Клим весело кричал.
Как только пить надумали,
Влас сыну-малолеточку
Вскричал: «Беги за Трифоном!»

¹ Из второй части «Кому на Руси жить хорошо». Настоящая глава следует за главою «Последыш», помещенною в «Отечественных записках» 1873 г., № 2 и в отдельном 6-м издании «Стихотворений» Некрасова: часть 6, стр. 9—70.

С дьячком приходским Трифоном,
Гулякой, кумом старосты,
Пришли его сыны,
Семинаристы: Саввушка
И Гриша, парни добрые,
Крестьянам письма к сродникам
Писали; «Положение»,
Как вышло, толковали им,
Косили, жали, сеяли
И пили водку в праздники
С крестьянством наравне.
Теперь же Савва дьяконом
Смотрел, а у Григория
Лицо худое, бледное
И волос тонкий, вьющийся,
С оттенком красноты.
Тотчас же за селением
Шла Волга, а за Волгою
Был город небольшой
(Сказать точнее, города
В ту пору тени не было,
А были головни:
Пожар всё снес третьеводни).
Так люди мимоезжие,
Знакомцы вахлаков,
Тут тоже становилися,
Парома поджидаючи,
Кормили лошадей.
Сюда брели и нищие,
И тараторка-странница,
И тихий богомол.

В день смерти князя старого
Крестьяне не предвидели,
Что не луга поемные,
А тяжбу наживут.
И, выпив по стаканчику,
Первей всего заспорили:
Как им с лугами быть?

Не вся ты, Русь, обмеряна
Землицей: попадаютя
Углы благословенные,
Где ладно обошлось.
Какой-нибудь случайностью —

Неведеньем помещика,
Живущего вдали,
Ошибкою посредника,
А чаще изворотами
Крестьян-руководителей —
В надел крестьянам изредка
Попало и леску.
Там горд мужик, попробуй-ка
В окошко стукнуть староста
За податю — осердится!
Один ответ до времени:
«А ты леску продай!»
И вахлаки надумали
Свои луга поемные
Сдать старосте — на подати:
Всё взвешено, рассчитано,
Как раз — оброк и подати,
С залишком. «Так ли, Влас?
А коли подать справлена,
Я никому не здравствую!
Охота есть — работаю,
Не то — валяюсь с бабою,
Не то — иду в кабак!»

— Так! — вся орда вахлацкая
На слово Клима Лавина
Откликнулась, — на подати!
Согласен, дядя Влас? —

— У Клима речь короткая
И ясная, как вывеска,
Зовущая в кабак, —
Сказал шутливо староста. —
Начнет Климаха бабою,
А кончит — кабаком! —

«А чем же! Не острогом же
Кончать-то? Дело верное,
Не каркай, пореши!»

Но Власу не до карканья.
Влас был душа добрейшая,
Болея за всю вахлачину —
Не за одну семью.
Служа при строгом барине,

Нес тяготу на совести
Невольного участника
Жестокостей его.
Как молод был, ждал лучшего,
Да вечно так случалось,
Что лучшее кончалось
Ничем или бедой.
И стал бояться нового,
Богатого посулами,
Неверующий Влас.
Не столько в Белокаменной
По мостовой проехано,
Как по душе крестьянина
Прошло обид... до смеху ли?..
Влас вечно был угрюм.
А тут — сплошал старинушка!
Дурачество вахлацкое
Коснулось и его!
Ему невольно думалось:
«Без барщины... без подати...
Без палки... правда ль, господи?»
И улыбнулся Влас.
Так солнце с неба знойного
В лесную глушь дремучую
Забросит луч — и чудо там:
Роса горит алмазами,
Позолотился мох.
«Пей, вахлачки, погуливай!»
Не в меру было весело:
У каждого в груди
Играло чувство новое,
Как будто выносила их
Могучая волна
Со дна бездонной пропасти
На свет, где нескончаемый
Им уготован пир!
Еще ведро поставили,
Галденье непрерывное
И песни начались!
Так, схоронив покойника,
Родные и знакомые
О нем лишь говорят,
Покамест не управятся
С хозяйским угощением
И не начнут зевать,—

Так и галденье долгое
За чарочкой, под ивою,
Всё, почитай, сложилось
В поминки по подрезанным
Помещичьим «крепям».

К дьячку с семинаристами
Пристали: — Пой «Веселую»! —
Запели молодцы.
(Ту песню — не народную —
Впервые спел сын Трифона,
Григорий, вахлакам,
И с «Положенья» царского,
С народа крепки снявшего,
Она по пьяным праздникам
Как плясовая пелася
Попами и дворовыми, —
Вахлак ее не пел,
А, слушая, притопывал,
Присвистывал; «Веселую»
Не в шутку называл.)

ВЕСЕЛАЯ

«Кушай тюрю, Яша!
Молочка-то нет!»
— Где ж коровка наша? —
«Увели, мой свет!
Барин для приплоду
Взял ее домой». —
Славно жить народу
На Руси святой!

— Где же наши куры? —
Девчонки орут.
«Не орите, дуры!
Съел их земский суд;
Взял еще подводу
Да сулил постой...»
Славно жить народу
На Руси святой!

Разломило спину,
А квашня не ждет!
Баба Катерину

Вспомнила — ревет:
В дворне больше году
Дочка... нет родной!
Славно жить народу
На Руси святой!

Чуть из ребятишек,
Глядь — и нет детей:
Царь возьмет мальчишек,
Барин — дочерей!
Одному уроду
Вековать с семьей.
Славно жить народу
На Руси святой!
и т. д.

Потом свою вахлацкую,
Родную, хором грянули,
Протяжную, печальную —
Иных покамест нет.
Не диво ли? широкая
Сторонка Русь крещеная,
Народу в ней тьма тём,
А ни в одной-то душеньке
Спокон веков до нашего
Не загорелась песенка
Веселая и ясная,
Как ведренный денек.
Не видно ли? не страшно ли?
О время, время новое!
Ты тоже в песне скажешься,
Но как?.. Душа народная!
Воссмеяся ж наконец!

БАРЩИННАЯ

Беден, нечесан Калинушка,
Нечем ему щеголять,
Только расписана спинушка,
Да за рубахой не знать.
С лаптя до ворота
Шкура вся вспорота,
Пухнет с мякины живот.

Верченый, крученный,
Сеченый, мученый,
Еле Калина бредет.
В ноги кабатчику стукнется,
Горе потопит в вине,
Только в субботу аукнется
С барской конюшни жене...

«Ай, песенка!.. Запомнить бы!..»
Тужили наши странники,
Что память коротка,
А вахлаки бахвалились:
«Мы барщинные! С наше-то
Попробуй, потерпи!
Мы барщинные! выросли
Под рылом у помещика;
День — каторга, а ночь?
Что сраму-то! За девками
Гонцы скакали тройками
По нашим деревням.
В лицо позабывали мы
Друг дружку, в землю глядячи,
Мы потеряли речь.
В молчанку напивались,
В молчанку целовались,
В молчанку драка шла».
— Ну, ты насчет молчанки-то
Не очень! нам молчанка та
Досталась солоной! —
Сказал соседней волости
Крестьянин, с сеном ехавший
(Нужда пристигла крайняя,
Скосил — и на базар!). —
Решила наша барышня
Гертруда Александровна,
Кто скажет слово крепкое,
Того нещадно драть.
И драли же! покудова
Не перестали лаяться.
А мужику не лаяться —
Едино что молчать.
Намаялись! уж подлинно
Отпраздновали волю мы,
Как праздник: так ругались,

Что поп Иван обиделся
За звоны колокольные,
Гудевшие в тот день.—

Такие сказы чудные
Посыпались... и диво ли?
Ходить далёко за словом
Не надо — всё прописано
На собственной спине.

«У нас была оказия,—
Сказал детина с черными
Большими бакенбардами,—
Так нет ее чудней».
(На малом шляпа круглая,
С значком, жилетка красная,
С десятком светлых пуговиц,
Посконные штаны
И лапти: малый смахивал
На дерево, с которого
Кору подпасок крохотный
Всю снизу ободрал,
А выше — ни царапины,
В вершине не побрезгует
Ворона свить гнездо.)
— Так что же, брат, рассказывай! —
«Дай прежде покурю!»
Покамест он покуривал,
У Власа наши странники
Спросили: «Что за гусь?»
— Так, подбегало-мученик,
Приписан к нашей волости,
Барона Синегузина¹
Дворовый человек,
Викентий Александрович.
С запяток в хлебопашество
Прыгну́л! За ним осталася
И кличка «выездной».
Здоров, а ноги слабые,
Дрожат; его-то барыня
В карете цугом ездила
Четверкой по грибы...
Расскажет он! послушайте!

¹ Тизенгаузена. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

Такая память знатная,
Должно быть (кончил староста),
Сорочьи яйца ел¹.—

Поправив шляпу круглую,
Викентий Александрович
К рассказу приступил.

ПРО ХОЛОПА ПРИМЕРНОГО — ЯКОВА ВЕРНОГО

Был господин невысокого рода,
Он деревнишку на взятки купил,
Жил в ней безвыездно тридцать три года,
Вольничал, бражничал, горькую пил.
Жадный, скупой, не дружился с дворянами,
Только к сестрице езжал на чаек;
Даже с родными, не только с крестьянами,
Был господин Поливанов жесток;
Дочь повенчав, муженька благоверного
Высек — обоих прогнал нагишом,
В зубы холопа примерного,
Якова верного,
Походя дул каблуком.

Люди холопского звания —
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа.
Яков таким объявился из младости,
Только и было у Якова радости:
Барина холить, беречь, ублажать
Да племяша-малолетка качать.
Так они оба до старости дожили.
Стали у барина ножки хиреть,
Ездил лечиться, да ноги не ожили...
Полно кутить, баловаться и петь!

Очи-то ясные,
Щеки-то красные,
Пухлые руки как сахар белы,
Да на ногах — кандалы!

¹ Примета: чтоб иметь хорошую память, нужно есть сорочьи яйца.
(Примеч. Н. А. Некрасова.)

Смирно помещик лежит под халатом,
Горькую долю клянет,
Яков при барине: другом и братом
Верного Якова барин зовет.
Зиму и лето вдвоем коротали,
В карточки больше играли они,
Скуку рассеять к сестрице езжали
Верст за двенадцать в хорошие дни.
Вынесет сам его Яков, уложит,
Сам на долгуше свезет до сестры,
Сам до старушки добратся поможет,
Так они жили ладком — до поры...

Вырос племянничек Якова, Гриша,
Барину в ноги: «Жениться хочу!»
— Кто же невеста? — «Невеста — Ариша».
Барин отвечает: — В гроб вколочу! —
Думал он сам, на Аришу-то глядя:
«Только бы ноги господь воротил!»
Как ни просил за племянника дядя,
Барин соперника в рекруты сбыл.
Крепко обидел холопа примерного,
Якова верного,
Барин, — холоп задурил!
Мертвую запил... Неловко без Якова,
Кто ни послужит — дурак, негодяй!
Злость-то давно накинута у всякого,
Благо есть случай: груби, вымещай!
Барин то просит, то пёсски ругается,
Так две недели прошли.
Вдруг его верный холоп возвращается...
Первое дело — поклон до земли.
Жаль ему, видишь ты, стало безногого:
Кто-де сумеет его соблюсти?
«Не поминай только дела жестокого;
Буду свой крест до могилы нести!»
Снова помещик лежит под халатом,
Снова у ног его Яков сидит,
Снова помещик зовет его братом.
— Что ты нахмурился, Яша? — Мутит! —
Много грибов нанизали на нитки,
В карты сыграли, чайку напились,
Ссыпали вишни, малину в напитки
И поразвлекься к сестре собрались.

Курит помещик, лежит беззаботно,
Ясному солнышку, зелени рад.
Яков угрюм, говорит неохотно,
Вожжи у Якова дрожмя дрожат,
Крестится: «Чур меня, сила нечистая!»
Шепчет: «Рассыпья!» (мутит его враг).
Едут... Направо трущоба лесистая,
Имя ей исстари: Чертов овраг;
Яков свернул и поехал оврагом,
Барин опешил: — Куда ж ты, куда? —
Яков ни слова. Проехали шагом
Несколько верст; не дорога — беда!
Ямы, валежник; бегут по оврагу
Вешние воды, деревья шумят...
Стали лошадки — и дальше ни шагу,
Сосны стеной перед ними торчат.

Яков, не глядя на барины бедного,
Начал коней отпрягать,
Верного Яшу, дрожащего, бледного,
Начал помещик тогда умолять.
Выслушал Яков посулы — и грубо,
Зло засмеялся: «Нашел душегуба!
Стану я руки убийством марать,
Нет, не тебе умирать!»
Яков на сосну высокую прынул,
Вожжи в вершине ее укрепил,
Перекрестился, на солнышко глянул,
Голову в петлю — и ноги спустил!..

Экие страсти господни! висит
Яков над барином, мерно качается.
Мечется барин, рыдает, кричит,
Эхо одно откликается!
Вытянув голову, голос напряг
Барин — напрасные крики!
В саван окутался Чертов овраг,
Ночью там росы велики,
Зги не видать! только совы снуют,
Оземь ширяясь крылами,
Слышно, как лошади листья жуют.
Тихо звеня бубенцами.
Словно чугунок подходит — горят
Чьи-то два круглые, яркие ока,

Птицы какие-то с шумом летят,
Слышно, посели они недалёко.
Ворон над Яковым каркнул один.
Чу! их слетелось до сотни!
Ухнул, грозит костью господин.
Экие страсти господни!

Барин в овраге всю ночь пролежал,
Стонами птиц и волков отгоняя,
Утром охотник его увидал.
Барин вернулся домой, причитая:
— Грешен я, грешен! Казните меня! —
Будешь ты, барин, холопа примерного,
Якова верного,
Помнить до Судного дня!

«Грехи, грехи, — послышалось
Со всех сторон. — Жаль Якова,
Да жутко и за барина, —
Какую принял казнь!»
— Жалей!.. — Еще прослушали
Два-три рассказа страшные
И горячо заспорили
О том, кто всех грешней.
Один сказал: кабатчики,
Другой сказал: помещики,
А третий — мужики.
То был Игнатий Прохоров,
Извозом занимавшийся,
Степенный и зажиточный
Мужик — не пустослов.
Видал он виды всякие,
Изъездил всю губернию
И вдоль и поперек.
Его послушать надо бы,
Однако вахлаки
Так обозлились, не дали
Игнатью слова вымолвить,
Особенно Клима Яковлева
Куражился: «Дурак же ты!..»
— А ты бы прежде выслушал... —
«Дурак же ты...»
— И все-то вы,
Я вижу, дураки! —
Вдруг вставил слово грубое

Еремин, брат купеческий,
Скупавший у крестьян
Что ни попало, лапти ли,
Теленка ли, бруснику ли,
А главное — мастак
Подстергать okazji,
Когда сбирались подати
И собственность вахлацкая
Пускалась с молотка. —
Затеять спор затеяли,
А в точку не утрафили!
Кто всех грешней? подумайте! —
«Ну, кто же? говори!»
— Известно кто: разбойники! —
А Климу в ответ:
«Вы крепостными не были,
Была капель великая,
Да не на вашу плешь!
Набил мошну: мерещатся
Везде ему разбойники;
Разбой — статья особая,
Разбой тут ни при чем!»
— Разбойник за разбойника
Вступился! — прасол вымолвил,
А Лавин — скок к нему!
«Молись!» — и в зубы прасола.
— Прощайся с животишками! —
И прасол в зубы Лавина.
«Ай драка! молодцы!»
Крестьяне расступились,
Никто не подзадоривал,
Никто не разнимал.
Удары градом сыпались:
— Убью! пиши к родителям! —
«Убью! зови попа!»
Тем кончилось, что прасола
Клим сжал рукой, как обручем,
Другой вцепился в волосы
И гнул со словом «кланяйся»
Купца к своим ногам.
— Ну, баста! — прасол вымолвил.
Клим выпустил обидчика,
Обидчик сел на бревнышко,
Платком широким клетчатым
Отерся и сказал:

— Твоя взяла! и диво ли?
Не жнет, не пашет — шляется
По коновальской должности:
Как сил не нагулять? —
(Крестьяне засмеялись.)
«А ты еще не хочешь ли?» —
Сказал задорно Клим.
— Ты думал, нет? Попробуем! —
Купец снял чуйку бережно
И в руки поплевал.

«Раскрыть уста греховные
Пришел черед: прислушайте!
И так вас помирю!» —
Вдруг возгласил Ионушка,
Весь вечер молча слушавший,
Вздыхавший и крестившийся,
Смиренный богомол.
Купец был рад; Клим Яковлев
Помалчивал. Уселися,
Настала тишина.

Бездомного, безродного
Немало попадает
Народу на Руси,
Не жнут, не сеют — кормятся
Из той же общей житницы,
Что кормит мышку малую
И воинство несметное:
Оседлого крестьянина
Горбом ее зовут.
Пускай народу ведомо,
Что целые селения
На попрошайство осенью,
Как на доходный промысел,
Идут: в народной совести
Уставилось решение,
Что больше тут злосчастия,
Чем лжи, — им подают.
Пускай нередки случаи,
Что странница окажется
Воровкой; что у баб
За просфоры афонские,
За «слезки богородицы»

Паломник пряжу выманит,
А после бабы сведают,
Что дальше Троицы-Сергия
Он сам-то не бывал.
Был старец, чудным пеннем
Пленил сердца народные;
С согласия матерей,
В селе Крутые Заводи
Божественному пению
Стал девок обучать;
Всю зиму девки красные
С ним в риге запырлись,
Откуда пенье слышалось,
А чаще смех и визг.
Однако чем же кончилось?
Он петь-то их не выучил,
А перепортил всех.
Есть мастера великие
Подлаживаться к барыням:
Сначала через баб
Доступится до девичьей,
А там и до помещицы.
Бренчит ключами, по двору
Похаживает барином,
Плюет в лицо крестьянину,
Старушку богомольную
Согнул в бараний рог!..
Но видит в тех же странниках
И лицевую сторону
Народ. Кем церкви строятся?
Кто кружки монастырские
Наполнил через край?
Иной добра не делает,
И зла за ним не видится,
Иного не поймешь.
Знаком народу Фомушка:
Вериги двухпудовые
По телу опоясаны,
Зимой и летом бос,
Бормочет непонятное,
А жить — живет по-божески:
Доска да камень в головы,
А пища — хлеб один.
Чудён ему и памятен
Старообряд Кропильников,

Старик, вся жизнь которого
То воля, то острог.
Пришел в село Усолово:
Корит мирян безбожием,
Зовет в леса дремучие
Спасаться. Становой
Случился тут, всё выслушал:
«К допросу сомустителя!»
Он то же и ему:
— Ты враг Христов, антихристов
Посланник! — Сотский, староста
Мигали старику:
«Эй, покорись!» — не слушает!
Безли его в острог,
А он корил начальника
И, на телеге стоячи,
Усоловцам кричал:
— Горе вам, горе, пропащие головы!
Были оборваны, — будете голы вы,
Били вас палками, розгами, кнутьями,
Будете биты железными прутьями!.. —

Усоловцы крестились,
Начальник бил глашатая:
«Попомнишь ты, анафема,
Судью ерусалимского!»
У парня, у подводчика,
С испуга вожжи выпали
И волос дыбом стал!
И, как на грех, воинская
Команда утром грянула:
В Убой, село недалёкое,
Солдатики пришли.
Допросы! усмирение!
Тревога! по сподутности
Досталось и усоловцам:
Пророчество строптивного
Чуть в точку не сбылось.

Вовек не позабудется
Народом Евфросиньюшка,
Посадская вдова:
Как божия посланница,
Старушка появляется
В холерные года;

Хоронит, лечит, возится
С больными. Чуть не молятся
Крестьянки на нее...

Стучись же, гость неведомый!
Кто б ни был ты, уверенно
В калитку деревенскую
Стучись! Не подозрителен
Крестьянин коренной,
В нем мысль не зарождается,
Как у людей достаточных,
При виде незнакомого,
Убогого и робкого:
Не стибрил бы чего?
А бабы — те радехоньки.
Зимой перед лучиною
Сидит семья, работает,
А странничек гласит.
Уж в баньке он попарился,
Ушицы ложкой собственной,
С рукой благословляющей,
Досыта похлебал.
По жилам ходит чарочка,
Рекою льется речь.
В избе всё словно замерло:
Старик, чинивший лапотки,
К ногам их уронил;
Челнок давно не чикает,
Заслушалась работница
У ткацкого станка;
Застыл уж на уколоте
Мизинце у Евгеньюшки,
Хозяйской старшей дочери,
Высокий бугорок,
А девка и не слышала,
Как укололась до крови;
Шитье к ногам спустилось,
Сидит — зрачки расширены,
Руками развела...
Ребята, свесив головы
С полотей, не шелохнутся:
Как тюленята сонные
На льдинах за Архангельском,
Лежат на животе.
Лиц не видать, завешаны

Спустившимися прядями
Волос — не нужно сказывать,
Что желтые они.
Постой! уж скоро странничек
Доскажет быль афонскую,
Как турка взбунтовавшихся
Монахов в море гнал,
Как шли покорно иноки
И погибали сотнями...
Услышишь шепот ужаса,
Увидишь ряд испуганных,
Слезами полных глаз!
Пришла минута страшная —
И у самой хозяйшки
Веретено пузатое
Скатилось с колен.
Кот Васька насторожился —
И прыг к веретену!
В другую пору то-то бы
Досталось Ваське шустрому,
А тут и не заметили,
Как он проворной лапкою
Веретено потрогивал,
Как прыгал на него
И как оно каталось,
Пока не размоталась
Напряденная нить!

Кто видывал, как слушает
Своих захожих странников
Крестьянская семья,
Поймет, что ни работою,
Ни вечною заботою,
Ни игом рабства долгого,
Ни кабаком самим
Еще народу русскому
Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь.
Когда изменят пахарю
Поля старозапашные,
Ключки в лесных окраинах
Он пробует пахать.
Работы тут достаточно,
Зато полоски новые

Дают без удобрения
Обильный урожай.
Такая почва добрая —
Душа народа русского...
О сеятель! приди!..

Иона (он же Ляпушкин)
Сторонушку вахлацкую
Издавна навещал.
Не только не гнушались
Крестьяне божьим странником,
А спорили о том,
Кто первый приютит его,
Пока их спорам Ляпушкин
Конца не положил:
«Эй! бабы! выносите-ка
Иконы!» Бабы вынесли;
Пред каждою иконою
Иона падал ниц:
«Не спорьте! дело божие,
Котора взглянет ласковой,
За тою и пойду!»
И часто за беднейшею
Иконою шел Ионушка
В беднейшую избу.
И к той избе особое
Почтение: бабы бегают
С узлами, сковородками
В ту избу. Чашей полною,
По милости Ионушки,
Становится она.

Негромко и неторопко
Повел рассказ Ионушка
«О двух великих грешниках»,
Усердно покрестясь.

О ДВУХ ВЕЛИКИХ ГРЕШНИКАХ

Господу богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Пятирим.

Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр — атаман,
Много разбойники пролили
Крови честных христиан,

Много богатства награбили,
Жили в дремучем лесу,
Вождь Кудеяр из-под Киева
Вывез девицу-красу.

Днем с полюбовницей тешился,
Ночью набеги творил,
Вдруг у разбойника лютого
Совесьть господь пробудил.

Сон отлетел; опротивели
Пьянство, убийство, грабеж,
Тени убитых являются,
Целая рать — не сочтешь!

Долго боролся, противился
Господу зверь-человек,
Голову снес полюбовнице
И есаула засек.

Совесьть злодея осилила,
Шайку свою распустил,
Роздал на церкви имущество,
Нож под ракитой зарыл.

И прегрешенья отмаливать
К гробу господню идет,
Странствует, молится, кается,
Легче ему не стает.

Старцем, в одежде монашеской,
Грешник вернулся домой,
Жил под навесом старейшего
Дуба, в трущобе лесной.

Денно и ночью всевышнего
Молит: грехи отпусти!
Тело предай истязанию,
Дай только душу спасти!

Сжалился бог и к спасению
Схимнику путь указал:
Старцу в молитвенном бдении
Некий угодник предстал,

Рек: «Не без божьего промысла
Выбрал ты дуб вековой,
Тем же ножом, что разбойничал,
Срежь его, той же рукой!

Будет работа великая,
Будет награда за труд;
Только что рухнется дерево —
Цепи греха упадут».

Смерил отшельник страшилище:
Дуб — три обхвата кругом!
Стал на работу с молитвою,
Режет булатным ножом,

Режет упругое дерево,
Господу славу поет,
Годы идут — подвигается
Медленно дело вперед.

Что с великаном подделает
Хилый, больной человек?
Нужны тут силы железные,
Нужен не старческий век!

В сердце сомнение крадется,
Режет и слышит слова:
«Эй, старина, что ты делаешь?»
Перекрестился сперва,

Глянул — и пана Глуховского
Видит на борзом коне,
Пана богатого, знатного,
Первого в той стороне.

Много жестокого, страшного
Старец о пане слышал
И в поучение грешнику
Тайну свою рассказал.

Пан усмехнулся: «Спасения
Я уж не чаю давно,
В мире я чту только женщину,
Золото, честь и вино.

Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,
Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю!»

Чудо с отшельником сталося:
Бешеный гнев ощутил,
Бросился к пану Глуховскому,
Нож ему в сердце вонзил!

Только что пан окровавленный
Пал головой на седло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло.

Рухнуло древо, скатилось
С инока бремя грехов!..
Слава творцу вездесущему
Днесь и во веки веков!

Иона кончил, крестится;
Народ молчит. Вдруг прасола
Сердитым криком прорвало:
— Эй вы, тетери сонные!
Па-ром, живей, па-ром! —
«Парома не докличешься
До солнца! перевозчики
И днем-то трусу празднуют,
Паром у них худой,
Пожди! про Кудеяра-то...»
— Паром! пар-ром! пар-ром! —
Ушел, с телегой возится,
Корова к ней привязана —
Он пнул ее ногой;
В ней курочки курлыкают,
Сказал им: — Дуры, цыц! —
Теленок в ней мотается —
Досталось и теленочку
По звездочке на лбу.

Нажег коня саврасого
Кнутом — и к Волге двинулся.
Плыл месяц над дорогою,
Такая тень потешная
Бежала рядом с прасолом
По лунной полосе!
«Отдумал, стало, драться-то?
А спорить — видит — не о чем,—
Заметил Влас.— Ой, господи!
Велик дворянский грех!»
— Велик, а всё не быть ему
Против греха крестьянского,—
Опять Игнатий Прохоров
Не вытерпел — сказал.
Клим плюнул. «Эк, приспичило!
Кто с чем, а нашей галочке
Родные галченяточки
Всего милей... ну, сказывай,
Что за великий грех?»

КРЕСТЬЯНСКИЙ ГРЕХ

Адмирал-вдовец по морям ходил,
По морям ходил, корабли водил,
Под Ачаковым бился с туркою,
Наносил ему поражение,
И дала ему государыня
Восемь тысяч душ в награждение.
В той ли вотчине припеваючи
Доживает век адмирал-вдовец,
И вручает он, умираючи,
Глебу-старосте золотой ларец.
«Гой ты, староста! береги ларец!
Воля в нем моя сохраняется:
Из цепей-крепей на свободушку
Восемь тысяч душ отпускается!»
Адмирал-вдовец на столе лежит...
Дальний родственник хоронить катит...
Схоронил, забыл! Кличет старосту
И заводит с ним речь окольную;
Всё повыведал, насулил ему
Горы золота, выдал вольную...
Глеб — он жаден был — соблазняется:
Завещание сожигается!

На десятки лет, до недавних дней
Восемь тысяч душ закрепил злодей,
С родом, с племенем; что народу-то!
Что народу-то! с камнем в воду-то!
Всё прощает бог, а Иудин грех
 Не прощается.
Ой, мужик, мужик! ты грешнее всех,
И за то тебе вечно маяться!

Суровый и рассерженный,
Грозовым, грозным голосом
Игнатий кончил речь.
Толпа вскочила на ноги,
Пронесся вздох, послышалось:
«Так вот он, грех крестьянина!
И впрямь страшенный грех!»
— И впрямь: нам вечно маяться,
Ох-ох!..— сказал сам староста,
Опять убитый, в лучшее
Не верующий Влас.
И скоро поддававшийся
Как горю, так и радости,
«Великий грех! великий грех!» —
Тоскливо вторил Клим.
Площадка перед Волгою,
Луною освещенная,
Переменилась вдруг.
Пропали люди гордые,
С уверенной походкою,
Остались вахлаки,
Досыта не едавшие,
Несолоно хлебавшие,
Которых вместо барина
Драть будет волостной,
К которым голод стукнуться
Грозит: засуха долгая,
А тут еще — жучок!
Которым прасол-выжига
Урезать цену хвалится
На их добычу трудную,
Смолу, слезу вахлацкую,—
Урежет, попрекнет:
«За что платить вам много-то?
У вас товар некупленный,

Из вас на солнце топится
Смола, как из сосны!»
Опять упали бедные
На дно бездонной пропасти,
Притихли, приубожились,
Легли на животы;
Лежали, думу думали
И вдруг зацели. Медленно,
Как туча надвигается,
Текли слова тягучие.
Так песню отчеканили,
Что сразу наши странники
Упомнили ее:

ГОЛОДНАЯ

Стоит мужик —
Кольшется,
Идет мужик —
Не дышится!

С коры его
Распучило,
Тоска-беда
Измучила.

Темней лица
Стеклянного
Не видано
У пьяного.

Идет — пыхтит,
Идет — и спит,
Прибрел туда,
Где рожь шумит.

Как идол стал
На полюсу,
Стоит, поет
Без голосу:

«Дозрей, дозрей,
Рожь-матушка!
Я пахарь твой,
Панкратушка!

Ковригу съем
Гора горой,
Ватрушку съем
Со стол большой!

Всё съем один,
Управляюсь сам.
Хоть мать, хоть сын
Проси — не дам!»

«Ой, батюшки, есть хочется!» —
Сказал упалым голосом
Один мужик; из пещура
Достал краюху — ест.
«Поют они без голоса,
А слушать — дрожь по волосу!» —
Сказал другой мужик.
И правда, что не голосом —
Нутром — свою «Голодную»
Пропели вахлаки.
Иной во время пения
Стал на ноги, показывал,
Как шел мужик расслабленный,
Как сон долил голодного,
Как ветер колыхал,
И были строги, медленны
Движенья. Спев «Голодную»,
Шатаясь, как разбитые,
Гуськом пошли к ведерочку
И вышили певцы.

«Дерзай!» — за ними слышится
Дьячково слово; сын его
Григорий, крестник старосты,
Подходит к землякам.
«Хошь водки?» — Пил достаточно.
Что тут у вас случилось?
Как в воду вы опущены!.. —
«Мы?.. что ты?..» Насторожились,
Влас положил на крестника
Широкую ладонь.

— Неволя к вам вернулась?
Погонят вас на барщину?
Луга у вас отобраны? —

«Луга-то?.. Шутишь, брат!»
— Так что ж переменялось?..
Закаркали «Голодную»,
Накликать голод хочется? —
«Никак и впрямь ништо!» —
Клим как из пушки выпалил;
У многих зачесались
Затылки, шепот слышится:
«Никак и впрямь ништо!»

«Пей, вахлячки, погуливай!
Всё ладно, всё по-нашему,
Как было ждано-гадано.
Не вешай головы!»

— По-нашему ли, Климушка?
А Глеб-то?..—

Потолковано

Немало: в рот положено,
Что не они ответчики
За Глеба окаянного,
Всему виною: крепь!
— Змея родит змеенышей,
А крепь — грехи помещика,
Грех Якова несчастного,
Грех Глеба родила!
Нет крепи — нет помещика,
До петли доводящего
Усердного раба,
Нет крепи — нет дворового,
Самоубийством мстящего
Злодею своему,
Нет крепи — Глеба нового
Не будет на Руси! —

Всех пристальней, всех радостней
Прослушал Гришу Пров:
Ослабился, товарищам
Сказал победным голосом:
«Мотайте-ка на ус!»
Пошло, толпой подхвачено,
О крепи слово верное
Трепаться: «Нет змеи —
Не будет и змеенышей!»

Клим Яковлев Игнатия
Опять ругнул: «Дурак же ты!»
Чуть-чуть не подрались!
Дьячок рыдал над Гришею:
«Создаст же бог головушку!
Недаром порывается
В Москву, в новорситет!»
А Влас его поглаживал:
«Дай бог тебе и серебра,
И золотца, дай умную,
Здоровую жену!»
— Не надо мне ни серебра,
Ни золота, а дай господь,
Чтоб землякам моим
И каждому крестьянину
Жилось вольготно-весело
На всей святой Руси! —
Зардевшись, словно девушка,
Сказал из сердца самого
Григорий — и ушел.

Светает. Снаряжаются
Подводчики. «Эй, Влас Ильич!
Иди сюда, гляди, кто здесь!» —
Сказал Игнатий Прохоров,
Взяв к бревнам приваленную
Дугу. Подходит Влас,
За ним бегом Клим Яковлев,
За Климом — наши странники
(Им дело до всего):
За бревнами, где нищие
Вповалку спали с вечера,
Лежал какой-то смученный,
Избитый человек;
На нем одежда новая,
Да только вся изорвана,
На шее красный шелковый
Платок, рубаха красная,
Жилетка и часы.
Нагнулся Лавин к спящему,
Взглянул и с криком: «Бей его!»
Пнул в зубы каблуком.
Вскочил детина, мутные

Протер глаза, а Влас его
Тем временем в скулу.
Как крыса прищемленная,
Детина пискнул жалобно —
И к лесу! Ноги длинные,
Бежит — земля дрожит!
Четыре парня бросились
В погоню за детиную,
Народ кричал им: «Бей его!»,
Пока в лесу не скрылися
И парни, и беглец.

«Что за мужчина? — старосту
Допытывали странники.—
За что его тузят?»

— Не знаем, так наказано
Нам из села из Тискова,
Что буде где покажется
Егорка Шутов — бить его!
И бьем. Подъедут тисковцы,
Расскажут. Удоволили? —
Спросил старик вернувшихся
С погони молодых.

«Догнали, удоволили!
Побег к Кузьмо-Демьянскому,
Там, видно, переправиться
За Волгу норовит».

«Чудной народ! бьют сонного,
За что про что не знаючи...»

— Коли всем миром велено:
«Бей!» — стало, есть за что! —
Прикрикнул Влас на странников.—
Не ветрогоны тисковцы,
Давно ли там десятого
Пороли?.. Не до шуток им.
Гнусь-человек! — Не бить его,
Так уж кого и бить!
Не нам одним наказано:
От Тискова по Волге-то
Тут деревень четырнадцать,—
Чай, через все четырнадцать
Прогнали, как сквозь строй! —

Притихли наши странники.
Узнать-то им желательно,
В чем штука, да прогневался
И так уж дядя Влас.

Совсем светло. Позавтракать
Мужьям хозяйки вынесли:
Ватрушки с творогом,
Гусятина (прогнали тут
Гусей; три затомилися,
Мужик их нес под мышкою:
«Продай! помрут до городу!» —
Купили ни за что).
Как пьет мужик, толковано
Немало, а не всякому
Известно, как он ест.
Жаднее на говядину,
Чем на вино, бросается.
Был тут непьющий каменщик,
Так опьянел с гусятины,
На что твое вино!
Чу! слышен крик: «Кто едет-то!
Кто едет-то!» Наклюнулось
Еще подспорье шумному
Веселью вахлаков.
Воз с сеном приближается,
Высоко на возу
Сидит солдат Овсяников,
Верст на двадцать в окружности
Знакомый мужикам,
И рядом с ним Устиньюшка,
Сироточка-племянница,
Поддержка старика.
Райком кормился дедушка,
Москву да Кремль показывал,
Вдруг инструмент испортился,
А капиталу нет!
Три желтенькие ложечки
Купил — так не приходится
Заученные натвердо
Присловья к новой музыке,
Народа не смешат!
Хитер солдат! по времени

Слова придумал новые,
И ложки в ход пошли.
Обрадовались старому:
«Здорово, дедко! спрыгни-ка,
Да выпей с нами рюмочку,
Да в ложечки ударь!»
— Забраться-то забрался я,
А как сойду, не ведаю:
Ведет! — «Небось до города
Опять за полной пенцией!
Да город-то сгорел!»
— Сгорел? И поделом ему!
Сгорел? Так я до Питера! —
«Чай, по чугунке тронешься?»
Служивый посвистал:
— Недолго послужила ты
Народу православному,
Чугунка бусурманская!
Была ты нам любя,
Как от Москвы до Питера
Возила за три рублика,
А коли семь-то рубликов
Платить, так черт с тобой! —

«А ты ударь-ка в ложечки, —
Сказал солдату староста, —
Народу подгулявшего
Покуда тут достаточно,
Авось дела поправятся.
Орудуй живо, Клим!»
(Влас Клима недолюбливал,
А чуть делишко трудное,
Тотчас к нему: «Орудуй, Клим!»,
А Клим тому и рад.)

Спустили с возу дедушку,
Солдат был хрупок на ноги,
Высок и тощ до крайности;
На нем сюртук с медалями
Висел, как на шесте.
Нельзя сказать, чтоб доброе
Лицо имел, особенно
Когда сводило старого —
Черт чертом! Рот ощерится,
Глаза — что угольки!

Солдат ударил в ложечки,
Что было вплоть до берегу
Народу — всё сбегается.
Ударил — и запел:

Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские!

Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет.

Ну-тка, с редута-то с первого номеру,
Ну-тка, с Георгием — по миру, по миру!

У богатого,
У богатины,
Чуть не подняли
На рогатину.
Весь в гвоздях забор
Ощетинился,
А хозяин, вор,
Оскотинился.

Нет у бедного
Гроша медного:
«Не взыщи, солдат!»
— И не надо, брат! —

Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет.

Только трех Матрен
Да Луку с Петром
Помяну добром.

У Луки с Петром
Табачку нюхнем,
А у трех Матрен
Провиант найдем.

У первой Матрены
Грузочки ядрены,
Матрена вторая
Несет каравая,
У третьей водицы поплюю из ковша:
Вода ключевая, а мера — душа!

Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.

Служивого задергало.
Опершись на Устиньюшку,
Он поднял ногу левую
И стал ее раскачивать,
Как гирию на весу;
Проделал то же с правою,
Ругнулся: «Жизнь проклятая!» —
И вдруг на обе стал.

«Орудуй, Клим!» По-питерски
Клим дело оборудовал:
По блюдцу деревянному
Дал дяде и племяннице,
Поставил их рядком,
А сам вскочил на бревнышко
И громко крикнул: «Слушайте!»
(Служивый не выдерживал
И часто в речь крестьянина
Вставлял словечко меткое
И в ложечки стучал.)

К л и м

Колода есть дубовая
У моего двора,
Лежит давно: измладости
Колу на ней дрова,
Так та не столь изранена,

Как господин служивенький.
Взгляните: в чем душа!

С о л д а т

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские.

К л и м

А пенциону полного
Не вышло, забракованы
Все раны старика;
Взглянул помощник лекаря,
Сказал: «Второразрядные!
По ним и пенцион».

С о л д а т

Полного выдать не велено.
Сердце насквозь не прострелено!

(Служивый всхлипнул; в ложечки
Хотел ударить,— скорчило!
Не будь при нем Устиньюшки,
Упал бы старина.)

К л и м

Солдат опять с прошением.
Вершками раны смерили
И оценили каждую
Чуть-чуть не в медный грош.
Так мерил пристав следственный
Побой на подравшихся
На рынке мужиках:
«Под правым глазом ссадина
Величиной в двугривенный,
В середине лба пробоина
В целковый. Итого:
На рубль пятнадцать с деньгою
Побоев...» Приравняем ли
К побоищу базарному
Войну под Севастополем,
Где лил солдатик кровь?

С о л д а т

Только горами не двигали,
А на редуты как прыгали!
Зайцами, белками, дикими кошками.
Там и простился я с ножками,
С адского грохоту, свисту оглох,
С русского голоду чуть не подох!

К л и м

Ему бы в Питер надобно
До комитета раненых,—
Пеш до Москвы дотянется,
А дальше как? Чугунка-то
Кусаться начала!

С о л д а т

Важная барыня! гордая барыня!
Ходит, змеею шипит:
«Пусто вам! пусто вам! пусто вам!» —
Русской деревне кричит;
В рожу крестьянину фыркает,
Давит, увечит, кувыркает,
Скоро весь русский парод
Чище метлы подметет.

Солдат слегка притопывал,
И слышалось, как стучалась
Сухая кость о кость,
А Клим молчал: уж двинулся
К служивому парод.
Все дали: по копейчке,
По грошу, на тарелочках
Рублишко набрался...

Пир кончился, расходится
Народ. Уснув, остались
Под ивой наши странники,
И тут же спал Ионушка,
Да несколько упившихся
Не в меру мужиков.
Качаясь, Савва с Гришею
Вели домой родителя

И пели; в чистом воздухе
Над Волгой, как набатные,
Согласные и сильные
Гремели голоса:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Мы же немного
Просим у бога:
Честное дело
Делать умело
Силы нам дай!

Жизнь трудовая —
Другу прямая
К сердцу дорога,
Прочь от порога,
Трус и лентяй!
То ли не рай?

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Эпилог

ГРИША ДОБРОСКЛОНОВ

I

Беднее захудалого
Последнего крестьянина
Жил Трифон. Две каморочки:
Одна с дымящей печкою,
Другая в сажень — летняя,
И вся тут недолга;
Коровы нет, лошадки нет,
Была собака Зудушка,
Был кот — и те ушли.

Спать уложив родителя,
Взялся за книгу Саввушка,
А Грише не сиделось,
Ушел в поля, в луга.

У Гриши — кость широкая,
Но сильно исхудалое
Лицо — их недокармливал
Хапуга-эконом.
Григорий в семинарии
В час ночи просыпается
И уж потом до солнышка
Не спит — ждет жадно ситника,
Который выдавался им
Со сбитнем по утрам.
Как ни бедна вахлячина,
Они в ней отъедались.
Спасибо Власу-крестному
И прочим мужикам!
Платили им молодчики,
По мере сил, работою,
По их делишкам хлопоты
Справляли в городе.
Дьячок хвалился детками,
А чем они питаются —
И думать позабыл.
Он сам был вечно голоден,
Весь тратился на поиски,
Где выпить, где поесть.
И был он нрава легкого.
А будь иного, вряд ли бы
И дожил до седин.
Его хозяйка Домнушка
Была куда заботлива,
Зато и долговечности
Бог не дал ей. Покойница
Всю жизнь о соли думала:
Нет хлеба — у кого-нибудь
Попросит, а за соль
Дать надо деньги чистые,
А их по всей вахлячине,
Сгоняемой на барщину,
По году гроша не было!
Вахлак тянул «Голодную»
И без соли — приправленный

Корою — хлеб жевал.
И то уж благо: с Домною
Делился им; младенцами
Давно в земле истлели бы
Ее родные деточки,
Не будь рука вахлацкая
Шедра, чем бог послал.

Батрачка безответная
На каждого, кто чем-нибудь
Помог ей в черный день,
Всю жизнь о соли думала,
О соли пела Домнушка —
Стирала ли, косила ли,
Баюкала ли Гришеньку,
Любимого сына.
Как сжалось сердце мальчика,
Когда крестьянки вспомнили
И спели песню Домнину
(Прозвал ее «Соленою»
Находчивый вахлак).

СОЛЕНАЯ

Никто как бог!
Не ест, не пьет
Меньшой сынок,
Гляди — умрет!

Дала кусок,
Дала другой —
Не ест, кричит:
«Посыпь сольцой!»

А соли нет,
Хоть бы щепоть!
«Посыпь мукой», —
Шепнул господь.

Раз-два куснул,
Скривил роток.
«Соли еще!» —
Кричит сынок.

Опять мукой...
А на кусок
Слеза рекой!
Поел сынок!

Хвалилась мать —
Сынка спасла...
Знать, солона
Слеза была!..

Запомнил Гриша песенку
И голосом молитвенным
Тихонько в семинарии,
Где было темно, холодно,
Угрюмо, строго, голодно,
Певал — тужил о матушке
И обо всей вахлячине,
Кормилице своей.
И скоро в сердце мальчика
С любовью к бедной матери
Любовь ко всей вахлячине
Слилась, — и лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Кому отдаст всю жизнь свою
И за кого умрет.

Довольно демон ярости
Летал с мечом карающим
Над русской землей.
Довольно рабство тяжкое
Одни пути лукавые
Открытыми, влекущими
Держало на Руси!
Над Русью оживающей
Святая песня слышится:
То ангел милосердия,
Незримо пролетающий
Над нею, души сильные
Зовет на честный путь:

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.

Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую,—
 Каким идти?

Одна просторная
Дорога — торная,
 Страстей раба,

По ней громадная,
К соблазну жадная
 Идет толпа.

О жизни искренней,
О цели высшей
 Там мысль смешна.

Кипит там вечная,
Бесчеловечная
 Вражда-война

За блага бранные...
Там души пленные
 Полны греха.

На вид блестящая,
Там жизнь мертвящая
 К добру глуха.

Другая — тесная
Дорога, честная,
 По ней идут

Лишь души сильные,
Любвеобильные,
 На бой, на труд.

За обойденного,
За угнетенного —
 Умножь их круг,

Иди к униженным,
Иди к обиженным —
 И будь им друг!

И ангел милосердия
Недаром песнь призывную
Поет — ей внемлют чистые, —
Немало Русь уж выслала
Своих сынов, отмеченных
Печатью дара божьего,
На честные пути,
Немало их оплакала
(Увы! Звездой падучею
Пронесятся они!).
Как ни темна вахлачина,
Как ни забита барщиной
И рабством — и она,
Благословясь, поставила
В Григорье Добросклонове
Такого посланца...

II

Григорий шел задумчиво
Сперва большой дорогою
(Старинная: с высокими
Курчавыми березами,
Прямая как стрела).
Ему то было весело,
То грустно. Возбужденная
Вахлацкою пирушкою,
В нем сильно мысль работала
И в песне излилась:

В минуты унынья, о родина-мать!
Я мыслью вперед улетаю.
Еще суждено тебе много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.

Был гуще невежества мрак над тобой,
Удушливей сон непробудный,
Была ты глубоко несчастной страной,
Подавленной, рабски бессудной.

Давно ли народ твой игрушкой служил
Позорным страстям господина?
Потомок татар, как коня, выводил
На рынок раба-славянина,

И русскую деву влекли на позор,
Свирепствовал бич без боязни,
И ужас народа при слове «набор»
Подобен был ужасу казни?

Довольно! Окончен с прошедшим расчет,
Окончен расчет с господином!
Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином.

И ношу твою облегчила судьба,
Сопутница дней славянина!
Еще ты в семействе — раба,
Но мать уже вольного сына!

Сманила Гришу узкая,
Извилистая тропочка,
Через хлеба бегущая,
В широкий луг подкошенный
Спустился он по ней.
В лугу траву сушившие
Крестьянки Гришу встретили
Его любимой песнею.
Взгрустнулось крепко юноше
По матери-страдалице,
А пуще злость брала.
Он в лес ушел. Аукаюсь,
В лесу, как перепелочки
Во ржи, бродили малые
Ребята (а постарше-то
Ворочали сенцо).
Он с ними кузов рыжиков
Набрал. Уж жжется солнышко;
Ушел к реке. Купается.—
Обугленного города
Картина перед ним:
Ни дома уцелевшего,
Одна тюрьма спасенная,
Недавно побелённая,
Как белая коровушка
На выгоне, стоит.
Начальство там попряталось,

А жители под берегом,
Как войско, стали лагерем.
Всё спит еще, не многие
Проснулись: два подьячие,
Придерживая полочки
Халатов, пробираются
Между шкафами, стульями,
Узлами, экипажами
К палатке-кабаку.
Туда ж портняга скорченный
Аршин, утюг и ножницы
Несет — как лист дрожит.
Восстав от сна с молитвою,
Причесывает голову
И держит на отлет,
Как девка, косу длинную
Высокий и осанистый
Протоерей Стефан.
По сонной Волге медленно
Плоты с дровами тянутся,
Стоят под правым берегом
Три барки нагруженные:
Вчера бурлаки с песнями
Сюда их привели.
А вот и он — измученный
Бурлак! походкой праздничной
Идет, рубаха чистая,
В кармане медь звенит.
Григорий шел, поглядывал
На бурлака довольного,
И с губ слова срывались
То шепотом, то громкие.
Григорий думал вслух:

БУРЛАК

Плечами, грудью и спиной
Тянул он барку бечевою,
Полдневный зной его палил,
И пот с него ручьями лил.
И падал он, и вновь вставал,
Хрипя, «Дубинушку» стонал;
До места барку дотянул
И богатырским сном уснул,

И, в бане смыв поутру пот,
Беспечно пристанью идет.
Зашиты в пояс три рубля.
Остатком — медью — шевеля,
Подумал миг, зашел в кабак
И молча кинул на верстак
Трудом добытые гроши
И, вышив, крякнул от души,
Перекрестил на церковь грудь,
Пора и в путь! пора и в путь!
Он бодро шел, жевал калач,
В подарок нес жене кумач,
Сестре платок, а для детей
В сусальном золоте коней.
Он шел домой — неблизкий путь,
Дай бог дойти и отдохнуть!

С бурлака мысли Гришины
Ко всей Руси загадочной,
К народу перешли.
(В те времена хорошие
В России дома не было,
Ни школы, где б не спорили
О русском мужике.)
Ему все разом вспомнилось,
Что видывал, что слыхивал,
Живя с народом, сам,
Что думывал, что читывал,
Всё — даже и учителя,
Отца Аполлиария,
Недавние слова:
«Издrevле Русь спасалася
Народными порывами».
(Народ с Ильею Муромцем
Сравнил ученый поп.)
И долго Гриша берегом
Бродил, волнуясь, думая,
Покуда песней новою
Не утолил натруженной,
Горящей головы.

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка Русь!

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая —
Совесь спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается, —

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая, —

Встали — небужены,
Вышли — непрошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать подымается —
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка Русь!..

«Удалась мне песенка! — молвил Гриша, прыгая.—
Горячо сказалась правда в ней великая!
Вахлячков я выучу петь её — не всё же им
Петь свою «Голодную»... Помогай, о боже, им!
Как с игры да с беганья щеки разгораются,
Так с хорошей песенки духом поднимаются
Бедные, забитые...» Прочитав торжественно
Брату песню новую (брат сказал: «Божественно!»),
Гриша спать попробовал. Спалось не спалось,
Краше прежней песенка в полусне слагалась;
Быть бы нашим странникам под родною крышею,
Если б знать могли они, что творилось с Гришею.
Слышал он в груди своей силы необъятные,
Услаждали слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного —
Пел он воплощение счастья народного!..

1865—1877

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящий том включены избранные стихотворения и поэмы Н. А. Некрасова. Они расположены в хронологической последовательности, без разграничения по жанрам.

Тексты печатаются по изданию: Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем в пятнадцати томах. Художественные произведения, тт. 1—5, Л., Наука, 1981—1982.

В дороге (стр. 17).— Первое антикрепостническое стихотворение Некрасова, вызвавшее одобрение лучшей части русской критики. *Варган* — народный музыкальный инструмент; здесь — искаженное «оргán», вероятно, речь идет о фортепиано. *Перебрал по ревизиям души...* — проверил ревизские списки своих крепостных крестьян. *Посадили на тягло...* — Тягло — крестьянская семья, платящая подать, оброк, отправляющая все повинности и владеющая, по наделу, участком земли и луга.

«Я за то глубоко презираю себя...» (стр. 26).— Незадолго до смерти Некрасов написал на полях книги против текста стихотворения: «Написано во время гощения у Герцена. Может быть, навеяно тогдашними разговорами».

Родина (стр. 28).— Одно из самых резких и масштабных антикрепостнических стихотворений Некрасова. *Сестра души моей...* — Речь идет о сестре Некрасова, Елизавете, рано умершей.

«В неведомой глуши, в деревне полудикой...» (стр. 30).— Незадолго до смерти поэт дал стихотворению подзаголовок «Подражание Лермонтову» и отметил: «Сравни: Арбенин (в драме «Маскарад»)». Восходя отчасти к монологу Арбенина в 1-м действии, отличается от него антикрепостническими мотивами.

«Поражена потерей невозвратной...» (стр. 37).— На полях экземпляра «Стихотворений» 1873 г. Некрасовым сделана пометка: «Умер первый мой сын — младенцем — в 1848 году». У Некрасова и А. Я. Панаевой было несколько детей — все они рано умерли.

«Вчерашний день часу в шестом...» (стр. 37).— *Сенная* — площадь в Петербурге (ныне площадь Мира), место телесных наказаний.

«Так это шутка? Милая моя...» (стр. 38).— Это стихотворение, как и два следующие, адресовано А. Я. Панаевой.

Новый год (стр. 43).— Строки 27-ю и 29—30-ю Чернышевский, истолковывая в революционном духе, цитировал в романе «Что делать?».

Блажен незлобивый поэт... (стр. 44).— Написано на смерть Н. В. Гоголя и представляет разработку темы лирического отступления в VII гл. I т. «Мертвых душ». Высказывалось предположение, что под «незлобивым поэтом» имеется в виду В. А. Жуковский.

Муза (стр. 45).— В ряде мест полемично по отношению к стихотворению Пушкина «Наперсница волшебной старины...», которое было, очевидно, известно Некрасову в рукописи, так как к моменту опубликования «Музы» оно напечатано не было.

Ах, были счастливые годы!.. (стр. 47).— Вольный перевод стихотворения Г. Гейне «Frau Sorge» («Госпожа Забота») из книги «Романсеро» (1851).

Филантроп (стр. 50).— Хотя образ либерального филантропа представляет широкое сатирическое обобщение, за ним стоят и реальные прототипы, например, председатель великосветского благотворительного «Общества посещения бедных» князь В. Ф. Одоевский. *Провиантская комиссия*— учреждение, ведавшее продовольственным снабжением армии. *Звезда станицславская*— орден св. Станислава первой степени.

Памяти Белинского (стр. 54).— Стихотворение было написано тогда, когда запрещено было даже упоминать имя великого критика, и печаталось под названием «Памяти приятеля».

Буря (стр. 54).— *Шубка*— здесь: сарафан.

Несжатая полоса (стр. 61).— *Станица*.— Отвечая на недоуменные вопросы об употреблении этого слова в стихотворении, Некрасов писал: «Я (...) употребил слово «станлица» потому, что с детства слышал его в народе, между прочим, в этом смысле: птицы летают *станлицами*; воробьев *станичка* перелетела и т. п. Слова: группа, партия, даже стая, которыми можно было бы замепить его в «Несжатой полосе», кроме своей прозаичности, были бы менее точны, лишив выражение того оттенка, который характеризует птицу перелетную (о которой идет речь в стихотворении), располагающуюся время от времени *станом* на удобных местах для отдыха и корма».

Извозчик (стр. 65).— Сюжету о повесившемся извозчике, широко распространенному в прозе 30—40 гг. (например, рассказ М. П. Погодина «Психологическое явление»), Некрасов придал антикрепостническую направленность. *Грязная*— улица в Петербурге (ныне улица Марата), где находилась извозчицья «биржа».

Секрет (стр. 71).— Форму романтической баллады («Секрет» написан размером «Воздушного корабля» М. Ю. Лермонтова) Некрасов использует для рассказа о хищнике-буржуе. Сюжет «Секрета» восходит к прозе Некрасова 40-х годов («Черты из характеристики петербургского народонаселения»). *Анна с короною*— один из высших орденов царской России.

Праздник жизни— молодости годы... (стр. 73).— Чернышевский в письме к Некрасову писал: «Вы говорите:

Нет в тебе поэзии свободной,
Мой тяжелый, неуклюжий стих.

Вам известно, что я с этим не согласен. Свобода поэзии (. . .) в том, чтобы не стеснять своего дарования произвольными претензиями и писать о том, к чему лежит душа. Теперь: *тяжелый* и *неуклюжий* стих. Тяжестью часто кажется энергия, поэтому говорят, что стих Лермонтова тяжелее стиха Пушкина, что решительно несправедливо. (. . .) В чем состоит неуклюжесть Вашего стиха, я решительно не понимаю».

«Тяжелый крест достался ей на долю...» (стр. 74).— Редактор посмертного издания «Стихотворений» С. Пономарев считал, что в этом произведении речь идет о матери Некрасова. Ему возразил Чернышевский: «Дело идет о совершенно иной женщине, о той, любовь к которой была темою стольких лирических пьес Некрасова» (то есть о А. Я. Панаевой).

З а б ы т а я д е р е в н я (стр. 81).— Многие современники усматривали в стихотворении политическую аллегорю, так как «Забятая деревня» появилась в печати вскоре после смерти Николая I и воцарения Александра II.

С а ш а (стр. 83).— Одно из первых произведений русской поэзии, в котором создается положительный тип русской женщины, встающей на путь служения народу. У героя поэмы Агарина много общего с Рудиным, что дало повод критикам и даже Тургеневу говорить о влиянии «Рудина». Между тем в печати и «Рудин» и «Саша» появились одновременно в № 1 «Современника» за 1856 год.

П о э т и г р а ж д а н и н (стр. 100).— Напечатано в качестве вступления к сборнику стихотворений Некрасова 1856 г. В речах гражданина заявлены принципы новой революционно-демократической эстетики, находившие выражение в статьях Белинского, Чернышевского. *Не для житейского волнения...*— цитата из стихотворения Пушкина «Поэт и толпа».

В н и м а я у ж а с а м в о й н ы...» (стр. 108).— Отклик на события Крымской войны 1853—1856 гг.

П р о с т и (стр. 109).— Относится к циклу стихов, посвященных А. Я. Панаевой.

Ш к о л ь н и к (стр. 111).— *Архангельский мужик*.— Имеется в виду М. В. Ломоносов, происходивший из крестьян деревни Холмогоры Архангельской губернии.

Т и ш и н а (стр. 112).— В поэме выразилось горячее патриотическое чувство, с особой силой охватившее Некрасова по возвращении на родину из Рима летом 1857 г. Глава 3-я написана в Риме и посвящена окончившейся Крымской войне, осаде Севастополя, героизму его защитников. *Римский Петр* — собор святого Петра в Риме, выдающийся памятник архитектуры XV—XVII вв. *Французов с красными ногами...*— Во время Крымской войны в состав французских войск входили отряды зуавов, комплектовавшиеся в основном из алжирских племен; особенностью их обмундирования были красные шаровары. *Молчит и он...*— Слово «он» относится к Севастополю.

Размышления у парадного подъезда (стр. 117).— А. Я. Панаева рассказывает об эпизоде, послужившем поводом к созданию произведения: Некрасов видел из окна своей квартиры, как дворники и городовые гнали крестьян от подъезда дома важного чиновника. В этом доме жил тогда министр государственных имуществ М. Н. Муравьев, будущий кровавый усмиритель польского восстания 1863 г. Н. Г. Чернышевский писал А. Н. Пыпину в 1886 г.: «Могу сказать, что картина:

Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное —

и т. д.

живое воспоминанье, как дряхлый русский грелся в коляске на солнце «под пленительным небом» Южной Италии (не Сицилии). Фамилия этого старика — граф Чернышев. Вторая заметка: в конце пьесы есть стих, напечатанный Некрасовым в таком виде:

Иль, судя побинуясь закону,—

этот напечатанный стих — лишь замена другому». Граф Чернышев, который упоминается в этих пояснениях, — очевидно, князь А. И. Чернышев, военный министр, позднее председатель Государственного совета. Предлагалось несколько вариантов прочтения замененной строки, о которой говорит Чернышевский: «Сокрушив палача и корону», «Иль покорный царю и закону», «Иль царей побинуясь закону». Однако все эти предположения основаны на догадках и документально не подтверждены. Последняя часть «Размышлений у парадного подъезда» со слов «Назови мне такую обитель» стала одной из любимых студенческих песен. Стихотворение использовалось революционерами в их пропагандистской деятельности.

Песня Еремешке (стр. 121).— Песня создавалась в обстановке общественного подъема конца 1850-х годов. Она перекликается с воззваниями, с которыми обращались революционеры-шестидесятники к молодежи. «Имелось в виду», — писал А. А. Слепцов, — обратиться ко всем трем группам, которые должны были реагировать на обманувшие народ реформы 19 февраля... Крестьяне, солдаты, раскольники. Здесь три страдающих группы. Четвертая — молодежь, их друг, помощник, вдохновитель и учитель». Песня приобрела необычайную популярность.

Плач детей (стр. 123).— Некрасов сделал к тексту следующее примечание: «Это стихотворение принадлежит в подлиннике одной английской писательнице и пользуется там известностью, вроде как «Песня о рубашке» Т. Гуда, — конечно, гораздо меньшею. Все остальное, что она писала, плохо. Я имел подстрочный перевод в прозе и очень мало держался подлинника: у меня оно наполовину короче. Я им очень дорожу». Стихотворение Некрасова действительно навеяно стихами Элизабет Баррет Браунинг.

На Волге (Детство Валежникова) (стр. 124).— *Расшива* — большое плоскодонное деревянное судно.

«Что ты, сердце мое, расходилося?..» (стр. 131).— Является ответом на клеветнические обвинения Некрасова в корыстолюбии, лицемерии и т. д., выдвигавшиеся врагами поэта.

«...один окий, потерянный...» (стр. 131).— Перед смертью поэт пояснил стихотворение: «Навеею разладом с Тургеневым в 1860 г.». В течение многих лет И. С. Тургенев был постоянным сотрудником «Современника» и ближайшим другом Некрасова. В эпоху появления «новых людей», когда в «Современник» пришли Чернышевский и Добролюбов, в условиях обострившейся общественной борьбы, между ними и старыми сотрудниками произошел раскол. Во имя идейных принципов Некрасов в 1860 г. вынужден был порвать отношения со старым другом, хотя тяжело переживал этот разрыв и в ряде стихотворений, например, в стихотворении «Тургеневу», возвращался к образу своего «друга-врага».

Похороны (стр. 133).— Стихотворение стало популярной народной песней. В черновых вариантах «Похорон» облик самоубийцы как народолюбца выступал более отчетливо.

Коробейники (стр. 135).— Поэма посвящена костромскому крестьянину Г. Я. Захарову, постоянному спутнику Некрасова в его охотничьих скитаниях. *Вожеватый* — обходительный, приветливый. *Подошла война проклятая...*— Крымская война 1853—1855 гг. *Подоконники* — просящие под окнами, нищие. *Косуля* — разновидность сохи. *Кашпирята с Зюзенятами*. Кашпировы — ярославские, а Зюзины — костромские помещики. *Гоголино* — деревня в Ярославской губернии. *Да в Трубе, в селе...*— Очевидно, сокращенное название села Трубниково. *Шунья* — местность возле Костромы. *Прокурат* — плут, обманщик. *Спиридоново, Давыдово* — села Костромского уезда. *Зерцало* — трехгранная призма с тремя указами Петра о соблюдении правосудия, выставлявшаяся в присутственных местах. *Поля не ораны* — не паханы.

Крестьянские дети (стр. 153).— *Гаврила* — Г. Я. Захаров, которому посвящены «Коробейники». *У нас же дорога большая была...*— Имеется в виду тракт из Костромы в Ярославль, проходивший неподалеку от села Грешнево, родового имени Некрасова. *Лавы* — здесь: помост, плот.

Рыцарь на час (стр. 163).— Первоначально четвертая часть задуманной, но не осуществленной большой поэмы «Рыцарь на час», первую часть которой должно было составить «На Волге (Детство Валежникова)». В автографе после последней строки поэт сделал примечание, адресованное осужденному на каторгу поэту и революционеру М. Л. Михайлову: «Редки те, к кому нельзя применить этих слов, чьи порывы способны переходить в дело... Честь и слава им. Честь и слава тебе, брат! Некрасов. 24 мая, 6 часов утра». *Церковь Петра и Павла* в селе Абакумцево Ярославской губернии, где похоронена мать поэта.

Зеленый Шум (стр. 170).— Образ Зеленого Шума заимствован поэтом из игровой песни украинских девушек. В этом стихотворении Некрасовым найдена та строфическая и ритмическая структура, которая вскоре была использована в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

К а л и с т р а т (стр. 171).— *Носит лапти с подковыркою...*— В отличие от обычных лаптей, сплетенных в два ряда, лапти с подковыркою плелись в три ряда.

«**Н а д р ы в а е т с я с е р д ц е о т м у к и...**» (стр. 172).— В стихотворении отразились впечатления от расправы с передовой общественностью, учиненной правительством в 1862—1863 гг. (процессы Н. Г. Чернышевского, Н. А. Серно-Соловьевича, М. Л. Михайлова и др.).

«**Б л а г о д а р е н и е г о с п о д у б о г у...**» (стр. 173).— Стихотворение, очевидно, написано в период усиления репрессий против революционеров, а после восстания 1863 г.— против польских повстанцев. Дорога, о которой пишет Некрасов,— знаменитая Владимирка. Так в народе назывался проходивший неподалеку от Грешнева тракт, по которому издавна, до проведения железной дороги, гнали на Владимир и далее в Сибирь приговоренных к каторге и ссылке. *Брат, удаляемый с поста опасного...*— Незадолго до написания этих строк Некрасов называл братом арестованного и сосланного на каторгу поэта-революционера М. Л. Михайлова, посвятив ему «Рыцаря на час» (см. примеч. к этому стихотворению).

О р и н а, м а т ь с о л д а т с к а я (стр. 174).— Сестра поэта сообщает: «Орина, мать солдатская, сама ему рассказывала свою ужасную жизнь. Он говорил, что несколько раз делал крик, чтобы поговорить с ней, а то боялся сфальшивить».

М о р о з, К р а с н ы й н о с (стр. 177).— *Ходобщик* — разносчик, коробейник, офеня. *Плашка* — небольшое бревно, расколотое пополам. *Косу клепала* — отбивала (точила) косу молотком на металлической бабке. *Спасов день* — церковный праздник в августе. *Новина* — небеленый льняной холст.

Ж е л е з н а я д о р о г а (стр. 209).— Первая в России — Николаевская (ныне Октябрьская) железная дорога между Москвой и Петербургом, строителем которой считался «главноуправляющий» путями сообщения *граф П. А. Клейнмихель*, была построена в 1842—1855 гг. *Видел я в Вене святого Стефана...*— Собор святого Стефана, архитектурная достопримечательность Вены, заложен в XII в., современный вид принял в XIV—XV вв. *Или для вас Аполлон Бельведерский хуже печного горшка?* — Генерал перефразирует строки Пушкина из стихотворения «Поэт и толпа». *Термы* — древнеримские бани.

П а м я т и Д о б р о л ю б о в а (стр. 214).— Впоследствии Некрасов сопроводил стихотворение примечанием: «Надо заметить, что я хлопотал не о верности факта, а старался выразить тот идеал общественного деятеля, который одно время лелеял Добролюбов». Строки:

Какой светильник разума погас!
Какое сердце биться перестало! —

В. И. Ленин поставил эпитафией к некрологу «Фридрих Энгельс» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 5).

О п о г о д е. Ч а с т ь п е р в а я (стр. 215).

I. У т р е н н я я п р о г у л к а. — *Слава богу, стрелять перестали!* — Выстрелами пушек Петропавловской крепости жители столицы оповещались об опасности наводнения в связи с подъемом воды в Неве. *Там одной незаметной могилы, где уснули великие силы, мне хотелось давно поискать.* — Имеется в виду могила В. Г. Белинского на Волковом кладбище.

II. Д о с у м е р е к. — *Федотов П. А.* (1815—1852) — знаменитый художник-жанрист. *Тут бедняк итальянец с фигурами...* — продавец гипсовых статуэток. *Много было до сорок девятого; отдохнули потом...* — Здесь речь идет о периоде «мрачного семилетия» (1848—1855), характеризовавшемся жестоким цензурным террором и резким сокращением печатных изданий. *Я «Записки» носил с основания...* — Журнал «Отечественные записки» был основан в 1818 г. П. П. Свиньиним, с 1839 г. находился в руках А. А. Краевского. *То носил к Александру Сергеечу...* — то есть Пушкину, который основал «Современник» в 1836 г. *А теперь уж тринадцатый год все ношу к Николаю Алексеичу,* — на Литейной живет. — Николай Алексеевич Некрасов, ставший с 1847 г. фактическим издателем и редактором «Современника», жил на Литейной (ныне Литейный проспект, 36), где помещалась и редакция журнала. *А рассылный таскай шестьдесят!* — Из-за цензурных переделок. *Фрейганг А. И.* — цензор. *Булгарин Ф. В.* — реакционный журналист, издатель газеты «Северная пчела». *Греч Н. И.* — реакционный журналист и писатель. *Сенковский О. И.* — издатель журнала «Библиотека для чтения». *Войков А. Ф.* — писатель и журналист. *Василий Андреич* — Жуковский.

III. С у м е р к и. — *Там торчит Веллингтонов сапог...* — Речь идет о вывеске сапожника, изображавшей сапог для верховой езды. *Там с открытою грудью Диана...* — Имеется в виду манекен в витрине парикмахера.

О п о г о д е. Ч а с т ь в т о р а я (стр. 226).

IV. К р е щ е н с к и е м о р о з ы. — *Самоед на Неве удиляется...* — Речь идет о ненцах, приезжающих в Петербург на заработки: они катали на оленях петербургскую публику. *Вспомним — Бозио...* — Итальянская певица Анджиолина Бозио, выступавшая с большим успехом в Петербурге и умершая в нем в 1859 г. от простуды. *Известья из Вильно.* — Под заголовком «Из Вильно» печатались сообщения о польском восстании 1863 г., жестоко подавленном русскими войсками под командованием Муравьева, получившего кличку «Вешатель». *...статьи из Москвы* — статьи М. Н. Каткова, реакционного публициста, издателя «Русского вестника» и «Московских ведомостей», травивших поляков.

V. К о м у х о л о д н о, к о м у ж а р к о! — *Девы из Риги...* — Имеются в виду женщины легкого поведения. *Показались два красных шара...* — Красные шары вывешивались на башне городской думы как сигналы пожара. *И на окнах аптек, в разноцветных шарах вверх ногами на миз отразилась...* — Имеются в виду большие стеклянные шары на окнах аптек, в качестве их отличительной приметы.

Б а л е т (стр. 234). — Написано в период охватившего страну финансового кризиса. Эпиграф — неточная цитата из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. I, строфа XXXII). *Факты есть, но касаться их больно...* — Вероятно,

имеется в виду процесс фальшивомонетчиков в Харькове. *Не все ж читать вам Бокля!*.. — Бокль Г. Т. (1821—1862) — английский ученый, автор «Истории цивилизации Англии». *Петина* (Суровщикова) М. С. — характерная танцовщица. *Бернарди* Рита — певица итальянской труппы в Петербурге. *Дева Дуная* — балет Ф. Тальони. *Роллер* А. А. — декоратор петербургских театров.

Л и к у е т в р а г, м о л ч и т в н е д о у м е н ь е... (стр. 244). — В условиях правительственного террора после неудавшегося покушения Д. Каракозова на Александра II (4 апреля 1866 г.) Некрасов, желая спасти «Современник», принял 16 апреля участие в официальном чествовании М. Н. Муравьева-Вешателя и прочитал в его честь тогда же уничтоженные и остающиеся неизвестными стихи. Этот акт навсегда остался для Некрасова предметом мучительных воспоминаний и раскаяния. В тот же вечер он написал горькие стихи «Ликует враг, молчит в недоуменье...».

П е с н и (стр. 244). — По утверждению исследователя народного творчества Н. П. Андреева, эти песни — «не обработка фольклорного материала, а самостоятельное творчество Некрасова в духе и стиле фольклора». *Шедровита* — рябая лицом.

У м р у я с к о р о. Ж а л к о е н а с л е д с т в о... (стр. 250). — Стихотворение является ответом на многочисленные обвинения Некрасова в отступничестве в связи со стихами, обращенными к М. Н. Муравьеву. Но еще ранее (3 марта 1866 г.) Некрасов получил стихотворение «Не может быть за подписью «Неизвестный друг», написанное в связи со слухами о лицемерии поэта. Автором этого стихотворения была поэтесса О. П. Мартынова (Павлова).

В статье «Еще один поход на демократию» В. И. Ленин писал: «Некрасов по (...) личной слабости грешил нотками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои «грехи» и публично каялся в них (...) «Неверный звук» — вот как называл сам Некрасов свои либерально-угоднические грехи» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 84).

З а ч е м м е н я н а ч а с т и р в е т е... (стр. 253). — Еще один отклик Некрасова на многочисленные обвинения в связи с «мадригалом» Муравьеву-Вешателю. На полях автографа поэт позднее написал: «Это написано в минуту воспоминаний о мадригале. Хорошую ночь я провел!»

Н е р ы д а й т а к б е з у м н о н а д н и м... (стр. 253). — Некрасов позднее пояснил: «Навеяно смертью Писарева и посвящено М. А. Маркович». Знаменитый русский критик Д. И. Писарев, последний год жизни сотрудничавший в некрасовских «Отечественных записках», утонул 4 июля 1868 г., вскоре после выхода из Петропавловской крепости. М. А. Маркович (Марко Вовчок) была гражданской женой Писарева.

М а т ь (стр. 254). — На полях автографа Некрасов пометил: «Думаю — понятно: жена сосланного или казненного...» Высказывалось мнение, что Некрасов имел в виду О. С. Чернышевскую.

Д е д у ш к а (стр. 255). — Прототипом героя поэмы явился декабрист Сергей Григорьевич Волконский (1788—1865), возвратившийся из ссылки

после амнистии 1856 г. *Посвящается Э-н-ч-е* — Зинаиде Николаевне Некрасовой (Ф. А. Викторовой), жене поэта. *Горсточку русских сослани...* — В Тарбагатай (ныне село Улан-Удинского района Бурятской АССР) в XVIII веке были сосланы группы раскольников. Факты из жизни Тарбагатай взяты Некрасовым из книги барона А. В. Розена «Записки декабриста», анонимно изданной в Лейпциге в 1870 г., а также из труда С. В. Максимова «Сибирь и каторга». *Пел он о славном походе...* — т. е. об Отечественной войне 1812 г., в которой участвовал Волконский. *И о великой борьбе...* — Имеется в виду восстание декабристов. *Трубецкая Е. И., Волконская М. Н.* — жены декабристов.

Стихотворения, посвященные русским детям. Дядюшка Яков (стр. 267). — *Сбоина* — остатки семян после выжимания из них масла; жмыхи.

Дедушка Мазай и зайцы (стр. 273). — *Малые Вежи* — деревня в Мисковской волости, Костромской губернии, где охотился Некрасов. *Вода понимает* — заливает в половодье (ср. поемные или пойменные, то есть заливные, луга). *Пуделять* — давать промах при стрельбе. *Затравка* — запал.

Русские женщины (стр. 277). Работая над поэмой, Некрасов тщательно изучал ряд исторических источников. В то же время он стремился создать образы, которые носили бы обобщенный характер. Отсюда замена первоначального заглавия «Декабристки» на «Русские женщины».

Княгиня Трубецкая (стр. 277). — *Княгиня Трубецкая* — Екатерина Ивановна Трубецкая (урожденная графиня Лаваль) последовала в 1826 г. за сосланным мужем Сергеем Петровичем Трубецким. *Знакомый с бурями француз, столичный куафер.* — Куафер — парикмахер. Имеется в виду, что француз был свидетелем событий Великой французской буржуазной революции 1789—1794 гг. *Какой-то бравый генерал...* — Генерал М. А. Милорадович и полковник Стюрлер, пытавшиеся уговорить восставших солдат смириться, были убиты во время восстания. *Бригадир* — офицерский чин русской армии XVIII в., промежуточный между полковником и генерал-майором. *Варнаки* — грабители, разбойники.

Княгиня М. Н. Волконская (стр. 300). — *Княгиня Волконская* — Мария Николаевна Волконская (урожденная Раевская); последовала в 1827 г. в Сибирь за сосланным мужем С. Г. Волконским, одним из руководителей Южного общества. *Цветы с могилы сестры — Муравьевой...* — А. Н. Муравьева (урожденная Чернышева) последовала за мужем — декабристом Н. М. Муравьевым в Сибирь, где и умерла в 1832 году. *Катя Орлова* — Е. Н. Орлова (урожденная Раевская), жена декабриста М. Ф. Орлова. *Сестра Зинаида* — Э. А. Волконская, родственница М. Н. Волконской. *И Северной гвалли Коринной...* — Коринна — героиня одноименного романа французской писательницы мадам де Сталь. *Одна ростопчинская шутка.* — Имеются в виду слова Ф. В. Ростопчина — крупного сановника и крайнего реакционера. *Поэт вдохновенный и милый...* — Д. В. Веневитинов. *Но мир Долгорукой еще не забыл...* — Н. Б. Долгорукая последовала в 1730 г. за сосланным в Сибирь

мужем И. А. Долгоруким. *А Бирона нет и в помине.*— Э. Бирон — жестокий временщик в царствование Анны Иоанновны, сославший И. А. Долгорукого. *Мне царь «Пугачева» писать поручил.*— Ошибка Некрасова: царь не поручал Пушкину писать «Историю Пугачева».

У т р о (стр. 337).— *Первой степени Анна* — орден святой Анны, один из высших орденов царской России.

С т р а ш н ы й г о д (стр. 338).— Стихотворение является откликом на франко-прусскую войну 1870—1871 гг. Но в общей атмосфере эпохи в связи с надвигающимися событиями на Балканах (стихотворение было опубликовано в сборнике «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины») и общим состоянием жизни в России, где неизменно царили жестокость и грубая сила, стихотворение приобретало широкий смысл.

«С м о л к л и ч е с т н ы е, д о б л е с т н о п а в ш и е...» (стр. 339).— Стихотворение — отклик на разгром Парижской коммуны в 1871 году. Однако в условиях политических процессов 70-х годов оно связывалось современниками с событиями русской жизни.

Т р и э л е г и и (стр. 340).— *А. Н. Плещеев*, которому посвящены элегии, поэт и беллетрист, в молодости участвовал в кружке М. Буташевича-Петрашевского и был сослан рядовым в 1-й Оренбургский линейный батальон. После освобождения в 1858 году в течение многих лет Плещеев сотрудничал в некрасовском «Современнике» и «Отечественных записках». В «Трех элегиях» речь идет об отношениях Некрасова и Панаевой, прервавшихся в 1863 г.

П у т е ш е с т в е н н и к (стр. 342).— Стихотворение является откликом на процесс (1874) участников революционного кружка А. В. Долгушина, пытавшихся распространять среди крестьян пропагандистскую литературу.

О т ъ е з ж а ю щ е м у (стр. 343).— Стихотворение обращено к Тургеневу, который жил в 70-х годах за границей и бывал в России лишь наездами.

Г о р е с т а р о г о Н а у м а (стр. 343).— *Бабайский монастырь* — Николо-Бабаевский монастырь; находился недалеко от Грешнева. *Большие Соли* — село близ Грешнева, где существовали соляные промыслы. *Паузиться* — перегружаться на небольшие плоскодонные суда (паўзкі). *Личные сапоги* — сапоги, пошитые мездрой внутрь.

Э л е г и я («Пускай нам говорит изменчивая мода...») (стр. 353).— В одном из писем Некрасов писал об этих стихах: «...это самые мои задушевные и любимые из написанных мною в последние годы...» *А. Н. Ераков* — инженер, друг Некрасова, муж его сестры А. А. Буткевич. *Влачатся в нищете, покорствуя бичам...* — реминисценция из стихотворения Пушкина «Девяня».

П р о р о к (стр. 354).— Высказывалось мнение, что стихотворение посвящено Н. Г. Чернышевскому, но, несомненно, образ имеет очень обобщенный характер, неся идею подвижнического служения, очень часто даже в революционной поэзии 60—70-х годов ассоциировавшегося с Христом.

Поэту (Памяти Шиллера) (стр. 354).— Написано к 115-й годовщине со дня рождения Шиллера и перекликается с рядом стихотворений великого немецкого поэта.

Зине («Двести уж дней...») (стр. 358).— *Зина* — см. примеч. к поэме «Дедушка» (стр. 597). Современник вспоминает, что, самоотверженно ходившая за больным Некрасовым, «по истечении этих двухсот дней и ночей она из молодой, беленькой и краснощекой женщины превратилась в старуху с желтым лицом и такой осталась».

Вступление к песням 1876—77 годов (стр. 360).— Некрасов рассматривал это «предисловие», которым открывается сборник «Последние песни», как «прощание с жизнью». По свидетельству одного из современников, Чернышевский говорил о Некрасове: «Неотразим! Взять хотя бы «Последние песни». Он ведь только о себе, о своих страданиях поет, но какая сила, какой огонь. Ему больно, вместе с ним и нам тоже. Если помните наизусть его вступление к «Последним песням», прочтите, пожалуйста».

Тургенева («Мы вышли вместе... Наобум...») (стр. 361).— В корректуре этого стихотворения Некрасов пометил: «Писано собственно в 1860 году, к которому и относится по содержанию. Теперь я только поправил некоторые неловкие стихи».

«Есть и Руси чем гордиться...» (стр. 364).— *Вестминстерское аббатство* — церковь в Лондоне, где похоронены многие выдающиеся деятели Англии.

О муза! я у двери гроба...» (стр. 369).— По свидетельству сестры Некрасова А. А. Буткевич, это стихотворение было последним, которое он написал.

Кому на Руси жить хорошо (стр. 370).— Замысел поэмы возник в начале 1862 г. Вскоре (не позднее 1863 г.) началась работа над ней. Пролог и первая часть были завершены в 1865 г., «Последыш» — в 1872 г., «Крестьянка» — в 1873 г., работа над «Пиром на весь мир» продолжалась в 1876 и 1877 г., по существу до последних дней жизни Некрасова. Поэма осталась незавершенной. До сих пор окончательно не решен вопрос о порядке расположения ее частей. В истории издания поэмы имели место три варианта. Наиболее авторитетным и аргументированным сейчас можно считать порядок расположения частей в порядке хронологии их написания, принятый в академическом издании (т. 5, Л. «Наука», 1982).

Часть первая (стр. 370).

Пролог.— *Семь временнообязанных*.— Согласно «Положению» 19 февраля 1861 г., крестьяне после отмены крепостного права должны были на основе особых уставных грамот, определяющих отношения между помещиками и крестьянами, в течение ряда лет нести определенные повинности в пользу помещика. Только с момента окончательного выкупа, растягивавшегося, по существу, на многие годы, крестьяне становились из временнообязанных собственниками своей земли. *Сова — замоскворецкая княгиня — купчиха*.

Глава I. Поп.— *Ой избы, избы новые! Нарядны вы, да строит вас не лишняя копеечка, а кровная беда!*.. — то есть избы построены после пожа-

ра. *Какой ценой поповичем священство покупается...* — Попович-семинарист, чтобы получить вакантное место священника, должен жениться на дочери или наследнице своего предшественника. *Законы, прежде строгие к раскольникам, смягчились...* — С 1864 г. делами раскольников стали ведаť гражданские власти, и духовенство, взимавшее взятки с раскольников, лишалось многих доходов. *Воздухи* — расшитые платки, покрывавшие сосуды с причастием. *Треба* — церковный обряд (венчание, крестины, исповедь и т. д.).

Глава II. Сельская ярмонка. — *Лишь на Николу вешего...* — Церковный праздник Николин день праздновался дважды в году: весной 9 мая (по старому стилю) и зимой — 6 декабря. *Шлыки* — островерхие крестьянские шапки. *Штофные* — питейные лавки. *Ренсковый погреб* — магазин по продаже виноградных вин (рейнских). *Подол на обручах* — кринолин, модная в 60-е годы широкая юбка на стальных обручах. *До Петрова дня* — 29 июня (по старому стилю), церковный праздник, день проводов весны. *Изделье кимряков*. — Село Кимры Тверской губернии (ныне Калининская область) славилось обувными промыслами. *Павлуша Веретенников*. — За этим образом угадываются известные в 60-е годы собиратели народной песни, прежде всего Павел Якушкин. *С Лубянки* — первый вор... — В Москве, близ Лубянки (ныне площадь Дзержинского), находился центр лубочной торговли. *Блюхер* — прусский фельдмаршал, участник битвы при Ватерлоо. *Фотий* — архимандрит новгородского Юрьева монастыря, ханжа и реакционер. *Сипко* — авантюрист, прославившийся своими похождениями, изготовлял фальшивые ассигнации. Процесс над ним в 1860 г. вызвал общий интерес и многочисленные толки. *«Шут Балакирева»* и *«Английский милорд»*. — Балакирев — придворный шут Петра I. Лубочные издания «Собрания анекдотов о Балакиреве» и «Повесть о приключении аглицкого милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе» наводняли книжный рынок.

Глава III. Пьяная ночь. — *Акцизные чиновники* — служащие акцизных управлений, ведавших контролем за производством и продажей спиртного и сбором питейных налогов. *Сотский* — выборная (из крестьян) низшая полицейская должность. *Становой* — становой пристав, начальник стана, административно-политической единицы, на которые подразделялся уезд.

Глава IV. Счастливые. — *У князя Переметьева...* — Намек на графов Шереметьевых, чья фамилия прямо указана в рукописи. *Губонин* — железнодорожный магнат. *Сиротская мельница* — сдававшаяся в аренду сиротским судом. *Палата* — казенная палата, ведавшая государственным имуществом и строительством, орган министерства финансов. *Лобанчик* — золотая монета. *Гривна* — мелкая монета, три копейки серебром. *Трешник* — копейка серебром (три с половиной ассигнациями). *Семишник* — две копейки серебром (семь копеек ассигнациями). *Денник* — сарай. *Государев посланный* — полномочный представитель царя, свитский генерал или флигель-адъютант, которых немало посылалось после отмены крепостного права для наведения «порядка».

Глава V. Помещик.— Венгерка с бранденбурами — короткая расшитая шнурами куртка, похожая на форму венгерских гусар. *Двенадесятый праздник* — один из двенадцати главных церковных праздников. *Посредники* — мировые посредники, назначавшиеся на эту должность из местных помещиков и призванные упорядочить отношения между помещиками и крестьянами после крестьянской реформы 1861 г. *Дормез* — тяжелая дорожная карета.

П о с л е д ы ш (стр. 445).— *Петровки* — время перед Петровым днем — 29 июня по старому стилю. *Шапка белая высокая, с околышем из красного сукна* — дворянская форменная фуражка. «*Положение*» — «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», законодательные акты об освобождении крестьян. *Исправник* — начальник уездной полиции. *Грамота* — уставная грамота, определявшая отношения между помещиками и крестьянами после реформы 1861 г. *Фалетур* — фореитор, верховой, правящий лошадьми при запряжке цугом. *Хазовый* (казовый) — конец в куске ткани, оставлявшийся напоказ. *Питерщик* — крестьянин, уходивший на отхожий промысел в Петербург. *Простяк* — водка.

К р е с т ь я н к а (стр. 478).— *В день Симеона* — 1 сентября по старому стилю. *Наян* — нахал, наглый, назойливый человек. *Екатеринин день* — 24 ноября по старому стилю. *Благовещенье* — 25 марта по старому стилю. *Казанская* — церковный праздник, 8 июля по старому стилю. *Эх, вы, Аники-воины.* — По народным преданиям, богатырь Аника был робок и труслив. *Под Варною убит...* — во время взятия Варны у турок в 1828 г. *Благочинный* — священник, наблюдавший за несколькими приходами. *В рот яблока до Спаса не беру.* — Спас — церковный праздник. Есть яблоки до Спаса, до освящения их, считалось грехом. — *Чей памятник?* — *Сусанина...* — памятник Сусанину в Костроме.

П и р н а в е с ь м и р (стр. 544).— *Боткин* Сергей Петрович — профессор Медико-хирургической академии, лечивший Некрасова. *Ложка с рукой благословляющей* — ложка, на черенке которой вырезаны пальцы, сложенные в крестное знаменье. *Доскажет бьяль афонскую...* — В восставии греков против турок в 1821 г. приняли участие афонские монахи. *Пещур* — котомка, корзинка. *Раек* — ящик с передвижными картинками.

Н. Скотов

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Н. Скотов.</i> Народный поэт	5
В дороге	17
Пьяница	19
«Отраднo видеть, что находит...»	20
Колыбельная песня	21
Современная ода	22
«Когда из мрака заблужденья...»	23
Перед дождем	24
Огородник	24
«Я за то глубоко презираю себя...»	26
Тройка	27
Родина	28
«В неведомой глуши, в деревне полудикой...»	30
Нравственный человек	31
«Если, мучимый страстью мятежной...»	32
«Еду ли ночью по улице темной...»	33
«Ты всегда хороша несравненно...»	34
Вино	35
«Поражена потерей невозвратной...»	37
«Вчерашний день, часу в шестом...»	37
«Так это шутка? Милая моя...»	38
«Да, наша жизнь текла мятежно...»	39
«Я не люблю иронии твоей...»	40
На улице	
1. Вор	41
2. Проводы	41
3. Гробок	42
4. Ванька	42
«Мы с тобой бестолковые люди...»	42
Новый год	43
«Блажен незлобивый поэт...»	44

Муза («Нет, Музы ласково поющей и прекрасной...»)	45
«Ах, были счастливые годы!..»	47
«О письма женщины, нам милой!..»	47
Застенчивость	48
Филантроп	50
Памяти Белинского	54
Буря	54
Отрывки из путевых записок графа Гаранского	55
В деревне	58
Несжатая полоса	61
Маша	62
«Я сегодня так грустно настроен...»	63
Свадьба	64
«Давно — отвергнутый тобою...»	65
Извозчик	65
Влас	68
«Чуть-чуть не говоря: «Ты сушая ничтожность!..»	70
Секрет (<i>Опыт современной баллады</i>)	71
«Праздник жизни — молодости годы...»	73
«Безвестен я. Я вами не стяжал...»	74
«Тяжелый крест достался ей на долю...»	74
Последние элегии	
1. «Душа мрачна, мечты мои унылы...»	75
2. «Я рано встал, недолги были сборы...»	76
3. «Пышна в разливе гордая река...»	77
На родине	77
В больнице	78
Забытая деревня	81
«Замолкни, Муза мести и печали!..»	82
Демону	82
Саша	83
Поэт и гражданин	100
«Внимая ужасам войны...»	108
«Тяжелый год — сломил меня недуг...»	109
Прости	109
«Как ты кротка, как ты послушна...»	109
«Я посетил твое кладбище...»	110
Школьник	111
Тишина	112
«Стихи мои! Свидетели живые...»	117
«В столицах шум, гремят витии...»	117
Размышления у парадного подъезда	117
«Ночь. Успели мы всем насладиться...»	120
Песня Еремужке	121
Плач детей	123

На Волге (Детство Валежникова)	124
«Что ты, сердце мое, расходилося?..»	131
«.....одинокий, потерянный...»	131
На смерть Шевченко	132
Похороны	133
Коробейники	135
Крестьянские дети	153
Дума	160
«Что ни год — уменьшаются силы...»	161
Слезы и нервы	161
Рыцарь на час	163
«Литература с трескучими фразами...»	168
«В полном разгаре страда деревенская...»	169
Зеленый Шум	170
Калистрат	171
«Надрывается сердце от муки...»	172
«Благодарение господу богу...»	173
Орина, мать солдатская	174
Мороз, Красный нос	177
Возвращение	208
Железная дорога	209
Памяти Добролюбова	214
О погоде. Часть первая	
I. Утренняя прогулка	215
II. До сумерек	218
III. Сумерки	223
О погоде. Часть вторая	
I. Крещенские морозы	226
II. Кому холодно, кому жарко!	230
Балет	234
«Ликует враг, молчит в недоуменье...»	244
Песни	
I. «У людей-то в дому — чистота, лепота...»	244
II. Катерина	245
III. Молодые	246
IV. Сват и жених	246
V. Гимн	248
Песня (Из «Медвежьей охоты»)	249
«Умру я скоро. Жалкое наследство...»	250
Еще тройка	251
«Зачем меня на части рвете...»	253
«Не рыдай так безумно над ним...»	253
Мать («Она была исполнена печали...»)	254
«Душно! без счастья и воли...»	255
Дедушка	255

Стихотворения, посвященные русским детям	
Дядюшка Яков	267
Генерал Топтыгин	270
Дедушка Мазай и зайцы	273
Русские женщины	
Княгиня Трубецкая	277
Княгиня М. Н. Волконская	300
Утро	337
Страшный год (1870)	338
«Смолкли честные, доблестно павшие...»	339
Три элегии (А. Н. Плещееву)	340
Путешественник	342
Отъезжающему	343
Горе старого Наума	343
Элегия (А. Н. Е〈рако〉ву)	353
Пророк	354
Поэту (Памяти Шиллера)	354
«Скоро стану добычею тленья...»	355
Как празднуют трусу	356
Праздному юноше	357
Зине («Ты еще на жизнь имешь право...»)	357
«Угомонись, моя Муза задорная...»	357
Зине («Двести уж дней...»)	358
Сеятелям	359
Молебен	359
Друзьям	360
Вступление к песням 1876—77 годов	360
Т〈ургене〉ву («Мы вышли вместе... Наобум...»)	361
Старость	363
Приговор	363
«Дни идут... всё так же воздух душен...»	363
«Есть и Руси чем гордиться...»	364
Посвящение	364
Зине («Пододвинь перо, бумагу, книги!..»)	364
Баюшки-баю	365
«Черный день! Как нищий просит хлеба...»	366
Ты не забыта...	366
Осень	367
Сон	368
«Великое чувство! У каждых дверей...»	368
Подражание Шиллеру	
I. Сущность	368
II. Форма	369
«О Муза! я у двери гроба!..»	369

Кому на Руси жить хорошо	
Часть первая	370
Последыш	445
Крестьянка	478
Пир на весь мир	544
Примечания <i>Н. Скатова</i>	590

Некрасов Н. А.

Н 48 Избранные сочинения /Сост., вступ. статья и примеч.
Н. Скатова; Худож. Ф. Боровский.— М.: Худож. лит.,
1987.— 607 с., ил. (Б-ка классики. Рус. лит.)

В книгу включены избранные стихотворения и поэмы Н. А. Некрасова (1821—1877), созданные в разные периоды его творчества: «В дороге», «На родине», «Поэт и гражданин», «Железная дорога», «Мороз, Красный нос», «Русские женщины», «Кому на Руси жить хорошо» и др.

И $\frac{4702010100-134}{028(01)-87}$ 31-87

ББК 84Р1

БИБЛИОТЕКА КЛАССИКИ

Русская литература

Николай Алексеевич Некрасов

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

*

Редакторы

Е. Дворецкая, С. Чулков

Оформление «Библиотеки»

И. Сальниковой

Художественный редактор

Л. Калитовская

Технический редактор

Л. Витушкина

Корректоры

Л. Овчинникова, Г. Асланянц

*

ИБ № 4145

Сдано в набор 11.05.86. Подписано в печать 22.09.86. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная». Печать высокая. Усл. печ. л.
35,45+4 нак.=36,39. Усл. кр.-отт. 39,32. Уч.-изд. л. 34,37+4 нак.=35,38. Тираж
500 000 (1 зав. 1—250 000) экз. Изд. № I-2389. Заказ № 2572. Цена в су-
перобложке 4 р. 30 к. Цена без суперобложки 4 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литера-
тура». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО
«Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книж-
ной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28

Scan Kreyder - 09.01.2019 - STERLITAMAK

